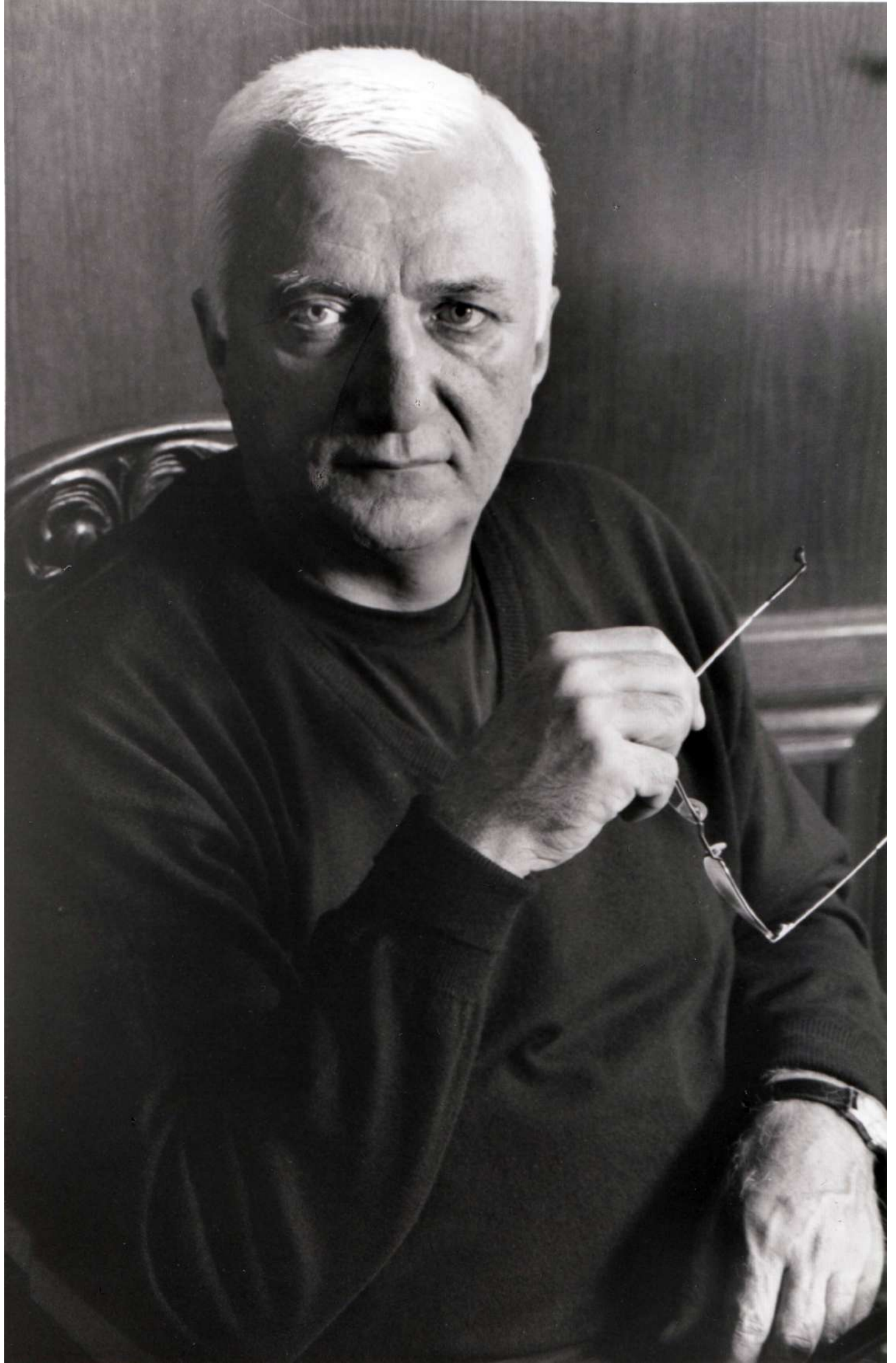

Александр Потёмкин

КАБАЛА

Александр Потёмкин

КАБАЛА

роман

Издательский дом «ПоРог»

Москва, 2013

УДК 821.161.1-312.2

ББК 84 (2Рос=Рус)+-44

П64

КАБАЛА – М.: ИД «ПоРог», 2013. – 368 с.

ISBN 978-5-902377-45-0

Другие книги Александра Потёмкина

Спрашивайте в книжных магазинах

и ИД «ПоРог», тел. +7(495) 611 0339

©А. Потёмкин, 2013

©Издательский Дом «ПоРог», 2013

©И. Резников оформление, 2013

ISBN 978-5-902377-45-0

Кому на Руси жить хорошо...

Дискуссии о судьбе русского романа все более начинают напоминать сакраментальный спор о том, кто (или что?) родился раньше — яйцо или курица? То ли критики интуитивно и верно нащупывают новые литературные тенденции развития самого почетного жанра нашей словесности в информационно-цифровую эпоху. То ли сперва начал видоизменяться сам роман — в своих первых, еще несовершенных попытках — а прозорливые зоилы, подобно престарелому Пикассо, подсматривавшему у молодых художников Монмартра стилевые находки, в этих первых попытках пытаются угадать завтрашний день. Но так ли, иначе ли, а если уж мощный, консервативный жанр русского романа начал менять, как говорили раньше, пропорции между формой и содержанием, предугадать его саморазвитие литературной критике не по силам.

В этом, в частности, убеждает новый роман Александра Потемкина «Кабала». Ни малейших сомнений нет в том, что роман этот написан не в традициях русской литературы, а как теперь говорят, «в современной западной стилистике». И то же время это абсолютно, стопроцентно русский роман, который в XXI веке, в наше взмывленное непрерывным бегом бурных событий время, очень жестко и ярко ставит классическую и в нравственном плане едва ли не важнейшую для России проблему, до предела точно сформулированную еще Некрасовым: «Кому на Руси жить хорошо?»

По форме роман Александра Потемкина, конечно, новаторский — и не только для русской литературы, для западной тоже. Ведь все произведение, от начала до конца — это фантастически откровенная исповедь закоренелого наркомана, не только не сожалеющего о своем заболевании, но более того, непрерывно восторгающегося-

ся тем состоянием, в которое ввергает его очередная маковая доза. Сам по себе этот смелый прием, собственно, и не прием вовсе, а в высшей степени реалистичная ткань романа, — по мастерству, тонкости и глубине проникновения в мир наркотического сознания не имеет себе равных в литературе. Можно было бы, конечно, припомнить «Москву-Петушки», чей автор даже увековечен в бронзе. Но, во-первых, наркотическое сознание в сравнении с водочным опьянением материя в тысячу раз более тонкая, сложная, во-вторых, — и это вытекает из «во-первых», — проблемы, которые ставит Потемкин, не сводятся к недоразумениям и частностям нашей жизни, а вырастают поистине до вселенских масштабов.

Петр Петрович Парфенчиков, добровольно обменявший безмятежное, сытое существование столичного чиновника-буржуа на фантазийную жизнь при постоянном наркотическом опьянении в маленьком городке среди необъятных просторов Сибири, задумывает невиданный эксперимент в интересах всего человечества. Некий доктор, являющийся перед ним вслед за приемом нескольких маковых доз, оказывается, может делать уколы, меняющие состав человеческой крови. Нет, не в медико-гемоглобинном отношении, а в... национальном. Например, к русской крови он может добавить определенное количество процентов немецкой, еврейской, китайской... Нетрудно понять, что этот ход, использованный автором, делает роман «Кабала» остросюжетным и крайне злободневным, отвечающим на самые жгучие вопросы, будоражащие российское общество.

А если учесть, что форма и манера изложения — от лица завязтого наркомана, постоянно находящегося в фантазмагорийном состоянии, — позволяет Потемкину давать различные точки зрения по этой проблеме с максимальной, порой пугающей откровенностью, то надо признать: роман Александра Потемкина находится на самой передовой, я бы сказал, на фронтовой линии сегодняшней серьезной литературы.

Впрочем, такого рода очень интересных, интригующих авторских ходов в романе несколько, и в совокупности они позволяют автору дать очень широкую картину со-

временной русской жизни, не оглядываясь на какие-либо условности. Мне очень хотелось бы именно здесь, в предисловии, пересказать некоторые, самые яркие эпизоды, однако законы жанра этого не позволяют — роман, помимо прочего, весьма остросюжетен, и незачем преждевременно раскрывать интриги, поджидающие читателя.

Однако, на мой взгляд, особого внимания требует осмысление самого названия романа — «Кабала». Исходя из вышесказанного, можно было бы предположить, что речь идет о наркотической кабале, в которой оказался главный герой. Тем более, телесно-мучительные, а затем, после приема дозы фантазийно-восторженные состояния Парфенчикова описаны автором с поразительным знанием и дела, и сути. (В скобках считаю совершенно необходимым заметить, что речь идет о настоящей литературе, а не о собственном страдальческом опыте автора, отца шестерых детей, доктора экономических наук, автора известных книг «Глобализация мирового рынка», «Виртуальная экономика» и других научных трудов.) Но в действительности название «Кабала» имеет гораздо более широкий смысл и использовано Потемкиным в качестве символа.

По ходу повествования через роман проходит целая галерея современных российских типов, стоящих на разных ступенях социальной лестницы, а некоторые — и вовсе вне ее. Из глубинного, затерянного в Сибири городишка действие порой перекидывается всего-навсего в ... Москву, на Рублевку. Персонажи романа принадлежат к разным слоям общества — чем выше, тем больше у них денег, шире размах жизни. И тем не менее, все они, в том числе абсолютно далекие от наркоты, находятся в кабале. В кабале жизненных обстоятельств. Это, возможно, самый сильный, по-настоящему русско-литературный смысл романа Александра Потемкина, четко перекликающийся с классическим вопросом, прозвучавшим еще у Некрасова.

А уж что касается бытописания нравов и изворотов современного российского чиновничества, то я, честно сказать, более убийственной сатиры на нашего бюрократического монстра не читал. Пользуясь фантазмагорическими видениями, возникающими в мозгу наркомана, и,

конечно, великолепным знанием чиновничьих повадок, Потемкин, как говорится, дает полную свободу своему писательскому перу, — кстати, весьма своеобразному, яркому, абсолютно индивидуальному.

Петр Петрович Парфенчиков, отдавшись в руки маковой головки, намечает пятилетний срок своего шикарно-восторженного земного существования. Увы, из пяти лет ему удастся протянуть лишь два года. И очень умелый, обставленный автором по-английски, как бы незаметный, истинно литературный уход Парфенчикова в небытие на предпоследней странице романа сразу снимает всю «привлекательность» восторженного наркотического сознания, которым гордился Петр Петрович, — как снимает и любые нелепые претензии к роману по части оправдания и притягательности наркомании.

Но факт остается фактом: впервые в русской литературе, а возможно, и в мировой, так глубоко и психологически верно показан наркотический взлет сознания, который самим наркоманом вовсе не воспринимается как трагедия. Причем, показан не для того, чтобы расцветить повествование различными клубничными деталями быта и окружающей жизни, а для того, чтобы поставить самые острые, в том числе философские, проблемы очень запутанной, неоднозначной современной российской жизни, включая сложнейший национальный вопрос.

И завершая предисловие к этому необычному роману, написанному, как принято говорить, в западном литературном ключе — хотя ключ то этот от русской двери! — нарушая каноны, хочу особо привлечь внимание читателей к последним абзацам «Кабалы», точнее, к ее краткому эпилогу, в котором круто и по литературному мастерски перемешались фантазмагорические идеи «профессионального» наркомана и реальная действительность завтрашнего русского дня.

Анатолий Салуцкий

КАБАЛА

Сочинение для самого себя

*Наши пороки суть наши
извращенные добродетели.*

Николай Федоров

*...И только когда
вы все отречетесь от
меня, я вернусь к вам.*

Фридрих Ницше

Тени, как страсть

Ну вот, Третье кольцо. До Ярославского вокзала уже недалеко. Моя кочегарка перестает подбрасывать в сознание опийное топливо. Начинается кумар: со слов медиков, предтеча абстиненции, когда в организме догорают последние клочья *этого самого* материала. Необходимо срочно подкрепиться, но у меня, Петра Петровича Парфенчикова, ничего *этого* нет. Последними усилиями воли подавляю в себе отчаянную тягу к магическому цветку. Уже одолевает кашель, усилилась мокрота, потекло из носа, слезятся глаза, на лбу выступили капли пота. Майка, рубашка прилипают к спине. Носки стали влажными — возникло ощущение, что шагаешь по лужам. Обострилась боль в желудке, сердце потяжелело, участился пульс, глаза заволакиваются, сознание сверлит упрямая мысль: «Только бы продержаться еще минут тридцать, иначе ломка свалит прямо на дороге. В страшных судорогах окажешься в больнице илидохнешь в адских муках, не выполнив клятвенного обещания самому себе: покинуть ненавистную Москву. Обрести, наконец свободу!

Я глянул в окно: серое, майское утро ответило мне унылой гримасой. Мелкий дождь беззвучно падал на лобовое стекло, еще больше дробя угасающие мысли. Разум становился все более безучастным, впрочем, кажется, я во все терял его. Лишь фрагменты ранее пережитого хаотично мелькали перед глазами. То я старательно собираю со лба пот на сатиновый платок и с жадностью жую его, надеясь приглушить абстиненцию. То пятикубовый шприц с морфином оказался без иглы, а найти ее невозможно... В каком-то глубоком остервенении я всеми силами безуспешно стараюсь воткнуть его в вену. Схватка с неподатливым телом вконец изнуряет меня. Я весь в крови... Вдруг обнаруживаю, что нахожусь на маковом поле. Вокруг меня до горизонта заветные головки с желтизной, величиной с кулак. Мак стоит рослый, бело-голубые лепестки сводят меня с ума, так и хочется наестся от пуза. Но я беспомощен, руки плотно прикручены к бедрам. Хочу сорвать головку зубами и поскорее разжевать ее, насладиться чудесным молочком, получить роскошный кайф, но рот не открывается, зубы стиснуты, будто жмешь неподъемный вес. Проклятье!.. В этот момент сюжет меняется. Не понимая, что происходит, я теряю последний разум, я на грани безумства: жменями проглатываю таблетки кодеина, а ломки не отпускают. Хотя обычно пять-шесть штук не только не выводят из кумара, но и дают вполне сносный кайф. А тут совершенно ничего! Болезненность не только продолжается, она усиливается! Мне делается все хуже. Именно в этот миг я вдруг чувствую, что потерял в себе человека: стал безликим, бесчувственным, неузнаваемым существом. «Да я ли это? Я ли? Я?» — растерянно твердил Парфенчиков себе в негодовании. Состояние становилось нестерпимым. — Тут надо заметить, что Петр Петрович имел обыкновение, думать о себе то в третьем, то в первом лице. Впрочем, это была не единственная его странность. Слава богу, что новый сюжет отвлек его от ужасных выводов, иначе он довел бы себя таким вопрошанием до полной истерии.

Петр Петрович сдержал порыв отчаяния, чтобы напрягая все силы вернуться в реальность. Но когда это удалось, никакого облегчения он не почувствовал. С изумлением Парфенчиков обнаружил, что подъезжает к трем вокзалам.

Рядом с площадью у него была назначена встреча. Петр Петрович менял свой «Пежо» на десять килограммов молотого опия и два мешочка зерен мака. К тому же он получал еще заброшенный деревянный домик в городке Кан Красноярского края и купейный билет, чтобы туда добраться, да десять тысяч рублей. Честно говоря, он долго не торговался, чувствуя, что предложение весьма привлекательное. Да, Парфенчиков проигрывал в деньгах — за новый автомобиль можно было бы получить гораздо больше. Но он мечтал сбежать из Москвы и найти себя совсем в другом, так сказать, формате. К слову, «Пежо» Петр Петрович купил с единственной целью — мотаться то в Брянскую область, то в Калужскую за маковыми головками, которые он лихо скупал у местных пенсионерок. А тут домик, пустая до горизонта, пригодная для посадки мака земля и полное одиночество. Именно этого он в последнее время так навязчиво желал. Подвернувшийся шанс взволновал его, и он тут же стал строить планы. Парфенчиков хотел реализоваться в беспокойных мечтах, в играх воспаленного сознания. И никакой публичности, никаких дискуссий. Весь мир должен был умещаться лишь в его голове и с ним уйти в небытие. Вот о чем он страстно грезил, к чему так рьяно торопился, о чем воздыхал. «Ох, Господи, каждому свое! — думал Петр Петрович. — Я никому не собираюсь навязывать свой образ жизни. Что мне до всех остальных, до фауны и флоры, физики и биологии — до мира в целом, который не управляется моим здравым рассудком, но полностью подвластен моему взбудораженному маком воображению. Ведь засадить маком поле, да собрать с него урожай, да сохранить опийное молочко в разных формах — на стеклышках, марле, в катанках, на гриле, в кукнаре — это то же самое, что завладеть мировой империей, стать владыкой Кремля, Белого дома, Китайской стены, Фудзиямы, Ватикана, Виндзорского замка... Известный афоризм, что все гениальное просто, в моем случае получил наиболее убедительное подтверждение. Жажда стать хозяином канского макового поля достигла пика.

Сделка у Ярославского вокзала прошла быстро. С легким сердцем и полный предвкушения глубокой перемены в судьбе Парфенчиков отдал мужикам генеральную доверенность на «Пежо», взял у них то, о чем договаривались,

и они разошлись. В голове долго звучали фразы: «Какой еще ключ? Дом не заперт. Он в трех километрах от Кана на северо-восток. Людей поблизости нет. Таксисту скажешь, чтобы отвез тебя к Фате, то есть к Евгении Фатеевой. Она уже давно померла, а была известной повивальной бабкой. В округе ее многие знали. Ну, будь... Фатя, фата, фатальность; что-то должно скрываться в сибирском домике за этими магическими словами...» — думал Петр Петрович.

На четвертой платформе его уже ожидал поезд номер 19/20 Москва — Пекин. Честно говоря, вначале Парфенчиков удивился затрапезному виду состава. Китай — бурно развивающаяся страна с мощной современной индустрией, а наши неказистые вагоны двадцатипятилетней давности должны были вызывать у граждан Поднебесной снисходительную иронию: дескать, эти русские даже состав приличный соорудить или закупить не в состоянии. Но Петр Петрович выбросил все из головы, приготовил ложку, чтобы как можно быстрее запустить ее в мешок кукнара, и наскоро поселился в восьмой купейный вагон, думая лишь об одном: как быстрее заполнить желудок драгоценной молотой пудрой. Решиться на обильную порцию было для него насущной необходимостью. Эта адская нужда не позволяла даже мизерного отлагательства. Просто необходимо как можно быстрее выходить из состояния кумара. После опийного голода, или, точнее сказать, полуголода, душа рвалась к опьянению опиатами. Воды под рукой не оказалось. Не мешкая, не думая ни о чем, кроме *этого самого главного*, он стал лихорадочно прожевывать, проглатывать вожделенный порошок всухую. Кукнар застревал в деснах, под языком, между зубами, на миндалинах. Принимать всухомятку — процедура довольно сложная. Но разве могла даже самая невероятная сложность оторвать его сейчас от опиата? Да он лучше умер бы, подавившись им.

После четырех чайных ложек Парфенчиков отдышался, тщательно собрал языком драгоценный порошок и, закрыв глаза, удовлетворенно прилег. Если бы под рукой была пара стаканов чая, кукнар открылся бы уже через пятнадцать—двадцать минут. Но при посадке, толчее, погрузке тяжелых баулов как закажешь этот напиток? Поэтому Петр Петрович приготовился ждать прихода пример-

но сорок томительных минут. Он был уже полностью готов отказаться от времени и пространства, стереть в сознании границы воображаемого и сущего, расстроиться в одиночестве и вовсе распасться в божественной массовости, проклинать чудо жизни и ликовать по поводу ее безобразной изменности. Такое великолепное состояние было ему отлично знакомо. «Раньше никак не дойдет. Но когда наступит момент истины, тут, я уверен, мой разум воспалится по-настоящему, по-парфенчиковски!» — успокаивал он себя, ожидая великолепную таску ума. Ведь было принято целых четыре ложки! Петр Петрович начал терпеливо ждать. Поезд тронулся, проводник собрал билеты. Не открывая глаз, он продолжал ничком лежать на своей полке. Окружающая обстановка была ему совершенно безразлична, Парфенчиков слышал, что кто-то обращается к нему с каким-то бытовым вопросом. Просили то ли подвинуться, то ли привстать, чтобы уложить вещи, то ли обменяться местами, то ли еще что-то. Но он ждал своего момента, и суета не занимала его, более того, сейчас он испытывал ко всем враждебность. Ничего не отвечая, он старался даже не слушать, чтобы не отвлечься от грядущего праздника. Да-да, четыре ложки предвосхищали самый феерический праздник сознания! Мало кто поверит, но он-то в этом уже три года глубоко убежден. «А-а-а, началось... Пошло, ох как пошло! Ох, кайф какой! Ну еще, еще... А, дает, увеличивает энергию, уф, уф, уф! Потацило! Понесло меня в небеса... Ой, Петр Петрович, что творят с тобой эти волшебные ложки... Уф, уф, как прекрасно! Ожила каждая клетка! Даже из анальной скважины наркотический жар выступил! Каким-то салютным залпом “Авроры” накрыл все мое тело! Великолепный товар! О-го-го-го! Еще немного и приход пройдет, наступит пятичасовая гонка возбужденного сознания». Вся энергия, вся воля, вся страсть к жизни устремилась в это мгновение наружу с неудержимой силой. Гнев на болезненное состояние, на нечеловеческую выдержку стал быстро меняться на милость к самому себе. Заветная мечта начинала осуществляться. Теперь следовало молча выждать несколько минут. Наконец! Зачесалась шея, потом нос, язык повлажнел, стал мягким, подвижным. Веки приподнялись, и он с интересом стал оглядывать окружающий мир. Куда занесут сегодня мысли молодого человека с ма-

ковым приданым? Где он окажется? «Давай, давай, покажи свои спектакли! — подгонял он зелье, совершавшее мощную работу в его теле и сознании. — Да это не простой молотый мак оказался, а настоящий стокаратный бриллиант». Слепительные картины пронеслись в воображении, душа стала наполняться благодатью. И вот произошла главнейшая, божественная метаморфоза. Из жалкого болезненного человека Петр Петрович превращается в действующий вулкан фантазий. Воистину безумству слава! Дьявольское опьянение приводит меня в состояние экзальтации. Реальность мешается с наваждением. Пытаешься ощутить окружающий мир, касаешься его ладонью, ноги упираются в твердь, нос впитывает удивительные ароматы, взгляд скользит, высматривая приятные очертания, слух ловит ласкающую сердце музыку бытия. Начинаешь по-настоящему любить себя, свой голос, сухой кашель, перхоть, лежащую на воротнике и плечах, душок запрелых в кумаре ног. Ты абсолютно уверен, что перед носом мир твоего я. Стоило мне несколько мгновений понаблюдать за собой, прислушаться к нахлынувшим мыслям, вникнуть в игру взбалмошного воображения, как от избытка чувств я даже восторженно выкрикнул чуть переиначенную пушкинскую фразу: «Ай да Парфенчиков, ай да сукин сын!» Разве новое «Пежо» не стоило этого мгновения? Ведь какое жалкое зрелище я представлял собой давеча на подступах к Москве!

Едва он это осознал, как оказался именно в той чудесной действительности, о которой грезил. «Я всегда выступаю в защиту свободы духа, идей, поступков, а высшим началом признаю разум, но не обычный человеческий, а обогащенный магией маковой головки. Да, опийный! Ведь в его происхождении нельзя сомневаться! Его тоже сотворил Мастер! И в этот великий момент *прихода* я не только теряю часть человеческого естества, я обретаю единство со всей натурой. В ее бесконечном многообразии... А что, пока все идет совсем неплохо. Ведь смог же я прожить двадцать девять лет. А сколько людей за это короткое время отправились на тот свет? Ежегодно на Земле умирает сто двадцать миллионов. Значит, за двадцать девять лет около трех с половиной миллиардов самых разных по возрасту и национальности людей попрощались с миром. А Петр Петрович

жив! И в кумаре, и в кайфе, и в ломках, а жив! Эти цифры убеждают меня и в другом: существование-то само ломаного гроша не стоит. Пять тысяч лет отделяют меня от бронзового века. Но что эти пятьдесят веков дали человечеству? Да, увеличен средний возраст жизни. Был тридцать пять, стал пятьдесят пять. Но все же что существенное, фундаментальное произошло? Ведь около двухсот поколений с тех пор минуло. Появилась грамота, возникла промышленность, дома с удобствами. Люди углубились в науку, полетели в космос! Ну, что еще? Что? В самом-то человеке почти ничего не изменилось, а значит, к главному-то не подошли! Даже не разглядели его очертания. А именно человека и необходимо менять! И как можно быстрее! Он самое слабое звено в универсуме. После знакомства с кукларом я убедил себя основательно, что только это вещество поможет найти путь качественного изменения гомо сапиенса. Здесь дело обстоит просто превосходно: потому что нет никакой необходимости инвестировать в сложное технологическое оборудование. Расходов практически не предвидится! Выращивай себе мак, мухомор, коноплю, мексиканскую капусту, игольчатую агаву, коку, дозированно принимай ее — и научные фантазии Парфенчикова расцветут самым замечательным образом. Да потребности желудка будут утолены с достатком, даже жирок на брюхе начнет расти. Ведь маковая каша, мякоть агавы на гриле, мухомор в рассоле, тушенная мексиканская капуста — весьма калорийная пища. Таким образом можно решить главнейший вопрос: активно проводить научные исследования по совершенствованию человека. Всего и нужно-то полгектара земли, конура, рассада, лопата, печурка да валежник. И записывай фантазии на эту тему в тетрадку исследователя или копи их в воспаленной голове. Казалось бы, простая истина, а не каждому она открыта и понятна. Поэтому многие коротают свой недолгий век в несчастье и злобе на окружающий мир. Да я сам! Лишь случайно года три назад открыл магическую силу маковой головки. Не знаю как человека, а уж *ее* совершенно точно создал Бог, чтобы раскрыть перед нами все богатство мира, всю глубину нашего сознания. Сейчас как сквозь сон вспоминаю, что меня интересовало до *ее* открытия? Шмотье, тачки, бабло, телки, карьера чиновника, из-

вестность. Мечтал о лучших нарядах от известных кутюрье. Чтобы в карманах хранились безлимитные кредитные карты солидных банков. Грезил о самых престижных марках автомобилей, о свиданиях с красотками известных домов мод и столичных театров. Хотел, находясь на звучной должности сотрудника администрации президента давать интервью крутым каналам радио и телевидения, выступать перед элитой с внешнеполитическим прогнозом, рассуждать об успехах в строительстве демократических институтов России. Такая жизнь представлялась мне идеальной. Я рвался к ней, расталкивая нескончаемых конкурентов. Балаганная шумиха шикерии вводила меня в упоительное заблуждение. А с чего все начиналось? С прочитанных умных книг? Не только. С интриг в призывной комиссии. Родители не хотели отпускать в армию. Мечтали о МГИМО или МГУ. А я студенческой суете предпочитал тогда тишину читальных залов городских библиотек. Но отец был настойчив и амбициозен. Он пропадал с военкомом и врачами комиссии по кабакам, задабривал их выпивкой и подарками. Какие только диагнозы мне не ставили! Я даже таких слов никогда не слыхивал. Для разбухания “истории болезни” пришлось месяцами валяться в больницах. Наконец все заинтересованные лица сошлись на окончательном диагнозе: искривление позвоночника. Подложили в мое призывное дело снимок чьего-то ущербного костного остова и за пять тысяч долларов сварганили заключение: “К военной службе не годен”. Под влиянием этого корпоративного усилия мои юношеские наивно-романтические взгляды основательно разрушились. Не без легкой печали распрощавшись с прошлым, я изменил мировоззрение: Петр Петрович понял: ничего невозможного нет! Все и всегда дозволено. Так с девятнадцати лет я уверился в одном: деньги решают все! И лишь государственная должность сулит неслыханные богатства. Тогда казалось, что сладкое изумление перед жизнью, возможно испытать только будучи идеальным потребителем. Будущее представлялось как непрерывный поток удовольствий, и все радости существования я хотел получить на подносе, без собственных усилий. Логика была простая и железная: владеешь деньгами и властью — поведеваешь миром вокруг и внутри себя!

И что? Чего я достиг за десять лет? Какими эпизодами собственной биографии могу похвастаться? Промотал отцовское состояние — мебельную фабрику в Смоленске и консервный завод в Торжке. Многие газеты писали, что, дескать, сумма сделки была занижена, Парфенчиков-младшего надули покупатели. Отец пил безбожно и не вмешивался в торг, после разорения попал в психушку. Мне пришлось продать всю семейную недвижимость: квартиру и дачу деда и бабки со стороны матери. После этого дед помер, бабку пришлось определять в дом престарелых. Родителей отца я вынудил продать апартаменты в Москве и небольшой особняк в Тарасовке. Теперь вся отцовская родня живет в оставшейся коммуналке... В эти годы в погоне за навязчивой иллюзией красивой жизни я потратил более пятнадцати миллионов долларов. Корчил из себя влиятельного счастливица, всегда был загорелый, ходил в костюмах от Якимото или Бриони. Разъезжал по Москве на последних моделях БМВ с известными тусовщицами, общался только с людьми второго-третьего круга столичной элиты. За должность советника губернатора с меня содрали миллион долларов. За кресло замминистра требовали пять миллионов долларов. Но их я уже наскрести не смог. Поэтому дальше по служебной лестнице не продвинулся. Здесь нужно было выкладывать десятки миллионов. А доходов, кроме продажи семейных активов, никаких не было. Вот почему в двадцать шесть лет я остался у разбитого корыта. Я стал не хозяином жизни, а лакеем. Вначале исчезли деньги, потом друзья, девицы, деловые контакты. Тщеславие заядлого тусовщика было уязвлено, меня словно многократно отхлестали по скисшей физиономии. Я даже начал распродавать свой гардероб, который еще недавно вызывал у меня восхищение, а у приятелей — неприкрытую зависть. И наконец отчаявшийся Петр Петрович случайно знакомится с маковой головкой. Буквально во второй-третьей главе этого замечательного романа, преследовавший меня страх необратимой неудачи напроць отступил. Неведомая, загадочная сила заставила меня осмотреться. Я стал с напряженным вниманием вглядываться в самого себя. Я впервые, фактически, задумался о себе без посредничества ТВ, радио, глянцевого журналов, гламурных вечеринки, книжиц, рассчитанных на

массового читателя, салонных бесед об успешной жизни. Задумался и развел руками: только *это* необходимо человеку и ничего другого! Вон из головы все прежнее! Чтобы быть абсолютно свободным, необходимо пристраститься к магическому цветку. Только и всего! От природы чрезвычайно восприимчивый, с развитой интуицией, я понял: нечего рассуждать! И абсолютно уверился, что исконно русская идея нравственного возрождения самым тесным образом связана с научными исследованиями по изучению молотого мака. Лишь кукнар способен открыть тайные рецепты совершенствования человека. И тогда счастье навалится волной в десять балов. Хочешь стать президентом? Никаких проблем! Олигархом? Режиссером? Маршалом? Стань им на день, на два, на год, на вечность! Маковая головка поможет! Она слепит из тебя того, кого ты сам захочешь. На любой сиюминутный каприз. Кого хочу, тут же из себя сотворю, вылеплю, а административный ресурс, взятки, могущественное собственное состояние, пенис размером в тридцать пять сантиметров тут совершенно не помощники. Один вечный, потрясающий волшебник — маковая головка с едва заметной желтизной. Благодаря ей ты погружаешься в мир настоящих чудес. Господи, как все удивительно просто! Почему я раньше не допер до этого фантастического умозаключения? Сохранил бы покой близким, не ведающим главного смысла жизни. А то вначале все спустил, разорил себя и родных и лишь потом прозрел. Глупо все вышло! Бездарно! Ужасно дорогим оказалось отрезвление. Но теперь-то я знаю сокровенный секрет существования, и никто меня не собьет с истинного пути. Бесполезно! Я сам нашел дорогу к своему полнейшему, бескомпромиссному освобождению. Прежней убогой ментальности я противопоставил кристально чистый мир полевого цветка. Этот мир уже полностью открылся мне, и, надеюсь, навсегда. Страсть к маковой головке, убежден я, это высшая форма творчества. Прикосновение к объекту очарования рождает в нас второе всепроникающее зрение. Начинаешь строить свою жизнь без посторонней помощи и капитала. С одним лишь долговым обязательством — всемерно поощрять в себе влечение к *этому самому*. Так неожиданно я ухватился за золотой ключ от высших миров и царства неслыханных удовольствий. В

глубинах моего сознания это замечательное открытие хранится бережно, словно раритетное насекомое в коллекции педантичного энтомолога. Как приобщенный к абсолютной идее, я в объятиях волшебного состояния, титулуя себя Божественным избранником, стал презирать свое прошлое, ненавидеть чванливую позу столичного тусовщика. Дрянь я, дрянь! — поминутно ворчал я про себя. — Хватит! Пятнадцать миллионов долларов пустил коту под хвост, а никакой радости не получил. Сколько бы я ни рылся в памяти, лишь человеческая порча прет из нее нескончаемым потоком. Всякий раз возникает ощущение, что вырвался Парфенчиков из сущего ада вопреки бесовской воле. Но все, баста! Терпение истощилось! Иллюзии разрушились! Глаза открылись! Я больше не впаду в пошлые заблуждения минувшего. Став добровольным рабом маковой головки, я твердо знаю, что лишь она спасет меня от всякой нечисти, а особенно от людишек, роем кишачих в столичных элитных кругах. Я принял кукнар безраздельно, с сознанием и душой, страстно влип в него неистово и безумно, как Рогожин в Настасью Филипповну. Ох, если бы больше людей постигли маковую энергию! Совсем в другую жизнь окунулся бы наш народ. В благородное одиночество, в фантазии мятежного духа, в игру воспаленного разума. А в результате был бы сделан шаг вперед по пути совершенствования русского человека, гомо сапиенса вообще. Это так актуально! Теперь я превосходно научился управлять своим рассудком. Поэтому безмерно горжусь своим отличием от всех других! Ведь кто они все сегодня, в начале двадцать первого века? Ищущие себя и в этом бессмысленном поиске совершенно ничем не брезгующие? С гордо поднятой головой плюющие на закон, совесть, религиозные традиции, биологические программы и окружающий мир? Да так вдохновенно, что воистину кажется, будто человек — самая последняя сволочь. Да-да, многие из них как раз это и доказывают. И сам я больше семи лет упорно убеждал в этом свое окружение, особенно по восточную сторону от Буга, Тисы и Немана. Пора признаться, что ощущать себя подонком, ежечасно общаясь с тусовочной элитой, тоже было наименее приятнейшим удовольствием. Не теперь, понятно, а тогда, когда, плетя интриги в высоких сферах я носился по столице. Ведь если сам ты не закон-

ченный поганец, то как с мерзавцами дружбу-то крутить? Распознают они в тебе черную овцу и тут же выбросят за борт корабля шикерии. А отлученный от стола в нынешнем нашем отечестве без маковой головки погибнет враз. Трудно себе представить, что в высшем обществе столицы есть приличный человек, у которого в достатке честь, моральные принципы, совесть, твердая гражданская позиция. Во всяком случае я такого не встречал, хотя ежедневно сновал по Москве, переговариваясь с сотнями людей. Ох как хотелось бы встретиться!..»

Именно в этот миг перед глазами Петра Петровича возник невзрачный очкарик — невысокого роста, лысоватый, с выпуклым морщинистым лбом и ярко-синими прожилками на крупном пунцовом носу. Он с трогательной услужливостью начал:

— Приглашали? Разрешите представиться — профессор Кошмаров. Евгений Кошмаров!

Парфенчикову сперва показалось, что у него возникло очередное мимолетное наваждение. — Минуту он колебался в сомнениях: мерещится ли ему незнакомец или тот существует на самом деле?

— Как раз занимаюсь проблемами, которые вас волнуют, — продолжал очкарик. — Собираюсь изложить вам много интересного, чтобы упрощать о подобающем участии в моих исследованиях.

Петру Петровичу пришлось выныривать из своих грез в пошлую реальность. С жестокой усмешкой он спросил:

— Как я мог приглашать совершенно незнакомого человека? Да и откуда вам знать, какие вопросы гнездятся в моем сознании? Все это чрезвычайно подозрительная мистика... Как вы сказали? Господин Кошмаров? Профессор? Никогда не слышал! — Но тут Парфенчиков вторично засомневался: подтвердил ли тот свое имя?

— Вы правы! — охотно подхватил лысый. — Я не собираюсь доказывать факт нашего знакомства. Расточительная на мерзости столичная тусовня, отхватившая, используя подлог, роль интеллектуальной части общества, выдавила меня в закулисье. Поэтому публике я не виден. Но хочу с гордостью заметить, что тем не менее появляюсь всегда без вызова, стремясь доказать свою научную исключительность.

Согласен, что пока не был вами востребован, но абсолютно уверен, что уже через пару минут вы стали бы обращаться за советом. Причем настаивали бы на нем. Я ведь единственный, кто точно предвидит обстоятельства самого ближайшего будущего. Нет, я не прорицатель, не оракул. Я, так сказать, модулятор нового времени. А вы, как я знаю, мечтаете стать участником таких научных экспериментов. Даже согласны безоговорочно жертвовать собой. Такой настрой мыслей мной искренне приветствуется. Времени у нас, господин Парфенчиков, не так уж много, может, начнем?

— Как это? — заинтересовался Петр Петрович.

— В самом начале необходимо изменить вашу генетическую программу и набор социальных характеристик. Сегодня быть только русским, полинезийцем, арабом или японцем чрезвычайно опасно. Совершенно бесперспективно существовать в монокультурном пространстве. Это сковывает этнос, не дает ему шансов сохранить себя в ходе эволюции. Чтобы переломить ситуацию к лучшему и с оптимизмом взглянуть в будущее России, я должен добавить в вашу кровь пятнадцать процентов немецкой генетической закваски. Это качественно обновит в русском человеке биомеханизмы, отвечающие за организованность и правовую дисциплину. Десять процентов китайской крови повысят трудовую активность и придадут способность к внутренней сосредоточенности. Десять процентов еврейской крови обеспечат развитие предприимчивости и рачительности. А еще пять процентов грузинской крови, несомненно, улучшат внешний вид русского человека, усилят его эмоциональность и жизнелюбие.

— Так что, во мне останется лишь шестьдесят процентов русского?! — почти в ужасе вскричал я. — А нельзя ли, профессор Кошмаров, хотя бы без еврейской и грузинской крови?

— Без участия этих двух этносов никак нельзя. Вы достаточно заурядный индивид. Редкие русые волосы, широкие скулы, нос вдавленный, как у боксера, подбородок скошенный. Жидкая растительность на лице — женщины этого не любят. Глаза бесцветные — то ли серые, то ли бледно-зеленые. Ростом тоже не удались, никак не выше 162 сантиметров. Так ведь? Грузинские гены сделали бы вас красав-

цем жизнелюбом, любимцем общества. И разве случилась бы история с бездарной продажей за гроши отцовских заводов, если бы в вашей генетической программе присутствовал еврейский элемент? Никогда! С таким стартовым капиталом, который оказался у вас в Смоленске и Твери, и с десятью процентами еврейства вы бы уже стали известным олигархом. Ваше имя значило бы в списке богатейших жителей планеты! — Глаза Кошмарова сквозь стекла очков насмешливо засверкали.

«Десять процентов, пять процентов... Это как рассчитывается?» — скептически подумал Парфенчиков. Но профессор тут же ответил, явно радуясь завязавшейся дискуссии:

— Ведь что такое десять или пять процентов? Бабушка или дедушка с любой стороны оказались бы наполовину грузинами или евреями. Небольшая, но важнейшая капелька в формировании успешного российского этноса. Не отказывайтесь, берите с гордостью все, что я вам предлагаю. Ведь изначально вы на многое были согласны. Что вам вопли радикальных националистов? С ними в будущее не отправиться, билеты в процветающую страну не приобретешь.

Профессор, наконец, пробудил в Петре Петровиче некоторое любопытство.

— А если одна или две из перечисленных вами кровинки уже присутствуют в русском человеке? Как быть? Усомниться в ваших предположениях?

— В таком случае необходимо добрать недостающие. Для вас только вышеупомянутый этнический коктейль будет наиболее успешным, — гость со значением повысил голос.

— Скажите, профессор, а наша русская кровь кому-нибудь нужна? — спросил Петр Петрович, слегка запинаясь.

— Еще как нужна! Буйство воспаленного сознания — главный двигатель развития человечества, и у русских эта особенность выражена наиболее ярко. Непомерная страсть к предмету обожания или вдохновения не имеет себе равных в других этносах, ведь поэтому мы так легко и самозабвенно создаем себе идолов. Мы воспринимаем искусно подброшенную ложь, лубочный миф, как самое истинное событие, потому что живем чаще внутри себя, чем

наружи. Самоотверженность и бесстрашие русских воспеты в веках и занесены на скрижали мировой цивилизации. Столько гениев, сколько дала мировой культуре Россия, пожалуй, не насчитает ни одна нация. Один из предпоследних в этом списке Сталин...

Парфенчикову почудился в гримасе Кошмарова злоеший холодок.

— Сталин? Сталин? — поморщился я.

— Да-да, гений и злодей Сталин. Экспериментатор, колдовавший над человеческим материалом, мечтавший переместить отдельный человеческий ум в гигантский котел познания единой пролетарской истины. Если бы не было его трагических опытов, то в сознании масс глубже укрепилась бы утопическая идея возможности и полезности такого развития. — Голос очкарика, до того глуховатый и низкий, теперь напоминал раскаты грома.

— Но почему вам не удалось шепнуть ему доверительно, что эксперименты с кооперативным пролетарским сознанием не имеют никакой перспективы? — с жаром спросил Парфенчиков.

Кошмаров побледнел и шепотом признался:

— Мне не удавалось *явиться* ему. Как раз наоборот! Он сам являлся мне, и я был увлечен этой же идеей. На сей раз я ошибся в прогнозах. О, я далек от убеждения в своей исключительности. Да-да, и я подвержен заблуждениям. Ну что, начнем? Вас, господин Парфенчиков, ждет увлекательный эксперимент!

— Я, пожалуй, соглашусь. Но каков будет итог? Кому послужу я в этих исследованиях? — искренне заинтересовался Петр Петрович.

— Станный вопрос. Русскому человеку, кому же еще! В сложнейшее историческое время мировых переделов он станет образцом мультиэтноса, обогатит себя лучшими генами современных популяций, резко повысит жизнеспособность, что позволит ему уверенно шагнуть в будущее. Да и вообще, смешение этносов — это мотор процесса активных мутаций, стимулирующий эволюцию. Новый статус обеспечит русским прочное место в ходе развития цивилизации. Вам ведь это не безразлично? — патетически закончил Кошмаров.

— Отнюдь! Поэтому я к вашим услугам, — твердо заявил Парфенчиков. — Прекрасно — служить высокой цели. Как раз это стремление характерно для русской души. Вижу, вы приготовили шприц. Значит, инъекция?

— Да. Ложитесь на живот. Хочу предупредить, что эксперимент состоит из нескольких составляющих. Еще не готова сборная пилюля от четырех наций. Мы начинаем лишь с немецкой. Потом будем пробовать еврейскую и так далее. Надо дождаться результатов. Как изменится Парфенчиков? — Профессор открыл потертый чемоданчик, натянул резиновые перчатки, взял ампулу с этикеткой «немец» и, надломив ее, принялся вбирать в огромный шприц какую-то красную жидкость. — Действие первого коктейля инъекций вы будете чувствовать не больше часа. Если он придет к вам по вкусу, то мы приступим к следующей процедуре. Ну, а если пожелаете, я могу в дальнейшем изменить ваш этнический состав в соотношении 60 на 40. Впрочем, когда вы захотите со мной встретиться, чтобы обсудить этот вопрос, милости прошу. Я буду появляться всякий раз после пяти ложек молотой маковой головки, — буднично сообщил профессор.

«А вдруг это царская доза опийного молочка?» — глядя через плечо на шприц, полный загадочной жидкости, с надеждой подумал Петр Петрович. Впрочем, тут он заметил еще три ампулы, расставленные в чемоданчике. «Еврей», «Китаец», «Грузин», — прочел он надписи. Ожидание какого-то невероятного чуда охватило его. Это возбуждало не меньше, чем пожелтевший от обилия опия кукнар.

После укола профессор скомандовал:

— Закройте глаза!

Парфенчиков почувствовал, что с ним происходит что-то невероятное. Разум, истерзанный молотой головкой мака, жаждал феерии. После острого приступа неопишуемого восторга Петр Петрович отключился...

Очнувшись он в скромно обставленной комнате. Взглянув в окно, убедился, что находится в Петербурге. Это обстоятельство нисколько не удивило его. Золотистый шпиль Петропавловской крепости тонул в серой воде Невы. Солнце уже слепило глаза, но Дворцовый мост еще не был сведен. «Белые ночи. Июнь», — пронеслось в его вполне трез-

вой голове. Часы показывали двадцать минут шестого утра. Он вскочил с постели и понесся в ванную. Через тридцать минут следовало садиться в свою «Омегу» и нестись через город, чтобы точно в семь попасть в офис на Лиговке. Летом работа начиналась в семь. Зимой — в восемь. Об опоздании не могло быть и речи. Самозабвенный труд вдохновлял господина Парфенчикова. Вчера он допоздна сидел над бумагами. Хотелось выкладывать больше, чем требовала служебная инструкция, чтобы доказать всем, что фирма, в штате которой он состоит, — ведущий мировой производитель маломерных речных и морских судов. Ведь в жизни труд — главное средство самовыражения. После душа он побрился, sprysнул кожу туалетной водой «Кензо». Зеркало отразило его загоревшее под лампой солярия лицо, на котором выделялись светлые глаза. Густые короткие волосы были уложены гелем на пробор. Удовлетворенно разглаживая себя, Парфенчиков думал о предстоящем дне. «У меня сегодня важные клиенты. Две дамы из Норвегии собирались купить три судна для местных линий между фьордами». Встреча с ними была назначена на утро. После обеда должен был прийти еще один клиент из Греции. Он хотел заказать судно представительского класса для своих пиренейских гостей. Вместо двигателя «Вольво» грек хотел поставить мотор «Мерседеса». Но «Мерседес» не выпускал моторы для питерской фирмы, в которой я служил. Так что сегодня мне необходимо выкручиваться, очаровывать, обольщать клиентов, находить решения, чтобы пополнить портфель заказов, упрочить престижное положение нашего предприятия на мировом рынке маломерного флота. Внешность общительного красавчика, трудолюбие, дисциплина и коммерческая жилка, несомненно, помогут мне в схватке за клиента. Я уже успел заработать на фирме сто двенадцать тысяч долларов. А начинал ведь практически с нуля. И за пять с половиной лет, выполняя советы старших — экономить на всем, даже собаки не покупать, а при необходимости лаять самому, — достиг существенных результатов. Получается экономить! Даже какое-то удивительное удовольствие при этом испытываю. Радуюсь экономии. Хоть рубль сберегу, а душа наполняется бесподобным трепетом. Поздравил себя, когда в голову пришла простая, но весьма полезная

мысль. Зачем, думаю, у меня на плите четыре конфорки? Ведь когда варю себе мясо, то столько энергии зря уходит! Неэкономно. Бездарно! И мне даже не по себе от такой расточительности стало. Не лучше ли на большую кастрюльку сверху установить кастрюльку поменьше, но так, чтобы она тютелька в тютельку села прямо на первую? — пришло мне как-то в голову. Попробовал! Преотлично получилось. В первой кастрюльке варилась говядина, во второй доходил рис. Испытывая растущий азарт, я обратил внимание, что из второй кастрюльки энергия тоже улетучивается впустую. Я вытащил из холодильника вчерашние картофельные оладьи и легко, а главное, совершенно бесплатно, сделал их горячими. Вот от каких мелочей радуется мое сердце. Как-то раз я подумал о туалетной процедуре. Она представилась мне расточительной. «Тут есть возможность сократить расходы», — пронеслось в голове. После этого я с охотой стал размышлять дальше: «А почему вода, остающаяся после чистки зубов, бритья и мытья лица, не может быть снова употреблена? Разве не экономичнее было бы ее собрать в тазик, например, и использовать для смыва унитаза? Я пришел в восторг от этой простенькой мысли, существенно снижающей расход воды. Такие мелочи делают мою жизнь насыщенной эмоциями. Я еще и еще раз убеждаюсь, что у меня есть голова! И она неустанно работает на мой карман. Видимо, этим можно объяснить, что мой счет в «Банке Москвы» постоянно растет. Вначале я пополнял его сэкономленными рублями, теперь тещу себя ростом долларового капитала. Я наперед решил: только после того, как соберу достаточное состояние, чтобы содержать в достатке семью, начну думать о женитьбе и детях. Ведь как иначе? Разве позволительно мечтать о супруге и потомках, когда за душой ни цента? На что обрекаешь в этом случае близких? На голод, прозябание! Нет, тут уж лучше как следует накопить! Семья без достатка ущербна. Если и не разрушится сразу, то муж довольно быстро сопьется, а жена будет развращена ничтожными радостями случайного секса. Простенькие суждения... Но без этих банальностей достойную жизнь не создашь. С этими мыслями я подскочил к гардеробу, влез в ботинки, набросил на себя рубаху и стал тщательно завязывать галстук. Я оглядел себя, убедившись, что у меня вид

успешного коммерсанта. Предвкушение успеха вдохновляло. Хотелось жить! Радоваться копеечным гонорарам и центовым достижениям, в которых участвовали мой разум, моя смекалка и характер. В этом и проявляется весь Петр Петрович Парфенчиков. Человек, вопреки своему низкому происхождению, успешно строящий себя!»

Он всегда старался прибыть в офис первым, чтобы хозяин фирмы замечал его стремление не только отрабатывать зарплату, но и прилагать дополнительные усилия, направленные на процветание предприятия. Вот и сегодня он, опередив коллег, первым уселся за рабочий стол. До начала трудового дня оставалось около двадцати минут. Открыв электронную почту фирмы, Петр Петрович стал просматривать поступившие сообщения. Основной поток составляли рутинные послания. Но на три письма стоило обратить более пристальное внимание. Одно из них касалось намерения украинского холдинга заказать у нас десяток пассажирских маломерных судов для черноморских линий. 150-местные двухъярусные суда планировалось разместить на пассажирских маршрутах Керчь — Феодосия — Ялта — Евпатория — Херсон — Николаев — Одесса — Измаил. «Браво! Браво! — бросил Петр Петрович про себя. — Именно мне придется докладывать эту замечательную новость хозяину. А это большая удача! “Кто рано встает, тому Бог дает!” — вспомнил Парфенчиков. Каждое судно может стоить около миллиона долларов. Значит, портфель заказов фирмы на 2009 год увеличится на десять—пятнадцать миллионов. А если именно я договорюсь с украинцами, будет логично претендовать на должность заместителя генерального директора по коммерции. Во всяком случае, появляется превосходный шанс. Его необходимо использовать, чтобы стать управленцем. Заждался! Самые лучшие результаты в работе, а продвижения по службе нет. Что такое старший специалист? В моем возрасте, с моим объемом продаж? С моей клиентской базой? Да, платят неплохо, но где карьерный рост? Парфенчиков должен стать наконец одним из шефов фирмы. С моими мозгами, работоспособностью и здоровыми амбициями это вполне уместные претензии. Поразительно, но меня обходят стороной и не продвигают. Какая несправедливость! Надо бороться всеми способами. Сохранять вежливость и

приветливость с коллегами, но при этом карабкаться вверх. Если за контракт получить два процента, то мой личный капитал вырастет на 200 тысяч долларов! Пусть хозяин пожадничает и решит выдать лишь один процент от сделки. Все равно гонорар тоже будет внушительный. Часть денег надо потратить на имиджевую компанию в прессе, Интернете и на радио. Результат обязательно будет — не в этой фирме, так в другой. Высокую должность предложат, оклад и премию поднимут. Меня будет интересовать именно такое сочетание. Мне уже почти тридцать, а я еще лишь старший специалист! Надо всегда помнить заклинание матери: «Жизнь, сынок, это рукотворное чудо!»»

От решимости что-то предпринять на пользу собственной карьеры лицо Петра Петровича покраснело, казалось, что прямо в висок властно постучал предвестник большой удачи. Чтобы никто другой не вмешался в предстоящую сделку, он перетащил запрос киевской фирмы на личный рабочий стол с категорической пометкой: «Над проектом работает Парфенчиков!»

Во втором послании капитан из Батумского порта Фридон Сурманидзе просил рассмотреть вопрос о передаче грузинскому терминалу трех судов того же класса в лизинг. Петр Петрович знал, что хозяин фирмы предпочитает традиционные продажи, но выслушивает такие просьбы клиентов с большим удовлетворением. Более того, при посещении крупным покупателем компании он обязательно обратится к менеджеру, первым доложившему о таком запросе. «Удачно выступить перед шефом в присутствии клиентов и гостей, — думал Парфенчиков, — лучшая возможность обратить на себя внимание и продвинуться по службе, чтобы упрочить свой статус в команде предприятия». Батумскую депешу он тоже перетащил на свой рабочий стол с пометкой: «Проект изучается Парфенчиковым!»

В третьем письме венгры жаловались на качество краски. Года два назад они закупили на их фирме два корабля для круизов по Дунаю. Фирма дала гарантию на пять лет, а уже через два года качество покраски вызвало нарекания. Это письмо он тоже взял в работу и ответил, что для оценки ситуации необходимы снимки тех мест корабля, где особенно видны дефекты краски. Кроме того, Петр Петрович

решил переслать кляузу финнам. Производители красок должны знать замечания в свой адрес. «Докладывать шефу об этом не стоит. Негативная информация всегда ложится тенью на личность вестника. Зачем оставлять у хозяина плохую память о себе? Лучше распечатать сообщение венгров, мой ответ и письмо финнам. Все это вложить в его папку для просмотра деловой переписки. Если шеф умен, а в этом я не сомневаюсь, он оценит мою скромность и профессионализм. А это чрезвычайно важно. На службе нет и не может быть мелочей. Обо всем необходимо помнить, все предвидеть. Опрометчивый шаг может привести к ущербу для всей фирмы. А этого допускать никак нельзя. Ведь строительство собственного благополучия самым тесным образом связано с финансовым положением организации, в которой ты трудишься. Первое никогда не состоится без второго. И чем выше твои личные амбиции, тем больше времени и ума ты должен отдавать фирме».

Офис медленно заполнялся. Еще не было восьми, когда мимо прошел шеф. Он был сдержанно любезен: «Доброе утро! Рад встрече со всеми. У кого есть неотложная новость, прошу ко мне в кабинет». Это было его традиционное приветствие. Обращался он ко всем, но как будто к каждому в отдельности. Петр Петрович встал и последовал за ним, готовый красочным слогом, с подобающим энтузиазмом рассказать о замаячивших выгодных заказах. Встречи с хозяином всегда приносили ему глубокое удовлетворение. И на сей раз он возвращался на место с чувством внутреннего ликования. Парфенчиков произвел хорошее впечатление и был награжден похвалой. Но это ли его интересовало?

Теперь необходимо было хорошо провести встречу с блондинками из Норвегии. По электронной почте они прислали краткие резюме и паспортного размера фотографии. Если бы не один и тот же 1979 год рождения — одна родилась в марте, другая в июне, — можно было бы предположить, что женщины-сестры. Первую звали Гетрудой Меленбергер, вторую Бетиной Грасхофер.

По внутреннему телефону секретарь сообщила, что норвежки уже вошли в комнату переговоров. Взглянув на себя в зеркальце, стоящее на столе, пригладив брови, щелчком ударив себя по носу, дескать, давай, не робей,

убеждай, отстаивай интересы фирмы, Парфенчиков направился на встречу. Когда он вошел, секретарь подавала кофе. Пожимая руку Петр Петрович всматривался в глаза иностранок тем особым открытым взглядом, который не раз приносил ему успех на переговорах. Весь мир, все усилия сейчас были сконцентрированы лишь на одном: как продать продукцию фирмы. Для этого он готов был сейчас на все, преотлично понимая, что смысл жизни состоит исключительно в успешности — во всем, и прежде всего в работе. Дискуссия с бесконечными «за» и «против» завершилась к полудню. Дамы подписали предварительный контракт, предусматривающий, что оплата тридцати процентов стоимости первого судна будет знаменовать начало главного проекта — закладки на наших стапелях трех судов. Цена одного корабля без стоимости доставки в Осло составила миллион сто семьдесят тысяч евро. Это было большой победой фирмы и лично Петра Петровича. Он сэкономил около одиннадцати процентов, на которые имел право снижаться, если бы клиент настаивал на уступке. Но все завершилось благополучно. И Парфенчиков был без ума от счастья. Он знал, что его ждет еще один комплимент от шефа. Две похвалы в день от хозяина фирмы — разве это не выдающееся событие в жизни молодого человека? Да-да-да! Ничего более радостного быть не может. Во время обеда с норвежками он все также дружески улыбался, однако его уже полностью занимала встреча с греком. Тут необходимо было не только хорошо выглядеть, а все время держать ухо востро. Греки — коварные торговцы. Дашь слабину — съедят с потрохами.

— Добрый день, господин Илиадис, — пожав руку гостю, начал Петр Петрович. — Мы рады приветствовать вас в нашем офисе, в нашей стране.

Грек был тучноват, пивной живот тяжело висел на брючном ремне. Оплывшее широкое лицо перетекало в затылку, так что голова казалась гигантской. Неказистая фигура, тонкие короткие ноги могли вызвать смехок. Но особенности его внешности ничуть не занимали Петра Петровича. Это был клиент фирмы, и Парфенчиков обязан был в лепешку расшибиться, чтобы подписать с ним контракт.

— В молодости я был таким же симпатягой, как вы, господин Парфенчиков! — заметил грек. — Впрочем, — он сохранял надменность, — вы и сейчас отлично выглядите, — поспешил заверить Петр Петрович. — Хотя внешность для мужчины совершенно незначущая вещь. Главное — ум, состояние и добрый нрав!

— Я бы предпочел доброму нраву холодную расчетливость. Кстати, я просил о скидках. Вы пошли мне навстречу? Если речь о пустяке, тогда после чашки кофе я отправлюсь к вашим конкурентам. Или вы все обдумали и предложите существенный перерасчет? Я ставил вопрос о десяти процентах. Тогда ваши корабли станут известны на всем Средиземноморье.

— Уважаемый господин Илиадис! — начал Петр Петрович. — Нынешняя наша встреча уже четвертая. На каждой вы ставите вопрос о десяти процентах. Первый раз мы пошли вам навстречу и снизили цену на шесть процентов. Второй раз опустили цену еще на два с половиной процента. Третий раз — на полпроцента. И вроде вы были согласны и даже подписали совместный протокол. Мой гонорар от сделки составляет один процент. Максимум, на что я могу пойти, это сократить свою премию на пятьдесят процентов и опуститься еще на полпроцента. Других резервов нет.

— Нет, подождите. Вы молоды, у вас все впереди. Разве это прилично — зарабатывать деньги на старом больном человеке? В моем возрасте девять тысяч долларов — огромный капитал. Медицина нынче страшно дорогая. А вам и одной тысячи долларов будет вполне достаточно. Оставляйте себе не один, а ноль один процент! В вашем возрасте я был рад заработку и в сто долларов. А вы на мне хотите заработать целых десять тысяч. Позвольте, что, одной тысячи вам недостаточно? Итак, по этому вопросу мы достигли компромисса. Теперь хочу сказать вам по секрету важную вещь. Я уже привык к вам и могу позволить себе говорить с вами откровенно. Если вы снизите цену еще на десять процентов, то три процента — а это тридцать тысяч долларов — я вам вручу наличными. Это в три раза больше, чем ваша премия.

— Я не позволяю себе идти на сговор с клиентами. Прошу прощения, давайте не будем обсуждать эту тему. У меня интерес исключительно корпоративный. Я готов снизить

цену сделки на мой гонорар, но никогда не пойду на тайную комиссию. Вашу щедрость и великодушие я ценю и считаю их предвестниками контракта. Перед нашей встречей у меня оставался самый скудный резерв — один процент от моих комиссионных. Я готов отдать его полностью. О нашем приватном разговоре никто не узнает: у нас не принято обсуждать деликатные предложения клиентуры. Если вы готовы подписать сделку, то договор перед вами.

Я вытащил из папки контракт, шариковой ручкой исправил цену, снизив ее на один процент, и обратился к греку:

— Отдать секретарю для перепечатки, а потом представить вам на подпись?

— Поли кала!¹

Илиадис дулся и потел. Странный тип. В конце концов он изумленно поднял брови и, мрачно взглянув на меня, фыркнул что-то свое. Потом добавил:

— Неси, неси свою бумагу...

Высоко подняв голову, Парфенчиков вернулся в свой кабинет. До конца рабочего дня он хотел обдумать дела на завтра, а кроме того, отправить несколько предложений в Румынию и Албанию. В этих странах он видел немалый покупательский потенциал. После работы Петр Петрович пошел на концерт симфонической музыки. В программе были обожаемые им композиторы: Чайковский, Шостакович, Бородин. Но по дороге домой он размечтался о карьере и чрезвычайно возбудил себя этими мыслями. Едва он вошел в свою квартирку, как сразу сел за стол. Надо было обдумать текст письма владельцам фирмы, в котором он хотел рассказать о своих служебных заслугах и планах по развитию предприятия. Но вдруг Петр Петрович остановил себя, решив вначале подготовить анонимное письмо с жалобой на начальника торгового отдела и директора коммерческого управления фирмы. Несколько дней назад он узнал некоторые их грехи и недочеты. Тут же блеснувшая интуиция реализовалась в желание ознакомить владельцев компании с пикантными подробностями в надежде навсегда скомпрометировать упомянутых персон. И Парфенчиков вдохновенно принялся строчить.

¹ Очень хорошо! (*греч.*)

К величайшему собственному изумлению он никак не мог остановиться. Казалось, что Петр Петрович даже забыл об изначальной цели, вынудившей его обратиться к эпистолярному жанру. Уже шел девятый час утра, о работе он не вспомнил, и без малейших признаков усталости продолжал писать кляузное сочинение...

...Очнувшись, Парфенчиков увидел перед собой прежнего очкарика. Профессор пристально разглядывал его с довольно грустной физиономией, а когда их взгляды встретились, слегка поморщился и произнес:

— Ну, как вам опыт перевоплощения?

— Я ничего не помню, — ответил Петр Петрович. — А что было-то?

— Ну слава богу. А я успел понаблюдать за действием возбуждающего механизма моего фармакологического детища. Не скажу, что чудо свершилось, но оно, кажется, уже совсем близко. Теперь хочется активизировать вашу мутационную систему не энергией маковой головки, не пьяными фантазиями алкоголя, не медитациями в стиле йогов, а очередной инъекцией. Как договаривались, я добавлю в ваш генный купаж десять процентов еврейской крови! Согласны?

— Подождите, подождите. Дайте съесть три ложки моего замечательного порошка. На меня кумар надвигается...

— Вижу, вы пришли в себя. Начинаем? Сделаем еще один шаг к успеху научного эксперимента? Хочу потешить себя картинками желаемого.

— Готовьте шприц!

— Закройте глаза...

Будильник оглушил сонного Петра Петровича. Он очнулся, посмотрел на часы. Встал и направился в ванную. Душ в рабочие дни он принимал в офисе. Парфенчиков строго следил за коммунальными расходами. Чтобы почистить зубы, он никогда не открывал кран, а набирал в стакан воду, мочил в ней щетку и тер зубы. Потом споласкивал рот водой из стакана, но использовал ее лишь частично. Умывался он тоже несколько необычно. Под слабенькой струйкой воды смачивал полотенце, протирал им лицо, шею и грудь. Мочился Петр Петрович исключительно в раковину, чтобы не

спускать девятилитровый бак унитаза. Урину смывал водичей, оставшейся в стакане. Но он не просто выливал воду в раковину, а аккуратно, даже как-то тщательно смывал следы мочи, присматриваясь к каждой капле с желтизной. Завтракал Парфенчиков только в офисе. Не только потому, что кофе и сахарок фирма предлагала сотрудникам бесплатно, а бутерброды он приносил с собой, а потому, что после завтрака, по обыкновению, он садился на унитаз, а значит, должен был расходовать воду. Этого он себе не позволял, пристально следя за коммунальными платежами.

Одевался он опрятно, в костюме офис-менеджера, своей машины не имел, на работу добирался на общественном транспорте. «У меня сегодня важные клиенты. Две дамочки из Норвегии. Надо сказать, довольно богатенькие. В их планах покупка трех судов для местных маршрутов между фьордами. Во второй половине дня у меня встреча с греком. Этот хочет купить яхту класса люкс. Так, что Парфенчикова сегодня ожидает день большого бизнеса. Надо думать о фирме и о себе. Если бы я о себе не заботился, разве смог бы за пять с половиной лет собрать капитал в четыреста тридцать тысяч долларов? Нет, не простой я человек, Петр Парфенчиков. И деньги мои лежат в трех самых авторитетных банках — ВТБ, Альфа-Банке и Сбербанке. И разместил я их тоже с умом: двадцать процентов от суммарного капитала в рублях, а по сорок — в долларах и евро. Насколько евро поднимается, ровно настолько доллар опускается, и наоборот. Это как сообщающиеся сосуды! Тут потерь быть не может. А рубли лежат с января до первого августа под восемнадцать процентов. После чего я их сконвертирую и разложу по двум счетам — зеленому и фиолетовому. Так надежнее будет. Деньги любят тишину и время. Без этих составляющих они становятся обычной разменной монетой, их мощь обрачивается товарной трухой. Пуриганство в потреблении, скромность в быту — мои незыблемые принципы. Если удастся экономить на самом себе, я искренне радуюсь, а когда на чужих, подбадриваю себя простыми аргументами: “Вот еще! Каждый платит за себя. Иначе и быть не может!” — Многие путают экономность с жадностью, между тем это совершенно разные понятия. Жадность — это когда очень хочешь иметь нечто материальное, но не желаешь тратить

ся. А экономность — философия жизни: довольствуешься малым не потому, что не можешь позволить себе большего, а потому что считаешь это большее неважным, незначительным и совершенно не нужным.

Первое, что я сделал, влетев в офис, — с удовольствием позавтракал. Бесплатный кофе всегда кажется вкуснее. Потом направился в туалет. Сделав неотложные дела, вернулся в свой кабинет и стал ждать двух фифочек из Норвегии. В последнее время, когда мой капитал перевалил за четыреста тысяч долларов, я стал подумывать об открытии собственного бизнеса. Я знал практически всех производителей маломерного флота от Китая до Канады. В моей картотеке были адреса многих клиентов, интересующихся яхтами, катерами, глиссерами и другими посудинами. С некоторыми из клиентов я был лично знаком, с другими общался по Интернету или по телефону. Так что в конце года я планировал создать собственное агентство по продаже судов. Стать независимым предпринимателем было моей мечтой. Просмотрев почту, я пропустил мимо своего внимания жалобу венгерских клиентов на качество краски. «Зачем связывать свое имя с конфликтной ситуацией? — подумал я. — На этих судах наша фирма использовала краски финской фирмы. Когда я начну свое дело, финны будут давать мне скидки на свою продукцию, а хорошая цена позволит мне продавать их продукцию Дунайскому пароходству. Помимо трех судов, которые наша фирма продала венграм в прошлом году, их флот насчитывает более сотни плавучих средств. Защищая одних, я обязательно испорчу отношения с другими. Это не входит в круг моих интересов. В этом вопросе лучше действовать из-за кулис. Я не придавал большого значения письму начальника Батумского пароходства Сурманидзе, желающего взять три наших судна в лизинг. Мировой кризис в разгаре — вдруг грузины не смогут платить по договору? Тогда руководство фирмы повесит на меня все хлопоты по разрешению конфликта. Мне это надо? Ведь все время уйдет на этот конфликт. Время на продажи сократится, а значит, уменьшатся комиссионные. Пусть этим вопросом занимаются другие. Улаживать споры — дело юристов, а я менеджер по продажам!

Тут сообщили, что иностранки уже в комнате переговоров. Я поспешил к ним. Блондинки из Норвегии были симпатичные, очень похожие друг на друга. Я не преминул вслух заметить, как приятно иметь дело со столь очаровательными особами. Во время переговоров постоянно думал о завтрашнем дне — надо будет использовать каждого клиента в собственном предпринимательстве. Поэтому свою задачу успешно продать суда фирмы, я деликатно связал с возможностью будущего бизнеса. Я опустил скандинавкам цену на три процента, и они ушли вполне довольные результатом. Итог: премия фирмы — два процента от общей стоимости сделки и неплохая перспектива взаимодействия с норвежками в будущем, когда я стану собственником торгового агентства. Таким образом я оказался в двойном выигрыше. Прекрасный баланс.

После перерыва я встретился с греком Илиадисом. Этот тип достал меня своими просьбами о скидках. Нудный разговор, состоявший из повторяющихся фраз и заклинаний, продолжался около часа. Под конец эта история стала меня уже забавлять. Но когда грек предложил тридцать тысяч долларов наличными за снижение цены на десять процентов, я решил рискнуть и подписал контракт. Выговор от руководства фирмы обойдется мне значительно дешевле тридцати тысяч долларов наличными. Человек, если захочет, может выйти из любого самого трудного положения, тем более я в этой конторе, похоже, последние месяцы. Так почему бы не отбросить щепетильность? Итак, сегодня я стал еще ближе к своей цели — открытию собственного бизнеса.

Я выскочил из офиса раньше, чем было положено по графику. Надо было сдать в Альфа-Банк наличные от Илиадиса. После банка перекусил, зашел в шахматный клуб, сыграл несколько партий и направился домой отдыхать...

— Эксперименты с одним этносом меня не очень устраивают, — бормотал себе под нос профессор. — Не нахожу ничего особо привлекательного в изменениях Парфенчикова. Синтез двух генотипов — русский и немецкий и русский и еврейский — не впечатляет меня. Если продолжить опыты по этой же технологии, то, скорее всего, результат будет похожим. Необходимо сотворить нанопилюлю, объединяющую четыре избранных этноса. Ведь вся история

человечества сопровождалась межэтническими мутациями. Цивилизации укреплялись благодаря тому же фактору. Я поставил научную задачу усовершенствовать среднего россиянина и просто обязан продолжить исследования. Пока оставлю Петра Петровича безмятежно спящим. Чтобы вывести идеальную нанопилюлю, весьма интересно взглянуть на него завтра в той же роли менеджера по продажам судов, но без внешнего генетического воздействия. — После этих слов очкарик временно исчез.

Петр Петрович проснулся и начал нехотя собираться на службу. «На что она мне, эта работенка, — навязчиво лезло в голову Парфенчикова, — зачем мне пара тысяч долларов в месяц? Что я, финн или швед какой-то, чтобы копить гроши? Ну и жуткая жизнь у европейцев... Складывать по доллару на черный день? Отказывать себе в удовольствиях? Уж нет! Никогда! Чтобы весь вечер просидеть в баре за кружкой пива и растерянно улыбаться случайному русскому гостю, опустошающему стаканы с дорогими напитками и тискающему запредельных красоток?»

Несколько угнетенный, Петр Петрович поплелся в ванную и, без любопытства взглянув в зеркало на свою невыразительную физиономию, впал в еще большую хандру. «Может, послать работу ко всем чертям? — пронеслась мысль. — Промучился три года на продажах, а понто какой? Нет его! Перспектива тоже не просматривается. Другие миллиардами ворочают, а я чужими суденышками торгую. Да и продаются они с трудом, нет, чтобы очередь выстроилась. Мне другая картина по душе: не я клиентов ищу, а они за мной бегают. Подношения несут, чтобы других обойти, контракт с черного хода заключить. В этом случае можно на высокий гонорар наличными от клиентов рассчитывать, да и шанс премию от работодателя получить реально возрастет. А то жуткая несправедливость, — ищи покупателей сам. Дурость! Где ж их найдешь? Что, ночами рыться в Интернете? Писать письма всем заинтересованным фирмам страны, мира? Регулярно просматривать газеты и журналы, выуживая из них возможных покупателей? Это значит перечеркнуть личную жизнь, забыть ее радости. Нет! Ах, не буду я бриться, чистить зубы, а вернусь-ка в кровать. Дерну стакан винца, изгоню

из головы хандру, наполни сердце бахусной нежностью и утону в мечтаниях об устройстве России».

Зная по опыту, что без горячительного напитка на такие темы рассуждать непозволительно, он торопливо выпил стакан каберне: открытая бутылка с вечера стояла на тумбочке перед кроватью. Красное вино всегда представлялось дрожжами восторга! Вначале медленно и глухо, но потом все громче в ушах зазвенели колокола. Их всепроникающий упоительный перезвон волновал, трогал, наполнял все мое существо искренней любовью к Отечеству. Тут же в глубине сознания стали возникать странные видения. Парфенчиков шел по центральной улице Небесного Спокойствия. Это была Москва, но совершенно другая, перелицованная. Физиономии богато одетых людей, стоящих у своих «Порше», «Мазератти», «Бентли» и других элитных автомобилей, выглядели унылыми и какими-то даже униженными. Казалось, они стеснялись своего положения, которое было вовсе не завидным. Большинство из них недоуменно наблюдали за восторженным поведением сограждан из другого сословия. Нищенская одежда, неподдельная искренность, безудержная веселость, чрезвычайная любезность вызывали у богатеев тревожную зависть. Создавалось впечатление, что голытьба навсегда отняла у них жизненное пространство и привилегии. Но ведь это же не семнадцатый год? Не видно матросов с маузерами и рабочих с берданками. На улицах и площадях нет кумачовых полотнищ с революционными лозунгами. Вместо броневиков с солдатами по улицам разъезжают тысячи счастливых велосипедистов. Кажется, они прочно ухватили за хвост свою мечту и в восторге идут за ней, не оглядываясь. Россияне грезят о будущем человечестве, о собственной генетической эволюции. На роскошных лимузинах в завтра не уедешь — эту аксиому усвоил каждый. Долой бутки, дома мод и кутюрье! Прочь омрачающие душу праздники вкуса, ароматов, антиквариата, текстиля, роскоши! Долой секс, бордели, магазины, спортивные состязания, курорты шикерии, кремы и лекарства, оскверняющие плоть! И в миг душевного национального подъема невероятной волшебной силой навсегда отбрасывается потребительская ментальность. На смену торжественным маршем вступает новый мир — духовный. В

нем две главнейшие профессии — ученый и библиотекарь. И больше никого нет! Нет! Теперь главный вопрос жизни — не в каком доме ты живешь, не какую марку часов носишь, не на каком автомобиле едешь, не в какие бренды одеваешься, не во сколько каратов твой перстень и ожерелье, а о чем думаешь, чем заняты мозги, что грандиозное создаешь, о чем вдохновенно мечтаешь! Этот поток соблазнительных мыслей вызывает желание выпить еще стакан вина. После нескольких глотков жутко захотелось, чтобы Россия стала первой интеллектуальной страной в мире. На ум стали быстро приходиться волнующие темы: форма жизни в органических веществах двойных спиралей, вопросы всемирного тяготения в процессе самоорганизации Вселенной, проблемы физических констант, синергетика и глобальная эволюция... Тут русские должны быть впереди планеты всей. Соотечественники способны решать такие задачи. Но едва он успел допить каберне, как страстное желание изменить мир обрело реальное выражение. Энергия потребительства путем какого-то тайного фотосинтеза обернулась в русском человеке маниакальной тягой к духовности. Химеры роскошного досуга сменились вулканическим движением мыслей. Такое ощущение, что нашим людям теперь страшно захотелось познать все тайны мироздания. Стройно сливаются счастливые голоса. Прямо на асфальте тротуара кто-то вычисляет объем Вселенной. Другая группа вслух пытается расшифровать загадку Первого взрыва. Молодежь жарко полемизирует о транспортных сферах Млечного Пути. Несколько пожилых людей громко спорят о скоростях галактик Третьего радиуса... Куда ни бросишь взгляд, к чему ни прислушаешься — повсюду звучат академические термины. Эти картинки столичного быта наполнили неслыханной радостью. Россия возрождается! Захотелось еще пригубить вина, чтобы острее ощутить безграничную свободу.

Наконец он взглянул на часы. Стрелки показывали 7.50. «Опять опоздал на работу, — подумал Петр Петрович. — Да и бог с ней. На что она мне?» Нехотя почистил зубы, почему-то не добрился, одну сторону щеки оставил заросшей, влажной салфеткой протер лицо и руки. «Многие из моих коллег приходили в офис в галстуках, в костюмах, — размышлял Петр Петрович, — а мне было наплевать на карьеру. Сегодня

я оделся, как обычно, демократично: джинсы, летняя трикотажная рубашка с короткими рукавами, спортивная обувь. Когда я входил в помещение фирмы, мне хотелось, чтобы все видели, как я плюю на дисциплину. Даже чтобы сам шеф обратил внимание на мое опоздание. Поэтому я так хлопнул дверью, что здание буквально задрожало. Пусть все знают: пришел Петр Петрович Парфенчиков. Пришел с очевидным опозданием! — ухмыльнулся он. — Честно сказать, совсем нередко хотелось, чтобы меня выгнали с работы. Даже, как говорится, с треском. Имидж изгоя нравился мне значительно больше, чем собственная карьера и высокая зарплата. Я ведь не видел никакой существенной разницы между окладом в две тысячи долларов и пособием по безработице в двести долларов. И той и другой суммы хватало мне всего лишь на один вечер. Ну, может, на два. Как в этих условиях дорожить местом? Да никак! Не успел я войти в кабинет, как ко мне подбежала секретарь нашего отдела: “Петрович, две дамы из Норвегии уже ждут тебя в комнате переговоров. Поторопись, шеф два раза о тебе спрашивал...”

Тут вспомнил, что сегодня в программе дня у меня две деловые встречи с покупателями нашей продукции. Впрочем, это обстоятельство совершенно не взбудило меня. Поэтому без малейшего энтузиазма, даже несколько вяло я поплелся заниматься коммерцией. Две блондинки — девки тридцати лет — выразили желание купить наши маломерные суда. Ну, хорошо! Что тут за долгие переговоры? Ну, что дальше, помню, они из Норвегии. Пожалуйста, чему тут противиться, если они выразили желание платить объявленные суммы. Технические характеристики известны по буклетам, цены указаны.

Совершенно не хотелось расспрашивать, в каких водах будут эксплуатироваться наши суда. Захотят ли норвежки приобрести другую партию. Никто не запрещает им приехать к нам в другой раз. Вопросы виз тоже решаются просто. В их Киркинесе есть российское консульство. Да и о чем говорить со скандинавами? У них же мирок масенький. Кроме легенды о лапландском Деде Морозе и эпоса о викингах, о чем еще? Поэтому я выбрал самую правильную тактику: слушать и молчать! Улыбаться тоже не хотелось, а то подумают, что они мне понравились. К тому же бабенки

не в моем вкусе. Груды почти плоские. Губы, по-моему, гелем накачаны. А попки узкие, с кулачок, даже не за что в тот самый нужный момент ухватиться.

Мы ограничились чашкой кофе, и я стал готовить контракт на подписание. “Пока, пока, варяжские девахи!” — бросил я про себя по дороге в туалет. С утра много жидкости было выпито...

Ох, уж этот грек Илиадис! Чего ж он так долго подходил к самому главному? Потел и тяжело дышал. Тяжелые веки, серые с краснотой глаза, толстые, таящие хитринку губы, огромный живот, обтянутый хлопковой рубахой, дрожащие влажные пальцы и манера закидывать партнера вопросами — все вызывало во мне неприязнь. Ох, кириос, давай, давай хримата¹, — торопил я его, — тогда получишь скидку на свои суденышки. Да ты не бойся, выкладывай прямо здесь, в переговорной. Я же именно тут цену продажи подписываю. Если не хочешь, не веришь, если страх и жадность душат тебя, как таракана после “Раптора”, тогда передам я твой контракт коллегам, они с тебя шкуру снимут. Ведь я экономлю тебе двадцать пять тысяч долларов всего-то за десять процентов. Выкладывай две с половиной тысячи и бери готовый договор. Другого варианта не жди, не будет! Давай, поторапливайся! Хримата охи, охи символио²».

Грек забурчал что-то под нос своим докучливым голосом, потом вынул из кармана толстую пачку долларовых купюр, отсчитал мне двадцать пять сотенных, а оставшиеся втиснул назад. «Фу, черт, — мелькнуло у меня в голове, — это же жуткое оскорбление чести Петра Петровича. Почему я не колдун? Так хочется переместить греческие денежки в свой русский карман...»

В офисе демонстрировал деловитость: симулировал поиск клиентов, проглядывал Интернет, листал периодику, якобы изучал служебную переписку. Конечно, в голову ничего не лезло. Жгла радость от левого заработка, покоившегося в кармане джинсов. Выдумав, что жильцов нашего дома тестируют на инфекционный гепатит и мне необходимо сдать кровь, на анализ, я с чувством амнистированного

¹ кириос — господин, хримата — деньги (*греч.*)

² Нет денег, нет контракта (*греч.*)

заклученного буквально сбежал с работы. Душа рвалась на подвиги. А греческий капиталец разжигал страсть повесы. Оставалось решить, куда податься? Хотелось чего-то нового: незнакомых людей, яркого антуража, экзотических напитков, эротических забав. Ведь чего другого полезного можно еще найти в жизни? Открылся новый бордель, вспомнил я информацию, которую выудил из Всемирной паутины. Адрес, прямо скажем, не элитный — в районе Гражданки, на улице Софьи Ковалевской, застроенной пятиэтажками. Однако обещают красивых, свежих девок. На мониторе в электронной версии они выглядят почти целомудренными. Правда, одно дело — реклама, другое — реальное знакомство. Но я все же решил ехать. Еще не было четырех, так что можно будет спокойно осмотреться и выбрать объект по вкусу. Не мешкая, я сел в машину и помчался в юго-восточном направлении. Уже вступил в силу закон о высоких штрафах за дорожные нарушения. Не терпелось испытать их на себе. Дать гаишнику бабки, но совсем не так, как многие поступают — осматриваясь, дискретно суют взятки. Какое же тут удовольствие? Я всегда старался поступать открыто — сто-долларовой купюрой похлестать гаишника по щекам и носу. Такие отчаянные жесты вызывают у меня восторг и даже эрекцию. Хотя я гнал автомобиль с грубейшими нарушениями правил, мне не повезло: в Северной столице как раз была пересмена у сотрудников дорожной инспекции. Так что я доехал без штрафов. Первый этаж панельного дома выглядел мрачновато. Лишь небольшая табличка «Массаж и прочее...» указывала, что место то самое, куда я несся через весь город. На мой требовательный звонок дверь открыла миловидная женщина средних лет, напомнившая учительницу средних классов. «Вам что?» — улыбнулась она. — «Хочу гульнуть с вином, женщинами, музыкой...» — «Откуда вы о нас узнали?» — она спрашивала меня мягко, прямо как школьника. — «Из Интернета». — «Входите... Позвольте заметить, кредитными картами у нас расплачиваться не принято». — «Нет-нет, у меня наличные. Как в вашем доме относятся к долларам?» — «За услуги мы берем их с удовольствием...» — «Тогда хочу начать знакомство с вашим сервисом со стакана чилийского каберне». — «Пожалуйста. Располагайтесь. Что вы предпочитаете — общий

зал или отдельный салон?» — «Видимо, чтобы взглянуть на ваш коллектив, лучше выбрать общий зал». — «Пожалуйста. Но это можно сделать и находясь в салоне. К вам заглянет поочередно каждый представитель персонала». Я уселся в кресло: «А сколько их?» — «Четырнадцать, но три барышни заняты». — «В таком случае, я приму ваше предложение и устроюсь сразу в салоне. Да, вот еще что, принесите мне не стакан вина и даже не бутылку. Тащите сразу две. Я хотел бы еще пармезан и вареные оливки». — «Все сделаем на высшем уровне. Вы будете довольны. Прошу прощения, у нас свой порядок. Предварительно вы должны оставить в кассе депозит. Минимальная сумма — тысяча долларов. Если желаете получать услуги по бизнес-классу, то залог составит две тысячи. Что выбираете?» — «Бизнес-класс!» — я вытащил из кармана илиадиевский гонорар и отсчитал две тысячи долларов. «Заходите в салон номер четыре. Устраивайтесь. Через несколько минут наш эксперт по удовольствиям занесет вам карту гостя и квитанцию о сумме депозита. На какое имя записать ваш залог? Можно пользоваться псевдонимом». — «Петр Кораблев! Да, да, именно так!» — «Желаю приятно провести время. У вас есть право выбора собеседницы. Прошу вас, пользуйтесь им деликатно. Наше заведение отличается высокой культурой обслуживания». «Учительница» мило улыбнулась, словно готова была поставить хорошую оценку, и закрыла за мной дверь салона.

Обстановка апартаментов была довольно сносной. Едва я устроился на кровати, как вошла молоденькая девица. «Приветствуем вас в нашем гнездышке», — протягивая на подносе несколько листов бумаги, сказала она. — «Почему вы в халате? И в таком закрытом?» — поинтересовался я. Ее личико не вызывало у меня раздражения. — «Пожалуйста, я готова его снять. Но это услуга. Она стоит двадцать долларов и стакан «Шабли» за десять долларов». «Что-то новое», — мелькнуло в моей голове. — «О'кей», — бросил я. — «Значит, вы хотите, чтобы я сняла халат?» — как-то слишком громко переспросила меня — «Да-да! Хочу посмотреть фигуру. Иначе же ничего не видно». А сам подумал: наверное, они ведут запись моих желаний. Это еще та публика. Им нужны доказательства. — «Фигура у меня замечательная!» — барышня сбросила с себя халат, глаза ее заблестели, а язычок

облизал губы. Она действительно была хороша. Я моментально ощутил эрекцию. Захотелось рассмотреть ее волосы, но они были стянуты в пучок. — «Распусти волосы. Какие они у тебя? Вижу лишь, что ты блондинка». — «Пожалуйста. Эта услуга стоит тридцать долларов и бокал «Вдовы Клико» за двадцать. — «О'кей!» — «Значит, хотите, чтобы я распустила волосы?» Я уже понял их стиль и подтвердил: «Да-да, распускай!» С распущенными волосами она выглядела просто секс-бомбой. Так и хотелось затащить ее в кровать. — «Слушай, как тебя зовут?» — «Если я представлюсь псевдонимом, то услуга бесплатная. Мое имя Ка!» — «Что Ка? А дальше?» — «Ка — это бесплатно. За полное имя надо заплатить пятьдесят долларов и коктейль «Жар птица» за тридцать долларов». — «Слушай, Ка, вначале принеси мне чилийское вино. На трезвую голову я пока не понял ваших расценок. Еще ничего не произошло, а уже... Тащи каберне. Хочу выпить». — «Вино принесет другая девушка. Я ее вызову...» Она нажала какую-то кнопку, и в салон вошла редкостная красотка, впрочем, тоже в халате и с пучком черных волос. В руках у нее была корзинка с вином. «Что, все заново начинается?» — подумал я. — «Одна бутылка чилийского каберне стоит сто пятьдесят долларов. Открывать?» — «Давай, и побыстрее». Я подумал, что как минимум надо, чтобы она стащила с себя этот проклятый халат. Тогда можно сделать выбор. Лицо у нее бесподобное, а тело?» Выпив залпом стакан вина, я тут же скомандовал: «Снимай халат!» — «По моему тарифу это стоит пятьдесят долларов плюс бокал шампанского «Моэм» за сорок долларов». Я выпил еще и кивнул: «О'кей!» Едва она освободилась от халата, я даже подпрыгнул от эротического удара. А когда после моего приказа за семьдесят долларов и порцию ХО «Хеннеси» девица распустила волосы, я решительно закричал: «Ка, пока! Хочу остаться с твоей подружкой!» Едва Ка вышла из апартаментов, я тут же выпил еще стакан вина и потребовал, чтобы она назвала свое имя. За сто долларов девушка назвала себя: «Алла!» Имя это мне никогда не нравилось, ну и что? Она была чудесной. Выпив еще вина, я сбросил рубашку и потребовал, чтобы она сняла лифчик. «Эта услуга стоит двести долларов. Вы хотите, чтобы я сняла с себя лифчик?» — «Дада, бросай его к черту». От предстоящего сексуального спек-

такля и каберне голова уже шла кругом. Ее грудь напоминала розовую очищенную помелу. Невероятная сила понесла меня к ней, как щепку несет бурная горная река. Но в этот момент в дверь постучали, и вошла истинная богиня. Она грациозно, с обворожительной целомудренной улыбкой, несла мне на подносе фарфоровые тарелки с пармезаном и оливками. Эта была без халата, в кружевном белье, с распущенными шелковыми волосами, касающимися тончайшей талии. Спелая, упругая грудь ее отличалась какими-то колдовскими формами. Голубые глаза сверкали как бриллианты. Ничего более прекрасного в жизни я не видел. Выпив опять, лихорадочно сбрасывая с себя брюки, я закричал: «Снимай лифчик. Немедленно!» Алла тут же удалась, а богиня спросила: «Вы хотите, чтобы я сняла бюстгалтер? Я с удовольствием это сделаю за тысячу долларов, господин Кораблев!» — «О'кей! Снимай и иди ко мне...» Тут я услышал голос по микрофону. «Господин Кораблев! Ваш депозит закончился. Если хотите продолжить удовольствие, внесите залоговую сумму в пять тысяч долларов!» Я не сразу понял, к кому обращался голос. Лишь потом вспомнил, что Кораблев это я сам. Красотка протянула фарфоровое блюдечко. «Офис ожидает депозит», — сверкая очаровательной улыбкой, потребовала она. — «Но у меня чуть больше пятисот долларов...» — жалобно простонал я. — «Тогда прощайте». Она бесшумно выпорхнула из апартаментов, оставив меня в состоянии отчаянного возбуждения. Едва она вышла, как в апартаментах появились два мускулистых шкафа.

— Господин Кораблев! Допивайте вино и освобождайте салон. В вашем распоряжении десять минут. Мы за вами зайдем. Нам было приятно вас обслуживать...

Когда они вышли, мне ничего не оставалось делать, как зайти в ванную и собственноручно вызвать оргазм. Конечно, онанизм был жалким утешением. Но что другое можно придумать, когда упругий член продырявил карман? Трагедия — это если на мелкие радости жизни не хватает денег. Во всем винил я проклятого Илиадиса... Надо было выбить из него десять тысяч долларов! А это разве работенка? Тьфу! Гадость! Дрянь! Раздраженный, я вышел на улицу, забрался в свою машину, чертыхаясь, из горла допил вино, и алкоголь сморил меня довольно быстро.

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Я пробудился, вздрогнул от перестука колес и стал медленно возвращаться в реальность. Тут же был сражен чесночным запахом. Что может быть ужаснее: вместо отходного утреннего кайфа — удар по нервам. Открыв глаза, я увидел за столиком в купе двух толстенных теток, за обе щеки уплетающих вареную колбасу и хлеб с чесноком. Более тягостную картину воображения в кумаре трудно было явить. Я глядел на них с решительным негодованием, совершенно не представляя, что бы такое предпринять, что избавит меня от их общества. Страстное желание как можно быстрее переместить себя из реальности в фантазии взлохмаченного воображения вынудило взяться за ложку и опустить ее в мешочек с кукнаром. В такие отвратительные моменты хочется обладать сверхчеловеческими способностями, чтобы ограждать себя от кайфолома. Я натянул на голову простыню и вдогонку держащим меня в опьянении опиатам добавил еще три ложки чудодейственного снадобья. После чего тут же продолжил искать выход: требовалось наделить разум необыкновенными свойствами, чтобы освободиться

от толстых теток и ненавистного запаха. Вначале это незначительное желание, которое при огорчениях испытывает почти каждый способный к фантазии русский, показалось мне не имеющим перспективы. Я просто был раздражен и тоскливо возмечтал о шансе переместить сюжет купейного вагона в далекий уголок сознания в надежде, что картина перестанет донимать меня своей пошлостью.

Других планов не было. Ожидая эффекта опийной дозы, я даже на несколько минут приуныл и корил себя за нетерпение. Но вдруг, по мере того как в желудке стал раскрываться мачок, и его волшебная энергия распространялась по лабиринтам вен и капилляров, в голову полезло нечто неожиданное, неприличное и даже вероломное, вызвавшее у меня чрезвычайное удивление. Признак тревожного замысла отпечатался на моем лице. Мне вдруг захотелось направить взбалмошную страсть на полное расчеловечивание самого себя, чтобы стать абсолютным извергом. Тут же представилось, что хорошо бы не просто занять способность устранять кого-то или что-то, а обрести неземную силу для полного уничтожения всего, что мне заблагорассудится. Да-да! Никак не меньше! Надо же такому прийти в воспаленную голову Петра Петровича! Еще минуту назад не поверил бы, что подобное возможно.

«Если эта мысль — порождение опийного опьянения, то она будет иметь превосходную перспективу для неслыханной дерзости», — пронеслось в моей голове. Вдруг захотелось уничтожить абсолютно все, что попадется под руку. И даже не собственноручно проделать такое, а лишь заявить о желании самому себе — и тут же все должно быть исполнено!

От такой совершенно неожиданной идеи я радостно вскрикнул под простыней:

— Ой, хочу! Ой, мечтаю! Э-эх! Если уж на что замахиваться, то, конечно, на самое невероятное и дерзкое!

Меня умилило, что наконец-то кукнар стал властно расширять границы сознания. Купе с тетками бесследно исчезло. Я увидел себя на небольшом подиуме посреди огромной выставки — Международного авиакосмического салона «МАКС-2008». Я не прогуливался между шале корпораций и компаний, не стоял рядом с воздушным

акробатом — истребителем МИГ-35 с изменяемым вектором тяги двигателей, не сидел за штурвалом штурмовика-истребителя ЯК-130, на подвесках которого висели бомбы, или в кабине начиненного ракетами СУ-35. А восседал в величественном кресле на обнесенном саженцами туи собственном выставочном участке. Надо мной красовался огромный щит с надписью: “Петр Парфенчиков, русский. Уничтожаю цели в любой точке мира. Заказы принимаются без ограничений!” От этого этюда я впал в интеллектуальный экстаз. Готов был рассуждать и восхищаться своими суперкачествами. За пределами моего обогащенного опиум сознания уже не существовало ничего: мир моего *я* становился миром всей Вселенной. Публика заинтересованно читала объявление, люди с улыбкой разглядывали меня, но пока еще никто не подходил и не вступал в разговор. Книга заказов была девственно чиста. Я одиноко загорал на солнце подмосковного Жуковского и уже подумывал, не выпить ли холодного кваса. Наконец ко мне подошел мужчина средних лет, невысокого роста, худощавый, с жидкой бородкой.

— Я не интересуюсь чужими секретами, но позвольте задать вам несколько вопросов, — вежливо обратился он. — Можно ли познакомиться с Петром Парфенчиковым?

Я не отказал себе в удовольствии представиться. Встав с кресла, протянул руку.

— Это я сам. С кем имею честь?

— Писмарчик. Владимир Писмарчик.

— Чем могу служить? — неторопливо спросил я.

— Как понимать вашу рекламу? Фигурально? Или вы уничтожаете цели на игровом компьютере?

— Нет-нет. Я выполняю заказы в реальном времени, берусь за реальные цели, физически ликвидирую любой объект, невзирая на уголовные кодексы. Ведь какие обвинения могут предъявить Парфенчикову? Я уничтожаю все, что пожелаю, но не с помощью самолетов, ракет и бомб, представленных на выставке. Я не рассчитываю на динамит и гексоген, а направляю на объект необыкновенную разрушительную энергию мысли. Поэтому нет и не может быть никаких доказательств моей вины. Мало что человек задумал. Теперь в России дерзость не осуждаема!

— Что-то не верится мне, уважаемый господин Парфенчиков, что вы на такое способны. Можете ли продемонстрировать свои удивительные таланты?..

— Пожалуйста, воля ваша, коли просите. Через секунду я уничтожу всю вашу одежду. Вы останетесь голым. Готовы?

— Уничтожите мою одежду? Вот так просто, щелчком пальцев? Вертлявым словом из восточных сказок? Ха-ха-ха! Вы просто ненормальный! Кем же еще вас назвать?.. Да и все так думают!

Писмарчик обвел взглядом уже толпившихся перед стендом смеющихся посетителей. Он почти согнулся от хохота. В его гадком взгляде прочитывалось презрение. Я оскорбился. Искушение немедленно проявить оригинальные способности усилилось. Я пристально, с сильно бьющимся сердцем, наблюдал за публикой. От волнения мне не хватало воздуха. Чувство озлобленности подтолкнуло к действию.

— Уничтожается одежда господина Писмарчика! — объявил я громким голосом.

Я мог бы ликвидировать ее лишь мысленно, но мне захотелось зрелищности и криков изумленных зевак. И я был удовлетворен — передо мной стоял абсолютно голый Писмарчик с выпученными глазами! Горшком туи он затравленно прикрывал свои гениталии и, как помешанный, озирался. Казалось, головки мака теперь смеются вместе со мной.

— Что вы сделали? — вначале шепотом, а потом все громче повторял он. — Оденьте меня! Я не хочу быть посмешищем! Сказал, немедленно оденьте меня!

В чрезвычайном недоумении Писмарчик не знал, как себя вести. А я был доволен, более того, восторг переполнял меня. Я всем сердцем почувствовал безумное наслаждение, которое доставляет возможность быть сверхчеловеком.

— Вы требовали доказательств, господин Писмарчик! Вот они! Убеждайтесь! Убеждайтесь! Доказательства весьма веские. А вот воссоздать уничтоженное я, простите, не обещал. У меня такой программы пока нет. Прощайте, Фома неверующий! Я больше пальцем для вас не пошевелю!

К моему стенду с криком и визгом бросилась толпа. Одни в истерике настойчиво вопрошали, почем один заказ.

Несколько человек схватили мои руки и стали их целовать. Кто-то упал на колени. Молодой человек, вцепившись в мои брюки, жалобно умолял навсегда уничтожить всю службу ГИБДД.

— Кто только заступит на работу в эту проклятую контору, должен тут же окочуриться. Прошу вас. Дальше так жить нельзя...

— Убейте всех пожарных инспекторов. Спасите Россию. Они душат нас поборами. Умоляю... — рыдала полная блондинка.

— Взорвите миграционную службу! — причитал здоровый красnofлицый мужик. Уничтожьте этих кровососов! Они ежедневно уводят с моей стройки рабочих якобы для проверки документов. К регистрации не придерешься, но они продолжают уводить одних и тех же людей, чтобы вымогать у меня деньги. Это вероломство нарушает график строительства. Я несу убытки! Разбомбите их шарашку!

Тут до слуха донесся писклявый женский голос:

— Господин Парфенчиков, вы наша надежда! Отправьте на кладбище всех инспекторов Роспотребнадзора. Это не люди! Бесполое существа, получающие оргазм от взятки. Душат нас! А управы на них нет!

Раскрасневшееся лицо просительницы передергивалось от возбуждения. Группа крепких мужиков басила в унисон:

— Нанеси смертельный удар по стройинспекции. Вот поганая порода — как тараканы и крысы, они могут прятаться по темным углам подвалов. Не промахнись. Истреби всех до одного! Государство плюет на их беспредел! Спаси хоть ты нас! Раздави этих негодяев!

«Опусти в сточную канаву всех судей. Тотальной продажностью они губят страну», — несла огромный щит другая группа граждан. Несколько молодых людей настойчиво требовали отключить телевидение и поместить всех журналистов в клинику Кащенко! Жалость и испуг охватили меня. На великий проект по избавлению соотечественников от чиновничьих паразитов и от акул медийного цеха, казалось, не хватит сил. Я на мгновение опомнился, поднес к себе мешок молотого мака, съел на сухую еще две ложки и стал ждать прилива свежих сил. Мне уже недостаточно

было слышать и созерцать окружающий мир, как это делают миллиарды современных людей. Особенно те, кто сидит у телевизора. Я хотел значительно большего — чувствовать его, размышлять над ним, совершенствовать его. А *это самое главное* помогало мне в таком деле чудеснейшим образом. Ведь, чтобы сесть на маковую головку, необходимо иметь богатейшую душу и интеллект с ироническим окрасом. Нынешняя же моя жизнь обращена лишь вовнутрь — на фантастическую сцену подсознания. А там невероятная многоэтажность, во многих углах прячутся причудливые персонажи, из-за каждой двери проглядывают очертания фантастических сюжетов, просятся к распознаванию рукописные тексты. Поэтому сейчас я был уже уверен: дополнительная энергия опиатов воспалит мой разум, пробудит во мне новую радикальную силу, способную в миг уничтожить всех этих мерзавцев. Ведь самые ужасные заблуждения, пронизывающие все нынешние социальные доктрины, заключаются в том, что человека, каким бы он ни был грубейшим нарушителем законов общежития, нельзя убивать. Вот еще! Ха-ха-ха! Но как же изменить людскую породу к лучшему? Откуда ждать другие рецепты обновления? Что, с неба? Но религия давно обанкротилась, полторы тысяч лет хватило, чтобы разум стал относиться к Божественному Писанию пренебрежительно, да другого и не могло быть. Сколько же можно верить в чудеса? И не только внешние, по поводу которых суший завал антинаучных заявлений, но внутренние? Например, что с помощью «боговдохновенных» текстов люди способны качественно изменить свое духовное кредо. Дескать, скрижали Библии отличаются от всех других текстов мощной Божественной силой. По логике вещей именно так и должно быть. Ведь, если священные книги есть ни что иное, как действительно слово Божье, то эти тексты обязаны иметь некую чудотворную силу, меняющую людскую суть. Но что, история христианства хоть на йоту доказала Божественную энергетику этого документа? Что, есть нынче смельчаки, способные настаивать на этом или научно обосновать изложенную пращурами фантазию? Конечно, единицы найдутся, скажем, один — два процента от всей популяции, но людской-то массы нет! А ведь как раз в массе дело, если Он создал всех, а не какую-то избранную

группку. Тут я вспомнил своего приятеля Таирова, который упрасивал меня не задавать ему каверзных вопросов, связанных с религией. “Не спрашивай меня об этом, моя вера еще слаба! Понимаешь, я не хочу слышать ничего такого, что может поставить под сомнение мои религиозные убеждения...” — Так ты же сорок лет денно и ночью проводишь в церкви. Читаешь Евангелие, Ветхий Завет. По-моему, это твои единственные книги. Почему же в тебе такой тонкий слой христианства? Ты что, без должного прилежания читаешь и слушаешь слова Господа? Забывчив? Невнимателен, слаб умом? Или *они* не имеют никакой силы?» А в ответ на все мои спорные пассажи до слуха доносятся лишь твои огульные или пустые ответы, а то и истерические вопли: “Оставь меня, я еще слаб...” Да ну его, этого Таирова, сказал я себе. Одно ясно: все эти священные тексты — сплошная литературная выдумка! Они не только на убеждения перестали влиять. Да и влияли ли? Они уже и на культуру не работают. К Богу обращаются лишь слабые духом за химерической помощью. На самом деле редко ожидая какого-то реального эффекта. Так сказать, по инерции поколений. И каждый при этом в душе понимает, что все впустую, ну а вдруг? Как же можно быть в трезвом уме, если, конечно, ум имеется, и просить о помощи, понимая, что о ней же просят семь миллиардов людей? Пустое, пустое это все... Почему же нельзя уничтожить человеческую порчу? Ведь сорняки выкорчевываются! Без прополки человечество зарастет паразитами и окончательно выродится. И этот процесс уже виден. Вот я сам! Кем был в недавнем прошлом? Гнидой, гнидой! Хочется повелительным движением исцелившегося пропустить через мясорубку прошлое, вырвать из календаря неуклюже прожитые годы. Поэтому вернее считать, что родился я после первого принятия маковой головки. Что именно она стала путеводной звездой моего настоящего. Если биологический отец мой Петр Парфенчиков, то духовный — Мак Опиатович Кукнаров. Что я без него? Парфенчиков, умноженный на ноль! Ноль! Только сказочное растение подарило мне жизнь истинную...

Тут я спохватился, что обещал публике уничтожить всю бюрократическую рать. Приняв позу опытного агронома, ищущего в саженцах изъяны прививки, проведенной

малограмотными студентами, я воодушевленно, без риска огорчить самого себя, скомандовал:

— Всех гаишников, строительных инспекторов, проверяющих Роспотребнадзора, весь судейский корпус, миграционных службистов, врачей санитарного ведомства, всех участковых, пожарных, думцев и сенаторов, а заодно журналистов опустить в состоянии паралича в сточную канаву, чтобы не выползли. Уничтожить, сразить их насмерть укусом скорпиона, отправить на клад-би-ще!

— Ура! Ура! Bravo! Наконец! С бюрократами покончено! — завопила, затрещала толпа.

Впрочем, эту публику я тоже в последнее время недолюбливал. И в какой-то момент мелькнуло даже: не послать ли ее по тому же адресу? Но вдруг сквозь гул благодарности до слуха долетел перестук колес. Этот настойчивый звук отвлек меня, и я, уже совершенно очнувшись, оказался лежащим с подтянутыми к подбородку ногами на койке в своем купе. Приступы, назойливо донимавшие меня давеча, окончательно исчезли. Мир воображения рухнул. Зашевелилась глубокая обида на себя. Ведь я всегда предпочитал грезы взбалмошного сознания осязаемой действительности, потому что никакая телесная боль не была способна тронуть замороженную опиум души...

Было светло, но соседи спали. На верхней полке даже гулко похрапывали. Я малодушно глянул в окно на унылый, знакомый пейзаж: жидкий придорожный лес, устланный саранкой, — цветком, похожим на лилию, — и тут же почувствовал на зубах вкус выкопанного корня, что обострило воспоминание о маковой головке. Впрочем, моя мысль сразу оборвалась, и я заметил путевой столбик — 1463. В этот момент я уже окончательно пришел в себя. «До Кана еще 1376 километров», — мелькнуло в моей голове. Я похвалил себя за способности к молниеносному счету. Потом мне пришло на ум, что именно ложки молотого мака, их постоянное сложение и умножение, озабоченность, что их не хватит, или настороженность — не переборщить бы, чтобы не впасть в кому, стали постоянным стимулом к арифметическим действиям. Приходилось все время считать, сколько я выпил, какой срок прошел после очередной порции и насколько этого

божественного цветка хватит, регулярно вести подробную опись остатков. И все эти цифры держать в голове.

Как-то незаметно и чрезвычайно быстро я опять впал в состояние ожидания очередной порции *этого самого*. Воображение тускло, память перестала пульсировать воспоминаниями, а разум угасал. Надо было освежиться, взбодриться, всколыхнуть себя фантазмагориями. Без них жить уже совершенно невозможно. Нисколько не медля, я торопливо съел пять ложек молотой маковой головки, закусил печеньем, лежащим на блюде, запил холодным чаем, видимо, оставленным проводником, и, плюхнувшись на жидкую подушку, закрылся простыней в ожидании прихода. «Сейчас кукнар откроется быстрее, мучное изделие стимулирует пищеварение», — подумал я, закрыв глаза.

Довольно быстро залп распада опия воспалил сознание, и разум стал обволакиваться восторгом. Но тут на меня нашло некое оскорбляющее наваждение. Я несколько раз чертыхнулся в надежде, что оно исчезнет. Потом кулаком постучал по голове, уверяя себя, что смогу выбить из нее всю эту дурь. Но эффекта не последовало. Тогда я стал щипать и кусать сам себя, думая, что боль переключит мозги на другие видения. В какой-то момент я даже заорал что есть сил и повторил этот дикий рев несколько раз. Но нет, ничего не получалось, ничего не помогало.

Жуткая картина неотступно стояла перед глазами, липла ко мне, словно банный лист к намыленному телу. Другой бы порадовался такому соблазну, но я негодовал. Однако поделать ничего не мог и все больше погружался в разыгравшиеся сексуальные чувства.

А представилось мне, что я лобызаю пышные груди некой едва знакомой девицы. Дело в том, что я никогда не держал в памяти лица женщин. Может, она была вовсе не знакомая, а одна из тех, кого конструируют на компьютере и потом вывешивают на рекламных щитах. Но не столько это раздражало меня, сколько моя неспособность обуздать низменную похоть. Меня все больше влекло к грудям этой женщины, а может, даже какого-то фантома, призрака. Я погружался в нее глубже, чем в воспаленный опийный мир. Ласкал ее со сладостным наслаждением, с каким еще не решался прижимать к сердцу желтые маковые голов-

ки. Я упивался ее сосками самозабвенно, отрешенней, чем чайными ложками бронзового кукнара. Удовольствие от аромата этих сказочных выпуклостей переполняло меня несравненно значительней, чем от волшебных запахов молочка опийного мака. Я тонул в омуте невиданных ощущений. Вот что меня изумляло, вот от чего я бесился: женская грудь очаровывала меня несравненно больше, чем опиаты, ставшие для меня основным смыслом жизни. Необъяснимой силой она тянула меня дальше и дальше, отменяя нашу взаимопредназначенность.

Нет! Нет! Я никак не мог себе такое позволить! Чтобы Петр Парфенчиков изменил своему великому спасителю? Никогда! Лучше наложить на себя руки, не существовать вообще, чем пережить подобное вероломство от собственного организма. Видимо, я был сам не свой от сильного опьянения. Но совершенно неожиданно стал упиваться своим страданием, и чем больше мучили меня эротические чувства, тем меньше я был способен им сопротивляться.

Подчинившись рассудку, все же силком проглотил несколько ложек молотого мака, допил холодный чай, после чего скрючился на полке и наглухо закрыл голову простыней. Почти тут же меня стало крутить, как на карусели. Скорость вращения стремительно увеличивалась. Я чувствовал себя то ли тестом, то ли биомассой, пузырившейся в чане, за которой я почему-то мог наблюдать с верхнего агрегата, причем глаз у меня походил на слабо ввинченный болт.

“Что за странности? — удивился я. — Чепуха какая-то”. В этот момент все как-то неожиданно исчезло и я превратился в загорелую, покрытую мелкими капельками пота, женскую грудь, которую давеча с таким упоением целовал. Мой маленький пенис стал соском, из которого тонкой струйкой вытекало похожее на сперму молочко опийного мака. Сердце взволнованно застучало — так и хотелось быстро слизнуть эту жидкость, но, к несчастью, язык у меня напрочь исчез. Я было подумал втянуть в себя эту соблазнительную жидкость носом, но и он пропал. Да и сам Петр Петрович перевоплотился и выглядел совсем нелепо. Как же было объяснить самому себе, почему вдруг я стал сиськой, из которой вытекала волнуемое сознание вещество? Какая жалость, — думал я с горечью. — Надо же было со-

блазниться эротикой, чтобы превратиться в ее атрибут! Видимо, во всем виновата передозировка... Да-да, хватил лишка! Мак крепенький, извращает разум, заполняет химерами сознание! Ничем другим такую метаморфозу объяснить невозможно... Я забеспокоился, не начнутся ли, как иногда прежде, мучительные приступы рвоты. Горьковатый комок в горле усиливал это предчувствие. Глаза у меня от сдерживаемых спазмов выкатывались из орбит и, казалось, словно пластиковые шарики, скатывались под койку. Чтобы побороть страх, ничего не видеть, не слышать, не чувствовать и не ждать, я повернулся к стенке и в смятении крепко зажмурил глаза. Будто обман зрения мог спасти меня от дурного предчувствия. Откуда такая идея пришла мне в голову? Безобразно глупо же!

Впрочем, я все же забылся, видимо, нег прочно обволокла все мои органы. Сны, наваждения, мысли оставили мой мозг. На какое-то время я совершенно потерял себя. “Энергия заканчивается!” — подумал я. Моя фигурка скомкалась, и я провалился в небытие...

Очнулся от истерического голоса. Купе было пустым, дверь в коридор открыта. Неизвестный мужчина, стоявший ко мне спиной, орал в трубку мобильного:

— ...Да останови поезд, слышишь? Что мне, восемьдесят километров назад пилить?.. Раздай тысячу долларов, но пусть на минуту остановят в Валове... Подумаешь, график. Что, первый раз?.. Для чего же другого нужен его административный ресурс?.. А где он?.. Тогда предложи начальнику станции. Пусть красный включает... Ты ему скажи, если откажется взять тыщонку и меня пронесет мимо, я ему морду расквашу, дочь и жену затрахую, на сына армейскую форму надену и в горячую точку зашлю... Дом дотла спало... Аллю, аллю, аллю, слышишь? Вот, сука, связь прервалась... Эти козлы в МТС не могут страну сетью покрыть... Аллю, аллю! Эй, проводник, у тебя связь с машинистом есть? Слышишь ты?..

— Да-да, я тут! А что вам нервничать? Я, батюшка, остановлю вам поезд за восемьсот долларов... Желаете?

— Как это?

— Двести отдам во второй вагон с поручением ручку стоп-крана в самом начале станции на одну треть на себя

потянуть. Еще двести долларов себе оставлю, чтобы в тот же самый момент стоп-кран на две трети опустить. А еще двести отдам в предпоследний, четырнадцатый вагон, чтобы тормозную рукоятку до конца опустил. И наш поезд остановится намертво...

— А состав не опрокинется?

— Нет, у нас неплохая практика наработана. Вы ведь не единственный такой... Ха-ха! А еще двести долларов придется выложить начальнику станционной милиции, чтобы расследование не проводил. И концы в воду, и дешевле, и пожелание выполнено. Вам надо готовиться, уже скоро Валов. Ну что, согласны? Тогда отсчитайте восемь соток с известным лицом в овальной рамочке...

Видимо, расчет был привычен и точен, потому что я услышал:

— Ну, я побежал... А вы готовьтесь.

“Страна безграничных возможностей, — подумал я. — Может, мне тоже о чем-то *таком* помечтать? Не торопиться с этим делом, пока кумар не наступил, а вальяжно отдать себя вздорным фантазиям? Ведь мы в России научились брать все, что захочется... Но если кошелек пустой, а страсть к деньгам угасла, то можно достигнуть успеха в своем невероятном замысле другим путем, включая в игру богатое воображение. В каком еще виде можно удовлетворить собственное самолюбие в эпоху тотального потребления?”

Я встал, плотно закрыл дверь купе и хотел было съесть несколько ложек маковой соломы. Впрочем, нашел силы одернуть себя, чтобы новая реальность возникла не где-нибудь в закоулках опийного сознания, а в трезвой голове Петра Петровича. Однако дать волю фантазии не удалось: совершенно неожиданно перед глазами вновь возник профессор Кошмаров. Лысоватый очкарик с ярко-синими прожилками на пунцовом носу буквально вбежал в купе, сел на свободный лежак напротив и торопливо, с каким-то отчаянием, начал:

— Господин Парфенчиков, хочу сообщить, что *там, наверху*, принято решение предложить вам на выбор два гражданских состояния для проведения экспериментов по реализации национального проекта. Или от Той партии вы становитесь начальником тюрьмы, или от Этой партии оде-

ваетесь в полосатую униформу осужденного и поселяетесь в изоляторе особо опасного режима. Подумайте, на чем желаете остановить выбор. Я должен срочно передать *наверх* ваше решение для принятия постановления. У вас в распоряжении не больше минуты. Дело безотлагательное! Народ ждет!

— Право, вы меня ошаршили... Я даже в страшном сне не собирался занимать какие-либо государственные должности, да и о тюрьме мыслей не имел, — обеспокоено бросил я. — Ведь я направляюсь в Кан заниматься растениеводством. Везу с собой известные семена... А что вы посоветуете? Нельзя ли вообще отказаться, написать *наверх* благодарственное письмо? Я уже и вегетативный план для канских полей составил, урожай спланировал, инвентарь наметил подкупить... — добавил я в крайней растерянности.

— Нет! Нет! Что вы! В этом вопросе я давать советы не имею права. Выбирайте! Да поскорее!

— Как же поступить? — спросил я себя вслух. Подставив к моему уху ладонь, Кошмаров шепнул:

— Так и быть, дам вам совет. Вы человек малограмотный, а работа начальника тюрьмы кропотливая и даже отчасти публичная. Тут можно быстро показать себя профаном. Соглашайтесь на положение арестанта. Вам будет куда легче отсидживать срок по приговору, чем организовывать охрану такого сложного объекта, как тюрьма, и поддерживать в ней образцовую дисциплину... Я доложу, что вы согласны стать заключенным и готовы оказаться в Разуевском центре...

— А что за организация Эта партия?

— Да какая вам разница? Обычные люди, мечтающие о власти... Таких сейчас в нашей стране уйма.

— Какие цели она ставит, помещая меня по высшему приказу на кичу? И что за такой странный национальный проект в изоляторе особого режима?

— Петр Петрович, голубчик, вы выдаете свою полнейшую некомпетентность. Вам надобно бы знать, что все российские эволюционные проекты — научные, технические, социальные — рождались как раз в местах заключения. Вы хоть и человек без классического образования и мало в каких науках преуспевший, но располагаете богатейшей фантазией... Впрочем, я претолочно знаю, откуда она берется и

с помощью какого вещества вам удастся ее усердно подпитывать. Не волнуйтесь, оно *там* будет у вас в полнейшем достатке, причем безукоризненного качества. Кукнар? Фу! Это ведь пролетарская маковая солома! Ее можно сравнить лишь с самогоном. А вам *там* без ограничений предоставят элитный очищенный опий, похожий на бриллиант голубой воды. Или на самую замечательную водку «Большой!», сваренную из лучших сортов пшеницы, пять раз отфильтрованную от эфирных масел. Ох! Именно она возбуждает мой разум! Впрочем, каждому, как говорится, свое. Вас оденут в робу из дешевого хлопка, но вполне теплую. Выдадут бушлат, кирзовые ботинки, предоставят одиночную камеру...

— Что, каждый заключенный сидит в отдельном помещении? — удивился я.

— Нет, но вы его получите...

— Другие каторжники начнут завидовать, решат, что я богачей, купил себе одиночный ночлег, возникнут конфликты... А я ни телом, ни мускулатурой не вышел... Нет, тогда уж спокойней в общей камере...

— Не торопитесь! Я выдам вам пачку специальных таблеток, которые вызовут у вас вздутие живота и регулярный выброс жуткого зловония. Сами зэки потребуют вас отселить... Да и как вам удастся на людях принимать опий? А без него эксперимент теряет всякий смысл, да и вы откажетесь в нем участвовать. Ведь вы без *этого самого* не сможете...

Именно тут ошеломила меня пришедшая в голову мысль: «Я что-то не понял, в каком состоянии нахожусь? Под кайфом или в кумаре? То есть в грезах или наяву? Вроде бы мак давно не пил, а все происходящее в голове больше напоминает наваждение. Или я из опьянения уже не выхожу, и оно является моим естественным состоянием? Вечная опийная кабала? А может, *он* на меня перестал действовать и я теперь в плену у реальности? Ведь у алкашей водка не вызывает никакого опьянения, она лишь очеловечивает их? Видимо, у меня начался тот же процесс — абстинентный синдром усиливает ощущение реальности. Могу поклясться, что профессор Кошмаров не призрак, не плод большого воображения Петра Петровича, а человек, сидящий напротив, ультимативно навязывающий непонятный национальный проект, но, видимо, именно такими идеями полна совре-

менная Россия. Все как бы безумие, а на самом деле имеет глубочайший смысл. Дай-ка я соглашусь на предложение профессора. Конечно, выпускать зловонный душок из собственной плоти мне не совсем подобает при моем изысканном представлении о самом себе, но ради национального блага надо идти на собственное унижение. Даже на такое омерзительное, как испускать из себя шлейф гадких газов. Впрочем, думаю, для качественного улучшения результатов эксперимента мне лучше соединить два предложения в одно. Надо заявить Кошмарову, что я готов принять весь пакет исследований. Один день становлюсь начальником тюрьмы, другой — заключенным особо опасного режима, сидящим в одиночной камере. В этом случае, не ведая о темах исследований, а проникая в суть события чисто интуитивно, могу надеяться на успех высочайшего начинания.

Изложив профессору окончательное решение, я спросил:

— Уважаемый господин Кошмаров, какова же тема исследований? Каким аспектом взаимоотношений этих двух лиц — чиновника и осужденного — интересуются организаторы эксперимента?

— Мой друг, вы знаете, что я обладаю способностями заглядывать в будущее, а порой и создавать его. Давеча разразился спор между мной и высшими представителями Этой партии. Я отстаивал довольно банальную точку зрения, что на поведенческую ментальность всякого животного, включая человека, влияет прежде всего генетическая программа, заложенная в нем. Если же формирование сознания происходит путем навязанной пропаганды, в итоге формируется низкокачественный материал. Оппоненты же отчаянно доказывали обратное: дескать, человек ведет себя, исходя из мировоззренческой базы, полученной пропагандистским путем, а также под влиянием окружающей действительности. В этой гипотезе прослеживаются следы большевистского представления о разуме, убежденность в возможности активного воздействия агитационного слова.

Я так представляю себе, что Эта партия размечталась возобновить идеологические атаки на граждан своего отечества, до конца не понимая всю несостоятельность попыток видоизменить сознание с помощью медиаактивов. Поэтому

мы и договорились провести исследование. Я оставляю вас таким, какой вы есть и каким можете быть в этих двух ипостасях. Они же, видимо, собираются на вас влиять с помощью самых различных ухищрений. Арсенал факторов воздействия обширнейший: вся властная рать на службе. Да, кстати, как вам понравился прежний эксперимент? Когда мне пришлось влить в вас кровь нескольких национальностей? Ведь здорово было? Я за вашим поведением регулярно наблюдал и получил большое удовольствие. Ну а вы как?

— Неплохо, но в следующий раз я вам другой коктейль подскажу. Я так понимаю, что вы работаете над созданием нового русского генотипа?

— Именно так!

— Неплохая идея. Пора, пора нас усовершенствовать, забуксовал наш этнос. Только к власти, деньгам и сексу тянется. Надо вмешаться. Так что я готов на новые опыты.

— Превосходно. Но этот-то что, начинаем?

— Он не без сомнения всмотрелся в меня.

— Пожалуй... Только при условии, что у меня всегда будет в достатке продукт маковой головки... — Я стал медленно проваливаться в собственную глубь...

Они падали на меня с потолка, быстренько пробирались за эковский китель, усаживались на едва заметные выпуклости грудной клетки и совершенно бесшумно тянули из меня кровь. Я ничего не чувствовал, а лишь понимал, чем они заняты. Надо сказать, что я уже давно свыкся с положением жертвы, и это, на посторонний взгляд, унижительное обстоятельство не вызывало у меня никаких протестов.

Ну да, клопы пьют кровь, что же тут необычного или даже возмутительного, ведь все вокруг ее пьют, — размышлял я. — Что тюремные охранники, что прокуроры по надзору, что судьи, что адвокаты... А что, пресса ее не пьет? Гинштейнов, Мралаулов, например? Все тянут жилы, упиваясь кто каплями, а кто глотками голубой крови Петра Парфенчикова. Уж, видимо, рожден я для услады чужой плоти, да и вены у меня соблазнительные, их голубые линии на бледном теле у многих вызывают зверский аппетит. Порой разденут, когда в камере шмон проводят, и такими страстными глазами окатывают мою исхудавшую плоть, с таким трепетом

ощупывают меня, что невольно и основательно убеждаешься: не только клопов интересует моя кровь.

Возможен и другой поворот: сами-то они не хотят признавать себя маковыми пленниками и дурят себя надеждами, что опийной зависимости за собой не замечают. А кровь-то моя — разве она не маковая? Разве не способна она взбудоражить сознание? Вон даже клопы минут пятнадцать—двадцать упиваются ею, а потом, напрягая последние силы, спрыгивают на пол и словно мертвые лежат в кайфе более суток. Понимая их состояние, я стараюсь обходить их. А если их так много, что даже ступить негде, то беру листок бумаги и отодвигаю их наркотизированные тельца под кровать, чтобы не раздавить ненароком. Да, паразиты, но ведь живые существа и упрямые до жизни. А сколько они возьмут у меня? Пять—десять граммов? Что, жалко? Если не я их угощу, то кто же поделится с ними пищей?

В тюремных застенках народ жестокий, к сантиментам не привыкший. Сострадание к живому за счет собственных ресурсов у него вытравлено, затушевано нерадивой судьбой. Каблук, кулак, камень, крепкое словцо разом прекратят посягательства на любой вид собственности.

Мою камеру называют клоповником. Облюбовали ее эти твари. Да и мне хорошо. В одиночке хоть с кем-то надо общаться. А то совсем закиснешь. Правда, опий у меня нынче отменный, две ложки держат и вдохновляют целый день. А если желаешь совсем сойти с ума, то три ложки — и буквально витаешь в облаках. Он нежно, восторженно вымогает зависимость и покоряет, пленяет усладой. В перерывах, во время кумара, хочется на кого-то без злобы поворчать или разбросать по стенкам безадресные ласковые слова. Эхо доносит их, и на душе теплеет. Это ведь чисто человеческое состояние. Впрочем, все человеческое становится мне более и более чуждым. А как же иначе? Срок, проведенный под замком, берет свое.

Недавно назначили нового начальника тюрьмы. Мой полный тезка: тоже Петр Петрович Парфенчиков! И какое странное оживление на киче началось, но не столько среди заключенных, сколько среди персонала. Возмутителем спокойствия стал именно новый начальник. Как активный член Этой партии он принялся создавать в изоляторе партийную

ячейку. Уже поговаривают, что скоро вовлекут в партийную жизнь и нашего брата. Мы-де тоже понадобится для особой национальной миссии. Мне-то все равно, никакой косточкой из *той* жизни меня не заманишь, я совершенно абстрагировался от реальности и ничто, кроме производного от маковой головки, меня заинтересовать не сможет. Но новому начальнику удалось возбудить у надзирателей неслыханный интерес к партийной деятельности. Эти вздорные чувства появились у них не как реакция на какие-то ведомственные циркуляры, тайные постановления, указы или передовицы в федеральной печати, а под влиянием красноречивого дара начальника, его феноменальной гипнотической способности убеждать. Вот что послужило коренному изменению взаимоотношений между каторжанами и надзирателями, впрочем, может быть, и во всем сообществе за оградой, до которого мне не было никакого дела...

Загромыхал засов, заскрежетал ключ, дверь отворилась, и на пороге появился корпусной прапорщик Неелов.

— Хватит кормить клопов, — начал он с видом человека оскорбленного в лучших чувствах. — Вставай! Наступает новая жизнь. Учись привыкать к ней, иначе не протянешь! Отныне тебе следует оказывать материальную помощь нашей партийной организации. На что способен? Не заливай только байки о бедности. Знаем, как ты по столице деньги расшвыривал. Сколько дашь?

— Начальник, — захныкал я. — Пятнадцать долларов в месяц я и так даю — каким же образом увеличу платеж, находясь под замком? Откуда у Парфенчикова могут быть деньги, если он уже семь лет сидит в крытой тюрьме?

— Тебе запрещено произносить эту фамилию. Твоя камера номер 57! Так и называй себя — пятьдесят седьмой. Да и что мне твои крохи? Американская валюта все время теряет цену. 400 рублей... Смешно! Если денег в партийной кассе в ближайший четверг не окажется, буду вынужден спустить тебя в карцер. Потом еще ниже, в КУР. Там-то ты и загнешься... Давай деньги, пятьдесят седьмой, и нечего лясы точить!

— Угроза КУРа — камеры усиленного режима — сильно меня огорчила. Я предпринял новую попытку защитить себя.

— Начальник, нас на этаже сто двадцать каторжан, а на киче больше тысячи. С каждого по пятнадцать только на нашем первом — это тысяча восемьсот долларов в месяц. Говорят, что некоторые тебе даже больше подбрасывают. Так что жизнь у тебя не такая уж скверная. Одежда и обувь, харчи и медобслуживание, стирка и зарплата — все казенное. Да еще с нас уйму бабок тянешь. В отпуск — на юга, у моих в столице спишь, столом на халяву пользуешься. Ты, начальник, настоящий местный олигарх. Не хватит ли? Какие еще банковские билеты требуешь? Что мне, у матери-старухи всю пенсию отбирать? А ей-то на что жить? И без того все дорожает...

— Ты мне пропаганду брось! С тебя в партийную кассу двести долларов помесечно положено. Где ты их наберешь, это твои проблемы. Денег не будет — не жить тебе, пятьдесят седьмой, в нормальных условиях, а погибать в сырости и голоде... Понял? Я спрашиваю, понял? Дурень, меня самого обложили...

— А ты нас, что ли?

— А как же... Так и получается! Не моя это голова... Приказ!

— Спускай в карцер, начальник, денег не будет. Регулярная твоя пятнашка тоже накроется...

— Не пугай, нашел чем страшать... Твой зеленый бисеря с другого эка сдери. Но твоя песня закончится через пару дней на безымянном погосте... Козел упрямый! — Неелов злобно сверкнул глазами и со всей силы захлопнул дверь.

Клопы не дадут мне помереть, кто же их вскармливать будет, усмехнувшись, успокоил я себя. От сырости и холода они прикроют меня своим брюшком, а от голода спасет меня великолепный порошок. Надо лишь дозу увеличить, вместо двух-трех необходимо четыре-пять ложек. А что это за партийную кассу они придумали? Начальник идейку подбрисил? Непонятная злость от него охране передалась. Ведь раньше было все по уму. В отношениях порядок, уважение. Вот, вспоминаю, осторожный стук в дверь. Она открывается, и на пороге камеры появляется улыбчивая физиономия Неелова. «Как самочувствие, арестант?» — «Да жив пока, начальник». — «Давай-давай, держись. Могу чем помочь?» — «Принеси мне, пожалуй-

ста, кусочек отварной свеклы величиной со спичечный коробок. Третий день запор, таблетки не помогают». — «Бедолага, после обеда обязательно доставлю». — «А у тебя какие проблемы, начальник? У меня жизнь известно что скотская, да и у тебя не сахарок. Без взаимопомощи тут никак. Чем подсобить?» — «Племянник у меня в Смоленске заканчивает срочную службу, есть ли возможность его в милицию определить? В ГИБДД? Там на постах хорошо заработать можно. Каждое проходящее транспортное средство, чтобы без обыска пост миновать, должно калым дать. С грузовика до двухсот долларов доходит... Знаешь, кто подсобить смог бы?» — «А не опасно? Все же взятки...» — «А где нынче безопасно? Смерть везде пристать может...» — «Есть у меня однокашник. Мать писала, что он нынче в главном милицейском штабе служит. Надо разузнать, сможет ли помочь. Принеси как-нибудь мобильник. Напрямую спрошу. Он мне не откажет». — «Э, брат, не все так просто. Нынче за так-сяк в милицию не попадешь. Здесь деликатные договоренности потребуются. Твой однокашник тебе близок?» — «Достаточно... Все школьные годы дружили». — «Смотри, а то мы можем и денег дать, но чтобы он точно на доходный пост попал. А то с чем и куда возвращаться после армии? На улицу? Без работы маяться? Или записаться к нам на службу, с вышки начинать, пропади она проклятая? А так капиталец собьет, магазин откроет, жизнь наладит. Есть большой смысл перебраться к ментам...»

За семь лет вспоминается немало таких вот приятельских бесед с прапорщиком. А сегодня вдруг эта сволочная агрессия... Словно подменили Неелова, впрочем, не только его одного, а весь персонал тюрьмы. Что наделал с ними новый начальник? Вот и протяжный звонок: отбой! Сейчас брошу на язычок ложечку *этого самого* и на бочок. Впереди еще пять лет... Пока, Петр Петрович. Во сне я явлюсь себе непременно кем-то совершенно другим. Ведь маковая головка, единственная радость моего существования, проделывает со мной настоящие чудеса... Едва в видениях я очистил спелый банан, как кто-то больно ударил меня по плечу и над самым ухом заорал:

— Подъем, пятьдесят седьмой!

Хотя бы во сне мне захотелось доесть банан, но чья-то могучая рука, напоминающая подъемный кран, подняла с кровати и бросила к двери.

— Хватит спать! Пошел в карцер!

Я было подумал крикнуть: “За что?”, — но получил удар подошвой сапога. Даже не совсем удар, так некоторые ногой давят клопа или тушат сигарету: упрямая, грязная подметка растерла лицо в кровь. Потом, видимо, били меня еще не раз, ведь когда после беспомощности я очнулся в темном сыром карцере, все тело в ссадинах и кровоподтеках гудело. Особенно ныл позвоночник.

Неожиданно, осматривая карцер, я увидел клопов, заполнивших нижнюю часть стены. Никто из них не позволял себе усаживаться на мои раны и пировать. Хотя крови было много. Они застыли в тревожном ожидании, наблюдая за моим болезненным состоянием. Милые существа. Захотелось поделиться с ними невзгодами, спросить, как все давеча происходило. Однако на пороге появились двое надзирателей. Их физиономии я никогда прежде не видел.

— Ты позволил себе отказать в деньгах для специального фонда нашему коллеге? Так?..

— Да, — выговорил я, — денег у меня нет.

— Повтори?

— Пустой я, ни копейки...

— Ну, а если денег нет, то получай...

Два-три удара я еще чувствовал и даже, казалось, различал голоса:

— ...Каждые два часа будем колошматить тебя, как отбивные на кухне...

— Бешбармак сделию, сволощ...

Потом я лишился сознания. Первое, что услышал, приходя в себя, были тяжелые капли дождя, молотившие асфальт у верхней части зарешеченного оконца карцера. “Жив, еще жив, будь она проклята, эта жизнь, — мелькнуло у меня в голове. — Залил бы дождь мой подвал. Эй, ветер, разбей оконце! Эй, дождь, направь стоки в мой карцер”, — прошептал я еле шевелящимися губами. Осмотрелся. Клопов стало больше. Они собирались в кучку, словно решили, что наступает время меня отпевать.

— Да нет, братцы, пока жив я, впрочем, если меня отмузят еще несколько раз, — обратился я к ним, — то, конечно, окочурюсь. Но это даже к лучшему... Жаль только с вами расставаться. Древняя поговорка: “Старые недруги — лучшие друзья”. Воспоминания сближают.

Чтобы легче переносить боль, я, с трудом ворочая языком, съел две ложки замечательного продукта. «Есть ли маковая головка на том свете? Прекрасно было бы, я, да и многие другие немедленно заторопились бы в нужном направлении.

Пока ждал прихода опийной энергии, в карцер опять вошли двое помять ребра. Моя фигурка съежилась, прижалась к нарам. Я узнавал удары кулаков и ног, их смешки и ругань, но, пока был в сознании, не стонал, а лишь протяжно выл... Резкий звонок “Подъем!” привел меня в чувство. Глаза, заплывшие синяками, не открывались, шея, покрытая ссадинами, не двигалась, искалеченные конечности не поднимались, лишь пальцы с трудом шевелились, да сознание восстанавливало свои функции. Что они так озверели? — первое, что пришло мне на ум. — С таким остервенением бьют, что, кажется, наступает конец света. Меня-то колошматить за что? За что превращать в фарш? Сижусь смиренно, режим не нарушаю, корпусному и замначу регулярно деньжат отсылаю, по инстанции жалобы не пишу, к воровским идеям отношусь безразлично, как швейцарцы к Евросоюзу, не придерживаюсь и не порицаю. Со стороны посмотреть на Петра Петровича Парфенчикова — идеальный заключенный для спокойной службы, даже для чиновничьей карьеры. Понимаю, почему они меня пятьдесят седьмым назвали, еще бы иначе, объяснение железное, но как же такое рукопашное безумство объяснить, ума не приложу... В этот момент открывается карцер, и входит начальник режима по прозвищу Колыма.

— Привет, пятьдесят седьмой. Хочу, чтобы ты знал: ты мой! Понял?

— Н-е-т, — еле выговорил я.

— Объяснить?

— Д-а!

— Если дашь мне семьдесят голосов на выборах в Думу, то запрещу тебя по ночам беспокоить. Направлю в лазарет

подлечиться... На неделю посажу на масло, на две недели на белый хлеб. Предоставлю внеочередное свидание с близкими или даже с бабенкой. Впрочем, знаю, что у тебя ее нет. Однако можешь поискать заочницу. Я дам список из личного архива. Там есть неплохие девки... Ха-ха-ха! Они годами мужиков не видят. Справишься? Ну, а теперь понял?

Я, видимо, долго соображал, о чем идет речь. Моя вынужденная пауза взорвала его поначалу деловой тон.

— Что молчишь, гнида? Если не дашь голосов, найдут тебя как-нибудь поутру окочурившимся в петле из собственных штанин. Причину смерти укажем — самоубийство. И тут же доставим в мертвецкую. А там крысы голодные, аппетит у них круче волчьего. До похорон в эковской могиле, пока медкомиссия соберется, они от тебя одни кости оставят. Понял, гнида? Пятьдесят седьмой — мой номер. А у меня с тобой разговор короткий: или семьдесят голосов, или объединенный скелет на свалке. Выбирай! Да быстро, времени у меня нет!

— Писать родне?

— Сам мозгуй, кому адресовать...

— У меня руки еле шевелятся... Дайте ручку и бумагу...

— На, бери!

Колыма открыл свою папку. Спуститься на пол я был не в состоянии, поэтому пришлось упасть на него с диким стоном.

— Какая у вас партия? За кого голосовать? Что писать?

Видимо, я стал сбиваться, не понимая толком, что от меня требуется. А под конец вообще замолчал и в испуге закрыл глаза.

— Пятьдесят седьмой! Эй! Пиши! Эта партия, Эта! Открывай глаза, ублюдок! Пиши!

Напрягая последние силы, я начал выводить каракули: «Дорогие мои! Если вы хотите меня еще раз в жизни увидеть, если желаете мне здоровья, если в вашей душе сохранилась хоть малейшая жалость ко мне, прошу вас: отдайте голоса за Эту партию. Упросите соседей, моих учителей, одноклассников, армейских друзей, спартаковских болельщиков, с кем я каждую игру болел в “Лужниках”, всю родню — мне нужно семьдесят голосов! Эта партия спасет меня.

Ваш Петр Парфенчиков». Колыма, наблюдавший за моим письмом, отобрал его у меня, прочел и грозно выкрикнул:

— У тебя ресурс спартаковских болельщиков? Прекрасно! Зачеркни слово семьдесят, поставь сто сорок. Да добавь, что нужны гарантии, списочный протокол голосовавших. Мы проверим... О каждом будем знать все...

После того как я сделал то, что он требовал, Колыма схватил бумажонку и запер карцер. Мой взгляд застыл на потолке. Зачем мне такая жизнь? Почему я не послал его к черту? Я ведь одной ногой в могиле, что мне терять или приобретать?

Я стукнулся лбом и очнулся. Заскрежетали тормоза. Казалось, поезд не шел, а скользил по рельсам. Визг металла окончательно привел меня в сознание. Что за чушь пришла мне в голову? Но тут же я вспомнил, что, когда начинается абстинентный синдром и реальность перестает быть маковой, в голову лезут сцены жуткого насилия. Объяснение эффекту я не находил, а пожал плечами и стал прислушиваться к своему состоянию. Ломало суставы, гусиная кожа покрывала то затылок, то спину. Потек нос, повлажнели носки. Комок слизи застрял в горле и не проглатывался, вызывая боль, как при лакунарной ангине. Ладони вспотели, пульс участился, стал совсем мелким, слабо ощутимым.

На долю секунды я подумал, а не вызвать ли в себе настоящую ломку, чтобы усугубить наваждение с безобразным насилием. Действительно, почему бы не продолжить издевательства над самим собой? Для разнообразия? Но я как раз и перешел на маковое восприятие мира, чтобы не сталкиваться с реальностью. «Нет, нет! Еще раз нет!» — бросил я самому себе.

Тут же, отгоняя вздорную мысль, потянулся за спасительным пакетом и быстро прожевал три ложки молотых головок, запивая холодным чаем. Печенья не осталось, а хорошо бы вдогонку опию подбросить материал, убаютающий его раскрытие. Я жалобно скривил физиономию, сознавая, что почти всегда забываю подкупать закусочку, даже самую незначительную, бананчик или пряник. И, понимая, что причиной забывчивости является страсть к *этому самому*, спрятался под простыней. «Давай-давай, раздувайся, ко-

стер парфенчиковской энергии. Скорее, скорее! Меня ведь не интересует чья-то реальность, поэтому лишь маковые головки помогают создавать собственную. Иллюзия бытия, а не ее правдивость вдохновляют, зачаровывают Петра Петровича...

Я еще много наговорил комплиментов знаменитому растению, но прошло уже минут сорок, а то и больше, как я, закутавшись в постельное белье, ожидал раскрытия последнего букета. Да, он вбросил в меня тепло, но слабенькое, его хватило лишь на чуть-чуть, чтобы снять кумар, предломотушное состояние. А мне хотелось лицезреть мир, накаленный турбулентными страстями. Именно для этого и нужен был мне волшебный цветок мака. Я проглотил еще три ложки и затих...

— Собрались? — спросил я секретаря.

— Четыреста двадцать три в зале, тридцать девять на дежурстве, двадцать шесть в отпуске, девять на больничном. Так что все ждут вас.

— Еще бы не прийти, если я, начальник, дал распоряжение собраться всем в одиннадцать часов, — хмыкнул я. — В первый раз встречаюсь с персоналом в актовом зале. Передайте, чтобы, когда я войду в помещение, все встали. Такое правило должно действовать и впредь. Надеюсь, зал проветрен? А то наши служащие смазывают обувь самым дешевым кремом. Проверьте воздух и срочно доложите. Я категорически не терплю смрад. Понятно? Кстати, в моей приемной, где и ваше рабочее место, нередко чувствуются посторонние запахи.

У мусульман есть хорошая традиция — перед входом в дом или мечеть они у порога оставляют обувь. Если еще раз почувствую в приемной скверный душок, буду вынужден сделать официальное распоряжение: перед входом в приемную обязательно скидывать обувь. Да, еще! Я заметил, что у некоторых офицеров и прапорщиков не по уставу высоко подбитый каблук. Для чего это делается? Чтобы утереть мне нос своим ростом? Я не желаю, чтобы каждый подчиненный указывал на мой физический недостаток. Да, я мал ростом, но голова у меня светлая и в прямом, и в переносном смысле. А какая она у моего личного состава? Пока сомневаюсь, что она может вызвать удовлетворение. Кстати, проверьте,

сбит ли для меня подиум. Еще вчера давал такое распоряжение. Я хочу стоять выше всех. Вам понятно? Идите! Жду с докладом!

«Если Эта партия победит на выборах, а я в этом не сомневаюсь и сделаю для этого все, то можно ждать значительного повышения, — вольготно расположившись в кресле, размышлял я. — У меня тысяча триста сорок три заключенных и четыреста девяносто семь человек личного состава плюс шестьдесят один вольнонаемный — итого тысяча девятьсот один подданный. Если я соберу пятьдесят тысяч голосов, то меня продвинут в окружное управление, если сто тысяч — возьмут в Москву начальником отдела. Но если я дам триста, а то и четыреста тысяч голосов — можно рассчитывать на очень высокие должности. Например, на кресло замначальника департамента исправительных учреждений Минюста. Вот мои три планки. Достижение первой даст мне троечку и довольно слабое утешение. Выполнение программы номер два вызовет уверенность хорошиста. Тут придется пожать плечами и помечтать о новой дате избирательной кампании или о досрочном переносе выборов. Если же преодолею третью планку... Великолечно! Я бы даже выкрикнул свое любимое апофеозное словечко: “Валькалепио! Валькалепио!” — и стал бы укладывать чемоданы. Начальник Разуевского центра в тридцать лет — вроде совсем неплохо. Но у меня большие амбиции. Я мечтаю о федеральных высотах. У другого голова закружится от лишней звездочки, а у меня она кружится от жажды абсолютной власти. Болит, горит, требует все выше и выше. Это же так захватывает, когда тебя обожествляют, кланяются в ноги, ловят твои слова, создают культ самого-самого во всех делах, во всех вопросах, на всех языках, в самых разных слоях общества. Боятся смотреть в глаза, а если приходится, то, при моем небольшом росте, умудряются потупить взгляд, взирая снизу вверх. Валькалепио! Валькалепио! А как же иначе! Докладывают: конференц-зал готов мне внимать. Воздух чист, как в березовой роще. Тишина, как в Георгиевском зале во время высших торжеств. Я иду. Нет, неторопливо чеканю шаги. Надеюсь, что их звуки проходят через души и сердца подчиненных. Что я скажу? Каким тоном? Кого уволю в засилье сплошной безработицы?

Кого подниму на новый пьедестал в регионе, откуда каждый мечтает хоть куда-нибудь смыться? Кто останется без краюхи хлеба, а кому достанется новый кусок пирога? Кто застрянет в таежных снегах, а кто переседет в легковушку и покатит по мостовым областных центров? Это только я скажу! Лишь из уст Петра Петровича Парфенчикова можно будет услышать торжественный марш, ведущий к успеху, или траурную мелодию, означающую фиаско в карьере. Такие минуты власти самым необыкновенным образом будоражат мое сознание. У кого не происходит такого возвеличивания собственного духа, тот слабоумный и никчемный тип, тому место на нарах моей тюрьмы. И даже не в камере, а в темном карцере.

Наконец я вошел в зал и, не поднимая головы, взошел на подиум. В висках гулко отсчиталось: три ступеньки, каждая по пятнадцать сантиметров. Это 45, плюс мои — 162. Значит, я выше всех. Только после этих успокоительных подсчетов я оглядел присутствующих. Они не просто стояли, как стоят после команды “Смирно!” Они стояли навытяжку, будто существовала еще другая команда: “Кто получит замечание по выправке, тому голова с плеч! Немедленно!” Я не спеша, осмотрел зал. В лицах подчиненных прочел беспредельную преданность и услужливость. Казалось, их взгляды застыли на одной точке, и этой магической по единству реакцией была готовность к беспрекословному подчинению. Такой безусловный накал чинопочитания привел меня в восторг. “Садитесь!” Они сели совершенно бесшумно, словно осенние мухи на подоконник, обогреваемый прощальным солнцем. Лишь подбородки у многих вздрагивали, уши обвисли, волосы на голове сами собой взъерошились. Вначале я хотел пройти по рядам, чтобы лучше запомнить их подобострастные лица, потом передумал. Даже сидя некоторые могли быть выше меня. “Этого допустить никак нельзя!” — мелькнула мысль. После некоторых колебаний я начал свою речь:

— Уважаемые коллеги! Ситуация в стране в преддверии выборов накаляется. Взрывы “Петербуржского экспресса”, троллейбуса в Тольятти сильно накалили обстановку. Только Эта партия способна надежно управлять нашим государством. Поэтому мы должны сделать все... и т. д. и т. д.

Честно сказать, весь свой пламенный спич я не запомнил, он к тому же довольно часто прерывался аплодисментами. Закончил я предложением всем начальникам взводов остаться в зале, пояснив, что в своем кабинете побеседую с командирами рот, а позже пообщаюсь с начальниками служб и со своими замами. Каждому необходимо было предложить перспективу по службе, если мы выполним план по выборам. Я требовал использовать все мыслимые и немыслимые приемы, уговоры, угрозы, шантаж, чтобы заручиться необходимым числом проголосовавших за Эту партию. Одних сажать в карцер, других в КУР, третьих лишать прогулок, рациона, личных свиданий, писем от родных, жен и любовниц, отказывать в лечении, запрещать пользоваться ларьком, одним словом, нагнетать психоз, чтобы потом, когда тюрьма в буквальном смысле завоюет, когда стоны эков будут услышаны в домах их родственников, предложить превосходный выход. Все вернется на круги своя, более того, каждый получит некоторое облегчение и даже преференции быть досрочно освобожденным при условии, что все семьи осужденных, вся их родня, соседи, уркаганы на воле, подельники и братва в следственных изоляторах, в милицейских участках, даже в бегах должны голосовать за Эту партию.

Шантаж во все времена служил самым веским аргументом в достижении невероятной цели. Каждому сотруднику учреждения, включая вольнонаемных, тоже была поставлена жесткая задача: посписочно дать пятьдесят голосов. Тот, кто не выполнит план, должен быть уволен, выброшен без выходного пособия. Того же, кто план перевыполнит, ждала отличная карьера, новые звездочки, отпуска в элитные ведомственные санатории, высококлассные куски кожи шевро на сапоги и отрезы габардина на парадную униформу, наконец, денежные премии. Когда задача была поставлена, я приказал корпусным и офицерам режимного отдела начать душить каторжан, применять к ним самые изощренные формы давления, самые немыслимые ухищрения, чтобы добиться главного: голосов на выборах. Я непререкаемым тоном установил срок: через неделю вопли и стоны заключенных должны быть слышны во всех уголках России. Особенно среди их родни. Если осуществится моя мечта — выиграют все соотечественники: расцветет страна, появятся миллионы

новых квартир, на тридцать процентов увеличится пенсия, успешно завершатся нацпроекты... Улучшится демография, укрепятся армия и флот, пополнятся современной техникой стратегические силы, триумфально пройдут Олимпийские игры в Сочи. Мы даже сможем построить дороги. Надо признаться лишь самому себе — с ними у нас совсем худо. Завистники на Западе захлебнутся желчью недовольства, на Востоке умоются горькими слезами зависти. Необходимо мобилизовать все ресурсы, чтобы Эта партия доминировала в Думе, а я был бы выдвинут на высокую должность в Москве. И черт с ними, с этими эками. Правда, в моем случае этот мусор должен принести пользу, надо лишь опытной рукой его спрессовать...

Вдруг дверь купе отворилась. Проводница, вручая мне билет, бросила:

— Готовься, через двадцать минут станция Кан. Не забыл, что на ней сходишь?

— Да-да, — кивнул я, — но билет не нужен. Спасибо!

— Я так и поняла, что ты не командированный. Торопись!..

Я осмотрелся и почувствовал на сердце беспокойство. Методичный стук колес усиливал его. «Кан, Кан, что ждет меня здесь, на сибирской земле? Конец или начало чего-то неведомого?» Собрать вещи было недолго, главную поклажу — пакет *этого самого*, я крепко прижал к груди. Ведь ничто другое меня не интересовало — паспорт, деньги я нащупал машинально, а дорожную сумку приготовил без какой-либо надобности. Пару минут провел в туалете, потом выпил стакан чаю с коржиком, сдал постельное белье, рассчитался, отвесил глубокий поклон проводнице и как раз услышал скрип тормозов...

Вот и канская земля. Едва вступив на нее, я тут же зажмурился — утреннее солнце больно ударило Петра Петровича. «Совсем не дружелюбное приветствие...» — пронеслось в сознании. Я плотнее прижал к себе пакет мака и, отворотившись от яркого светила, пошел вслед жидкому потоку пассажиров. В мусорный бак на платформе проводники сваливали мешки с отходами. Рядом в напряженном ожидании караулили свой час беспризорные, в лишаих, со-

баки, полупьяные бомжи и три извалявшиеся в грязи чумазые коровы. Я на мгновение остановился — видимо, интуиция вынудила меня сбавить шаг.

Едва последний проводник бросил в бак свой мешок, голодная группа бросилась на штурм контейнера. Собаки оказались у пищевых мешков раньше всех. В схватку с ними тут же вступили бомжи. Несколько мужчин и женщин пытались оттеснить свору, но безуспешно. Дворняги с остервенением кусали соперников за ноги, а люди отчаянно лупили их по мордам и бокам. С опозданием в бой вступили и коровы. Рогами они отшвыривали одних и других, расчищая проход к баку. Сопrotивлявшихся били копытами, теснили мордами и давили огромной массой. Когда контейнер был полностью захвачен парнокопытными, появился лениво идущий бык. Он подошел к баку, рогами вспорол несколько мешков, выбрал самое вкусное и только после этого позволил коровам прикоснуться к пище.

В сильном волнении люди и собаки отступили, ожидая очереди полакомиться. Первые вооружились палками и камнями, но медлили пускать их в ход, а лишь с угрозой ими размахивали. Вторые, брызжа слюной, остервенело лаяли и задними лапами злобно скребли потрепанный перронный асфальт. «За еду нет, а за кукнар я бы вступил в настоящий бой. Атаковал бы противника всеми способами...» — подумал я и зашагал дальше.

На вокзальной площади я столкнулся с каким-то типом.

— Прости, — обратился я к нему, — не подскажешь, где найти такси?

Вытаращив глаза, парень ничего не ответил и прошмыгнул мимо.

— Надо привыкать к провинции, — вздохнул я и осмотрелся. Несколько каменных домишек неуклюже вросли в деревянные кварталы городка. Ко мне подошли:

— Куда тебе, парень? Готов отвезти!

— К дому Фатеевой...

— К бабке Фате, что ли? Так она померла.

— К ее бывшему дому.

— За речкой?

— Да!

— Поехали. Приготовь полтинник... Кем ей будешь, племяшей или внуком?

— Внук.

— Странная бабка у тебя была.

— Знаю. Я тоже странный...

— Если в бабку пошел, гони деньжат наперед. Знаком я с вашей родней. Помню, как она за мои услуги месяцами расплачивалась...

Я протянул полсотни, после чего мой водила включил двигатель.

— Ты уж прости. Мы тут деньги с неба не снимаем, как в больших столицах, горбим день и ночь, а в кармане гроши. Бензин нынче опять поднялся в цене...

Я ничего не ответил, и он тоже замолчал. Ехали мы не больше пятнадцати минут. Наконец, он подрулил к калитке и бросил:

— Ты рассчитался, и я свою работу сделал. Пока. Нужна будет машина, спрашивай Леху Скворцова. Всегда скидку получишь. Я и до Красноярска за 1300 рублей плюс бензин туда-сюда готов взять подряд. Таких цен у других не найдешь. Двести долларов запрашивают, да и поездом не дешевле. Это ведь семьсот километров...

— Буду знать, прощай, — прервал я его и вышел из корейского «Хундая».

Осторожно шагнув за изгородь, я увидел сложенный из почерневшего кругляка, но еще крепкий, впрочем, старенький дом. Одинокая лампочка на крыльце, несмотря на яркое солнце, сиротливо горела. Окна, плотно завешенные серой, видимо, потемневшей тканью, словно скрывали какие-то тайны прошлого. Я порылся в карманах, затем вспомнил, что дом открыт, и с легким волнением подошел к двери. Она легко отворилась, и я оказался в слабо освещенной горнице. Из нее вошел в большую комнату. Здесь было светло и сухо. Цветы в горшках на полу и подоконниках завяли, фотографии на стенах покрылись пылью. Перед печкой валялось несколько поленьев. Было убого, но вполне опрятно. Дверь из комнаты вела в спальню. Скрученное в рулон цветастое одеяло подпирало спинку металлической кровати, две пышные подушки лежали горкой на другой стороне.

Все выглядело так, будто после кончины Фатеевой домик кто-то прибрал. Выглянув в окно, я по-настоящему заволновался: огромное пустое поле лежало как на ладони. В глазах зарябило, я почувствовал в душе знакомый укол, после которого меня безудержно несло к молотым головкам. Перед собой я уже видел собственные грядки в бело-голубых цветках со шляпками величиной в кулак, простирающиеся до самого горизонта.

Сердце заколотилось, засосало под ложечкой, организм требовательно запросил *это самое*. Я открыл драгоценный мешок, набрал полную ложку и только тут вспомнил о воде. Рядом ее не оказалось. Пришлось первую ложку прожевывать всухую. Чтобы сократить время и быстрее почувствовать приход, нужна была вода. Сортир у бабки Фати был во дворе, а на кухне, кроме пустых кастрюль, я ничего не обнаружил. Вспомнив о колодцах, которыми пользуются жители таких городков, я выскочил во двор. Обогнув домик, наткнулся на круглую, по пояс, колодезную стенку. Лихорадочно опустил ведро, набрал воды и, забыв о первоначальной идее «только для бодрости», стал проглатывать ложку за ложкой. На седьмой остановился. Отдышался. Вспомнил себя. Обрадовался наличию земельного надела. Подошел к его краю, упал на сырую, покрытую первой зеленой порослью землю с надеждой услышать ее пульс, но почему-то разрыдался. Не могу объяснить, чем это было вызвано.

Рыдал я горько и долго, как ребенок, который долгое время был разлучен с матерью и вдруг, к своему необыкновенному счастью, встретил ее. «Я не одинок, нет, совсем не одинок в этом гнусном мире», — повторял я, обнимая собственное поле. Эти объятия напоминали материнские ласки, прикосновения ее рук, запах ее тела, аромат волос... Впрочем, мак брал свое. Все сильнее начинал обрушиваться на меня сладостный поток прихода. Я впадал в кайф, все прежнее уходило в подсознание или совсем забывалось. Если в таком замечательном состоянии я начну готовить поле к посадке любимейшего растения, то его качество будет безупречным. Я тут же вскочил и стал носиться вокруг дома в поисках лопаты. «Глубина вспашки должна быть не больше двадцати сантиметров. Понял, Петр Петрович, понял? Это очень важно, иначе он не прорастет! Не дай бог!

Тогда конец!» — бубнил я сам себе. Когда был найден полевой инвентарь, я схватил лопату и бросился в дом, вытащил мешок маковых зерен и опять побежал в огород. Перед тем как начать копать, осмотрелся. Теперь-то участок поля, огороженный колючей проволокой, я успел оценить: в нем было больше гектара. «Прекрасно, прекрасно. Урожай должно хватить на два года. Сейчас конец мая, к середине августа он должен поспеть! Цветки опадут, головки откроются, станут желтенькими, с едва уловимыми прожилками шоколадного цвета... И тогда начнется самый настоящий райский сбор наваждений и грез, счастливых воспалений и ошеломительных спектаклей», — шептал я в возбуждении. — Из опавших цветков можно сделать сироп к чаю, а стволы хорошо пойдут на растопку печки. В доме всегда будет царить опийная атмосфера, Петр Петрович не только станет вдоволь есть опий, не оглядываясь на остатки, не считывая ложками свое будущее, а без кумара и ломок наслаждаться его чудесной энергией. Будет еще дышать им, упиваться этим маковым ароматом, усиливая его сказочное воздействие. Какое волнующее счастье ждет меня! Даже не верится... Неужели такая рукотворная радость возможна? Ведь в жизни так мало места для успешного самовыражения. А тут в Кане волшебство вполне может произойти. Надо лишь быстрее и старательнее перекапывать поле и высеивать благородный цветок. А потом с надеждой терпеливо ждать августа, чтобы непутевый Петенька сделал предложение Маковой царевне, женился на ней и начал обустраивать совместную жизнь. Разве иллюзия не лучшая подруга в земном существовании? Бесспорно, она самая бесподобная, обольстительная и прекрасная!»

Я с удвоенной энергией взялся за работу... Оказалось, что не так просто перекопать поле! Впервые в жизни я занялся физическим трудом. Через пару часов руки покрылись волдырями, правое плечо и спина зудели, лопата еле слушалась, в глазах прыгали солнечные зайчики. Но я продолжал работать. Энтузиазм не убавился, однако темп значительно снизился. К полудню я понял, что больше не смогу, выругался, доковылял к дому и завалился на кровать. Казалось, не было сил даже дышать, и скоро я полностью отключился...

Разгул НЕИСТОВОЙ СИЛЫ

Леонид Иванович Ефимкин оказался на берегу реки Кан случайно. Получив вынужденную отставку в отделе уголовного розыска уральского городка Ишим, где он служил опером, Ефимкин в рассерженных чувствах бросил жену, якобы отказавшую ему в помощи при увольнении, а может быть, даже нашел удобный предлог и стал искать новую жизнь. Сам он был выходцем из сибирского Барабинска, и в этой связи начал поиск места обитания в глубинке родного края. Попробовал трудоустроиться в Решетах, в Тулуне, в Иланской, даже ездил в Тайгу... Так случайно забрел в Кан, где получил, наконец, должность инспектора рыбоохраны водных ресурсов. И, успокоившись, осел бобылем на постое у старенькой вдовы. На этом служебные мытарства закончились. Теперь будущее представлялось ему в богатстве и роскоши. Он воображал себя значительным лицом в Канском регионе. Платил за постой немного — тыщонку в месяц, правда, помогал по хозяйству: колот дрова, выращивал картофель, возился с домашней птицей и все присматривался, как и у кого вы-

купить домик скончавшейся соседки Фатеевой. Леонид Иванович твердо отказался от идеи заводить новую подругу жизни. Он окончательно уверился, что слаб и вообще не способен на совместную ночлежку. Если и раньше его не особенно тянуло на это дело, то в последнее время он вовсе перестал о нем думать. Даже в сновидениях, пьяных и трезвых, не являлись ему нагишом бабы, а виделись все больше деньжата самых разных цветов и наполнений да многочисленные вещи, которые он торопился покупать, обставляя новые хоромы. Можно было предположить, что вся мужская страсть переключалась у господина Ефимкина в накопительство — занятие, заслуживающее искреннего уважения. Но порог дозволенности в этом деликатном деле без Бога в душе частенько стирается или даже изначально был не различим. Проклятая истина, как зарабатывать лишнюю копейку, открылась Леониду Ивановичу не сразу, зато теперь он чувствовал ее всем своим существом и считал, что обнаружил в себе талант к благородному делу. Если бы господин Ефимкин жил в крупном столичном городе, то давным-давно стал бы владельцем фабрик, заводов и пароходов.

Вспоминая прошлое, в котором он и не помышлял зашибать барыши, Леонид Иванович по-настоящему хворал и беспредельно злился на судьбу. Он готов был даже казнить себя! Поэтому после увольнения, насмотревшись на реальности жизни, проникновенно поклялся не сентиментальничать и работать исключительно на собственный карман. «С честью в душе не проживешь. Измордуют!» — подбадривал он себя.

Уже три недели как река Кан освободилась от ледового панциря. Промысел не был разрешен, но рыбаки с ночи заполняли проснувшуюся реку. Рыба шла. И кому как не инспектору Ефимкину было об этом известно. С первого дня работы Леонид Иванович хотел обложить тех, кто согласен был платить дань. Знакомясь, он объявлял каждому, что желает тридцать процентов от улова. При этом, от природы мнительный и совестливый, он вначале бледнел и морщился, потупив взгляд. Впрочем, такое смущенное состояние у него довольно быстро прошло и он все уверенней входил в права властного чиновника. Сегодня не только контроль над

частью своего дохода поднял спозаранку инспектора рыбоохраны. Перед ним открывалась совершенно новая жизнь, интригующая, неведомая, опасная, но желанная.

Вчерашний субботний день он отдежурил в скрытом наблюдательном месте перед автовокзалом и железнодорожной станцией и заметил много новых лиц, которые привезли в городок рыбацкие снасти. «Надо немного поработать на государство. Из пары десятков новых браконьеров необходимо отобрать трех-четыре самых строптивых крикунов, составить протоколы, конфисковать снаряжение и доложить по ведомственной инстанции», — размышлял Ефимкин. Среднестатистическое задержание нарушителей закона о природопользовании составляло по постамам ведомства три-четыре человека в сезон. Леонид Иванович не намеревался вносить новые цифры в статистические отчеты федеральной службы, поэтому решил задерживать нарушителей, как все, и никак не больше.

Итак, надев служебную форму, он вышел из дома, уныло взглянул на пустующую избу Фатеевой и стал спускаться к реке. Настроение было прескверное. Работа, правда, началась, но пополнения капитала пока не произошло. По дороге к служебному катеру инспектор заглянул в свою копильню. Соорудил он ее пару дней назад простым дедовским способом вместе с капитаном милиции и оформил как временное строение на тещу своего партнера, участкового Сергея Погорелова. Его Ефимкин застал в копильне. Капитан рубил дрова, в ведре подносил опилки, чистил печь и готовился принять первую рыбу. Понаблюдав за ним, Ефимкин отметил его странный рот: губы партнера смотрели в разные стороны. Леонид Иванович подумал: «Такая рожа меня обязательно обманет. Но как? На чем?» Впрочем, вслух сказал другое:

— Давай, Серега, готовь печь. Сегодня много рыбы должно быть.

— А, Иваныч, привет. Да, привокзальные торговки просят в день сто, а то и больше килограммов. Поезда на юга уже с конца апреля пошли. Люди едут с деньгами, тратить хотят. Ты-то сам тоже навалишь. Наша копильня хорошие объемы потянет. Можно без дополнительных затрат производство расширить.

— Скажи Серега: пока меня нет, ты в коптильне для дома ничего не готовишь? Как мне уследить, где картошка печется или щи варятся? В цеху затраты общие, а в доме личные. Я свою долю на покупку дров и прочее исправно внес, а должного контроля за использованием фирменных материалов не имею. Если я сам себе не верю, как с другими-то поступать?

— Брось ты, Леонид Иванович! Видно же, чуть ли не круглый день моя домашняя печь дымит. Семья большая, жена от плиты не отходит.

— Я все же об отчетности хочу подумать! — Инспектор поднял руку и быстро вышел из коптильни.

По дороге он продолжил разговор с самим собой: «Да, крадет у меня этот ментяра. Одно полено из трех в дом обязательно снесет. Да и с рыбой будет непорядок. Сдашь семьдесят килограммов, вернется пятьдесят. Естественная убыль при копчении. Кстати, надо книжки почитать, чему она равна? Чтобы с самого начала учет вести. Ух, не верю я никому. Надо плетку купить и по рукам бить... Дурень, зачем деньги тратить, не лучше ли из конфискованного инвентаря леску со свинцом обрезать и ею по рукам хлестать? Больно! Сердито! Да и леска в оборот уйдет, желающих ее купить немало, зачем деньги переводить. Не лучше ли бабкин чугунный утюг взять и по воровским рукам его направить? Страшная боль в памяти должна сохраниться, а что за воспитание без боли? Вот ранней весной едва заступил в должность, а тысячу долларов за движок «Вольво» отдал. Да, с ним больше заработаю. Нынче у браконьеров катера на скорости. Но прав ли я? Нет! Надо было собственные руки утюгом огреть, чтобы одумался. Почему себе в карман залез, а не жалобными письмами вышестоящие ведомства забросал, бюджетных денег не выклянчил? Эмоции и страсть — помеха бизнесу. Согласен, что не только по чужим, но и по своим рукам необходимо хлестать. Иначе капитал не соберешь! Кстати, а почему бы не увеличить мою долю у рыбаков? Уже неделя как она застыла на отметке тридцать процентов. Я же сам устанавливаю размер доли. В прошлом 2008-м цены на масло, мясо, молочные изделия и прочее выросли процентов на сорок. Так почему же я молчу? Что, богаче всех? Надо срочно увеличить доход. Без моего согласия они ведь ни

копейки не заработают. Сколько объявить? Скажем так: с 25 мая по 31 июня я повышаю долю до тридцати с небольшим процентов. Что это в сравнение общим поднятием цен? Пшик! 40 процентов от улова! А с 1 июля еще раз поднимаю на двадцать пять процентов. Значит, начну получать пятьдесят процентов от всего пойманного. Одна рыба тебе — другая мне! А как же? Бизнес должен быть поделен! Мне еще дальше посылать надо: и в Красноярск — местным, и в Новосибирск — в федеральный округ, и в Москву — высшему начальству. Считаю что четверть, а порой и больше надо отдать. Половину от всего я должен еще Погорелову за управление коптильным цехом. Правда, после копчения. Он хоть и партнер, но пятьдесят процентов это много. Рыбу-то я достаю. Под новые квоты надо прокурора взять в партнеры. Дать ему тридцать процентов, а за собой оставить семьдесят. Кстати, хорошая идея: подсказать ему, у кого в округе лучшее нелегальное коптильное оборудование установлено, норвежское. Пусть его люди конфискуют, а потом на закрытом тендере за пару копеек продадут нашей же фирме. Так нам коптильня в гроши обойдется. Впрочем, зачем создавать фирму? Чтобы налоги платить? Штат сотрудников заводить? Опять копейки собирать? Нет! Никакой легальной фирмы нам не надо. Открыли производство — и гони продукцию. Ведь он сам на страже законов стоит. Пусть смотрит в другую сторону. Такая позиция в бизнесе самая выгодная, поскольку налогов платить не надо. Пусть нефтяники, газовики, строители, военно-промышленный комплекс платят. У них производство растет, бизнес барыши приносит, а чего ждать от малых предприятий? Гроши наше государство не спасут, а миллионов у нас нет. Что за отчисления от ста, двухсот килограммов рыбы? Слезы! Один охранник губернатора казне дороже обходится. Вот я давеча экзекуцию придумал за дурные поступки. Утюгом по рукам! А о премии не подумал. Глупо, глупо!

Сейчас неплохая идея родилась, как увеличить собственный капитал. Так что, опять о премии не мечтать? Как же тогда стимулировать ноу-хау? Надо бабкин утюг с собой носить, чтобы в нужный момент как следует себя хрястнуть по башке. Может, поумнее. Что я за транжира? Истинный враг самому себе. Решено: прокурору предложу не тридцать,

а двадцать пять процентов в совместном бизнесе. Пять отнятых у него процентов будут мне гонораром за великолепную идею. Или не пять, а семь? Ему и двадцати трех хватит. У него другой бизнес есть, и немалый. Каждый тюремный день он оценивает в сто долларов. Вынесет приговор осужденному на год меньше — тридцать шесть тысяч долларов в кармане. А за один квартал у него более сотни уголовных дел слушается. Правда, не все платят, за такие деньги можно и посидеть, но клиентура имеется, и немалая.

Почему он рыбным бизнесом заинтересуется? Ха, а если завтра погонят... А ведь точно погонят, ну, не завтра, так послезавтра. Они на своих местах больше двух лет не задерживаются. Две дорожки перед ними: или вверх по служебной лестнице, или на улицу — искать нишу в коммерции. Им-то хорошо известно, что яйца в одной корзине не держат. Впрочем, и мне тоже надо об этом помнить. Следует разнообразить бизнес, не только рыбой заниматься, а постоянно искать что-то новое. Например, лодками торговать. Можно использовать свою власть и пихать каждому катера. Не только пятьдесят процентов улова требовать, но и чтобы на моей лодке рыбачили. Век бюрократа недолгий. Тогда почему только лодки? И движок к ним. Их из Омска привозят. Пусть движки покупают, капитал мой наращивают. Что еще? Лодка моя, движок мой, а бензин или солярка? Вот те раз, конечно, пора организовать торговлю горюче-смазочными материалами. Тут в долю можно начальника милиции взять. Он через год-два на пенсию собрался, о прибылях мечтает. Замечательная кандидатура. За двадцать три процента будет благодарить. Но почему так много, с него девятнадцати, нет, семнадцати хватит... Дам ему пятнадцать, красивая цифра, и солидно. Что еще? Что еще? А снасти, сети, удила, крючки, свинцовые грузила, подкормка для рыб? Я о них и раньше думал, но теперь пора переходить к делу и открыть магазин по продаже рыбацкого инвентаря. Тут лучше главу муниципального образования подтянуть, да не его лично, а супругу. Бойкая девка. Ей надо подсказать, да она и сама не дура: лицензию на вылов рыбы выдавать лишь при условии, что инвентарь будет покупаться в нашем магазине. Эта меньше чем на сорок процентов не со-

гласится. Мозговать придется, как ее на чуток опустить. Хоть бы на два с половиной процента... Тоже деньги. Что еще, что еще, что еще? А коптильни? Тут административный ресурс не поможет, в дом к каждому с обыском не зайдешь, такая акция скандалом обернется. А арендовать все вокзальные платформы, всю привокзальную площадь, каждый метр вокруг автостанции? Прекрасная идея. Что-бы торговли не участковым платили, не дежурному по вокзалу, а мне. В это дело лучше пригласить главу городского суда да начальников вокзала и автостанции. Каждому предложить по десять процентов. Главное, чтобы судья дал согласие, а потом его именем подтягивать двух директоров. Кто откажется иметь представителя правосудия в партнерах? Не сумасшедшие же, не самоубийцы! Что еще, что еще? Давай-давай думай! Сегодня поперло, идеи, брызжут фонтаном. Оскалилась жизнь! Потому и прорвало! Мир вокруг достал! Так, что еще? Что еще? Где еще денегат перехватить? А если арендовать помещение и в нем открыть рыбную биржу? С жинкой главы муниципального образования продолжить и на этой стезе. С каждого проданного килограмма рыбы двадцать, нет, двадцать пять процентов на счет нашей фирмы, а лучше даже прямо нам в карман. А глава пусть готовит соответствующее постановление. Да вряд ли он сможет, неуч. Надо зайти к редактору местной газетки, чтобы он за гонорарчик, скромный, но наличный, сварганил эту официальную бумаженцию. Мол вся выловленная... а почему лишь выловленная... вся выловленная и завезенная отечественная и импортная рыба должна продаваться исключительно на рыбной бирже. Баста! Подпись главы администрации. Совсем неплохо, прекрасно. Тут на денежный ручеек можно рассчитывать.

Ощущаю потрясающее вдохновение. Деньги так и шелестят перед глазами. Я счастливчик. Да, рядом нет бабы, ну и что? Может, мне мужики начнут нравиться... Кому какое дело! Что еще, что еще? Где еще бизнес поднять с помощью власти? Ремонт двигателей, лодок, снастей, коптилен? Да-да, неплохо. Что еще? Что еще? Думай! А фасовать готовую рыбу в вакуумную упаковку? Оригинальный вкус сохранится надолго, канский товар

можно в другие края посылать. Надо только купить эту установку и взять в аренду помещение... Но зачем покупать? Зачем? Опять за свое? Дурень! Поговори с местным таможенником, пусть следит за движением товаров через станцию Кан. Как попадется вакуумная установка, он тут же снимает ее с контейнера и конфискует. Предлог всегда найдется: нет санитарно-гигиенического сертификата, не просматривается печать на паспорте внешнеторговой сделки, отсутствует национальная техническая регистрация, не переведены документы качества, не указана страна происхождения, подпись ответственного лица не видна. Тысяча придинок и зацепок позволят нам завладеть установкой бесплатно. Потом таможенник получит долю в бизнесе. Но партнерские отношения с ним необходимо установить лишь на время его службы. Никаких процентов в совместном предприятии предлагать не буду. А там мы знаем, что делать дальше. Что еще, что еще? Давай, думай, Леонид Иванович! Понадобится установка цветной печати. Готовая продукция должна иметь отменный вид. Где ее купить, а лучше, конечно, прихватить? Конфисковать у нелегалов? Знаю пару мест, где они орудуют. Тогда в дело опять надо брать прокурора или начальника милиции. А то и обоих. Если команда собрана, бизнес идеально выстроен, доходы пошли вверх, самое время задуматься о собственном будущем. Не в депутаты ли податься? Конечно, не в районные или городские, а краевые или даже федеральные. А что? Чем я хуже? Голова есть, деньги есть (должны быть), связи есть, биография соответствует. Войду в Эту партию. Конечно, придется как следует заплатить... Дурень, утюгом бы тебя сейчас. Разве не лучше найти спонсоров? Ха-ха, естественно, карьеру лучше строить с их помощью. Мои партнеры и станут ими. Прибыль от совместного бизнеса надо направить на мое продвижение в депутаты. Но заявить об этом не сразу, а позже, когда придет время делить барыши. А то спугну, ведь они сами могут вынашивать те же идеи и меня в качестве спонсора захотят рассматривать. Нет, лучше подождать. А когда дележка станет обычным делом, намекнуть: чтобы защитить наше предприятие надо бы пойти в депутаты. Тут главное — найти подходящий момент и представить

себя радетелем общих интересов. Неплохо, зная ментальность своих будущих партнеров, без сомнения, можно предположить, что из них о федеральной Думе никто не помышляет. Они в лучшем случае зарятся на местные депутатские кресла. И я буду всячески помогать им. Готов на бартер: вы лоббируете и финансируете мое продвижение в Москву, а я поддерживаю вас на местном поприще. При таком раскладе какой дурак посмеет покуситься на наш бизнес? Раздавим! По миру пустим! Если бригада мощная сложится, можно и вокруг осмотреться. Почему бы не забрать под управление один рыбный завод, потом другой, а там и все рыбные предприятия России? Грандиозные планы, но начать надо с простого: поднять долю в улове. Сегодня я тот же по виду Леонид Ефимкин, но совершенно другой в помыслах и в сердце.

Желания мои становились все амбициознее. Что за расписание я задумал, чушь это все. Май, июнь, июль... Никаких графиков — буквально с этого дня все обязаны отдавать мне половину улова. И точка! Говорить о новых тарифах необходимо небрежно, без надрыва и алчного взгляда. Напустить на себя меланхолию и полнейшее равнодушие. Никакой страсти! Нет! Вроде как сам закон обязывает именно по такой схеме дележ производить!» — С этими мыслями господин Ефимкин прыгнул в служебный катер и, чертыхаясь из-за своей расточительности, включил мотор.

Рассвело. На малом ходу он стал осматривать рыбаков и их плавучие средства в бинокль. А, 444, свой парень, к нему я после промысла подойду объявить о новом налоге. А это кто? Чей номер лодки 033? Да-да, это Мукорез, сейчас он получит от меня приятную весточку. 91-й номер, кто это? Запомню... Неужели Пирятин? Он-он, побрился, вот почему сразу не признал. С этим проблем не будет. А это кто под 066-м? Дуганов? Точно, Дуганов! Чтобы с него половину улова получить, лучше объявить семьдесят процентов. Смухлюет и даст пятьдесят, а то и сорок, сволочь! Как бы мне его на обмане поймать? Измордую! Лодку отниму. А это кто? Новый номер какой-то: ЩО-133. Видно, из Нижнеудинска. Там с буквами балуются. Сейчас до тебя доберусь. А 023? Тоже новичок. Лесками вся лодка обложена, сейчас ты узнаешь, как на незаконный промысел выходить. Я вас

всех достану. Сегодня инспектор работает на государство. Четверо у меня сразу загремят. В середине лета еще одного-двух сцапаю. А под конец сезона сдам с потрохами всех, кто меня дурил, кто недовложение по отношению к Ефимкину позволил.

— Привет, Мукорез, — подойдя к лодке, бросил инспектор. — Сообщаю тебе приятную новость: с сегодняшнего дня станешь отвечать на мой счет ровно половину и ни грамма меньше. Усек?

— Что так, Леонид Иванович? Разоришь семью, знай Бога!

— Говорится же: Богу — Божье, а кесарю — кесарево, — парировал инспектор. — Так что не спорь, а усердно выполняй. Уяснил? Давай-давай, река всех накормит.

— Что, только с меня? Вон сколько орлов подрабатывают, — расстроился Мукорез.

— Со всех, со всех возьмем, не переживай.

Пирятин ответил коротко:

— Начальник, раз надо, так надо!

Дуганов расплакался:

— Начальник, за два часа одну щучку поднял. Что тут делить?

— А ты что, уже удила сворачиваешь? — вставил Ефимкин. — Небось допоздна на реке останешься. Так что рыба еще придет. Но если и не прибавишь, то семьдесят процентов в твоей щуке моя часть. Не журись, тебе хвост и голова достанутся. Спорить будешь?

— Ладно, поймал ты меня на слове.

Леонид Иванович почти расстроился: уж больно просто все получается. Почему же он раньше об этом не решался говорить? С первого дня? Утром один налог, вечером уже другой. В обменных пунктах-то курсы каждый час меняют. «Что меня сдерживало?» — вслух удивлялся он.

Когда господин Ефимкин подъехал к лодке под номером ЩО-133, он искренне изумился. На судне рыбачила незнакомая дама.

— Вы кто такая и откуда? Пока закон еще действует: ловить рыбу сейчас категорически запрещается! — прикрикнул он.

— А почему другим можно? — возразила рыбачка. — Сколько рыбаков вокруг.

— Каждый из них будет наказан. Еду как раз составлять протокол и изымать улов и снаряжение. С вами будем поступать так же. Все по закону, никакой отсебятины.

— А мне знакомый порекомендовал здесь порыбачить. И сказал, что проблем не будет. Я, понимаете ли, хочу набраться опыта перед корпоративной рыбалкой в Мексиканском заливе.

— Тот, кто вам это посоветовал, должен был знать, что существуют законы Российской Федерации...

— Минутку, минутку, я назову его имя, может, оно охладит ваш пыл?

— Я выполняю закон, работаю в интересах государства... — гордо произнес господин Ефимкин. — Придется все конфисковать: и чудесную лодочку с моторчиком, и снасти...

— Вы слышали о Прещемихине Анатолии Федоровиче? — тихо спросила рыбачка.

— А кто он?

— Как, вы не знаете заместителя руководителя С-кого федерального округа, ведающего правовыми вопросами?

— Любой может назвать кого хочешь. Мне ваших ссылок недостаточно. Вот если письмо с резолюцией должностного лица, разрешающее в период нереста рыбы, нарушая федеральные законы...

— Я здесь на тренировке, — запуталась молодая женщина. — Обыщите лодку, в ней ничего нет. Ловлю рыбу и тут же отпускаю ее в реку.

— Госрыбнадзору никакого бюджета не хватит, чтобы у каждого промысловика ставить инспектора, который подтверждал бы ваши версии. А если ваша рыба вот-вот икру должна нести, то вы губите уже не одну голову, а сотни. Словом, будем разбираться.

— Почему вы не верите, что я нахожусь под покровительством государственного лица? Он способен вмиг снять вас с должности или повысить.

— Профессия у меня такая — не верить. Если начну верить всем на слово, то какой смысл в моих должностных инструкциях? Следуйте за мной, надо составлять протокол...

— Минутку, минутку, я только наберу Анатолия Федоровича по мобильной связи.

Инспектор промолчал, но про себя подумал, что неплохо разыграл спектакль.

— Анатолий, это я, — зачастила тем временем его жертва, — какой-то инспектор собирается конфисковать мою лодку! Да, но он не верит... Как его зовут? Как вас зовут?..

— Леонид Иванович Ефимкин... — сказал инспектор.

— Ефимкин, его зовут Ефимкин... Передаю трубку...

— Государственный инспектор второго класса Госрыбконтроля Леонид Иванович Ефимкин слушает... — с достоинством представился чиновник.

— Милейший друг, это Прещемихин говорит, С-кий федеральный округ. Зам руководителя. Что ты там девушку пугаешь?

— Уважаемый господин Прещемихин, сегодня у нас комиссия из Москвы. Житволь, Варнищенко, Борчинок и другие. Прибыли инкогнито, чтобы проверить, как налажена охрана водных ресурсов России. Патруль записал номер лодки вашей знакомой. Мне поручено доставить ее на берег для составления протокола и изъятия всего содержимого. Дело само собой будет передано в суд. Вы представитель региональной власти, а на берегу меня ждут с арестованным судном представители центра. Как мне быть?

— Можно что-нибудь придумать, чтобы не было протокола и конфискации? — помрачнел голос в трубке.

— Я бы пошел на риск, но должен быть уверен, что вы есть вы. Назовите номер телефона вашей приемной и прикажите мой звонок переадресовать вам. Сегодня воскресенье, но ваша приемная должна работать. Тогда я начну ломать голову, как спасти нашу фигурантку от неприятностей. Кстати, второй канал по итогам проверки готовит материал для программы «Вести недели».

— Запишите мои телефоны и звоните. Надо сделать все, чтобы не допустить скандала, — голос федерального чиновника явно стал любезнее.

— У вас при себе деньги есть? — с напускным безразличием спросил инспектор.

— Сколько вам нужно?

— Не мне, а вам, милая. Меня впечатлило, что вам протежирует такой уважаемый человек. Но я же не смогу сообщить членам комиссии, что он ваш покровитель. Иначе скандал разрастется и будет иметь очень неблагоприятные последствия. Скорее всего, деньги надо будет передать телевизионщикам, команде инспекторов — этот брат любит взять. Если я не приведу вас на берег, за вами погонится стая служителей закона. Сейчас наберу Анатолия Федоровича, нужна еще одна консультация. — Инспектор откашлялся и придал голосу солидность. — Это Ефимкин, в следующий раз, когда вы своих друзей отправите на речной промысел, пожалуйста, звоните заранее... Касательно вашей знакомой — есть единственный выход. Сейчас я свяжусь со своим секретарем. Она подготовит приказ о зачислении... Как ваша фамилия? — обратился он к молодой женщине.

— Луснецова!

— ...Луснецовой нештатным инспектором рыбоохраны.

Помимо этого — необходимо угостить по-сибирски столичных телевизионщиков и бригаду инспекторов из Красноярска. Проблема в том, что я принял вызов на злостного нарушителя. Получается, что лодка мне не знакома. Как такое может быть: мой инспектор, а лодку я не знаю? Подозрительно, не правда ли? Потом ее необходимо внести в ведомость и указать, что она имеет право останавливать водные средства на проверку. Есть другой вариант: вы звоните Житволью или Варнищенко, а также руководителю программы «Вести недели» и решаете вопрос без моего участия, самостоятельно. Я же здесь, так сказать, прикрываю тыл... Одним словом, или она беспрекословно слушается меня, или разруливайте ситуацию сами.

— Хм-хм, ваше первое предложение мне нравится больше. Дайте трубку Наталье, я ей все объясню...

«А этот охотничий нож просто прелесть. Скорее всего, импортный, не приходилось встречать такой роскошный, — думал Леонид Иванович, искоса разглядывая изделие. — Надо его как-то прибрать к рукам». Молодая женщина тем временем закрыла телефон и повернулась к Ефимкину:

— У меня с собой тысяча долларов, — сказала она виновато.

— Так много и не нужно. У вас опыта больше, подскажите, какие средства необходимы, чтобы заинтересованно напоить и накормить пятнадцать человек? Мне этим никогда не приходилось заниматься...

— Где?

— У нас в Кане.

— Я не знаю ваших цен. Ну, пятьдесят — шестьдесят долларов на человека.

— Итак, пятнадцать помножим на шестьдесят... Девятьсот долларов. Отсчитайте мне эту сумму. Я позвоню секретарше, чтобы она подготовила приказ о вашем зачислении на службу нештатным инспектором.

Ефимкин отошел в сторону и начал диктовать начальственным тоном:

— Шурочка, подготовь приказ на имя Натальи Луснецовой. Она зачисляется к нам с первого пятого нештатным инспектором. Номер ее лодки ЩО-133. Это водное средство имеет право передвигаться в подконтрольном нам речном бассейне в любое время суток. Записала? Умница! Какой нож, у меня ножа с собой нет. Для чего? Рыбный шашлыкочок готовить?.. Уважаемая, у вас есть охотничий нож?

— Есть, а что?

— Шурочка, нож нашелся, не беспокойся... Я его у вас возьму на время... Где он? — Инспектор получил нож и, не глядя, сунул в карман. — Первая часть дела сделана, уважаемая. Уже легче. Теперь вы нештатный инспектор рыбоохраны... Беда отступает, но еще надо принять некоторые меры. — Леонид Иванович окинул взглядом свою жертву. — С деньгами разобрались? Давайте. Отлично. Сейчас я выпущу желтую ракету. Для берега она означает, что ваша лодка по нашему поручению следует на юг. А вы включайте моторчик и двигайтесь направо. Через пятнадцать километров вы в полной безопасности. Или другой вариант, он мне больше по душе: мы вместе с вами объезжаем всех нарушителей, составляем протокол задержания, конфискуем незаконные предметы лова даже, порой, вступаем в схватку. Опасаться нечего: речная милиция по первому сигналу будет тут как тут. Наша акция продлится до вечера.

— Нет-нет, я лучше сама... Но как быть с автомобилем? У меня «Ситроен» с тележкой...

— Оставьте ваш номер мобильного телефона, когда все успокоится и правительственная бригада усядется за стол с сибирскими угощениями, я дам вам знать. Тогда и вернетесь к автомобилю. А теперь — удачной вам рыбалки. С новыми документами можете промышлять у нас круглый год. Я позвоню Анатолию Федоровичу, успокою!

Ефимкин перешел уже в свой служебный катерок, чтобы дать газу, но тут же услышал:

— Минутку, возьмите визитку. В ней мой мобильный телефон.

«Ну что, сучка, не вышло у тебя столичным приемчиком Ефимкина ошарашить. Я тебя и твоего хахала еще успею поймать», — подумал злорадно инспектор, беря визитку. Потом он вытащил ракетницу и дал залп. Луснецова рванула лодку.

— Прощайте! — бросил Леонид Иванович и сразу набрал заместителя руководителя федерального округа. — Анатолий Федорович, я сделал все, как вы указывали. Наталья сама составила калькуляцию для журналистов из «Вестей недели» и передала для них деньги. Уверен, все будет в ажуре. Теперь она может рыбачить у нас круглый год. Я ее оформил, как вы разрешили, нештатным инспектором. Пришлось дать залп ракетницей. Он означает, что еще один инспектор заступил на службу. На берегу об этом должны знать. От предложения остаться со мной в рейде по выявлению браконьеров она отказалась. Понимаю, шикарная дама, зачем ей такое не совсем комфортное времяпрепровождение. Я на всякий случай отправил ее подальше от зоны государственной проверки. Разрешите передать к вашему столу свежую рыбу в ассортименте... Всего доброго. Счастливо!

«Вот так на голом месте девятьсот долларов заработал, — подумал Леонид Иванович. — Надо боготворить богатеев и знаменитостей, они для нас щедрее казны. А новый административный канал большую перспективу может приоткрыть. Если бы не чиновники, пьющие кровь у русского человека, мы на многое, очень многое способны. Эх, власть бы да капитал... Такую страну построить! Зачем мне университетское образование, если я решил служить, пока служится, государству? Но сейчас необходимо продолжить собственный промысел. Как Ерофей Павлович Хабаров, свои границы буйка-

ми отмечу, чтобы никто, кроме меня, нос сюда не совал. Пора разделить: мне добро, а государству нарушителей. Но число их ограничить следует, иначе как капитал нажить? Вот, одного я уже вижу. К тому же чужака... Приличная экипировка и лодка дорогая. Ого, у него мерседесовский движок. Очки на нем класс, суперменские. Чехол для инвентаря просто супер! Обязательно выманю, такие роскошные аксессуары российский закон даже предписывает прикарманить в пользу чиновников. Как же иначе государству служить за мизерную зарплату? Видно, этот на лодке мужик не с рабочей слободы. Да, тут еще сшибить можно. Обую-ка его по всей программе. Заберу все, что душа пожелает, у меня на это природный талант открылся. Такие птицы, как он, в нашем крае редки. А как же! Пришло наконец мое времечко. Кто знает, сколько оно продлится. Поэтому оно велит торопиться с заработком. Чтобы не угас аппетит, необходимо его постоянно подогревать. Злить себя мыслями о чужих деньгах, о роскоши. Сегодня день вроде неплохо начался, продолжай, продолжай его с той же горячностью, дорогой Леонид Иванович! Как же иначе деньги заработаешь, свободным себя почувствуешь? Человеком наконец станешь? Ах, как это все необходимо русскому мужику Ефимкину. Не быдлом ведь жить с грошами в кармане. Впрочем, может, я еще не привык к богатству? Еще не осели на моем банковском счете купюры, но их чарующий шелест я уже начал ощущать».

В его глазах появился блеск, характерный для довольных собой людей. Главное, что он поверил в собственные возможности, в свой талант предпринимателя, так неожиданно открывшийся в первый же по-настоящему рабочий день. Успех окрылил его. Если не отступать, то огромное состояние и впрямь не за горами. Он не позволит себе никакой оплошности в сделках, предпримет все, чтобы попасть в рейтинг богатейших людей России. На лице Леонида Ивановича отразился восторг. «Деньги — вот источник истинного наслаждения, — размышлял он в радостном волнении. — Мои способности планировать и развивать бизнес, предчувствовать выгодную ситуацию открывают ворота в мир безграничной власти. Там бурлит настоящая жизнь. Итак, неистовый натиск — и никаких поблажек, дружеских обязательств и сантиментов. Нет и не должно быть...»

Воскресенье инспектору рыбоохраны удалось на славу. Он приобрел больше, чем за последние два года случайных заработков. Были и доллары, и рубли, и диковинные в этих краях вещи. А еще новая доля улова. Ефимкин понимал, что несколько чужих богатеев, забредших в его регион, — счастливый случай из тех, что выпадают в начале сезона. Если такие оказии будут повторяться, то не чаще чем два-три раза в году. Что на самом деле могло принести прибыль, так это деловые отношения с местными браконьерами. И эти связи как будто начали складываться. Около двухсот килограммов рыбы — сиг, чир, красавец таймень, хариус, налим, сарога, окунь — он отвез в коптильню капитану Погорелову.

— Серега, я кое-что прикинул. Давай по порядку: у нас общая коптильня. Пятьдесят на пятьдесят. Теперь нам нужна рыба. Так? Так! А где мы ее берем? Ее приносит некто господин Ефимкин. А что он за это имеет? Пятьдесят процентов да еще минус на естественную убыль. Значит, этот бедолага получит за нее всего лишь сорок пять процентов. Зачем в таком случае господину Ефимкину отдавать рыбу нашему предприятию? Он отдаст ее в другие руки, заплатит за переработку десять процентов плюс естественная убыль и получит около восьмидесяти пяти процентов от готовой продукции. Теперь ты понял, что хотел меня наколоть? Я предлагаю другой расклад, справедливый. Сервис коптильни стоит в среднем десять процентов. То есть мы, владельцы печей, должны с двухсот килограммов за минусом семи-восьми процентов естественной убыли на усушку, получить около ста восьмидесяти пяти килограммов. Из этого навару половина твоя, а половина моя. Выходит, что твоя чистая прибыль за копчение составит около девяти килограммов с копейками. И никак не больше. Ведь рыба моя, и ничья другая. Но вполне возможно, что я начну брать рыбу для копчения у других за восемь или даже семь процентов. Тут вообще твоя доля сокращается. Я должен получать агентскую комиссию от коптильни за дополнительный навар! В нашем регионе коммерсанты берут от семи до десяти процентов за посреднические услуги. Ведь этот объем рыб я могу сдать в другие коптильни и там получить свои комиссионные. Скажем, возьму среднюю ставку — восемь с половиной процентов. В этом случае...

— Хватит-хватит, ты мне голову перекошил своими расчетами. Я тебя ни в чем не дурил, это ты агитировал открыть коптильное производство на паях. Сейчас же, кажется, собираешься меня перехитрить. По твоей арифметике, выходит, все тебе, а мне шиш даже без масла? Как так? Я должен позвать тещу, она в этом деле лучше кумекает...

— Через пару минут вошла бойкая пухлая старушка. Кажется, она долго работала директором заводской столовой. Прямо с порога она заявила, шепелявя: «Бизнес начинается с разборок. Так я и думала! Разве два мента смогут сработаться? Ленька, рассказывай. Придется выводить вас на чистую воду...

Господин Ефимкин повторил свои доводы, а закончил дружелюбно: дескать, партнерские отношения остаются, он их ценит, но перед первой товарной партией нужно поставить все на свои места, чтобы не было недомолвок.

— Хитрец ты, Ленька. А что получит моя семья за то, что ваша богадельня на меня зарегистрирована? А наш Сережка, который возится в ней с раннего утра? Месяц уже как с дочкой не спит. Это что, денег не стоит? А электричество? А аренда земли? А Сережкин авторитет — он же капитан милиции... Ты, парень, давай теперь работай с плюсом в нашу сторону. Не то снесу я эту шарашку, и чихать мне на ваш бизнес.

— Давайте считать: сколько стоит работник в коптильне? Сто—сто пятьдесят долларов в месяц? Так?

— А если он капитан? — вставила бабка.

— А зачем производству капитаны, да еще милиции?

— Но он же тебя крышует, — взвизгнула старушенция.

— Кто кого крышует, еще непонятно, — огрызнулся инспектор. — Хорошо, скажем сто долларов в месяц стоит работник плюс двести долларов крыша. Годится?

— Считаю дальше.

Теща вытасила из кармана халата карандаш с блокнотом и стала записывать.

— За электричество платим поровну. Аренда земли? Коптильня заняла тридцать пять квадратных метров. Один метр — один доллар в месяц. Справедливо?

— Какие тридцать пять метров? А дрова, разбросанные на участке, а чуча опилок? Кто за них платит будет?

— Хорошо, добавляю еще пять метров...

— Не пять, а десять.

— Плюс пятьдесят пять долларов помесечно. Что еще?

— А воздух коптильня гадит, мою жизнь сокращает! Я требую деньги на витамины, на лечение, на отдых. Считаю.

— Еще сто долларов в месяц...

— Что я на твои сто долларов куплю? Изверг! Даже гроб без крышки получишь. Прибавляй еще сто.

— И еще уточнение: мы говорим только о месяцах рыбного сезона. С октября по апрель никакой работы нет, значит, и платежей нет. — Ефимкин стал нервничать.

— Не знаю, не знаю, нынче в октябре тепло. Река не стоит, в прошлом году много рыбы дала, — оживилась старушка. — А что я должна получать? Я ведь владелица по бумагам?

— Пятьдесят долларов в месяц...

— Нет, не согласна. Сто!

— Сто бюджет не позволит. Шестьдесят! — побагровел Леонид Иванович.

— На восьмидесяти договорились, — она протянула инспектору пухлую руку и одарила его беззубой улыбкой. — Итого, помимо распределения прибылей, вы должны с общей кассы оставлять нашей семье шестьсот тридцать пять долларов, плюс затраты на электричество по счетчику. Пожмите друг другу руки. Пойду досматривать сериал.

— Но решения еще нет, — встревожился Ефимкин. — Дайте время подумать. Шестьсот тридцать пять долларов плюс электричество? Выходит, моя месячная доля затрат составит триста семнадцать долларов с копейками... Соглашусь ли я на такое обременение?

Леонид Иванович отошел в сторонку и стал размышлять. «Все это убогое производство обошлось нам в восемьсот семьдесят долларов. Я внес половину, что составляет четыреста тридцать пять зеленых. В эту сумму входят затраты на три куба дров, две тонны опилок плюс всякие мелочи... Если я отдам свой товар на обработку другим, то никакой головной боли иметь не буду. Заплатил за копчение и баста. Никаких лечебных и других расходов. Можно даже договориться на девять процентов. Или пойти дальше: обязать коптильщика, что готовая

рыба, которая пойдет за уплату моей квоты копчения, станет продаваться через мои каналы. Прекрасно! Я за посредничество возьму комиссию семь-восемь процентов, а то и выше. Тут важно, кем будет хозяин коптильни. Надо найти подходящего человека. Лучшая кандидатура левак, нелегал. Это втрое дешевле обойдется, чем платить капитану и его теще. Но Погорелов способен донос написать, что я занимаюсь незаконной предпринимательской деятельностью и обираю браконьеров. Какое же решение найти? Не практичнее ли платить за крышевание непосредственному начальнику капитана? Неплохой ход! А с участковым подписать купчую. Пусть забирает мою долю в совместной конторе со всем хозяйством. Он коптит для меня рыбу месяц бесплатно, а я отдаю ему все права на нашу незаконную фирму. В этом случае он получит мою долю дешевле, чем я за нее заплатил, и значительно дешевле, чем я ее оцениваю. А оценка моя такова: полторы тысячи долларов и ни рубля меньше. Но чтобы он о доносе и не помышлял, надо какое-то время подбрасывать ему клиентов из своих браконьеров, не имеющих коптилен. На некоторые договоры требовать личной подписи. Якобы для ведомостей внутреннего пользования. Он в этом деле ни бум-бум и подпишет любую накладную. Даже расписку подмахнет о получении денег за переработку рыбы. Но если против него у меня будет серьезный компромат, то зачем тогда крыша его начальника? Согласен, она совершенно не нужна. Ну ее... Просто сниму копии его накладных и перед расставанием, то бишь через месяц, вручу ему их с предупреждением: «Эй, мужик, не вякай. Рядом со мной сидеть будешь!» Таким образом, я не только повышу показатели бизнеса, но отстегну любое крышевание. А он станет полным владельцем коптильни. И заплатит за нее не полторы тысячу долларов, а всего триста семнадцать зеленых... Может, еще чего у него вырвать? Начну с трех месяцев... А там на два можно согласиться! Два месяца — это 635 долларов. Больше доля в коптильне не стоит. Полторы тысячи — это фантазии продавца. Ну что? По-моему, я все мудро продумал и просчитал. Теперь надо собраться с мыслями и донести их до Погореловых».

Инспектор вернулся в дом и изложил окончательное решение. Он даже не ожидал, что оно будет принято без существенных коррекций.

Партнеры выпили по паре рюмок за начало коптильного сезона. Говорили мало — сохранялось напряжение. Наконец Леонид Иванович решил закончить молчаливое застолье. Он встал и пошел домой с одной мыслью в голове: как найти надежного и дешевого коптильщика. Утром надо было отправлять посылку в С-ский федеральный округ. Товар должен быть отменным. Особые надежды он возлагал на вкуснейшие тайменские балыки. Новый административный ресурс очень интересовал господина Ефимкина. Проходя мимо дома скончавшейся Фатеевой, он постоял, поразмыслил и, бросив: «Заберу я тебя, обязательно заберу», с чувством взрослого достоинства побрел к себе.

Спал он тяжелым сном. Вроде заснул довольно быстро, но в середине ночи проснулся, а дальше не мог сомкнуть глаз. Одно за другим лезли в голову воспоминания, притом обрывочные, разного времени и как бы даже не связанные между собой в последовательность. Но иногда казалось, что все выстраивается по заранее подготовленному плану. Итак, господин Ефимкин очнулся после того, как представилось ему, что он сказочно разбогател. Впрочем, в последние безработные годы такое снилось ему не так уж редко. Но на этот раз богатства не только не радовали свежее испеченного госчиновника, а скорее угнетали самым беспардонным образом. «Как это так! — вполне искренне возмущался Леонид Иванович в сонном состоянии. — Почему вдруг все так радикально изменилось?» Он лишился спокойствия и никак не мог продолжить ночной отдых. Уже наяву его стала мучить другая напасть — память.

На первое дело его послали с опытным инспектором. При выезде из города джип «Мицубиси» насмерть сбил двух пешеходов: мать и сына. Необходимо было вместе с сотрудниками ГИБДД осмотреть место происшествия. По дороге старший, сославшись на какие-то неотложные дела, вышел из машины и поручил ему «набивать руку и обогащаться практикой». Приехав на место, Ефимкин, к своему изумлению, встретил одного представителя дорожной милиции и

то лишь в звании младшего сержанта. «Ведь по инструкции здесь должны быть офицеры», — подумал он тогда.

— А где водитель джипа? — спросил он.

— А я почему знаю. То ли сбежал, то ли пропал... Вот, возьми наши первичные замеры, недописанный протокол, а мне на пост надо...

— Где офицеры?

— А я почему знаю, разъехались... Да и мне пора. Мне передали, чтобы ты самостоятельно завершил сбор всего необходимого. Пока!

— А «скорую» вызвали — увезти трупы? — спросил Леонид Иванович.

— Да, она сейчас будет. Так я пошел...

Ефимкина удивило, что в протоколе осмотра не указан номер и марка автомобиля. «Профессионалы, а простых вещей не знают». Когда сбор материалов закончился, он прибыл в отделение. Начальство не торопилось брать дело, чтобы передать его следователям. Через пару дней стало известно: наезд на пешеходов осуществил не джип «Мицубиси», а неизвестный грузовой автомобиль, скрывшийся с места наезда. «Да у меня же все улики, давайте вызовем владельца машины на допрос...» — настаивал Ефимкин. Один доброжелатель шепотом сказал ему в коридоре: «Коллега, забудь об этом деле. Мертвых не вернешь, а наезд совершил сын очень высокого начальника...»

Он торопился на вызов. Из районного центра Облученска в отделение поступил сигнал, что какие-то предприниматели насильно задерживают немых людей и отправляют в цех по производству шариковых авторучек. Относятся к ним как к крепостным, заставляют работать по семнадцать часов за хлебку и ночлег. Ночной бунт инвалидов был подавлен частной охранной структурой, но двум-трем несчастным удалось сбежать. Где они находятся, неизвестно, но с чьей-то помощью дежурный отдела милиции получил по телефону сообщение. Инспектор уголовного розыска Леонид Ефимкин, получая задание, знал, что больше половины такой информации не соответствует действительности. На проверку решил поехать один. Служебная двадцатилетняя «Волга» плелась сорок километров больше часа. Районные центры в сибирских медвежьих углах похожи друг на друга. В лучшем случае, найдутся

один-два каменных малоэтажных здания, все остальные старые, покосившиеся дома. «Где тут можно разместить пятьдесят работников?» — въехав в Облученск, скептически оценил ситуацию Ефимкин. Муниципалитет был уже на замке, почта тоже. Леонид Иванович решил направиться в магазин. Он был сравнительно молодым инспектором уголовного розыска, но понимал, что торопиться с собственным представлением не следует. Можно взять баранку, бутылку воды и поболтать.

— Привет, блондинка, — входя в помещение, бросил он. — Что можно попить?

— Ты откуда такой неместный?

— Ехал мимо, думаю, передохну, съем бублик или булку.

— А куда же ты мимо ехал? В Облученске дорога заканчивается. Дальше тайга... Не за грибами ли? — инспектор почувствовал, что женщина немного пьяна.

— Невесту приехал искать. Говорят, у вас в поселке красивых девок полно... — Он вытащил банкноту и продолжал: — Дай-ка чего-нибудь выпить, только не спиртного.

— Что за мужик без спиртного?

— Я за рулем.

— А у нас, хоть за ним, хоть без него, всем водка рекомендована. Короче, зачем приехал?

— Что, не поверила?

— Кто поверит? Из девок я тут одна на всех. Есть, правда, малолетки... Одной одиннадцать, другой девять, ха-ха!

— Ты дашь выпить?

— Водка пожалуйста, безалкогольное пойло мужикам не отпускается. Вон, на двери большая табличка висит... Знаешь, что я тебе скажу, вали отсюда да побыстрее. Что, не вижу я, что ты мент? Только они у нас трезвенники, а тоже не все, а чужие. Приехал трезвый мужик, лимонад спрашивает... Что я должна думать о нем? Артист? Зачем ему к нам? Коммерсант? Здесь бизнеса нет! Почтальон? Он здешний, пешком ходит. Водитель трамвая? Ха-ха! Кем же может быть неизвестный мужик да еще трезвый, а пуще всего на задрипанной «Волге»? Мен-тя-ра! Ментяра! Или проваливай, или признавайся: зачем приехал? Один мой сигнал — даже твои потроха в ссадинах и синяках будут. А кости разобьют вдребезги как пустую бутылку...

— Есть сигнал, что у вас в поселке незарегистрированные граждане.

— Слышь, Вовка, о чем говорит приезжий? О нелегалах!

Из подсобки вышли трое плотных парней под мухой:

— Признавайся, по чем приехал? Бить будем, по чем? — басом спросил один из них, оскалив пасть.

— Я же сказал, проверяю наличие в поселке незаконных мигрантов...

— Что ты нас дуришь, говори, по чем прибыл, спрашиваем? — повторил мужик со звериным оскалом.

Милиционер молчал. Он лишь дивился тому, как сам не похож на этих людей.

— Придется выбить признание... Давай-ка приготовим кулаки, — дал команду тот же мужик.

Трое пошли на инспектора.

— Осторожно парни, я вооружен...

— Ах, еще вооружен, за что же мы вам платим, вошь поганая... Чтобы на нас с оружием шли! Получай...

Ефимкин очнулся поздно ночью. Он лежал на заднем сиденье служебной «Волги». Пистолет и служебное удостоверение не прощупывались. Во рту ощущался вкус водочного перегара. Леонид Иванович почувствовал себя чем-то вроде разбитой бутылки. Казалось, его разъяли на части и бросили в этом салоне. Он долго собирался с силами, наконец привстал. С трудом выбрался через заднюю дверь, чтобы сесть за руль. Когда открыл дверь водителя, в машине зажегся свет. На сиденье лежал лист бумаги. Протокол! Ефимкин отбросил бумагу в сторону. «Сволочи! Влили в меня водку и составили акт...» Инспектор включил двигатель и двинулся в отделение. Он жаждал поднять всю оперативную бригаду и не медля броситься на поимку преступников. Через семь километров на посту ГИБДД его остановил патруль. Никаких документов Ефимкин предъявить не мог. От него несло спиртом. Лицо было в крови. Левая передняя фара разбита, капот примят. В наручниках его доставили в отделение, в котором он служит. На следующее утро рапорт Леонида Ивановича о случившемся разбое начальство не приняло. Зато в отделении появился некий пенсионер, участник войны, свидетельствующий: Ефимкин купил бутылку водки, а

вместо денег оставил под залог служебное удостоверение. За вторую бутылку, со слов пенсионера, Леонид Иванович отдал оружие. Продавщица заявляет, что покупатель бранился, приставал и хотел ее изнасиловать. Коллеги понимают, что все это чистая липа, но сделать ничего не могут. Кто-то дал команду дело замять, а молодому сотруднику объявить строгий выговор...

Не успел Леонид Иванович после той ночи оправиться, даже повязку с руки еще не снял, как произошел другой инцидент. В Барабинске открылась новая гостиничка на двадцать семь номеров. По местным меркам событие значительное. Достраивали ее турки, мебель везли из Китая, персонал обучали в Екатеринбурге. Вскоре это учреждение стало постоянным объектом городских сплетен. Как-то утром Ефимкин получил указание замнача расследовать скандал в гостинице: «Какая-то буза, персонал просит помощи. Сходи. Только не нарвись...» Милиционер отправился на место происшествия пешком, дело казалось несложным. «Или клиент отказывается платить, или недоволен обслуживанием и бурно выражает чувства», — думал он. Однако все обернулось иначе. Накануне в номерах веселились дюжина солидных господ, прибывших на шикарных автомобилях в город на какую-то проверку от Этой партии. Вначале подъехали молодые люди с ящиками всевозможной снеди и выпивкой, а уж потом заявили сами постояльцы. Гульба шла всю ночь, дым стоял коромыслом. Утром гости уехали, а служащие гостиницы ахнули. Пиво открывали о столы, кровати и тумбы, новая мебель была поломана, люстры побиты, матрасы изрезаны, скатерти прожжены окурками, белье измазано то ли кровью, то ли вином. Из переполненных ванн вода протекла на нижние этажи, несколько унитазов были сколоты. На зеркалах красовались намалеванные помадой призывы: «Голосуй за Эту партию!» Ковры были загажены раздавленными кусками свинины и овощами. Ключи от номеров исчезли... Слезы и истерика персонала и хозяев гостиницы были понятны: требовался срочный ремонт и полное обновление оборудования. Владелицы — две вдовы погибших в горячих точках офицеров — просили о помощи. Жесткие сроки выплаты кредита не позволяли им закрыться даже на неделю. А тут надо было повесить замок на предприятии на несколько

месяцев, брать новые займы... Инспектор пригласил понятых и составил протокол, фиксируя ущерб. Он трудился над этим больше трех часов. Потом запросил фамилии жильцов злополучных номеров. Оказалось, они поселялись по заявке Этой партии следующего содержания: «Просим разместить участников конференции «Дума-2008» в количестве 14 человек». Чтобы установить личности постояльцев, пришлось звонить в региональное отделение. Инспектор представился, рассказал о происшествии и поинтересовался именами посетителей, ночевавших в барабинской гостинице. Что тут началось! Он не представлял агрессивный размах государственной машины.

Через час-другой город наполнили силовики областного ранга. Прокурор кричал, что перед выборами не допустит дешевых провокаций. Заместитель губернатора лишил гостиницу лицензии и заявил, что этот объект является самостроем, а мебель ввезена с нарушением таможенного законодательства. (А ведь неделю назад сам открывал ее в торжественной обстановке и в своей речи назвал первой ласточкой на предпринимательской ниве нашего городка.) Начальник областного отдела внутренних дел по совокупности «дисциплинарных нарушений» задним числом уволил Ефимкина со службы и возбудил уголовное дело против владельца гостиницы за участие в незаконном бизнесе. Сам мэр Барабинска сбил молотком вывеску: «Гостиница «Заветная». А военный комендант прислал новобранцев, чтобы они вынесли изуродованную мебель во двор и сожгли.

Так улики бесчинства были ликвидированы, а Леонид Иванович остался без работы. Он стал испытывать глубокое презрение к самому себе. А потом принялся осмысливать жизнь заново, но не по книгам и статьям закона, а такой, какой она была на самом деле. Кому служить в собственном отечестве? Вот что стало главным предметом его раздумий. После месяца размышлений Ефимкин понял: у региона шансов на выживание нет! Необходимо хотя бы выкарабкаться самому. Кардинально изменив мировоззрение, он решил заниматься исключительно собственной персоной.

Поиск свободы

Григорий Помешкин всегда просыпался с радостным чувством. Убежденность в том, что он украшает собой мир, крепло в нем, едва он открывал глаза. Впрочем, и в сновидениях он нередко видел себя уникальным созданием. Если обычный смертный протирает глаза с желанием совершить что-то рутинное, например, почистить зубы и спустить в унитаз накопившиеся за ночь шлаки, то Григорий Семенович пробуждался исполненный восторга уже от факта своего существования. С этим чувством он счастливо жил, не обращая никакого внимания на окружающий мир, а чаще даже презирая его.

С виду Григорий Семенович был человеком неприметным, никаким особым качеством, не отличающимся от своих сограждан. Среднего роста, невпечатлительного телосложения, с коротким маньчжурским носом, небольшими карими глазами, оттопыренными ушами и широким, крупным ртом. На плечах господина Помешкина всегда лежала россыпь мелкой перхоти, ворот рубашки лоснился, а руки были покрыты пятнами экземы. Но он настолько был

влюблен в себя, что никто другой не мог вызвать в нем сексуальных чувств. Неудивительно, что Григорий Семенович частенько онанировал исключительно на собственное отражение. Ему было тридцать лет, но он и не думал о карьере. С трудом окончив девять классов, потерял всякий интерес к школьным занятиям, хотя оценки имел вполне приличные. Молодому человеку хотелось читать одних авторов, а ему навязывали совсем других, к тому же с нравоучениями и конъюнктурными политическими лозунгами. Юный Гришка считал, что всякую муру способны изучать лишь праздные и обеспеченные олухи. В один дождливый день он оставил учебу и с тех пор целые дни проводил дома, читая подозрительные книжки. Никого к себе не допускал, ни перед кем не открывался и уже лет семь как считал всех людей, даже бабушку, с которой жил и с чьих рук питался, порчей.

Итак, проснувшись, Григорий Семенович опять радостно убедился, каким бездарно нелепым выглядел бы мир без его присутствия. Необходимо сказать, что во время бодрствования молодой человек размышлял на эту главнейшую для себя тему в самых различных вариациях, сочетая ненависть с иронией. Так что нынешнее утро ничем не отличалось от прочих. Он вышел на крыльцо. Было свежо. Утренняя тишина природы всегда вызывала у нашего героя приятную умиротворенность. Правда, Григорий Семенович понимал, что состояние это весьма мимолетно. С досадой он окинул безоблачное небо, остановил взгляд на ближайших домах, фыркнул на соседскую собачку, сплюнул на автомобиль, стоявший за воротами, ругнул власть, пригрозил кулаком редким прохожим и бросил свое излюбленное: «Погибшие создания! Я вас всех ненавижу!» Таким образом он зарядил себя необходимой дозой агрессии и вернулся в дом. Только войдя в ванную и увидев себя в зеркале, он подобрел. Заулыбался. Сверкнул глазами. Одобрительно погладил голову. Страстно чмокнул собственные руки, потом, согнувшись, язычком вдохновенно прошелся по коленкам. Облизал со вкусом губы. Послал влюбленный поцелуй самому себе. И закрыл в истоме глаза. После чего уже полностью пришел в себя. Вспомнилось, что сегодня выходной, и мысль, вынашиваемая с прошлого дежурства, опять посети-

ла его. Служил господин Помешкин в дорожном ведомстве сторожем на мосту через реку Кан. Каждые третьи сутки он заступал на охрану вверенного поста, у него было вдоволь времени размышлять о мире и о самом себе. Чтобы пища для умствования была богаче, молодой человек использовал пятидесятикратный бинокль, с которым он не расставался. Бинокль предоставлял прекрасную возможность наблюдать за жизнью городка в самых мельчайших подробностях. Григорий Семенович даже научился считывать с губ речь любого, кто оказывался в фокусе его пристального внимания, и потому молодой человек знал о своих согражданах многое, а о некоторых почти все. Несколько полок в небольшой комнатке было заставлено папками, в которых хранились фотографии, а также записи разговоров. Не каждый смог бы разобраться в той сложной методике, по которой Помешкин оценивал события. Что вызывало в нем крайнюю степень уныния, состояние высшего возбуждения или полнейшего безразличия, оставалось тайной.

Григорий Семенович, конечно, отлично знал, что в Кане приступил к исполнению служебных обязанностей новый инспектор рыбнадзора господин Ефимкин. Поэтому решил пристальнее присмотреться к нему в первый же выходной день. «Что занесло на канские берега этого пренеприятного типа?» — ворчал Помешкин.

Повесив на грудь бинокль, он шагнул за порог своей квартирки, взяв курс на смотровую площадку. Проходя мимо вокзала, столкнулся с гражданином явно не местного вида. «Простите, я засмотрелся на жаркий поединок у контейнера бытовых отходов, — сказал тот, растерянно озираясь. — Где тут у вас найти такси? И вообще, у вас занимаются извозом? Я в провинции впервые...» Господин Помешкин ничего не ответил, фыркнул на столичный акцент незнакомца, окинул его презрительным взглядом, отметив, что тот богато, не по-здешнему, одет, и быстро пошел прочь. «Что за чудище прибыло в наш город? — гадал он. — И сумка гадкая, и как-то страстно прижатый к груди мешочек. Глаза воспаленные, словно больные или в слезах. Надо присмотреть за этим шизоидным субъектом. Кого только не рождает наш безумный мир. Опять какая-нибудь сволочь? Тоже, небось, хапнуть в наши края прибыл... Для чего другого можно приехать в

Кан? Правда, сцена для воровства у нас прогнившая, шатается, но еще стоит. Развернуться в один оборот можно, а потом дальше направиться. По Транссибу чахлах городков еще немало, большинство дышат на ладан, но спереть что-нибудь можно. А если этот тип из Москвы сбежал, значит, неудачник. Такие ребята грабят с яркостью! Тащат в несколько рук! У них аппетит голодных псов!»

Раздраженный, он прошел дальше по пыльным, в асфальтных лоскутах, улицам. Дошел до обветшавшего здания, оглядел его и по-приятельски упрекнул: «Кто, кроме меня, проявляет к тебе интерес, дружище? На тебя все смотрят с пренебрежением или безразлично. А я все свое свободное время провожу у тебя в гостях. Цени наши отношения, старик! Дай-ка мне и сегодня взглянуть на этот пакостный мир! К сожалению, я не в состоянии его кардинально изменить, а так хочется это сделать... Вот тебя ни за что не стал бы менять. Ты мил мне в таком затрапезном виде. Отстрой тебя по евростандарту, обнови стены и крышу, много желающих найдется подкупить у тебя квадратные метры. А я потеряю единственного друга. Нет, не в моих это интересах! Так что стой разрушенный и никому не нужный. Прошу прощения, приятель, ты нужен исключительно мне...»

Молодой человек неторопливо взобрался на ветхий чердак трехэтажного полуразрушенного расселенного дома, к которому так трогательно обращался, положил перед собой тетрадь и ручку и с усердием стал вглядываться в бинокль. «У меня сегодня тяжелая, но необычная нагрузка. Необходимо следить сразу за двумя целями. Если поведение чиновника еще поддается прогнозу, то второй — полнейшая загадка. Незнакомец представляется мне подозрительным. Смогу ли я его понять? Углубить и обобщить впечатление о нем, постичь его суть? Впрочем, каждый человек повторяется в другом, типичном. Что-то в горле запершило. Неужели я нервничать стал?» Тут в голове обозначился другой, регулярно возникающий вопросик: «А для чего я за всеми ними наблюдаю, досье на всех коплю? Подробные записи их поступков составляю? Что за напасть такая?.. Наверное, для того, чтобы еще раз доказать самому себе, что вокруг меня полное дерьмо, не стоящее ни малейшего уважения, бесильное перед моим главным убеждением: «Человек, я не-

навизу тебя! Я добьюсь обвинительного заключения в твой адрес! Один лишь я в этом мире заслуживаю любовь и уважение». Тут Григорий Семенович привычно взял в правую руку карандаш, а левой стал умело управлять биноклем...

В воскресный день Кан просыпался медленно. Сморгщенное облаками солнце застенчиво освещало почти безлюдные улицы. Конец мая одел природу зеленью. На весеннем теплом ветерке березы начинали шептаться, лиственницы набухали иглами, а в придорожной траве вытянулись фиолетовые свечи — распустился люпин, первый цветок Сибири. Буйная лесная поросль, прорезанная сибирскими базальтовыми зубцами, спускалась к заросшему камышами берегу. Просторы реки, уходящие в затянутые дымкой невиданные дали, создавали впечатление бесконечности необычного помещкинского промысла. Линзы бинокля навели Григория Семеновича на дом, в котором проживал господин Ефимкин. Хозяина он не застал и приступил к изучению маршрута, которым должен пользоваться новый инспектор рыбоохраны. Взглянул на служебную лодку, припаркованную в устье Чернушки, речушки, впадающей в Кан. Посудина инспектора стояла в небольшой заводи, прикрытая упругим камышом. Казалось, к небольшому причалу ее можно было подтянуть лишь багром. «Значит, он еще не заступил на свой пост», — рассерженно подумал Григорий Семенович и вновь перевел бинокль на дом Леонида Ивановича. Тут Помешкин случайно заметил на соседнем приусадебном участке помершей недавно бабки Фатеевой лицо того самого молодого человека, с которым нынешним утром столкнулся на привокзальной площади. Незнакомец, обливаясь потом и постоянно теребя нос, старательно перекрывал фатеевский огород. «Что он тут делает, да еще с лопатой? Совершенно неумело ею пользуется, причем явно нервничает... Не клад ли ищет? Бабка Фатя неплохо подрабатывала на скупке и продаже всякой всячины. Постой, у нее же внук был! Жил где-то на Западе, то ли в Брянске, то ли в Калуге... Нет-нет, этот тип на того совсем не похож. Фатеевский внук здоровяк, прямо памятник покорителю Сибири. А этот сморчок какой-то. Да и потеет, словно чем-то тяжелым хворает. Заинтересовал меня незнакомец... Любопытно, что он тут затеял? С какими планами прибыл?»

Получше присмотревшись, Помешкин удивился частому дыханию и болезненной бледности приезжего и вынужден был признать: «Внешностью он, пожалуй, похож на меня... Но я без его потливости и бледности. Все равно я вас всех ненавижу!» Опять вспомнился инспектор рыбоохраны, и Григорий Семенович перевел окуляры на предполагаемый маршрут движения Ефимкина. Вторая попытка удалась. Помешкин увидел Леонида Ивановича выходящим из ворот усадьбы участкового. Инспектор выглядел довольным собой и устремленным к какому-то неотложному делу. Григорий Семенович тут же взял Ефимкина на прицел и стал неотрывно сопровождать в движении вдоль сонных улиц Кана. Чтобы испытать сладостное чувство, ему было достаточно на наглядных примерах убедиться в беспредельной человеческой низости. «Я ведь отлично знаю, почему они устраиваются на такие должности, — усмехался он про себя. — Хотят грабить и делить краденое. Чиновничья стезя открывает широкую дорогу к нелегальному бизнесу — обогащайся! И неважно, кто ступит на нее: Ефимкин, Муркин, Пуркин, Гуркин. У всех одна мечта: как можно туже набить карман. Других-то помыслов нет! Да и откуда им быть? Вся страна основательно погрузилась в эту безумную страсть. Лишь один я, Помешкин, остался, кому наплевать на материальное благополучие. На все прелести товарного, имущественного мира. На капитализацию самого себя! На рубли и доллары, на фунты и юани, будь они прокляты во веки веков! Это они главные вредители, уродующие цивилизацию. Но лучше поразмышляю об этом на своем посту в рабочий день. Времени для этого у меня всегда достаточно. А сейчас меня чрезвычайно занимают свежеиспеченные канцы. Заведу на каждого досье. Интересно знать, кто из них окажется большим гадом. Я-то представляю, какой жуткий тип этот новый инспектор, но необходимы веские доказательства, подкрепляющие мои предположения. А второй? Что еще за птица перелетная? Какие криминальные планы вынашивает? Должна же быть тайная идея, вынудившая это странное существо бросить столицу? Я должен его понять, до глубин докопаться. Потому что желаю в один прекрасный день предъявить обоим непреложные обвинения! А самому себе еще раз доказать: нет на земле более чудовищной порчи, чем

человекоподобные существа! Я-то сам полноценный гомо сапиенс, а вокруг меня, к большому сожалению, встречаются лишь изуродованные подобию представителей этого вида...»

Гримаса искривила лицо Помешкина. Он плотнее прижал к глазам бинокль, ухватил карандаш и погрузился в созерцание.

Что имел в виду автор Евангелия, когда писал: «Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный»? — иронически улыбаясь, размышлял я. Неужели за две тысячи лет ни один служитель церкви или просто мыслящий христианин не понял смысл этих простых слов, призывающих совершенствовать себя не столько духовно, сколько биологически и, прежде всего, даже физически?!

В этот самый момент перед моими глазами появился таинственный гость — профессор Кошмаров. Пунцовый нос очкарика, казалось, еще пуще побагровел. Но я не обратил на это никакого внимания. Меня интересовало другое: «Почему он вдруг появился? С чем опять пожаловал? Какую тему дискуссий начнет навязывать? У него всегда на уме что-нибудь странное».

— Ты, Петр Петрович, меня очень занимаешь, — начал профессор. — Я чрезвычайно увлечен важным национальным проектом — улучшением канской популяции. Но это главное направление исследования, о котором мы будем говорить позже. Чтобы подготовить качественное предложение, мне необходимо ввести тебя в некоторые детали, которые со временем лягут в основу моей концепции. Ты готов сотрудничать? В прошлом у нас неплохо получалось, и мы сделали первые шаги.

— Что ждет меня сегодня?

— Всего лишь свободная полемика. Как ты понимаешь Бога? Я-то появился после того, как услышал твой вопрос: что означают слова из Евангелия: «Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный»? Как насчет спора по этому вопросу? Готов?

— Пожалуйста!

— Разреши приступить?

— Не возражаю.

— Для начала хочется спросить: что такое Он вне Его нравственных требований, призывов и наставлений? Нет никаких шансов поговорить с Ним, никогда не удастся встретить Его, пустые надежды услышать Его голос, пожать руку, взглянуть на почерк, увидеть след стопы, почувствовать Его запах. Сделать это никто не в состоянии. Ведь невозможно прикоснуться к воздуху, а потому и к Святому Духу Небесному?

— Не к Духу! Господь — Богочеловек именовал Себя Сын Человеческий, — возразил я. — Ведь Он был существом, облеченным в человеческую плоть... Все христианство основано на догмате боговоплощения. Это краеугольный камень грандиозного сооружения, возводимого уже более двух тысяч лет. Не случайно Рождество Христово — рождение Господа на земле, рождение в образе Богомладенца, — величайший церковный праздник!

— Но как же тогда стать таким, как Он? Вопрос-то правильно был поставлен, — с хитрецей взглянул на меня профессор. — Как подтянуть себя за волосы, за уши до Его небесного уровня? Стать совершенным и идеальным? И кому тогда верить, кого почитать, если все станут, как Он, и ты сам ничем не будешь отличаться от Него? Нужно ли Вселенной такое множество Его подобий? А Он требует, чтобы мы стали такими же! Даже угрожает вечным адом... Или пойти от обратного, апофатического, постоянного отрицания: нет, Он не тот, и не Этот, и не Тот, и не вон Тот, и вовсе не Этот, и решительно не Тот, кого вы представили... Не надо Его искать, мы на таком низком уровне сознания находимся, что никогда не сможем Его услышать или с Ним встретиться. Но тогда как же стать таким совершенным, как Он? Если наше сознание не способно даже Его различить? Представить Его форму, место Его обитания, Его характер, язык общения. Как быть похожим на ничто, но в то же время на все абсолютно! Не значит ли это, что Господь приоткрылся нам раньше времени? Он не для нашего разума, а лишь для сигнала, что очень скоро нас заменит совершенно другое существо, которое способно будет понять Его и стать таким, как Он. Если Он есть Он, значит, Он субъект. Ну, а если Он есть субъект, то Он должен где-то находиться, где-то очень конкретно. Нельзя

же предположить, что Он есть совершенно все! Тогда мы являемся микроскопической частью Его всего, а если мы часть Его, как же тогда мы сможем совершенствовать себя помимо Его самого? Совершенствуясь и становясь таким, как Он, разве сможем в этом случае сохранить Его самого? Не разрушим ли Его до основания? А если разрушим, то может ли Он об этом мечтать, более того, требовать с жесткими условиями наказания, чтобы вместо Его одного стали миллиарды таких, как Он? Нельзя же требовать от собственной родинки, мочки уха или клетки тела, чтобы она стала такой же, как я сам? Это полный абсурд!

«Абсурд лишь на первый взгляд, — мелькнуло у меня в голове. — Часть может быть соизмерима с целым. Об этом говорит не только мистика, но и современная наука. Вспомним о голографии. Церковь учит, что благодаря Таинству Святой Евхаристии в каждой частице Святых Даров — тела и крови Христовых — неизмеримо присутствует весь Христос, полнота Его Божественной благодати. Но нужно ли сейчас вступать в дискуссию? Нет-нет, не моя тема!»

— А если Он не тот, и не этот, и никакой вообще, то как мы все или я один должны стремиться стать такими же, как Он? — страстно продолжал очкарик. — Не тем, не этим и никаким вообще? Таким я могу стать лишь после полного исления, когда даже кости превратятся в земную пыль. В этом случае мои размышления наталкиваются на жуткий вывод: Он — это ислевшие мы. Может, поэтому нам никак не удастся превозмочь смерть? Через нее мы становимся Им? Чем больше нас умирает, тем мощнее Он сам. Только в смерти мы становимся такими совершенными, как Он? Когда священные тексты призывают стать таким, как Он, нас предупреждают, чтобы мы сохранили в себе смертность, иначе Он не сможет быть совершенным, потому что Его совершенство создается массивом человеческого материала. Тогда получается, что Он не жизнь, а смерть! Создавая нас, Он по крупицам, по крохам, способен собирать серое вещество, чтобы обогащать и совершенствовать самого Себя. Выходит, что Господь существует со знаком минус... Получается, что наш незначительный разум, консолидируясь, совершенствует Его. Можно без греха считать, что мы есть материал, из

которого лепится взвездная сила. Он создал нас как фабрику по выращиванию интеллекта. Из русских Он совершенствовал себя Гоголем, Достоевским, Чайковским, Толстым, Кандинским. Из немцев Он взял Канта, Бетховена, Шопенгауэра, Ницше, из французов отобрал Декарта, Сен-Симона, Гюго, Пруста, из итальянцев — Микеланджело, Леонардо да Винчи, Верди, Вивальди, Мариконе и так далее и так далее. Из миллиардов и миллиардов людей, то бишь из собственной цветочницы, Он берет несколько сотен ярчайших луковиц и продолжает собственное совершенствование. Конечно, можно услышать довольно глупый упрек: что-де можно взять у мертвого человека? Ха-ха! Он берет купаж спермы той конкретной луковицы, из которой произрастает гений, и имплантирует в Себя! Ведь она есть фабричный мутационный продукт, и тайну ее химической составляющей Он без особого труда способен обнаружить. Зачем же иначе Ему понадобилось производство человека? Цель-то какая? Создать Себе подобных? Но для чего? Если Он все! Чушь, чушь! А мотив должен быть! Да-да, именно так! Могу предположить, что мотивом явилась тяга Его к собственному совершенствованию. Если все имеет тенденцию к качественному росту, то и Он должен развиваться по восходящей. Ведь вся Вселенная постоянно растет, усложняет свою суть и формы, если мы все в Нем, то и Он должен быть в нас всех. Но если Он в нас всех, а это, кажется, бесспорно, то Он должен быть и в маковой головке, в том самом опийном молочке, без которого ты не можешь жить. А если это так, в чем не приходится сомневаться, то твои фантазии воспаленного кукларом разума тоже работают на Его развитие. Конечно, едва заметное, с трудом определяемое, почти неуловимое, но каким-то самым мельчайшим, тайным пунктиком влияющее на Него или интересующее Его. Уверен, что все это именно так!

Профессор закончил свою метафизическую тираду словами:

— Впрочем, чувствую, этот вопрос тебя нисколько не интересует. А напрасно. В нем заложен секрет жизни человеческой. Я прощаюсь, но не надолго. Хочу подготовить тебя к чрезвычайно важной миссии. Ее результатом будет фан-

тастическое усиление национального этноса. — Он умолк, словно задумавшись, а потом быстро исчез.

«А верующие говорят, что человек совершенствуется по милости Божией через жизнь и благодаря жизни, — с волнением подумал я. — Смерть можно рассматривать как продолжение существования в новой форме. Может, именно поэтому в пасхальном песнопении сказано: “Смертию смерть поправ”. Они верят, что грядет всеобщее воскресение мертвых. Только меня это предположение абсолютно не волнует. Но для чего профессор выбрал эту тему? Да-да, для чего? Для стойкости моих опийных пристрастий? Не только мне самому интересно такое состояние, но оно интересует и его. Или я лишь разговариваю с самим собой и ловлю всякий повод для пушей убежденности, что мое влечение к маковой головке не болезненная напасть чудака-одиночки, отщепенца, а мельчайшая частичка глобального развития Вселенной?»

Как только Кошмаров бесследно исчез, в мою взбужденную голову пришла совершенно необыкновенная мысль, до сего времени никогда еще меня не посещавшая. Я даже вскрикнул от неожиданной ее напористости и мгновенно смекнул, что это профессор вбросил ее в мое сознание. Не ошибусь ли я, если надумаю оставить Ему после себя два следа? Первый — композиция собственной мутации. Он получит ее Сам, если пожелает. И второй — мутационный коктейль отпрыска. Тут без моего участия ничего не произойдет. Как бы апатично я ни относился к сексу, тут, как говорится, надо себя мобилизовать — для чрезвычайно важного мероприятия. В момент оргазма я должен находиться в высшей степени опийного возбуждения, чтобы мысли витали в облаках, нос постоянно чесался, а обостренные кайфом чувства трансформировались в половое влечение. В этом случае можно надеяться, что мутационный букет окажется типично парфенчиковским. Надо признаться, однако, что я уже позабыл, когда в последний раз ощущал эрекцию. Да и возникнет ли она у меня? Может быть, я уже окончательно потерял мужскую способность? Жаль...

Отвлекая себя от вздорных размышлений, я подумал, что Он ведь тоже был далек от секса и даже является бесполом. А если мы должны стать такими как Он? Во всем

на Него похожими? Тогда можно считать, что первый шаг мной сделан. Я уже начал терять вкус к сексуальному влечению. Некоторые скажут, во всем виновато маковое молочко. Но ведь магический цветок тоже Его творение...

Через мгновение новая мысль вытеснила все прежние: «Слава богу, Петр Петрович, если способность к сексуальному влечению окончательно потеряна... Радоваться надо. Белые монахи тоже освобождаются от сексуальности, чтобы все помыслы, всю жизнь посвятить Ему. А я все эмоции, всю силу интеллекта мечтаю обратить к сказочному, удивительному растению на букву “м”». Почему вдруг я так внезапно на сексе заикнулся, ума не приложу. Может, в подсознании эти сомнения уже давно шевелились, но наяву я впервые так честно признался, словно освободился от чего-то глубоко меня донимавшего. На всякий случай, чтобы в сильном возбуждении не отказаться от эксперимента с наследником, я быстро открыл мешочек и проглотил три ложки молотой цветочной головки. «После эксперимента обязательно посвящу этой теме необходимое время. Сейчас же необходимо подумать, где найти подходящую женщину для имплантации своего необыкновенного семени. Конечно, спокойней было бы *in vitro*. Никаких ухаживаний, никаких чувств, один холодный расчет. Ну, а как с ней, с будущей матерью? Чем может женщина соблазниться? Идеями незнакомца? Моей неказистой фигурой и вообще невыразительной внешностью? Пустым карманом? Порошком молотого мака? Что предложить ей, чтобы она дала согласие на зачатие? Ведь я пустышка, банкрот. Полнейший одиночка, в мире меня ничто не интересует, кроме *этого самого главного*. Что же предложить женщине, чтобы она согласилась вынашивать моего отпрыска? Ситуация усугубляется тем, что лично мне ребенок абсолютно не нужен. Я задумал его лишь в качестве смелого эксперимента, подарка Ему самому, и никак не больше. В основе моего решения лежат библейские провокационные строчки: «...Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный!» Мне кажется, что такое возможно с помощью замечательнейшего продукта, специально для этой великой цели и созданного, — опийного молочка.

Этот волшебный строительный материал сотворен Им же, чтобы утешаться в фантазиях. С его помощью человек совершенствуется и приближается к Нему Самому. Чему же другому может служить этот Божественный продукт? Важно помнить, что волшебное молочко — товар не искусственный, который возделывают алхимики, черно-книжники, слуги сатаны прочих мастей, а исконно натуральный, наливающийся фантастической силой под печкой Господней — солнцем, вбирающий таинственную магию под Его простыней — звездным небом, глубокими корнями связанный с Землей, самым великим творением во Вселенной.

Тут меня с невероятной силой потянуло к мешочку. Я быстро, словно утоляя острый голод, проворно помогая указательным пальцем, на сухую запихнул в рот три ложки порошка, не без труда проглотил и немного погодя опять захотел поразмышлять о сюжете с женщиной и собственным отроком. «Если раньше тысячелетиями человек приносил в жертву богам младенцев, то я первый, кто принесет ребенка в жертву не загробному миру, а реальной жизни...» — начал я новый этап размышлений, но продвинуться дальше не получилось.

Повседневные картины стали заполнять воображение. Я вчера совсем неплохо потрудились. Четверть поля вскопал и засеял кашкарским маком. Тяжкая работа, руки до сих пор гудят. Земля была как камень, словно к ней долгие годы никто не прикасался. Правда, небольшая кромка перед березовым пнем поддавалась на редкость легко. Если бы весь участок был таким мягким, то я бы вскопал его за день. Когда мое сокровище станет всходить, я устрою ритуальные танцы с костром и жертвоприношением. Десять столовых ложек молотого мака тонким слоем, будто масло на хлеб, размажу по сковородке. Когда солнце будет опускаться за горизонт, а красные лучи коснутся кукнара и заиграют огненными бликами в его мелких, похожих на жемчуг, зернах, я подожгу опийную солому, чтобы принести богу плодородия ароматную пьянящую жертву. Говорят, ритуал одержимых взбалмошным цветком способствует высокому урожаю. А теперь надо вставать, майское утро давно залило сибирские просто-

ры ярким светом, так что пора брать лопату и продолжать дело жизни: высеивать опийный мачок.

Я встал, почувствовал, как ноют мышцы, и упрямо поплелся на участок. По дороге вспомнил, что за два последних дня съел лишь немного печенья, выпил холодного чая и воды из колодца. «Но есть совершенно не хочется, — отметил я. — Осталось несколько сотен рублей, надо купить дешевый чай, хлеб и сахар. Чаек после кукнара — мечта!» Я взял лопату и начал копать. Когда уставал, вытаскивал из кармана маковые зерна и старательно вдавливал их в разрыхленную землю. Каждые семь сантиметров — зернышко. Кропотливая, изнуряющая, нудная работа доставляла мне чувство восторга. Когда солнце застряло в зените, я опять приблизился к тому самому березовому пню, вокруг которого земля показалась вчера несколько мягче, чем на других вскопанных участках усадьбы. Лопата легко входила, даже проваливалась в грунт, словно я всаживал ее в торф. Хотя я видел, что на лопату липла земля, а не торф, тем не менее, взял комочек и помял его. «Я не сельский, а городской житель, но чувствую, что в руках земля. Плотная и при этом мягкая. Чернозем! Может, недавно на ней кто-то работал? Ну, конечно, не вчера, а прошлой осенью или весной. А вдруг здесь что-то закопано? То, что я денно и ночью ищу? — неожиданно пришло мне в голову. — Сырец опия, мешок кукнара, спрессованные в плитки опиаты, молотые головки цветка, воспаляющего разум, странички, исписанные секретами возделывания магического растения, опийное молочко в термосе, погреб, набитый сухими, с темными прожилками, головками божественного цветка... Ведь больше мне ничего не нужно. Я ни о чем другом и не мечтал!» Я усердно заработал лопатой, словно небольшой экскаватор, яма делалась глубже и глубже. Вдруг металл ударился о какую-то твердую поверхность. Раздался скрежет. Сердце замерло. Я тяжело дышал. Неужели откроется небывалый запас будущих грез? Отбросив лопату, я прикоснулся к находке, как к какому-то наркотическому чуду. В объятиях оказался железный ящик. Не шевелясь, я не спускал с него взгляда. Растерянность на какое-то время сковала мои действия. Наконец в сильном возбуждении я начал очищать находку от земли и скоро нащупал висячий замок. «Как открыть?» — тут же мелькнуло

в голове. Схватив лопату, я начал лихорадочно взламывать ящик. Запах опия сводил с ума. Казалось, божественный продукт где-то рядом. Через несколько минут замок поддался. Я схватил крышку и мигом ее открыл. К удивлению и разочарованию ящик был набит российскими банкнотами. Тысячерублевые пачки в банковских упаковках заполняли весь объем. А я-то почти поверил, что найду клад опия! Немного погодя я начал, однако, разглядывать найденный капитал. Я знал, что от недоумения лицо у меня становится бледно-желтым. В критическом состоянии оно всегда обретало этот болезненный цвет. «Деньги, впрочем, тоже пригодятся, — подумал я. — Их можно потратить на покушку земельных угодий и расширить маковые посевы. Чем больше окажется урожай, тем быстрее я перейду с кукнара на чистый опий, собирая на стеклышко лишь молочко бледно-голубого цветка. А когда оно подсохнет, буду счищать его, скатывая в волшебные шарики величиной с куриные яйца. Одного шара хватит на неделю. В год уйдет пятьдесят два шара. Восемь шаров необходимо приготовить на угощения. Кто знает, с кем сведет меня жизнь в Кане. Ну, а если никто не встретится, тоже премилое занятие — потчевать самого себя. Десять гектаров позволят сделать запас на пять лет. А дольше я и не мечтаю прожить. За это время все темы бытия будут продуманы. Зачем же разум утомлять по второму кругу? Но в каком необыкновенном удовольствии, с каким упоительным восторгом пройдут эти годы! С таким товаром легко достичь небывалого по воспаленности состояния. А мне больше ничего и не нужно в жизни. Соломой буду отапливать избу. Ее душистое мягкое тепло внесет уют в жилище. Вспомню ли я при таком замечательном времяпрепровождении фальшивый окружающий мир? Нет! Никогда! Слава богу, он останется за порогом сознания!

Тут я стал с жадностью представлять грядущие удовольствия. В мозгу закопошились идеи приобретения земельного надела. Я подумал, не купить ли трактор, чтобы самому вспахать поле, а не приглашать наемных рабочих. Один гектар с трудом вскапываю, а тут будет целых десять! Без чужого труда или механизмов очень тяжело, да просто невозможно одному перелопатить сто тысяч квадратных метров. Да зачем мучиться? Теперь ведь день-

ги есть. Кстати, а сколько их? Надо внести ящик в дом, чтобы пересчитать купюры. Впрочем, можно не купюры считать, а пачки. В каждой по сто тысяч рублей. Я достал ящик, втащил его в дом и после подсчета определил обретенное богатство. Для моего незавидного положения сумма выглядела просто сумасшедшей. В одном столбике было пять пачек. Помножить на пять столбиков в ряду. А всего в ящике было пятнадцать рядов. Итого получилось триста семьдесят пять пачек по сто тысяч рублей. В моем распоряжении, следовательно, оказалось тридцать семь миллионов пятьсот тысяч рублей, или около полутора миллиона долларов. «Богатая бабка была Фатеева, — усмехнулся я. — Куда такие деньжища деть? А нужны ли они мне вообще? Гектар земли в Кане стоит не больше двухсот баксов. Десять гектаров — это всего лишь две тысячи зеленых. Плюс трактор — еще пять тысяч. Конечно, шансы занять ребенка теперь у меня возросли. Государство по новому указу платит молодой матери одиннадцать тысяч долларов. Я добавлю ей еще двадцать, а то и тридцать, пятьдесят тысяч! Так что найти женщину, которая согласится за гонорар родить мне ребенка, несложно. Главное, чтобы она не ждала от меня никакой влюбленности и не лезла целоваться. А куда девать остальные? Я дал клятву, ни при каких условиях не возвращаться в реальность, оставаться лишь в чудесном мире воображения.

Закрыв ящик, я сунул его под кровать и решил пойти в город. Надо купить продукты, заглянуть к риелторам и присмотреться к местным девушкам. День долгий, до сумерек успею распахать участок и высадить весь мачок. Ох, мечтаю увидеть его буйную вегетацию. Великое наслаждение наблюдать рост маковых головок. Вот они с горошинку, потом с вишенку, еще немного — уже с грецкий орех, а там и с целый кулачище. Восторг захлестывает меня. Ведь наркотик — одна из важнейших составляющих энергии, а ее опийный поток включен в триединство жизни — энергии, материи и информации.

Кан стал первым провинциальным городком, в котором я очутился. Был унылый, жаркий день, подернутый мазутным смрадом, тянущимся от речного порта. Ржавые мертвые краны походили на высохшие громадные тополя. Людей

было мало, движение жизни, казалось, прервалось, повсюду чувствовалась какая-то нездоровая расслабленность. Я шагал по тротуару. Асфальта не было, но грунт был плотным, упругим, как земля на участке покойницы Фатеевой. «Здесь тоже можно посадить мое очаровательное растение! Нашелся бы смельчак, способный засадить все свободные городские площади опийным маком! А почему только городские? Что если всю Западную Сибирь?» — почему-то пришло мне в голову. Возникло подозрение, что таким типом смогу стать я сам. Мысль пришлась мне по кайфу. С трудом различая грань между смелыми фантазиями и блеклой реальностью, я побрел дальше. Внизу, среди базальтовых скальных углов, в которые то и дело упирался мой взгляд, медленно тек Кан. В его спокойной воде, отливавшей бирюзой, отражались пестрые юбки девушек, проходящих через мост, их длинные, по-весеннему еще белоснежные ноги. Отражались так ярко и четко, что пришлось потупить взгляд. «А то еще кто-нибудь подумает, что меня женщины интересуют», — с досадой оглянулся я.

Справа от Кана тянулись поля. Серые прошлогодние стога сена выделялись грязными пятнами на зеленом ковре всходов. Вскоре я нашел продуктовый магазин. Взял с прилавка пряники, сухари, чай, сахар, хлеб, яблочное варенье и пачку чернослива, который ускорял выброс шлаков. К кассе торопилась молодая женщина. Мне бросилось в глаза, что она приволакивает левую ногу. В сознании почему-то молнией мелькнуло: «Эта не откажет. Ей, ей надо сделать предложение. Она и в деньгах нуждается, и вряд ли кавалера имеет. Она, она! Срочно! Подумаешь, небольшой физический дефект. Я не любовь ищу, не красотку подбираю, не сексом себя побаловать мечтаю, а ребенка хочу зачать. Для Него! Сам ребенок и будущее матери меня абсолютно не волнуют. Ведь кто еще согласится иметь со мной связь, от такого невзрачного типа, как я, занять ребенка? Начиная, Петр Петрович... А не рассмеется ли она прямо мне в лицо, не треснет ли по щекам с криком «Болван! Поди вон!» Или еще хуже — с ненавистью плюнет в мою невыразительную физиономию! Тогда я надолго об этом деле даже думать перестану. Нет! Торопиться никак нельзя. Вначале присмотреться надо, время есть...»

Хромая расторопно уселась за кассу и после мимолетного взгляда, брошенного на меня, поздоровалась.

— Это все? Можно считать?

— Да! — ответил я.

— Вижу, что вы не здешний. Поэтому могу подсказать, что хлеб нам подвозят ежедневно. Так что можете покупать его всегда свежим. Хотя, может, вы берете не для себя...

Ее тонкая верхняя губа, по столичным меркам, совсем не модная, дрогнула. И мне это показалось пикантным. Потом вдруг подумалось: «Действительно, чего это я три буханки покупать собрался?»

— Согласен. Я взял их машинально. Две буханки я бы вернул. Можно?

— Оставьте на кассе, я сама отнесу...

— Я приехал к вам пару дней назад, сейчас не вспомню, когда именно... — неизвестно почему объяснил я. А ведь на самом деле в этот момент совершенно не вспоминался день приезда. — А дом пустой, ни крошки. Вот меня и понесло...

— А чем же вы питались эти дни? Воздухом? — улыбнулась она, но тут же поспешила зажать кулачком рот.

— Много ли мне надо? — ответил я, отметив про себя ее провинциальные манеры. В столице таких жестов не увидишь.

— вы что, один в доме живете? — продолжила она, начав выбивать чек.

— Физически-то один, но голова полна самыми разными мыслями, и никакого одиночества я не ощущаю. — Я сам не понял, почему вдруг разоткровенничался.

— Ну, а телевизор, радио, есть? — вспыхнула кассирша, широко раскрыв голубые глаза.

— По-моему, нет. Но я с ними и не дружу.

— Что, даже музыку не слушаете?

— Нет, согласен, это несколько странно. Но голоса собственного сознания для меня достаточно.

— Вы представляетесь мне очень необычным... С вас пятьсот сорок три рубля...

Я положил на стойку все свои шестьсот рублей. Когда она отсчитывала сдачу, я вдруг схватил ее руку и, совершенно не помня себя, точно в бреду, покрыл ее поцелуями, после чего стремглав выбежал из магазина.

«Что за сумасшедшая выходка, Парфенчиков? Что с тобой? Спятил? — ругал я себя, когда отдышался и опомнился. — Чем объяснить это вздорное поведение? Я совершенно не узнаю тебя, Петр Петрович, а может быть, толком и не знаю. Что я за тип? Прожить почти тридцать лет и не расшифровать себя? Не распознать все тайны собственных страстей, не заглянуть во все темные уголки парфенчиковской души, не раскрыть загадки импульсов, вызывающих неадекватное поведение. Откуда же нахлынуло на меня это мерзкое желание поцеловать ее руку? С чего бы вдруг такое непонятное чувство? Позор! А что если правы генетики, утверждающие, что мутации в человеке продолжают всю жизнь. Сегодня я один, завтра другой, через три дня опять абсолютно не похожий на прежнего. Я так часто меняюсь, что невольно задумаешься: а все ли у меня с головой в порядке? Особенно характерны постоянные изменения в поведении для людей, живущих в перманентном экстремальном режиме, закабаленных какой-то сверхидеей или вязким глубинным наваждением. Они отдаются стихии чувств и желаний безраздельно. А в какой-то момент могут начать все сначала или уходят в мир иной. Да, странный, очень подозрительный поступок. Он сбил меня с толку. Дальше никак уже не хочется называть себя Петром Петровичем Парфенчиковым, а скорее совсем по-другому: Василием Васильевичем Выкрутасовым. До того я не был похож на себя с этим дурацким поцелуем.

Забыв про поиски риелторов, я помчался домой, чтобы как можно быстрее хватануть пару ложек кукнара и запить этот замечательный товар чаем с яблочным вареньем на ломтике хлеба. «В этом случае он раскроется моментально, помогая мне извергнуть вулканическую энергию страсти!» — дразнил я себя. После этого признания единственная упрямая мысль стала сверлить рассудок: «Выкрутасов, быстрее! Или как тебя теперь назвать: эй-эй, незнакомец, торопись! Тебя ждет потрясающее состояние взбалмошного рассудка! С его помощью хочу наконец распознать себя, поковыряться во всех расщелинах собственного разума. На какую еще выходку я способен?»

Запыхавшись от быстрого шага, я буквально вбежал в дом. Конечно, первое, к чему я бросился, был мой чудесный

молотый мак. Потому что невыносимый кумар вывел меня из опийного состояния, а я всегда торопился опять и опять как можно быстрее войти в него. Минут десять спустя после нескольких маковых ложек я накинудся на еду. Вначале съел пять черносливин, потом аппетитно проглотил хлеб с вареньем, запив чаем из пол-литровой банки, — другой посуды на кухне не оказалось. Перегрузившись обилием пищи, я прилег в ожидании прихода. В эти моменты напряжение чувств переполняет сознание, возникает нетерпеливое предвосхищение качественного перерождения или даже воскрешения. Ведь я становился собой, именно тем человеком, которым всегда мечтал быть, после великого события — знакомства с опийным молочком. Наконец головки мака раскрылись, и энергия чудодейственного растения начала тайной силой преображать разум. Странно, образ кассирши порой мелькал в голове, но, слава богу, не поселялся в ней основательно. Меня это слегка огорчало: почему она мимолетно, но все же лезет на ум? И этого казалось многовато.

Я все глубже погружался в эйфорию взбалмошных, а порой даже сумасшедших идей. Женская тема в них никогда прежде не присутствовала. Что она могла вызвать в воспаленном разуме? Да абсолютно ничего! Эти вопросы меня никогда не интересовали, как впрочем, бытовуха вообще. Деньги, карьера, любовь, успех, комфорт, секс после знакомства с известным цветком для меня перестали существовать. Воспоминания о них нередко вызывали во мне приступы лютой злобы, а иногда и рвоту. Поэтому не мудрено, что я желал получать исключительно радости разума, а не фантазии либидо и не плотские наслаждения. Конечно, без всяких колебаний я променял бы все шаблоны восторженной и банальной повседневности на замусоренный полевой всячиной мешок маковой соломки. Да-да-да! Кукнар — роскошное удобрение, с помощью которого зреют плоды воспаленного разума. А ведь такое состояние главнейшее для взбалмошного интеллекта, способное маскировать безумие, в котором миг превращается в вечность. *Он* — билет в воображаемый мир, средство, способное ускорить бегство от действительности. Ох, как прекрасно постоянно терять свою сущность. А без хаотичной игры ума может ли развиваться цивилизация? Конечно, нет! Ведь хаос — залог бур-

ного прогресса. Вот почему все великие люди сидели на кайфе. В многоликом и постоянном сильнейшем возбуждении! Потому что после *него* всегда чувствуешь себя на пьедестале по отношению к миру!

Тут я вдруг погрузился в тему особенностей национального этноса. Сам не пойму, почему она пришла мне в голову. Прежде я никогда об этом не размышлял. Даже когда согласился на этнический эксперимент, проводимый Кошмаровом. После этого прошло уже немало времени, но ни разу не потянуло еще раз испробовать генетический коктейль четырех наций — немецкой, китайской, еврейской, грузинской. Мне тогда и в голову не пришло поинтересоваться, почему, собственно, профессор выбрал именно их, а скажем, не индусов, японцев, венгров и албанцев. Или монголов, арабов, испанцев и молдаван? Сознание как бы проспало, не обратило на этот купаж ни малейшего внимания. А тут вдруг проснулось и возбудилось. Существуют четыре расы, — начал я свое путешествие по неизведанной дороге. — Древнейшая из них негроидная. Первый человек появился на территории современной Танзании. Потом идут полинезийцы, или красная раса. Затем тянь-шаньцы — желтые, и кавказцы — белые. Современная цивилизация создана интеллектом кавказцев. А самый мощный этнос у белых — германцы. Более семидесяти процентов лауреатов Нобелевской премии — представители германского этноса. Что такое англичане? На двадцать процентов — кельты, на пять процентов — римский этнос, остальные — саксы. Из кого сложились французы? Из кельтов, римлян, галлов и германцев. Без соплеменников-германцев Карл Великий не смог бы создать в девятом веке Священную Римскую империю германской нации, что привело позже к образованию независимой Франции. Кстати, Франция происходит от слова «франки», а франки — это классические германские племена. Как в прошлом, так и сегодня их столицей является Нюрнберг. Голландцы, норвежцы, шведы, австрийцы, швейцарцы, бельгийцы, датчане, исландцы, североитальянцы, около шестидесяти процентов американцев и более семидесяти процентов канадцев, австралийцев и новозеландцев имеют германские корни. Их всего около трехсот миллионов, или около пяти процентов от населения Земли, а какой огромный вклад в развитие

цивилизации! Девять из десяти наиважнейших открытий в науке и технологии сделаны ими. Выдающиеся достижения в философии, музыке, живописи, архитектуре, инженерной мысли принадлежат им.

Теперь понятно, почему профессор Кошмаров предложил улучшить русскую генетику германским феноменом. Но в восхождении человечества есть и китайский след. Желтая раса возникла на двадцать тысяч лет раньше, чем белая. Она явно уступает кавказцам в интеллектуальных возможностях. Но имеет и некоторые преимущества. Ее особенность состоит в неимоверной работоспособности. Белый находит умиротворение в творчестве и комфорте, а тянь-шанец — в отрешенном служении делу. Это качество чрезвычайно необходимо русскому. Я одобряю выбор профессора. Ведь как и я сам, так и многие мои соотечественники не любят работу, избегают ее. Поэтому для качественного изменения нашей породы китайский элемент весьма желателен. Еврейская кровинка в купаже представлена десятью процентами. Эту нацию отличает фантастическая деловитость и углубленность в науки. Они чемпионы мира в торговле, в любом отраслевом бизнесе, и в музыке впереди всех. У них лучший доступ к административным ресурсам, контакты со всякими полезными для коммерции людьми. Евреи чувствуют запах денег за несколько километров, как пчелы нектар. В нашем народе эта интуиция развита очень слабо.

Понимаю Кошмарова, необходимо усилить русских этим феноменом. Ко всему, евреи очень трогательно относятся к своим соплеменникам. Еврей еврею по-настоящему брат. А у нас ничего подобного нет. Мы относимся друг к другу чаще враждебно, чем доброжелательно. Но зачем нам пять процентов грузинской крови? Ах да, профессор говорил о жизнелюбии грузин, эмоциональности и привлекательной внешности. У них ярко выраженный художественный вкус. Не менее ценная их особенность — оптимизм: у грузин самый низкий процент суицида. На фоне нашего общенационального уныния, пессимизма и мрачности духа несколько капель грузинского мутационного коктейля будут весьма кстати. А почему я, собственно, стал так заботиться о своем этносе, спохватился я. Прежде он был мне совершенно по фигу. И не только мне — каждый из моих со-

отечественников смотрит на другого без особого интереса. А довольно часто — как волк на зайца. Не знаю, как в других регионах, но у нас в Москве именно такая ментальность. Нынче русских сблизают лишь корпоративные интересы и ничего больше. Даже любовь скатилась на четвертое место: после капитала, карьеры и секса. Поэтому необходимо что-то срочно предпринять: без укрепления национального генотипа чужой кровью мы не выдержим конкуренции с другими этносами. Ведь глобализация — это не соперничество индивидуальностей, а, прежде всего, схватка интеллектуальных возможностей.

В этот момент передо мной опять возник Кошмаров. Профессор, ухмыляясь, заинтересованно поглядывал на меня.

— Что, задел тебя своим проектом? — бросил он. — Твой вопрос не праздный. Коммунисты, социалисты, левые всех мастей полтора века навязывали миру вздорную концепцию — будто все люди и расы равны. Чушь! Бред! Они не равны не только по своим правам, но и по обязанностям. Если в ближайшее время права особенно сильных умом не легализуются на конституционном поле, то интеллектуалы, получив материал для построения жизни, — а уже искусственная хромосома выведена — полностью изведут людей с низким показателем ай-кью. Социальная борьба и политическое противостояние перейдут от вылазок террористов, сооружения баррикад и проведения протестных шествий в кабинеты генетиков. Сегодня в формировании ментальности активное участие принимают медийные центры. Завтра их, казалось бы, вечное место займут интеллектуалы, способные в корне изменить политические, национальные и социальные представления масс по своему индивидуальному капризу. Но почему я вывел в лидеры кавказскую и тянь-шаньскую расы? Видимо, подсознательно верю, что через сто лет красная раса окончательно исчезнет. Это обстоятельство не должно вызвать у нас и толики огорчения. Полинезийцы ничем выдающимся о себе не заявили. Описание Купером и Майн Ридом их быта и «достижений» может вызвать интерес лишь у школьников младших классов. Впрочем, тут уместно заметить, что полезность интеллекта обеспечена его массивом. Почему так неспешно развивалась

цивилизация? Почему тысячелетия понадобились, чтобы возникла колесница, а около ста тысяч лет ушло на создание электричества? Ответ простой — довольно медленно наращивался интеллектуальный массив. Когда людей стало более трех с половиной миллиардов, начался медленный, но нарастающий по мере увеличения популяции процесс проникновения в тайны науки и создания технологического чуда. Белый человек на рубеже открытий в науке и технике был всегда в лидерах, а красный постоянно оставался в отстойнике, довольствуясь известным укладом и не притязая на познание мира...

— Что, современная этика позволяет об этом говорить публично? — удивился я. — Не оскорбим ли мы полинейцев таким безжалостным диагнозом? Мне, собственно, глубоко начхать на их реакцию. Хочу лишь не пропустить происходящие в психологии людей перемены. Впрочем, и это мне до лампочки...

— Человек должен становиться более требовательным и жестким, чтобы сохранить себя в будущем. Время сентиментальных чувств уходит. Через десять лет ты не узнаешь мир. Цена барреля нефти достигнет тысячи долларов, а тысячи кубометров газа — трех тысяч зеленых. А через двадцать пять лет углеводороды вообще исчезнут. Что тогда? Возвращаться в прошлое? С восьмимиллиардным населением? Невозможно! Я бы надавал тысячу пощечин академику Валикову за его басни о термоядерной энергии. Этот графоман от науки вселил надежду малограмотным, а ведь идея изначально была полнейшим блефом. Ну как в земных условиях найти стенку для проводки плазмы, разогретой до 150-200 миллионов градусов? На Солнце она удерживается гравитацией. А как сохранить ее на Земле? Никакого решения быть не может. Другая составляющая этого блефа не менее абсурдна! Каким способом защитить плазму, если хоть на долю секунды установка будет отключена от энергоснабжения? Ведь она не может прерываться даже на миллионные доли секунды. Что думаешь делать, Петр Петрович? Как жить дальше? Уран-235 исчезнет раньше, чем углеводороды. А многие надеются именно на него. И альтернативы не остается. Ко всему на свою беду мы уже знаем, что Вселенная состоит из шести кварков, шести лептонов

и четырех взаимодействий: гравитационного, электромагнитного, сильного (нейронного) и слабого (нейтринного). Тут сказать больше ничего. А Нобелевский комитет в конце двадцатого века провел слушания «Кончилась ли мировая наука?». Но что бы ни случилось, наша первейшая обязанность — спасти разум. Я этим делом ежечасно занят. Эксперименты с тобой — в цепи многих сложных исследовательских опытов. Я все чаще прихожу к выводу, что через пару десятков лет для сохранения и развития разума у нас останется лишь одна дорога: переместить себя во Вселенную. Мне лично этот исход виден, потому я провожу научную подготовительную работу, а концепция уже ясна: необходимо немедленно приступить к интенсивной генетической модификации самого себя!

— Думаете, генетический коктейль нас спасет?

— Любое сложное дело всегда состоит из нескольких этапов. Первый — изменение собственного генофонда. Необходимо взять все самые лучшие качества человека, чтобы затем приступить к постепенной его модификации. Когда же наши умы наконец поймут: гомо сапиенс — лишь материал для строительства Ему подобного... Чем раньше мы начнем относиться к собственной биологической сущности как к композиционным фрагментам создания более совершенного существа, тем быстрее выполним Его рекомендацию: «...будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

— Какую роль на сей раз вы мне отводите? — поинтересовался Парфенчиков.

— Хочу, чтобы ты стал участником цикла научных экспериментов и безраздельно отдал себя строительству нового человека.

— О, я довольно часто в своих неумных фантазиях перемещаюсь в самые невероятные, захватывающие сюжеты. Но, к сожалению, нехватка опия постоянно возвращает меня, даже выталкивает обратно. Будто некая неполноценность трезвого ума не позволяет пожить в ярком мире моих грез подолгу. Часто не успею как следует обжиться, погрузиться в иную реальность, как энергия чудесного кукнара заканчивается и я опять оказываюсь в ненавистном мире.

— В таком случае необходимо бросить это дело. Ты уже достаточно посидел на наркоте. Теперь настало время

остыть, на трезвую голову заняться делом национального масштаба. Сможешь распрощаться с этой чертовщиной?

— Даже не заикайтесь. Никогда! А если будете повторять это жуткое требование, навсегда перестану с вами общаться. Я согласен на любое предложение, лишь если буду постоянно сыт опийным молочком. Другого не ждите.

— Требование — совершенно не то слово. Призыв или даже пожелание — только так. Я приготовил тебе нечто потрясающее. Нынче власть проводит бесполезные акции, якобы улучшающие существование россиян. Не буду их перечислять, они давно известны. В моем же проекте эффект наступит почти мгновенно! Ты станешь его главным исполнителем, а я главным архитектором. Мы сделаем из соотечественников лидеров землян. Необыкновенная вегетация будет с небывалой скоростью способствовать расцвету российского этноса. Построятся дороги, по нашим просторам начнут курсировать поезда, мчащиеся на скорости свыше трехсот километров в час. Как любить страну, не имея возможности ее познать? От Москвы до Байкала пять тысяч километров, а дорога занимает сто десять часов в одну сторону. Какой смысл транжирить время и неделями жить в дискомфорте? Транссиб был запущен в 1904 году. Средняя скорость сто лет назад была сорок три километра в час. Сегодня она составляет пятьдесят шесть на скоростных поездах, а на грузовых всего двести сорок километров в день! Разве с такими темпами можно познать и полюбить страну? Руководители ведомства наших железных дорог издали потрясающий приказ: машинисты локомотивов получают премии при условии экономии электроэнергии. Температура за бортом вагонов минус тридцать, а то и ниже. Чтобы получить премии, команда поезда экономит энергию, поэтому в вагонах не выше трех градусов. Пассажиры кутаются в тулупы, валенки и одеяла. И кто-то начнет меня убеждать, что проект мой не актуальный? Надуманный? Не хочу ничего слышать... Без него страна погибнет, а российский этнос исчезнет! Выродится! Необходимо самым срочным образом приступить к изменению национальной генетики, основательно подпорченной репрессивным административным режимом. Перед страной, перед миром стоят глобальные проблемы. Речь идет о судьбе землян, ведь через два положе-

ния энергетические ресурсы иссякнут, тогда на первый план должны выйти ученые, интеллектуалы. А наши теле- и радиоэфир заполнены скучными артистами и сексапильными тусовщицами. Все разговоры об охране власти, о прибылях и миллиардах, о сексе, карьере и пошлых сериалах, о макияже на дурацких физиономиях... Ау! Граждане! Куда девался ваш ум, соотечественники? Где ваша воля, родные? Возникает естественный вопрос: а была ли она у вас? Я хочу, чтобы Россия очутилась в XXIII веке, ступив лишь один шаг! Чтобы мы воспаряли разумом и силой волевых поступков. Поэтому я очень надеюсь, что ты, Петр Петрович, станешь эксклюзивным исполнителем грандиозного проекта. Надо заставить русских делать добро русским без вознаграждения. Необходимо научить наш этнос различать личное и национальное, благо и зло, привить трудолюбие, воскресить честность и законопослушание. С нашей помощью люди будут открывать тайны мироздания, генетически изменять себя, разгадывать будущее, осваивать Вселенную, а не захлебываться потреблением, не губить плоть извращенным сексом, не тянуться к алкоголю, мордобитию, не подчиняться страсти бессмысленного накопления. Пришло время твердо и сознательно идти исполинской поступью по дороге собственного интеллектуального совершенствования. Пора генетически модифицировать свою суть. Пробыл час сокровенного признания: другой дороги, кроме как прислушаться к Его главному совету, стать таким, как Он, у человека нет. Себя необходимо рассматривать исключительно в качестве стройматериала, как биокирпичик будущих поколений. Иначе мы сгинем в пропасти Вселенной, и в бескрайних просторах космоса раздастся наш прощальный вопль: «Ох, каким дураком я оказался!..»

— Не знаю, насколько я смогу соответствовать вашему плану, ведь все, что вы сказали, меня абсолютно не интересует, даже страшит. — Непреодолимое беспокойство охватило Петра Петровича. — Но все же, что прикажете делать? Я готов взяться за любую работу, если мне будет гарантирован хороший урожай моего любимого цветочка, налитого божественным молочком.

— Хочу предупредить, что на сей раз все будет серьезно и ты не сможешь перескакивать из одной истории в другую,

перебивать один скандальный сюжет другим. Если же станешь послушным помощником, то гарантирую тебе высокий урожай мака в долине реки Пяндж. Там головки в кулак тяжеловеса, чудотворные цветы налиты опиумом не меньше, чем банки сгущенкой.

— Уф-уф-уф! Ради пянджийского цветочка я готов на все! Командуйте, профессор! Стимул к немедленному действию возник у меня потрясающий. Совсем не против, чтобы все разом стали, как Он! Сам же хочу остаться лишь затюканным наркошей! Если можно было бы накушаться кукнара на вечность, ни одного дня не провел бы на этой земле. Один лишь вопрос: я надумал занять ребенка, но не для себя, а для Него. Пусть ознакомится с мутациями человека, сидящего на Его цветочном создании. Что скажете?

— Твоя личная жизнь меня не интересует. Я стану следить лишь за стройностью твоих размышлений и поступков. Чтобы углубиться в тему генетического восхождения человека, ты в своем опиумном воспалении должен постоянно быть занят идеями того же порядка. Как изменить род людской? Вот будет тема твоих навязчивых бредней. Поскольку мы оба русские, наш этнос должен получить преференции. На первом этапе мы изменяем не вообще всех — некоторых и менять не следует, тут даже наука не поможет. Забудем о них, и они сами исчезнут во времени и пространстве. Совершенствоваться начнем лишь русских, и не всех россиян, а обратимся к жителям городка Кан. Здесь живут более тридцати тысяч человек. Первый генетический питомник ты начнешь закладывать именно здесь. Если эксперимент удастся, продолжим его по всему Красноярскому краю, затем по Сибирскому федеральному округу и лишь позже займемся всей Россией. А потом начнем менять купажи, создавать коктейли, используя генетику самых разных млекопитающих. Помнишь, каким огромным был первый компьютер? С трехэтажный дом. А теперь уместится в обычную пуговицу. То же самое будет и с нашим разумом. А биологию тела мы изменим, используя вечные, сверхпрочные материалы. И эта геновая инженерия не вызовет ни у кого негодования. Понял?

Мгновение спустя потрясенный Парфенчиков выдавил:

— Я готов. Но что же мне делать?

— Проглоти несколько ложек кукнара, чтобы лучше меня понять.

— Да-да, это весьма кстати. Я уже стал о нем подумывать. Небо и язык повлажнели.

Петр Петрович открыл мешочек, взял две жмени молотого мака, заполнил ими рот и стал сглатывать. Начался опиумный прилив того самого восторга, к которому он постоянно стремился.

— Запей, — морщась, бросил очкарик. — Тяжело смотреть, а уж есть такое... Ведь сухо!

— Хочу поддерживать в себе форму. Привыкнешь к комфорту, а впереди неизвестность, вдруг воды рядом не окажется, не введу же я себя из-за этого пустяка в состояние ломки...

— Без комментариев. Вернемся к главному. Не так давно я сделал тебе инъекцию. Генетический купаж наиболее ярких этносов, который, по моим соображениям, способен эффективно изменить ментальность россиян... После чего ты оказался в Петербурге и весьма красочно продемонстрировал разницу между русским с вакциной и без нее. Давай начнем с того купажа, хотя он знаменует лишь первую стадию нашего совершенствования. Помимо вакцины, у меня есть и таблеточная форма. Твоя задача — искать любые возможности, чтобы подсунуть горожанам нанопиллюлю, любым путем узнавать имя подопытных и записать в протокол. Например: «Михаил Потеряев, 37 лет, адрес: улица Медная, дом 9. Таблетку получил 29 мая 2009 года».

— Ума не приложу, как подсовывать таблетку, чтобы ее приняли, а не выбросили...

— Вариантов уйма. Если будет трудно, спрашивай. Например, стоит на Медной улице пятиэтажный дом. Входишь, звонишь в первую дверь. «Вам чего?» — спрашивают. «Я из отдела культуры. Готовимся к открытию городской библиотеки. Необходимо провести опрос граждан, чтобы составить списки книг, востребованных будущими читателями. Услуга бесплатная. Что бы вы хотели прочесть? Я запишу». Открываешь тетрадку и готовишь ручку...

Продолжаешь: «У меня с собой сахарок, не угостите меня чаем? Устал. Ваш дом одиннадцатый... Пожалуйста,

поставьте чайник на стол, я заварку очень слабую пью, сам, если не возражаете, себе налью...» Потом опускаешь едва заметную пилюльку в чайник либо чашку хозяйки или хозяина... Если они при тебе выпили — отлично, если без тебя — тоже неплохо. Ты всех жильцов квартирки переписал, две таблеточки на любую семью хватит. Вот и весь фокус, а пилюль у тебя тысяча, на всех горожан. Расклад тот же: пятнадцать процентов немецкой генетики, десять китайской, десять еврейской и пять грузинской. Действуй! Твоя премия — великий урожай маковых головок, видом и содержанием во всем похожий на пяджский... Не бойся, в ломках своего помощника я не оставлю. Кстати, знаю, что ты капитал Фатеевой нашел... Тоже весьма эффективное подспорье. Думай, как в нашем деле сможешь его мощь использовать. Под кукнаром твоя голова работает на редкость изобретательно, а дело тебя ждет великое — высоко поднять рентабельность российского человека. Он должен стать лучшим из лучших, умнейшим из умнейших, долговечным, прочным, вездесущим, похожим на Господа нашего Небесного, а в какой-то момент явиться и самим Богом! Помни главное: каждый из нас лишь строительный материал для сотворения Богочеловека. Из-за своего звериного эгоизма людская масса никак не желает это важнейшее предназначение понять! Начнем наконец радикально менять русского! Пора!

— Можно вопрос? — ухмыльнувшись, спросил Петр Петрович. — Скажите, а каким образом в коктейль попал грузинский фрагмент? Вокруг столько наций...

— Вот что тебя мучает... — кивнул понимающе очкарик. — Посуди сам: около девяноста процентов интеллектуальной элиты Российской — советской — империи было рождено в трех географических дугах с юга на север — Тифлисская — Московская — Петербургская. На остальные десять процентов приходится огромная территория страны в границах 1988 года. Из двадцати двух миллионов квадратных километров три пояса особой демографической эффективности составляют около пяти тысяч квадратных километров. А это означает, что менее чем в одной четырехтысячной части империи на свет появляется подавляющая масса величайших носителей ай-кью. Меня заинтересовало

это странное, пугающее своей необъяснимой тайной обстоятельство, исполненное некоей мистической силы. Поэтому в минуты творчества, создавая генетический купаж, без малейшего внешнего принуждения, а исключительно по интуиции, я включил в него грузинский ген. И уверен, что поступил правильно.

— Так много грузин среди российских интеллектуалов? — поразился Петр Петрович.

— Там много представителей всех национальностей. Но необъяснимая генетическая аура этого этноса, магическая сила этой земли, бесспорно, повлияла на потрясающий феномен талантливости людей, рожденных в Тифлисской дуге эффективности.

— Можете назвать хоть несколько выходцев с этой дуги? Я, кажется, никого из них не знаю, — напросил Парфенчиков.

— Почему несколько, у меня в голове сотни имен: Долгорукий-Аргутинский, Блаватская, Пиросмани, Любеткин, Жордания, Бородин, Маяковский, Витте, Багратион, Сталин, Вахтангов, Немирович-Данченко, Месхишвили, Берия, Параджанов, Табидзе, Орбели, Хачатурян, Лебедев, Гудиашвили, Коган, Власенко, Данелия, Бокерия, Соткилава, Легран, Бейбутов, Калатозов, Мамардашвили, Цейтлин, Аганбегян, Товстоногов, Таривердиев, Марджанов, Бураковский, Примаков, Зданевич, Канчели, Рой и Жорес Медведевы, Стуруа, Проханов, Вирсаладзе, Палиашвили, Явлинский, Месхиев, Яшвили, Неуймин, Гинзбург, Тамиров, Ананиашвили, Никитин, Хуциев, Чабукиани, Петросян, Щелкин, Векуа, Кулиджанов, Геловани, Пот...

— Хватит, достаточно! Спасибо! Добрая половина мне неизвестны... Свой вопрос я снимаю. Скажите, профессор, а есть ли объяснение этому феномену?

— Убедил масштабом имен? Завершив эксперимент с нанопилюлей, я мечтаю приступить к его исследованию. Моя основная задача — вывести русский этнос в мировые интеллектуальные лидеры. Так что опять погружусь на долгие годы в научный поиск.

Едва он высказался, как исчез, внезапно и бесследно. Честно говоря, тут у меня впервые мелькнула мысль, что мне является не какой-то профессор Кошмаров, очкарик

и прожектор, а мое личное альтер эго. «Ведь при ломке он никогда еще передо мной не возникал. Я с ним встречаюсь исключительно в апофеозе кайфа, когда возношусь в облака для очистки помыслов. Необходимо пристально понаблюдать за собой, чтобы окончательно понять: кто же такой этот странный профессор? Я ли сам через тридцать лет, мистифицирующий из будущего собственные молодые годы, или действительно таинственный старикашка, страстно желающий экспериментировать с геномом человека. А для чего это мне? Чтобы утешить себя истиной или саморазоблачением? Обнаружить, каким образом это возможно, чтобы мое я двигалось в пространстве и во времени в противоположных направлениях? А может быть, еще глубже убедиться, что одновременно нахожусь в разных точках возраста? Если обычный человек без опийного молочка существует лишь в настоящем, то я, в одержимом состоянии, параллельно живу в разных измерениях, а пространство и время для меня вовсе перестают существовать. Это еще один повод для восторга! Для самолюбования, налагающего на мое решение пребывать в опийных грезах печать сверхчеловеческой ценности. А коль так, надо принимать предложение очкарика Кошмарова (а может, даже собственное) и активно участвовать в экспериментах. Пусть это станет моим аккордным вторжением в людскую историю. А вдруг интрига меня глубоко затянет? Хотя, если это не в ущерб моему морфийному состоянию, чего опасаться? Зачем сдерживать увлеченность? Ведь вполне возможен и другой поворот: я впаду в азарт, стараясь разными способами впихнуть канцам нанопиллюли, а в итоге испытаю усиление прихода, прилив чудесной энергии. Все будет происходить как после приема молотого мака из долины Пяндж. Уф-ф! Мечта!

Потрясенный, Петр Петрович всплеснул руками. Кошмаров-то обещал, что поможет вывести королевский бледно-голубой цветок с карбункульными прожилками цвета позднего заката. Уф! Поползли мурашки по затылку! Зачесались ноздри, взъерошились волосы, сомкнулись, как в счастливом обмороке, глаза! Нет-нет, ничего другого не хочу, ни о чем, кроме *него*, не мечтаю. Только *он*, налитый знойным молочком, взывает к самопожертвованию, лишь *он* начало и конец всего Петра Петровича Парфенчикова.

Именно *он* преобразует мой разум в источник исключительной, животворной энергии, возбуждающий страсть убеждать от всех! Ведь я отдаюсь магическому молочку, чтобы изобличать сущность привычных вещей, добиваться главенства над всеми, погружаясь в собственное наслаждение. Давай-давай, попробую, соблазн-то величественный — окупиться с головой в божественную опийную силу Пянджской долины! Ведь *он* одухотворяет мои фантазии, позволяет прикасаться к загадкам мира, размышлять над ними, искать метафизические ответы на простые, казалось, арифметические загадки. Это для кого-то дважды два четыре, а для меня это чистейшая метафизика! Теперь необходимо всей душой принять предложение Кошмарова и приступить к модификации городской популяции. Нужно не только к согражданам относиться как к строительному материалу, но и к самому себе. Да-да, я кирпичик и ничего больше. В свое время я успешно подавил в себе желания власти и потребления. И, сказать откровенно, эта акция принесла мне полнейшее удовлетворение. Низменные потребности вычеркнуты из моего сознания. Теперь надо заглушить в себе все традиционно человеческое. Относиться к окружающим лишь как к участникам великого эксперимента. Вопли москвичей на выставке современных летательных аппаратов нет-нет, да тревожат память. А их просьбы уничтожить разные сословия чиновничества теперь не кажутся мне безумием. Ясно одно: главное в человеке не в порядке...

В сильном волнении Парфенчиков встал и вышел на крыльцо. Внутренний голос настойчиво подсказывал: «Надо срочно начинать эксперимент. Противоречие между усиливающейся жаждой извращенного потребления и нравственными постулатами растет. Тяжелейший кризис второго круга в самое ближайшее время ворвется в повседневность. Но что невероятного сможет сотворить нанопиллюля профессора Кошмарова с канцами?» Эта мысль буквально просверливала голову Петра Петровича.

Мысли, формирующие действительность

С каждым днем Леонид Иванович все прочнее утверждался в городе. В кабинеты местной власти он входил без предварительного оповещения, как свой человек. Походка его изменилась, стала тверже, уверенней, растерянный взгляд сменился холодным, требовательным. Одежда приобрела бутиковый шик, в заднем брючном кармане появился глубоко сидящий бумажник, набитый крупными купюрами. Нелегальный рыбный промысел он довольно быстро взял под жесткий контроль, а теперь увлеченно искал способ для увеличения собственных доходов в других сферах. Заинтересовали его муниципальные земли и площади на предмет создания предприятий малого и среднего бизнеса, к которым относились рестораны, кафе, прачечные, магазины, парикмахерские, миллиардные и прочее. Ознакомившись с кучей федеральных инструкций и местными административными препонами, выстроенными на пути предпринимательской инициативы, господин Ефимкин быстро смекнул, что эта бюрократическая стезя — самая настоящая золотая жила. И стал

пробираться к ней с далеко идущей целью — проторить дорогу с односторонним движением, по которой разрешалось бы ездить лишь ему одному. Ведь без особых преференций на разруливание законодательных требований чиновничий бизнес не дает ожидаемого результата.

Сейчас господин Ефимкин, крепко держа в руке портфель, торопился к мэру. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, он повторял про себя веские доводы в обоснование своих особых прав решать, кому выдавать лицензии, кого выстраивать в очередь, а кому наотрез отказывать. Без административного ноу-хау рассчитывать на взятки не было смысла.

Он лишь слегка наклонил голову в сторону секретарши, но лицо его было таким выразительным, что она не посмела сказать ни слова возражения. Леонид Иванович без стука вошел в кабинет мэра.

— Приветствую вас, Евгений Александрович! Пришел посоветоваться по важному для горожан делу. — Его голос источал подобострастие, лицо сияло, морщилось от почтения. — Не хотите ли послушать музыкальную передачу? На длинных волнах сегодня весь день будут передавать музыку Мариконе. Весной он давал в столице концерт. — Ефимкин подошел к приемнику, включил его, набрал на какие-то мелодии и усилил звук. Затем оглядел кабинет и шепнул: — У меня нет уверенности, что кое-кто не мечтает записать наш разговор. Время нынче напряженное. Поэтому, как говорится, от греха подальше. Итак, теперь можно говорить. Евгений Александрович, Женечка, почему совершенно непрофессиональные люди управляют наиважнейшими вопросами развития малого бизнеса? Ведь президент страны не раз четко заявлял: если не убрать чиновничьи барьеры и поборы, нам не удастся вовлечь в предпринимательство миллионы сограждан. А это для России чрезвычайно важно, да просто жизненно необходимо!

— К чему это ты, не пойму? Ближе к делу! Если у тебя деликатное дело, то прибавь звук, — усмехнулся градоначальник. Это был высокий полноватый мужчина с редкими рыжими волосами и ярким румянцем. При взгляде на него возникало ощущение, что он только встал из-за хлебосоль-

ного стола. Мэр постоянно цокал языком, словно в зубах застряли куски пищи.

— Предлагаю создать при мэрии общественный экономический совет, которому будет поручено давать зеленую улицу проектам по развитию местной экономики. Без согласия совета, без резолюции его председателя, без подписи самого Леонида Ивановича Ефимкина ни один проект не может считаться легитимным. По распоряжению мэра ни одному городскому чиновнику не будет дозволено вмешиваться в процедуру выдачи разрешений на открытие бизнеса. Все вопросы буду решать исключительно я! Тем самым мы упростим жизнь местным инвесторам и выполним наказ главы государства — облегчить предпринимателям путь к коммерции.

— А мне-то что? — простодушно удивился мэр, разводя руками. Он отошел в сторону, хмуря свои густые рыжие брови.

— За должность председателя совета даю вам пятьдесят тысяч долларов. А каждый месяц буду выплачивать еще по десять тысяч. Подниму имидж городской управы и его главы. Ведь нынешнее требование центральной власти — получать все разрешительные документы из одного окна... Так выполните, дорогой друг, эти указы! Создайте совет, а уж я распахну окно местного бизнеса всем предпринимателям. Расцветет наш Кан!

— Что мне твоя десятка? Мне в краевые структуры, в аппарат федерального округа регулярно нести положено. Нет-нет, десятка меня никак не устраивает, — с жалобной гримасой отрезал мэр. — А фонд приема федеральных инспекторов? Аппетиты у них столичные — на aperitif заказывают «Квантро», ко второму блюду «Шато де ла Фит», а на десерт — «Хеннесси Парадиз». Не забудь еще финансирование программ Этой партии, выплату премиальных лидерам городской думы. Не из казны же эти деньги выдаются! Помни, на мне висят все городские жалобщики и оппозиционеры, не подкинешь им денег, забросают Кремль петициями, дескать, мэр такой-сякой, снимать его пора. А семейные праздники у краевых начальников! У одного свадьба дочери, у другого крестины внука, у третьего защита диссертации

сына, назначение на новую, высокую должность... Эх, что мне твоя десятка?

— А двадцать хватит? — сухо и холодно произнес Леонид Иванович.

— И этого мало... Сказал же, что не для потехи средства нужны!

— Больше тридцати не дам. Где их тут соберешь? Городок небольшой, душ всего-то около ста тысяч... — Ефимкин стал злиться на свою горячность и поспешность.

— Тридцать помесечно — это как минимум... Но каждый год рост выплат должен составить пятнадцать процентов. Только на таких условиях могу поздравить тебя с назначением. Ах да, а вступительные полсотни принес? Хорошее дело платежом украшается!

— Деньги в портфеле. Пиши приказ! — второпях, словно опасаясь, что цена опять поднимется и продолжится торг, бросил Ефимкин. Обдумывая коммерцию, он и на большее готов был согласиться, лишь бы получить эксклюзивное право разрешать бизнес в городе. Давно уже не только деньги стали интересовать инспектора рыбоохраны, но и власть. Она не меньше будоражила его самолюбие.

— Нет, вначале выкладывай деньги...

— Что, не веришь? Не веришь? Что, в первый раз! — поднял голос Леонид Иванович. В его тоне было больше не прикрытой радости, чем огорчения.

— Верю, верю, но хочу взглянуть! Предъяви гонорар, предприниматель! Мне не слова нужны! Деньги, деньги! — Тут мэр даже приподнялся, и вся его фигура явила неумолимую требовательность: глаза вспыхнули, лицо окаменело, а вытянутые руки будто свела судорога.

— Вот они, вот! Смотри, совсем новенькие купюры! Только с печатного станка! — артистично выкладывая пачки, уверял Леонид Иванович. — Но ты их получишь после ченча: мне приказ, тебе доллары. В бизнесе есть неписанные законы...

— Дурак ты, Леня! Что мне твой приказ? В одиннадцать часов я его подписал, а в пять минут двенадцатого разорвал в клочья и спустил в унитаз. А с копией документа кресло тебе не предоставят. Давай! Торопись! Не то пошлю к черту! Он мне еще условия ставит! Забылся? Мигом вы-

ставлю тебя за дверь! Выгоню навсегда! — брызгая слюной, набросился мэр на Леонида Ивановича.

— Возьми! Все тебе принес! Всегда носить буду! Черт попутал пошутить. Другьям ведь шутки дозволены... Ох как стыдно! Но я больше не буду! — рассмеялся он умильно. — Есть выпить? Напугал ты меня... — Леонид Иванович переложил пачки долларов на стол, встал перед мэром и уставился на него с улыбкой: — Налъешь?

— Открой шкаф. Выбери, что пить будешь. А мне налей водки «Большой».

— Я сам о ней подумал.

Они молча опорожнили по рюмке, потом по второй.

— Завтра же заступай на работу. Я защищу твой статус соответствующими приказами. Но чтобы каждого пятого числа тридцать тысяч долларов были в моем распоряжении. Не сможешь заработать, не будет дохода, заболеешь, женишься, станешь участником выборов, никаких извинений не принимаю. Платить придется свои! Заруби себе это обязательство на носу! Понял?

Ефимкин с жадностью ловил слова мэра, а сам думал о другом. На этом они простились.

Леонид Иванович заранее готовился к новому виду деятельности. Но после покупки новой должности стал более трезво размышлять, с чего необходимо начать, чтобы не только платить по обязательствам, но и активно пополнять собственный капитал. «Бизнес бюрократа начинается с инструкции, — думал он. — На первом этапе необходимо составить перечень документов для получения лицензии на любой вид деятельности. Для того чтобы зарабатывать на этом, надо вписать в инструкции, что предоставляемые предпринимателями документы должны быть заверены нотариусом. Значит, первое, что следует немедленно сделать, это создать собственные три нотариальные конторы. А еще раньше необходимо отменить все ранее выданные лицензии на эту деятельность. Затем найти трех теток-нотариусов, заключить с ними договор, чтобы доход с каждой конторы делился: мне семьдесят, нет, семьдесят пять, а им двадцать пять. Нет, не торопись, мне восемьдесят, а им двадцать. Выдать этим первым теткам лицензии, а остальным под разными предло-

гами задерживать. Теперь надо составить подробнейший список документов, необходимых для выдачи лицензий. Чем больше их окажется, тем круче будет оборот взяток и доход нотариальных контор. Например, весьма существен документ, позволяющий получить разрешение на водопользование. Эту процедуру необходимо улучшить. От предпринимателя следует требовать акты на скрытые работы по устройству оснований, фундаментов, упоров, уплотнению грунтов и проведению изоляций. Сертификаты и технические паспорта на трубы, арматуру, оборудование и материалы. И рекомендовать покупать перечисленный инвентарь в тех магазинах, которые заключат со мной договоры о вознаграждении. Можно потребовать предоставлять ведомость испытаний бетонных кубиков на прочность, если применялся товарный бетон. Здесь та же технология: откат от гонорара экспертов и кровные нотариальные. К перечню документов отнесу протоколы сварочных ленточек с указанием фамилий сварщиков и номеров их лицензионных удостоверений, акты гидравлических испытаний на прочность и герметичность сроком не старше двух лет. Еще гарантийный паспорт строительной организации на сданный объект, справку о выполнении противокоррозионных мероприятий и сертификаты на использованные материалы, акт телевизионного обследования трубопровода не старше двух лет, даже одного года! Протокол разграничений балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности локального трубопровода... Не забыть план подвала со схемой узла учета воды, справку Службы адресного реестра о присвоении милицейского адреса, справку формы ИГАСН № 22а-01, заверенную подписью и печатью представителя организации, устанавливающей водосчетчики.

Э, брат, на воде можно сбить немалый капитал. Что еще? Что еще? А открытие ресторана? Тоже можно неплохо поживиться. Потребуем договоры с городскими службами на тепло, электроэнергию, водоснабжение и канализацию, вывоз мусора, телефонизацию. Справки, что определен тип и класс заведения, нотариально заверенную копию регистрации товарного знака ресторана. Договор на дератизацию, дезинсекцию и дезинфекцию, на установку системы

сигнализации. Согласование с Госпожарнадзором, договор на видеонаблюдение, копию договора на охрану объекта с организацией, имеющей лицензию на охранную деятельность. Согласование в городской организации рекламной вывески и получение разрешения на размещение рекламных щитов. Получить лицензию на розничную торговлю и оборот алкогольной продукции можно будет при наличии заявления, учредительных документов, свидетельства ИНН, справки об отсутствии задолженности, санитарно-эпидемиологическое заключение, разрешающее работу с “пищевкой”, протокол о соблюдении требований пожарной безопасности, описание и сертификаты контрольно-кассовых машин... Плюс правоустанавливающие документы на помещение, документы БТИ — поэтажный план, экспликация, форма 1а, копия свидетельства о внесении в реестр субъектов малого предпринимательства, акт сдачи в эксплуатацию системы охранной сигнализации, справку об оплате уставного капитала, копию штатного расписания, санитарный паспорт, договор на проведение работ по обслуживанию систем вентиляции и кондиционирования. Получение сертификата соответствия на оказываемые услуги, заключения договора с прачечной, соглашение на прослушивание и использование фонограмм. А также договор на утилизацию ртутьсодержащих ламп, на получение сертификата ветеринарных паспортов на продукцию, употребляемую при изготовлении пищи. Проверять будем и наличие журналов: бракеражных, санитарных, контрольных, “здоровья”, входного контроля сырья, прохождения медосмотра, отбора проб, учета температурно-влажностного режима в цехах. Инспектировать регистрации инструкций на рабочем месте по охране труда, мойке и дезинфекции пивных установок, учету трудовых книжек, учета личных дел, актов по личному составу, предоставления отпусков, приказов о командировках, регистрации входящей корреспонденции, регистрации отбора проб. Протоколы проверки технологического оборудования, температурного режима в складских помещениях, наличие трех исправных переносных аккумуляторов фонарей...

Что еще, что еще? Чем еще обогатиться? Думай, думай! После отравления Литвиненко в Лондоне необхо-

димо ввести контроль складских, офисных и торговых помещений на наличие 210-го, а после недавно сбитого американского спутника-шпиона 238-го полония. Если первый распадается довольно быстро, то второму необходимо восемьдесят шесть лет, чтобы его следы окончательно исчезли. На высоте двести тридцать километров сбили американца. У него на борту было от тридцати до пятидесяти килограммов полония-238. А согласно ВОЗ, 500 граммов этой отравы способны вызвать у всех жителей Земли онкологию! Через два-три года он спустится на землю.

Вздыхнул и баста, Литвиненко потащил тебя за собой. Надо срочно создать собственную лабораторию химической и атомной безопасности. Ох, да это же Клондайк! В этом секторе рынка пахнет миллионами! Каждый протокол, справка, акт, журнал, лицензия от ста до тысячи долларов может стоить. А у меня еще парикмахерские, авторемонтные мастерские, ателье, строительные фирмы, учебные заведения, бензоколонки, универсамы, бутики, пекарни...

Предвижу, что тут не мудрено замахнуться и на миллиард! Миллиардер Ефимкин! Но почему Ефимкин? Можно и фамилию поменять, чтобы весомей звучала. Плюсов! Богатеев! Капиталов! Золотов! Миллиардер Богатеев! Звучит? Конечно, звучит! Еще как звучит, возгордился он вдруг, поверив в свое могущество. Что еще? Что еще? За счет какой премудрости можно увеличить собственный доход? В распоряжении о выдачи лицензий необходимо записать, что срок их выписки составляет один месяц, — чтобы публика торопилась, очередь росла, взятки повышались... Да что месяц, лучше два, точно два! Умно! И подачки еще выше подпрыгнут! Опять я тороплюсь — почему два, а не три? Да, три месяца на выписку документации, разрешающей открытие бизнеса, и никак не меньше! Ведь чем тверже я начну отвечать отказом, чем громче кричать “Нет!”, тем больше купюр осядет в моих карманах. Предприниматели станут записываться в очередь, их ждут круглосуточные бдения у моей двери, переключки. А мне этот ажиотаж ох как по душе! За каждую подпись можно уже не тысячу брать, а три, пять, десять тысяч долларов!

У нас в городке около трех тысяч “субъектов хозяйствования”. Если с каждого хоть одна тысяча долларов попадет мне в карман, это три миллиона в год! А если десятка? Тогда все тридцать миллионов осядут на моих счетах. Плюс рыбный бизнес, нотариальный, торговый, откаты... На такие модные преступления нынче все смотрят с завистью. Ох, хорошо стало жить в России! С ума можно сойти от удовольствия. Для чего мне этот старый соседский дом Фатеевой? Я себе новые хоромы построю... Что еще? Что еще? Где найти лишнюю копейку? Ох, как дорога она моему сердцу! Итак, надо отменить все ранее выданные лицензии и разрешения на предпринимательство в городе. К этому необходимо подготовиться: создать консалтинговую фирму, которая тут же возьмется за подготовку новых регистрационных формуляров. Но чтобы идея не выглядела мелкой, необходимо усложнить все заковыристыми требованиями. Тогда деньги потекут. Через год-два канскую модель можно перенести на весь край. К этому времени я уже буду способен купить самое важное место в краевой администрации, чтобы смело орудовать в другом масштабе цен и объемов рынка. Регион у нас благословенный, а возможности прирасти капиталом — богатейшие! Если повезет, а везение — это, прежде всего, вдохновенное старание, со временем дорога жизни обязательно выведет меня на федеральный уровень, в столицу. В Москве с буржуйским размахом переселенца начну обживаться. Гостей с общенациональными именами заведу. Столичным русским стану, а то у нас в Сибири без пол-литра никак не разберешься: кто русский, а кто чурка кавказская, азиатская или дальневосточная».

Он прибавил шагу, прошел мимо покосившихся строений главной улицы, пересчитал магазины и фирмы, плотно прижавшиеся друг другу, и, возбужденный отрадными мыслями, направился домой. Не терпелось изложить свой бизнес-проект на бумаге и начать действовать. Осмотрительно и при этом широко, нагло и решительно. Однако же не выходя из допустимых неписанных рамок.

Размашистым почерком он долго заполнял страницы фантазиями искусного бюрократа, выросшего буквально на голом месте. У нашего человека есть несомнен-

ный талант: совершенно неожиданно повар затрапезного трактира становится видным финансистом, уволенный за взятки прокурор-выжига — популярным кутюрье или режиссером, карманный вор, тянувший ляжку очередного тюремного срока, — популярным общественным деятелем, а мелкий лавочник столичных кварталов, торгующий фальшивыми брендами, — видным членом Государственной Думы и даже грозным федеральным министром. Благодаря этим национальным особенностям бывший милиционер-неудачник Леонид Иванович довольно быстро становился преуспевающим держателем административного ресурса, вершащим судьбы своих соотечественников.

Около двух часов ночи Леонид Иванович закончил свое бюрократическое творение, способное в угоду его собственному банковскому счету вытрясти карманы любого предпринимателя. После чего завалился на кровать, закрыл глаза, и перед ним предстали необыкновенные картины грядущего всевластия. У новобранцев после первых армейских физических нагрузок происходят самопроизвольные поллюции. У Ефимкина в эмоциональном напряжении не руки чесались после успешной коммерческой сделки, не девятизначные цифры в валюте прыгали перед глазами, не новенькие ассигнации вождельно шелестели в ушах, а давно забытый оргазм вынуждал с восторгом выкрикивать: «О-о-о-о! Еще, еще, еще! Ах, ах, ах... Дорогой... милейший... Доллар...» Трудно сказать, что именно являлось новоиспеченному распорядителю регионального бизнеса в этих загадочных наваждениях. Но очевидно, что настоящий экстаз.

Утром следующего дня господин Ефимкин передал главе города свой амбициозный план и стал энергично реализовывать заложенные в нем идеи. Организовал нотариальные конторы, создал консалтинговую фирму, для хранения личности подписал соглашения с банками на ячейки, зарегистрировал лабораторию химической и ядерной защиты, получил от городских властей эксклюзив на собственный фонд для проверок выполнения субъектами хозяйствования им самим составленных циркуляров и так далее. Нашел он час, чтобы осмотреть пойму реки Кан с желанием выявить

нарушителей. На берегу к нему подошел местный коммерсант Разживин, крупный мужчина лет сорока. Он преградил Леониду Ивановичу дорогу и без обиняков заявил:

— Возьми тыщу долларов, но завтра утром дай согласие на подключение к электричеству. В полдень я должен открыть свое заведение. У меня все готово, а в мэрии сказали, что без твоего согласия энергию я не получу.

— Сказали, да не все, — усмехнулся Леонид Иванович. — С сегодняшнего дня все твои разрешительные бумаги не действуют. Нужны новые!

— Как так? Я устал вам носить. Уже все продал, все жилы из меня вытянули. Дай лицензию, потом разберемся.

— Понял, что я сказал? Завтра говорить будем.

— Слушай, чудище, в моей левой руке последняя тыща долларов. Правая зато сжата в тяжелый кулак. Я миллион долларов потратил на возведение и обустройство кабака. Так что шутики в сторону. Бери тыщонку и давай свет или измордую тебя как шведа под Полтавой... Ваши аппетиты у меня поперек горла. Не могу я больше. Дай подключение...

— Ты не пугай, я не из робких. Хочешь открыть заведение, обращайся в консалтинговую фирму “Славика”. Там тебе помогут, но, конечно, не за тыщонку... Предложил тоже сумму! Ха-ха-ха!

— Так, значит, не даешь подключение?

— Сказал, нет... Поди в сторону...

— Сам выбрал...

После этих слов господин Разживин стал колошматить физиономию и грудь Леонида Ивановича. После шестого-седьмого удара тот свалился, а озлобленный ресторатор продолжил бить его ногами. Когда Ефимкин затих, предприниматель прекратил наносить удары. Он приподнял окровавленную голову своей жертвы и завопил:

— Завтра в восемь часов жду тебя с разрешительной бумажкой в своем кабаке “Ангара”. Не принесешь — убью! — После чего выругался и пошел прочь.

Инспектор рыбоохраны медленно приходил в себя. Он задыхался от боли и оскорбленного чувства собственного достоинства. В голове возникали планы мщения. Он подполз к заводу, с усилиями отмыл от высохшей крови лицо и, кряхтя, выпрямился. «Раньше такое оскорбление

требовало дуэли. Но чего сегодня стоит его жизнь или моя честь? — думал с обидой. — Ровным счетом ничего. Могу предположить, что мое избиеие — конкретный сигнал сверху. Что нынче главное в нашей жизни? Собственность! Ликвидный актив! И лучший итог любой современной дуэли — отъем собственности. Если рейдеров в Кане не было, — стискивая зубы, распался он, — то сегодня они появились... Первым стану я сам! Никогда не представлял, что займею в собственность ресторан, а сейчас просто убежден, что “Ангара”, стоимостью в миллион долларов станет моей. Я это заслужил! Начальнику милиции дам двадцать процентов, прокурору пятнадцать, а ресторан возьму. Чего это я вдруг так расщедрился? Избивал-то он меня в кровь! Это я в беспамятстве стонал на берегу, это у меня ребра в синяках, а лицо в ссадинах, им и по десяти процентов хватит. Пять можно дать судьбе, чтобы на случай судебного разбирательства свой человек на страже моей собственности в нужном месте оказался. А если эта история с рестораном благополучно завершится, то рейдерской технологией буду дальше пользоваться. И не только в Кане, но по всей округе, а там по всему краю... а может, и дальше пойду. Богатства в чужих руках много. Пришло время к нему присмотреться. Кому, как оно досталось? У кого грехи есть, пусть даже незначительные. Это моя работа — из мухи слона сотворить, а вокруг себя необходимо специальный отряд из крепких мужиков организовать. Приглашать тех, кто желает достаток увеличить, а не сидеть на мизерной зарплате. Лучше рекрутировать военных отставников от сорока лет. Кто оружие знает, у кого боевой дух сохранился. Какой у них доход? По двести, ну триста долларов в месяц. Я им по пятьсот, кому даже тысячу предложу, и с каждой рейдерской работы премию по тысяче. А если крупный завод к рукам приберу, то можно и по две, а то и по три дать! Где, на чем они такие деньги получают, кроме моей технологии? Ведь современная столичная элита так и строилась! Когда-то Тургенев сказал, что если поскоблить любого русского, то наружу выползет татарин. Сегодня однозначно можно заявить: если поскоблить любого русского богатея, то перед тобой окажется рейдер... Впрочем, весь русский

капитализм возник на рейдерстве. На чем другом он мог появиться, если перед приватизацией гигантской государственной собственности у каждого гражданина страны был лишь дырявый карман да пустой желудок? Свою команду надо начинать собирать с Чернохуда, ветерана спецназа ОМОНа. У него кулак с пудовую гирию, а мозг с яйцо кукушки. Такому рубль заплатишь, а он на сотню наворотит. Уж он подтянет и других...» с такими мыслями, Леонид Иванович вошел в кабинет городского главы милицейского ведомства.

— Что с тобой, Ленья? Кто это тебя так безжалостно отделал, бедолага? — наигранно скорбно спросил Николай Корягин.

Впрочем, казалось, милицейский чин вовсе не был огорчен избитой физиономией партнера по бизнесу.

— Начинаю новый проект. Твоя доля — около ста тысяч долларов. На несколько часов, ну, скажем, максимум на сутки, мне нужна пустая камера, глухая команда дежурных милиционеров и свободный доступ в нее лиц, которых я укажу. По окончании процедуры получишь восемьдесят пять, но может, и все сто или часть собственности на эту сумму.

— А имущество хоть ликвидное? — почесал затылок Корягин. — А то дашь какую-нибудь покосившуюся избу на окраине города и объявишь, что моя часть стоит сто тысяч долларов. С тобой надо четко договариваться...

— Даю на выбор: нал или имущество. Слово партнера!

— Восемьдесят пять или сто? Как понимаешь, разница есть...

— Если в наручниках привезешь в камеру владельца «Ангары», то даю сто.

— За что ж я его арестую? Может, подскажешь?

— За инцидент на берегу Кана...

— Что, это он тебя разукрасил?

— Ты можешь пришить ему любое дело. Договорились?

Я организую все так, что никаких следов не будет. Не волнуйся, если запахнет жареным, всегда можешь меня сдать. Разрешаю настучать! У вас же это любимейшее занятие.

— Лады! Когда везти?

— Под вечер, в десятом часу... Если твои ребята дадут

ему пару тяжелых пинков, еще лучше. Я пошел. Приготовиться надо.

Ефимкин поплелся в сторону спортивного зала. Здесь обычно бывал Чернохуд, с кем он торопился встретиться. Место было затрапезное, покосившее зданье говорило о том, что лишь в далеком прошлом в его стенах бурлила спортивная жизнь. На лавочке перед входом сидели несколько мужичков. В одном из них Леонид Иванович узнал бывшего спецназовца. Он поймал встречный взгляд и кивнул: дескать, подойди, разговор есть. Чернохуд был двухметровым детиной с открытым, добрым лицом. На нем был потрепанный спортивный костюм и латанные на подъеме кеды. Упругая походка и кисти, сжатые в кулаки, подсказывали, что Чернохуд человек волевой.

— Иванычу привет. Какое дело заставило начальника найти всеми забытого пенсионера? — не доходя до Ефимкина, бросил он. — Кто побил, нужна защита? Кому поломать кости или отрезать уши? В Афгане, если прикончил духов, приходилось доказывать это по отрезанным ушам. По горам таскать трупы не офицерское дело.

— Скажи, дружок, ты какую пенсию получаешь?

— Незавидную. Что, работенка есть? Смогу костюмчик подкупить, детей обновками порадовать, жене денег подбросить? Наестся, наконец, от пуза. Что делать-то надо?

— Выполнять любое мое поручение. Как на войне, как в Афгане...

— Тут главный вопрос: сколько платят?

— Семьсот долларов в месяц плюс премия тысяча долларов в случае успешного завершения работы.

— Но что делать, никак не пойму?

— Выполнять без каких-либо вопросов мои поручения.

— И убивать?

— Не исключено, но это в самом крайнем случае. Премия за выполнение такого задания, пять тысяч долларов и милицейско-прокурорская крыша.

— Да, неплохо. А если меня прикончат, что семья получит?

— Этого не случится, но ты сам что считаешь? Сколько?

— Десятку в долларах — это как минимум.

— О'кей!
— Но вперед.
— Могу выдать только аванс. Три тысячи.
— Когда остальные?
— После первой успешной работы.
— Как мне знать, окажется ли работа успешной?
— Я ставлю задачу, ты ее решаешь. Выполнил — значит, цель достигнута. Получай премию!
— А когда первое задание?
— Нынче вечером. Сколоти команду. Человек шесть пока достаточно. Твои бойцы будут получать по пятьсот долларов и пятьсот премия. Общее задание я ставлю только перед тобой, остальным могу давать лишь отдельные поручения. Понял? Встречаемся у Дома культуры в девять вечера. Пусть твои ребята возьмут с собой струбины, электроутюг, щипцы и электрошок. Надо приласкать одного мерзавца в КПЗ. Да, неплохо бы какие-нибудь маски. Город небольшой, так чтобы анонимно... Еще возьми бинты. В камеру войдешь первым. На этом типе будут наручники, так что тебе без особого труда удастся перевязать ему голову. Оставь открытыми только рот и ноздри. Дышать-то ему надо... Двадцать минут мутузьте его по полной программе, но лицо оставляете нетронутым. Прижигаете раскаленным утюгом, струбинами раскалываете череп, электрошоком бросаете в нокаут. Затем выходите, а минут пятнадцать спустя захожу я. Так повторяем, пока цель не будет достигнута. Финал истории — в камеру привозят нотариуса и свидетелей.
— А менты?
— Тебе повезло! Менты с нами. Только они ничего не видят и не слышат. Кто поверит, что при караульных посторонние заходили в камеру и избивали заключенного? Абсурд! Такого не может быть! Голос прокурора будет категоричным, ведь он тоже с нами.
— А зачем марлей голову перевязывать?
— Город небольшой, может его кто из твоих ребят признает или он окажется чьим-то родственником. От греха подальше.
— Это работа. Брат, дядя, тетя не в счет. Психологически это очень важно — чтобы человек увидел, что его избивает собственный брат. Понял? Так что об этом не думай. Я

ему накину мешок на голову, чтобы избежать травмы черепа. Когда получу для себя и своих мужиков деньги?
— Вечером и получишь.
— Значит, мне семьсот долларов за месяц вперед и три тысячи аванс за похоронку. Это три семьсот. Ребятам по пятьсот — это три тысячи и аванс страхования жизни по двести. Итого семь тысяч девятьсот долларов. Так?
— Точно так!
— Но потом еще премия!
— Да!
— Он должен что-то подписать?
— Да!
— Все подпишет. У меня он запоет голоском афганского внуха. Хочешь, продам идею?
— За сколько?
— За тысячу баксов. Нет, за две.
— Дорого. Плачу пятьсот.
— Бог с тобой, давай пятьсот. В Афгане я научился мастерски кастрировать, потому что от кастрата ни злобы, ни мести не жди. Может, все же дашь тысчонку? Идея-то хорошая...
— Неплохо, неплохо... Плачу не за идею, а за исполнение по двести долларов. Сумма окажется куда больше, чем пятьсот или тысяча за идею. Если не забыл арифметику, то согласишься.
— А сколько раз кастрировать придется?
— Немало, и каждый раз двести долларов!
— Согласен. Тогда возьму сегодня свой инвентарь. Уже двадцать лет я им не пользовался.
— Вспоминай, вспоминай, полезное дело. Но отвечаешь головой за каждого своего бойца. Работа должна быть тайной. Сделали и разошлись, никаких разговоров ни до, ни после. Вызвали из памяти заказные операции ОМОНа... Понял?
— С этим делом у нас строго, ведь лучшая в мире школа все-таки была! Болтунам одним ударом учились разбивать башку.
— Вот-вот, прекрасно, эта практика тоже понадобится. А щипцами кости выворачивали? Утюгом прижигали? Струбинами черепа раскалывали?

— Нет, такого не было. Но тут ничего мудреного нет. Сделаем любую работу, Иваныч. — На его лице появилась невинная детская улыбка.

Ефимкину казалось, что спецназовец не лукавил. «Добродушный парень и полезный кадр! Удачно, что я его вспомнил!» — подумал он и перешел к дальнейшим инструкциям.

— Вот что, приятель, для конспирации обойдемся без имен и фамилий. Я для тебя и всей команды Математик, ты Начальник Поезда, а членов нашей команды называй таким образом. Бригадиров по именам зверей. Например, Лиса, Медведь, Волк, Кабан, Рысь и так далее. А бойцов — именами их любимых яств. Чтобы было понятно, поясню: лиса охотница за курами, утками, гусями, голубями, фазанами и прочими. Значит, в бригаде лисы бойцы будут носить эти имена. Медведь — любитель голубики, клюквы, черники, лосося, форели, чавычи. Кабан предпочитает желуди, каштаны, трюфеля, свеклу, кукурузу. Поэтому в его бригаде будут Желудь, Каштан, Трюфель... Понятно?

— А что, мне нравится. Но позволь, Математик, сколько же нас будет в команде? Не батальон же ты готовишь? Я на любую работу пойду, кроме захвата власти. Политика не мое дело!

— Нет-нет, совершенно никакой политики. Чапаев, Лазо и Фрунзе не наши герои. Нам нужно вкусно поесть, элегантно прикинуться, набить амбар деньгами, прикупить классный лимузинчик, наполнить загашник акциями Норникеля, «Базового элемента» и Газпрома, пока цены низкие, кризисные, и покатить впереди себя золотой рубль. Чтобы приятный звон стоял в ушах, а все с завистью пялились на роскошную жизнь. Тебе нужно что-нибудь еще?

— Да-а... Ты забыл девок. Как же без них? Я бы завел гарем. Пять, даже десять первоклассных телок украсили бы наш досуг.

— Ты прав. Ну, я пошел. В девять!

— Минутку, так сколько нас в команде должно оказаться?

— Начнем с бригады в шесть человек. Если станем жирком обрастать, тогда и числом обновимся. Развитие бизнеса зависит от доходов фирмы и от самоотдачи сотрудников.

Вот такая простая премудрость. Покажи, Начальник Поезда, на что способен, нынешним вечером...

После этих слов Ефимкин быстрой походкой направился прочь. Надо было еще переговорить с прокурором и судьей.

В назначенное время первая бригада была в сборе. Леонид Иванович даже не ожидал встретить таких рослых мужиков с открытыми славянскими физиономиями. Лишь один был невысокого роста, рябой, лысоватый, похожий на крымского татарина. Лица бойцов смягчились добродушными улыбками. Казалось, они говорили о милых мелочах, из которых складывается жизнь. Каждый был одет в поношенную спортивную форму. Так обычно ходят в провинции не старые еще ветераны спорта. Невозможно было даже представить, что эти люди дали согласие участвовать в тяжелой криминальной разборке. Куда больше они походили на друзей в возрасте, после трудового дня собравшихся заняться каким-нибудь игровым состязанием. Начальник Поезда отделился от группы и шагнул к Математику.

— Деньги принесли?

— Такая демонстрация нам ни к чему. Деньги в свертке оставлены в твоём почтовом ящике. Позвони домой, пусть жена их вынет и пересчитает. Вот мобильник. — Леонид Иванович протянул Чернохуду свою «Моторолу».

— Пересчитывать она не будет, но я скажу, чтобы сверток взяла. Надеюсь, в нем не кукла.

Ефимкин промолчал. Его лицо выглядело каменным.

— Пошутил я. И звонить не буду. Кто полезет ко мне в ящик? Там сроду никакой почты не было. Он, видать, прожравел полностью. За пенсией я сам хожу, а корреспонденцию вообще никогда не получал, может, и было что, но не помню. После работы займусь свертком. Еще раз объясни нашу задачу.

— Объект в наручниках помещен в камеру полчаса назад. Ты в маске заходишь первым, чтобы замотать ему голову. Она должна быть без ссадин. После этого заходит вся бригада и начинает его колошматить. Молча! Так продолжается пятнадцать минут. Потом выходите. Минут десять спустя, я вхожу на разговор...

— Считаю, чтобы он пришел в себя, понадобится как минимум тридцать минут, а то и час. Я все спланировал. Первый раунд — групповое избивание. Второй — отборные пытки. Третий, чтобы окончательно сломить волю, — сексуальные надругательства. Четвертый раунд — отсечение конечностей. Тут любой герой что надо подпишет. Думаю, после второго раунда он сломается и надо будет вызывать нотариуса. Надеюсь, ночью он может явиться? Хочется до полуночи премию получить. А кастрацию я начну лишь после нотариуса, да?

— Да-да! Ну, пошел! Менты, прокуратура, судья, нотариус — все ждут команды. Только не переборщите, чтобы он не помер до нотариуса. Тогда провал всей затее...

Про себя Леонид Иванович решил: «Если все же померет, все равно заставим нотариуса подписать дарственную». После этого он поспешно направился прочь.

В просторной камере слабо светила лампочка в сорок ватт. Коммерсант Разживин сидел на нарах, деливших помещение на две части. Лежать он не мог, руки за спиной были плотно стиснуты милицейскими браслетами. Камера была рассчитан на двенадцать—четырнадцать арестантов. Но Разживин сидел один на сбитых из досок нарах в шестьдесят сантиметров высотой. По каким причинам он здесь оказался, коммерсант не понимал. Впрочем, иногда у него мелькала мысль, что за его арестом мог стоять рыбный инспектор. «Если это он заказчик, надо себя выкупать, — думал заключенный, — и срочно, до следственных действий! Сколько предложить за закрытие дела? Тридцать тысяч Ефимкину и двадцать ментам... Хватит ли? Да и как предлагать? В КПЗ два прапорщика-охранника. Предложу тысячу долларов за звонок... Надо срочно поднять приятелей».

Разживин поднялся и стал ногой стучать в массивную дверь камеры. Десять минут спустя кормушка приоткрылась.

— Чего тебе? — забарабанил охранник ключами по металлической обшивке.

— Друг, даю тысячу долларов за звонок! Матери хочу позвонить, меня дома нет, ведь волнуются. Только три слова скажу, что жив-здоров. Ну, ладно, даю три тысячи. Три звонка — три раза по тысяче. Ведь доллары!

— Пошел ты... У тебя карманы пустые. В долг не работаем. Знаем вашего брата. Еще раз постучишь, измордуем, — бросил прапорщик, закрывая кормушку.

«Почему они меня в наручниках держат? Как же я устал бороться с бюрократами. Уверен, не только у меня требуют подачек, весь средний класс под гнетом, даже олигархи, словно крепостные, перед Кремлем на коленях стоят. Так хочется любить Россию, но за что? Дайте мне материал для любви! Хоть маленький кусочек, хоть лоскуток для успокоения! Ощущение, что страну накрыл заколдованный мыльный пузырь выдуманного благоденствия. А на самом деле не жизнь, а чума. Какой-то тотальный политический блеф! Сегодня уже не выдержал и избил мерзавца. Но сколько они моей крови выпили? Три года строю свой ресторан. Шестьсот квадратных метров. Он уже два с половиной года мог прибыль мне и казне давать. Но работаю только на чиновников. Более трехсот тысяч одних взятков раздал. Согласование проекта, продление согласования проекта, ордер на строительство, подключение к водоснабжению, к электроэнергии, к отоплению, визы пожарников, несчетные протоколы с санитарно-эпидемиологическими службами... Восемьдесят с лишним мест, куда надо было заносить, чтобы запустить ресторан. И носил, сколько потребуют. Даже порой торопишься дать, куда денешься? А они берут, только мало что делают, — чтобы взять повторно, третий, пятый раз. Им все мало! Ведь никто не одернет! Внутри страны власть не существует! А дело стоит! Деньги не работают, оборудование ржавеет, душа страдает, сердце обливается кровью. И вот новый круг очертили... Разве у человека хватит нервов не дать этой власти в рожу? Не женской перчаткой, а увесистым кулаком! Сегодня я всю злость выплеснул на Ефимкина. Понимаю, что виноват! Но в мире этого повального взяточничества быстро теряешь в себе человека. Я еще долго держал себя в руках. У русских не огрызаться власти — национальная особенность. Ни француз, ни немец, ни итальянец, ни англичанин, ни испанец, ни швед такого унижения никогда бы не вытерпели. Они боролись бы сообща,

колоннами, массой! А мы, надеясь, что вот-вот придет в Кремль новый человек и все изменит, гасим разгул бюрократов кассой! Вот не выдержал, набил рожу душеителю русского бизнеса, а сейчас сижу за замком в наручниках. Не ведаю, что ждет меня. Статья за хулиганство — пять лет заключения. Могут прийти попытку убийства — это все десять. Но главная беда во всех случаях — постоянное унижение. Это первое сквозное чувство сопровождает нас с раннего возраста до могилы. Был ли когда-нибудь русский дух по-настоящему прекрасен, справедлив и ярок? Интеллект — да, примеров во все времена было достаточно, но честь, достоинство? Сомневаюсь... Неужели приватизация и ростки капитализма за недолгое время смогли так основательно испортить нацию?»

В этот момент Разживин услышал, что дверь камеры открывается. «Наручники пришли снимать, что ли? — мелькнуло у него в голове. — Или следователь...»

Однако в камеру вошли несколько амбалов в масках. Один из них сразу схватил Разживина за горло, другой накиннул на голову наволочку, и без каких-либо объяснений арестанта стали избивать. Били беспощадно и долго. Руками и ногами. Из девяностокilограммового тела сделали отбивную, готовую к барбекю. В какой-то момент он потерял сознание. А едва очнулся и сквозь нестерпимую боль, ошарашенный, осознав, что с ним произошло, попытался подняться, как услышал чей-то голос:

— Хочу, чтобы сразу все было понятно. Ты оштрафован за инцидент у речки! Размер наказания оценивается стоимостью ресторана “Ангара”. Если готов в присутствии нотариуса и свидетелей подписать купчую и протокол, что получил сумму полностью, тебя больше пальцем не тронут. Если нет, тебя ждут бесконечные ночные ужасы. Мы не отступим: или ресторан — или твоя жизнь. Без передачи мне “Ангара” отсюда не выйдешь. А мертвого тебя тайно вывезут и сбросят на свалку. В течении дня крысы оставят от тебя одни кости. Выбирай. Если мы смогли поместить тебя в КПЗ, то не будет никаких проблем отдать тебя на съедение грызунам. Жду. Лишнего не произноси. При любом слове, кроме «Да, согласен», я выхожу, а за мной придет команда, способная на многое...

— Ни-ког-да... — еле выговорил Разживин. Слезы душили его, боль искажала лицо. — Я сделал ошибку, что избил тебя. И этим уронил прежде всего самого себя! До ума ли в этот момент было! Пойми, “Ангара” — это моя... мечта, я не смогу остаться без нее. Как тогда жить? Я кулинар, продал отцовский дом, дом тестя и стал строиться... Без одной минуты здание готово. Прости... Возьми что-нибудь другое... Впрочем, у меня кроме него, ничего нет... Мне легче умереть, чем отдать “Ангару”.

Ефимкин не стал слушать дальше. Он вышел из камеры и сухо бросил: “Продолжайте!” Тут он заметил, что лица его бойцов, скинувшие на время маски, ничуть не озлоблены. Они говорили, о чем-то своем, шутливым, открыто улыбались, вовлекая в беседу прапорщиков КПЗ. Похоже, обсуждали появившиеся в городе презервативы нового типа. «А я еще сомневался, можно ли запустить успешный рейдерский бизнес. С таким народом можно! Пора искать новую жертву! — у Леонида Ивановича произвольно вырвался смешок. — Я даже знаю, кто окажется следующий. Владелец мясокомбината. У него неплохие доходы. Но главное, необходимо выстраивать технологическую цепочку бизнеса. Не разбросанные предприятия, никак между собой не связанные, а линейка. Мясо поступает в ресторан, рыбой я уже владею, в этом случае могу делать с ценами все, что угодно, а значит, быстро повышать доходность! После мясокомбината надо взяться за фермы. Прибрать к рукам выращивание свиней и телят, затем обратить внимание на агрофирмы. Чтобы кормить скот собственным сырьем. Дальше можно за другие рестораны взяться. Потом подумать и о новой линейке. А там дальше осматриваться... Иначе капитал не соберешь. А ребята у меня славные. Правда, как бы меня самого в один день не раскулачили. У русского человека душа темная, и разум с ней в ладах...»

Тем временем в камере начался второй раунд. Раскаленный утюг поставили Разживину на ягодицу. Брюки в этой части мгновенно сгорели. Стал ощущаться едкий душок паленого мяса. Бойцы не церемонились. Они струбцинами все крепче сдавливали череп несчастного. Казалось, голова треснет как арбуз. Затем щипцами стали вырывать пальцы на ногах. Один палец сломался — его пришлось выдерживать

частями. Электрошок вставили в ухо и поминутно включали. Разживина спасла от смерти неимоверная боль. Сознание отключилось, и он впал в беспамятство. Очнулся через час. После пыток у него тряслись руки. Едва он пришел в себя, как услышал тот же голос:

— Дай согласие на подписание купчей — и все закончится. Произнеси заветное слово, после которого придет нотариус, и ты свободен. Ну? Впрочем, ты должен знать, подпишешь или нет, а нотариус все равно засвидетельствует продажу и передачу денег.

Разживин молчал. Он с трудом поднял руку и сделал отрицательный жест. «Неужели нотариус способен предать меня? Это же мой двоюродный брат! Не верю... Надо вытерпеть этот ад, — лихорадочно думал он. — Боль, как правило, временная, а жить еще лет тридцать. Но как жить, если все ресурсы в “Ангаре”? Я без нее банкрот. Ну а если помру, то хоть активы семье по наследству достанутся. Лучше отдать концы, чем каждый день от нужды помирать долгие тридцать лет. Эти изверги детей, надеюсь, трогать не станут».

Ефимкин вышел.

— Продолжайте! — раздраженно распорядился он.

Начался третий раунд. Боец под кличкой Петух снял брюки... Трое наблюдавших начали охать: «Смотри, как у него здорово получается! Он прирожденный голубой. А задницей как крутит, ох-ох-ох! А языком как облизывает! Фантастика! Ха-ха-ха! Лучше любой телки. Мы его придержим. Когда девок не будет, он станет их замещать...

— Ой, не думал, что мужики могут вызвать такой шикарный оргазм, — бросил, пристроившись с боку, Фазан.

Разживин не мог сопротивляться, не мог немедленно умереть, не обладал чудодейственной силой, чтобы остановить насилие. Заключенный сник, упал волей и тихо стонал.

— Ну, еще, еще! Ох, хорошо! — кричал один из тех, кого потянуло на секс.

— Молодец, Разживин. Сейчас все в городе узнают, что не мужик он вовсе, а гомик. Надо с его женой побаловаться. Она телка сдобная, с удовольствием в круг встанет. Да и дочь растет, ей уже тринадцать. Пора к делу приучать. А паренек? Ему десять, скоро можно и его попробовать. Если в отца по-

шел, обязательно талант гея проснется. Надо лишь эти способности как следует развить, — подхватил Селезень.

— Вспоминаю, говорили, будто у нас в Кане живет король всех гомиков сибирского края. Теперь ясно, кто он! Ай да Разживин, умело прятался, — хихикнул Тетерев.

— Хватит, может, и мне достанется. Я что, железный! От эрекции штанина лопается. Оставьте его, пришел наконец мой черед, — упрекнул команду Начальник Поезда.

— А я? Что, если мал ростом, то запрещается? А ну поворачивайся ко мне, только не паленой частью задницы, — требовательно заявил боец-коротышка.

В камеру опять вошел Ефимкин.

— Оставьте нас одних, — скомандовал он.

— Тоже понравилось? — выкрикнул кто-то.

Впрочем, все тут же вышли.

— Может, хватит? Не далеко ли ты зашел в своем упрямстве? Подписывай документ, и все забудется. Мои люди профессионалы, в городе об этом инциденте никто не узнает. Твоя семья будет в безопасности. А если ты кулинар, то принимай кухню. Назначу тебя шеф-поваром. Сделаем тебе рекламу: «Для вас готовит лучший повар Сибири Разживин!» Иначе — будешь жить в бараке, где станешь девушкой для бойцов спецназа. Ежедневно тебя будут трахать, а там, смотри, и до семьи доберутся. Соглашайся. Ребята приготовили для тебя еще несколько раундов. Все равно согласишься, потому что вынести всю программу и сильному человеку нельзя. Лучше сразу сказать “да”. Сейчас подойдет нотариус. Документы готовы. Первым подписывай договор о купле-продаже помещения. Ведь у тебя на “Ангаре” еще нет права собственности. Поэтому подпишешь бумагу о переуступке прав собственности на мое имя. Второй документ — протокол о том, что в присутствии свидетелей я выплатил тебе полную сумму согласно контракту. Вот и все. Ты свободен. Мило живешь в своей семье, тебя никто не беспокоит, под моей защитой работаешь у меня шеф-поваром. Ну что, я вызываю нотариуса? Да?

— Вызы-вай, сво-лочь! Но это же мой двоюродный брат Николай! — промычал Разживин.

— Ошибаешься. У меня новый нотариус. Сейчас с ней познакомишься.

«Надо поставить целью своей жизни убийство всей этих мразей, — думал Разживин. — Мне нужно два-три дня, чтобы прийти в себя и пристрелить их из охотничьего ружья. Такие гады и до семьи доберутся, и детей начнут насиловать. Сейчас подписать все, а потом мочить! Поодиночке, с такими же извращениями. С набором тех же приемов».

Ефимкин мгновенно выскочил из камеры. Первое рейдерское дело принесло успех. Барыш составил миллион долларов, из которых больше двухсот тысяч надо было раздать товарищам по сделке. «Так просто, за три часа, семьсот шестьдесят тысяч! — радостно думалось ему. — Прекрасно! Правда, помяли мою рожу, но я бы с удовольствием подставлял ее каждому, кто платил бы за избивание семьсот тысяч! У меня другой вопрос: неужели капитал — средство достижения нравственного триумфа? А как же неизбежная при этом потеря всего человеческого? Я не думал, что способен на такое... Ах, да ладно! Покажите мне идеального человека. Существует ли он? И я сдамся, подниму руки. Равенство — наивная утопия. Тысячелетние попытки доказать, что оно возможно, ничего не дали».

Впрочем, Леонид Иванович недолго размышлял и завершил свой внутренний спор победным возгласом:

— Нотариуса!

— Bravo! Премия! — закричали бойцы.

У них были счастливые лица, как у людей, закончивших достойное дело. Наблюдая за проявлением общей радости, Математик подумал, что сегодня у членов его команды не осталось ничего святого. А было ли оно вообще?

— Начальника Поезда ко мне, — распорядился Ефимкин. Он отвел Чернохуда в сторону и вручил ему паспорт Разживина. — Сейчас появятся нотариус и свидетели. Сними с нашего голубчика мешок, заведи его в кабинет опера, посади в кресло и засунь в карман паспорт. Поставь на стол бутылку воды, стакан, как положено. Отряхни его одежду. Все должно выглядеть натурально, хоть люди и свои. После формальностей отведешь его назад в камеру и начинаешь свою операцию. Я дожидаться не стану. Устал.

Завтра дел по горло. Вот так, Ну что, я же говорил: работенка непыльная, а доход приличный. Где в нашей округе такие деньги заработаешь? Через пару дней приступим к следующему этапу. Финансовые условия прежние. И чтобы ни гу-гу!

После появления нотариуса и свидетелей, дело быстро завершилось. Ефимкин, как и обещал, уехал. Измученного Разживина отвели в камеру, будто для последних сборов. Едва дверь закрылась, Чернохуд одним ударом свалил его в глубокий нокаут. Затем, уложив жертву на нары, Начальник Поезда приготовил свой нехитрый инструмент и приступил к подзабытой варварской процедуре...

Искусство чувствовать — это нечто иное

Григорий Семенович продолжал наблюдать за жизнью городка, в котором волею судьбы оказался. Два вновь прибывших в город типа заслуживали особого внимания. То, как они себя вели, по его заключению, было не совсем типично для канцев. Больше всего его заинтересовал господин, поселившийся в доме усопшей Фатеевой. С какой целью молодой человек взялся за лопату да с таким усердием стал перекапывать участок? Это сильнейшим образом интриговало Григория Семеновича. Местную молодежь интересовали лишь пиво, гитара и секс. А тут такое странное занятие! Столичный житель не просто рыхлил почву, он вкладывал в нее какие-то зернышки — явно с нежностью, порой поглаживая, их, целуя и даже разговаривая с ними. «Что же такое хочет вырастить этот тип на нашей сибирской земле? Да и пригодна ли она будет для этого дела? У нас ведь тепло лишь три месяца в году. В другое время солнце, если и светит, то не греет». Наблюдателю приходила на ум идея тайком пробраться на участок и определить, что сеет новый сосед. Было и

другое, связанное с приезжим, обстоятельство, которое вызывало вопросы. Почему он постоянно теревит нос с блаженным выражением лица? Когда Помешкин в такой момент наводил на москвича бинокль, то, боясь себе признаться, даже завидовал испытываемому “объектом” удовольствию. Григорий Семенович не раз пытался теревить собственный нос, но из этого не получалось ничего, кроме затыжного насморка и непроизвольной эрекции. «Что у него за секрет, — тщетно искал ответ Помешкин. — А вдруг ему известно, как получать эротическое удовольствие от разных частей собственного тела? Что еще можно теревить, на что нажимать, что поглаживать или чесать, по чему постукивать, как хлестаться, чтобы вызвать в себе тот глубокий восторг, который освещает его лицо во время почесывания носа?»

Неспокойному канцу не терпелось узнать это от самого соседа, хотя всем было известно, что он сам категорически избегал неформальных контактов с людьми. Словом, москвич занимал Григория Семеновича гораздо сильнее, чем инспектор рыбнадзора. Вот и сегодня Помешкин следил за действиями загадочного соседа. Это странный тип опять вышел из дома с лопатой в руке. На поясе висели два мешочка. В левом, вероятно, помещались семена, а в правом — какая-то еда: орехи или семечки. Сосед то и дело доставал такой орешек или щепотку чего-то непонятного и с наслаждением разжевывал. Впрочем, левая сторона совершенно не интересовала Григория Семеновича, потому что к аграрному делу он относился равнодушно и никакими идеями насчет этой деятельности себя не занимал.

На этот раз москвич не перекапывал землю, а рыл яму. Постепенно она так углубилась, что сосед в ней скрылся. Немного спустя он вылез наверх — уже без лопаты, зато с чемоданом. Григорий Семенович с волнением следил, как приезжий с усилием тащит ношу к себе в хату. «Что за клад мог быть у старухи Фатеевой? Может, это и не ее богатство? А осталось оно от купцов царского времени? Сколько, собственно, лет прошло? Три-четыре поколения, меньше века. Что это за срок? Пустяк! Меня не ценности занимают, а интрига. Чей клад и каким образом о

нем знал лишь приезжий из столицы? Мне бы, летописцу канской жизни, о нем ведать, а не московскому щеголю. Чтобы распутать клубок загадок, надо обязательно побывать у него. Вот только вычислю, когда он уходит из дома...»

Как ни надеялся Григорий Семенович продолжить слежку, после того как незнакомец скрылся в стенах своей обители, у него ничего не вышло. Изредка в окне мелькала фигурка приезжего, но больше ничего разглядеть не удавалось. Отчаявшись, Помешкин опустил бинокль. «Почему я так заинтересовался этим делом? Я, у которого окружающий мир ничего, кроме сарказма, не вызывает! Чем же так приманил меня этот тип? Меня, всей душой ненавидящего *их всех вместе взятых!* Своей болезненной отрешенностью? Кто в его возрасте приедет из столицы в Кан, чтобы весь день в поте лица лопатить грядки? Может, меня потянуло к нему именно потому, что он очень странен и даже несколько на меня похож? На всякий случай, повторю самому себе, кто я есть и кем себя считаю. Я Григорий Семенович Помешкин, существо некоего третьего пола и нового вида. Все человеческое, культура и религия, мне не только не мило, не близко и не дорого, а как раз наоборот, противно и мерзко и, кроме плевков, ничего не вызывает. В грезах я часто мечтаю обладать невероятной силой, чтобы наказать род человеческий за его непреходящую порчу. И глубоко убежден, что в самое ближайшее время эта чудесная способность у меня появится, и я наконец смогу очищаться от гнуснейшего соседства. Сколько раз мне виделось, как я, обладая неземными свойствами, жесточайшим образом наказываю всех по очереди. Сексапильных девок, визажистов, пластических хирургов, парфюмеров, кутюрье — за их умышленные провокации животных инстинктов! Политиков — за их неумную страсть к власти, наживе и убеждение в своей непогрешимости. Бюрократов — за наплеватьство на закон, лицемерие и поборы. Милиционеров, прокуроров, судей, военных, инспекторов фискальных и силовых органов — за избирательность в применении карательных мер. Журналистов, артистов, имиджмейкеров, писателей, поэтов — за намеренное искажение реальности и продажную суть. Да и всех

остальных я ненавижу не меньше. Готов их тоже безумно оскорбить, даже казнить за унижительное терпение общей мерзости. Разве не вправе я называть себя созданием, не похожим на других, с невероятным потенциалом ненависти к окружающему, представителем третьего пола и нового вида? Сексуальное влечение к самому себе встречается у некоторых Нарциссов. Но такую бурную половую страсть, какую испытываю я к собственной персоне, когда при касании любой части тела наступает эрекция, а от собственного отражения в зеркале — восторженный оргазм, — можно смело считать редчайшим, единичным явлением. Почему же такое уникальное существо, как я, так глубоко заинтересовал этот незнакомец из столицы? Рыбный инспектор — понятно, он нужен для социальной панорамы. Но москвич? Тихий, болезненный мышонок со стеклянным взглядом? Что за сила заставляет обращать на него внимание?

В этот момент дверь дома Фатеевой распахнулась. Молодой человек сбежал с крыльца и, не оглядываясь, зашел по улице в сторону центра города. Казалось, он шел по неотложному делу. Григорию Семеновичу вначале захотелось поспешить за ним следом, но он быстро передумал. «Нет-нет, его жилище представляет куда больший интерес, чем он сам. И дверь на ключ не запер... Надо торопиться, минут тридцать у меня есть, а этого вполне достаточно».

Помешкин вскочил, спрятал бинокль и заторопился к дому Фатеевой. Когда он открыл калитку высокого забора и шагнул к дому, в нос ударил свежий запах распавшего чернозема. «Хоть буду знать, чем пахнет земля, в которой придется валяться необозримую вечность, — фыркнул он. — А может, меня кремируют? Земля так дорожает, что скоро на могилку мало у кого денег хватит».

Он приоткрыл дверь и осторожно скользнул в дом. Здесь было душно, пусто. Впрочем, именно такую атмосферу поддерживал и любил в своем жилище сам Григорий Семенович. На кухонном столе в миске он увидел мелкие фракции неизвестного порошка. «Не это ли с таким удовольствием пережевывает постоялец? — Помешкин приблизил миску к носу. — Ничем особым не пахнет.

Обычная молотая солома, и цвет у нее осенний». Он взял щепотку порошка, положил на язык, пожевал и проглотил. Непривычное снадобье вызвало кашель. Взяв чашку, он зачерпнул из ведра воды и запил. «На что эта солома может сгодиться? Еще раз попробовать что ли? Помять зубами, а потом запить? Как он?» Кроме неприятного ощущения в горле, вторая попытка также ничего не дала. Прополоскав рот, Григорий Семенович оставил это занятие. «А копытные две трети года жуют такую дрянь, но дают молоко...» — усмехнулся он.

В этот миг его взгляд остановился на чемодане под высокой кроватью. Комья земли на краях были еще сырыми, а на крышке виднелись свежие следы пальцев. «Да это тот клад, который сосед давеча извлек из ямы, — пронеслось у него в голове. — И замок открыт. А ну-ка взглянем, что тут хранится. Видно, его уже открывали...»

Помешкин присел на корточки и вытащил чемодан на середину убогой комнаты. Затем откинул крышку и не без разочарования увидел деньги — плотно лежащие пачки голубого цвета. Их была целая уйма. «Вот еще...» — проворчал Григорий Семенович. Он вернулся на кухню, осмотрел пустые шкафчики и пожал плечами: «Я же знал, что здесь поселился странный субъект. В доме мелкая снедь, здоровому мужику раз пообедать не хватит, а он находит чемодан денег и ни купюры из него не берет. Чемодан оставляет открытым, дом не запирает. Входи и забирай огромный капитал. Видно, деньги его совершенно не волнуют. Другой бы набил карманы и понесся в магазин, а этот... Впрочем, меня они тоже не волнуют, и я бы до них не дотронулся. Как я могу ненавидеть *их всех* и при этом ценить главный символ их скверной жизни? А этот тип весьма любопытный... Но что-то же должно его интересовать! Теперь надо взглянуть на его посева. Какой сюрприз ожидает меня здесь?»

В этот момент Помешкин вдруг испытал какое-то необыкновенное состояние. Ему стало легко, словно он сбросил с себя пуды невидимого груза. Досада, вызванная прозаической находкой под кроватью незнакомца, улетучилась. Григорий Семенович словно воспарил в небеса. Он тут же подобрел, а мир, к которому он всегда относился с ненави-

стью, показался не таким уж гадким. Его приятно качнуло, как бывает после вращения на карусели или от выпитого стакана вина. «Что это со мной? Перестаю узнавать себя! Какое-то фантастическое, незнакомое ощущение. Похоже, его обиталище — волшебное место! Чудесное перевоплощение или колдовство? И нужно ли оно мне? Не потеряю ли я свою идентичность? Ой, никак не хочу! Но как не допустить такое?» — вопрошал он.

Впрочем, уже несколько минут спустя он забывал, где находится, перестал задавать себе вопросы о природе своего состояния и помимо воли полностью погрузился в мирозерцание. На ум пришло соображение о несоответствии между помыслами и деяниями одного и того же вида гомо сапиенс. Вспомнилась прочитанная когда-то заметка о том, что в Китае нет-нет да появляются не совсем обычные для религиозной культуры этой страны сооружения. Например, точные копии Кельнского собора, Андрониковского храма в Москве, тифлисской синагоги и так далее. Какой в том знак? Что, некоторые китайские граждане увлеклись христианством или иудаизмом? Нет-нет! Ничего подобного! Но для чего же они тогда возводят центры по известным образцам религиозного культа? Сами китайцы говорят, что им просто нравятся красивые архитектурные формы. Разве этого мало? Ну а крест? Или звезда Давида? Это же Символы веры! Ну и что? Тут нет никакой религии! А что же размещено в этих сооружениях? В одном здании заседает местный парламент, в другом находятся ресторан и антикварные лавки, в третьем проводятся свадебные церемонии и юбилейные вечера, звенят бокалы с шампанским, скандируют здравицы. Мы, мол, не оскорбляем ничьих чувств, а отдаем дань уважения строительной мысли. А что сказали бы папа римский, патриарх Московский или раввин тифлисской синагоги? Разве не почувствовали бы они себя оскорбленными? Или все католики, православные и иудеи не вспыхнули бы гневом и негодованием? «При чем тут гнев? — отвечают на это китайцы. — Ведь кто-то из русских заявил, что красота спасет мир! Вот мы и создаем вокруг себя красоту! Являясь центром мира, вбираем все лучшее... Как же иначе можно относиться к Китаю, в ко-

тором проживает самая древняя и многочисленная нация планеты? У нас в Шанхае и Гванджоу проживает больше людей, чем во всей Франции. А в небольшом Харбине больше, чем в Бельгии. А в провинциальном Ухане на берегу Янцзы население по численности такое же, как в Швеции. В час пик наши транспортники перевозят двести миллионов пассажиров. Это больше, чем людей в России, Украине и Белоруссии. Наши лайнеры одновременно поднимают в воздух пассажиров, числом сравнимых с населением Швейцарии. Все лифты китайских многоэтажек ежеминутно размещают в своих кабинах столько людей, сколько их живет в Израиле. А пекинский регион сопоставим по размерам населения с Соединенными Штатами Америки... Так кому дано право утверждать, что хорошо, а что плохо? Возьмем вашу демократическую модель обустройства общества и проголосуем. Победа останется за китайцами! И то, что заявит ваш папа, патриарх или раввин, будет гласом вопиющих в пустыне...»

Григорий Семенович был настолько увлечен этим мысленным спором, что напрочь забыл, где находится и зачем явился в соседский дом. Несомненно, наваждения продолжали бы донимать его и дальше, ведь он находился под сильным воздействием кукнара. Но в какой-то момент, когда Помешкин размышлял перед кухонным окном о противоречиях мира, голос Петра Петровича Парфенчикова привел его в чувства.

— Приветствую вас, уважаемый! — повторил обитатель дома.

— Что? — удивленно озираясь, промолвил Григорий Семенович.

— Рад вас видеть! — Петр Петрович тут же обратил внимание, что чайная ложка лежит в миске с кукнаром. Он смекнул, что гость откусал порцию, а значит, он коллега по общему увлечению. Это обстоятельство было расценено положительно, и москвич добродушно добавил: — Может, чайку заварим? Хорошее дело чаем баловаться. Особенно, после *этого самого главного*... Или заварить кукнар? Усилить яркость мировосприятия? Добавить жару? Сам Бог это настоятельно рекомендовал. А я вас вспомнил. В день приезда мы мельком повстречались на вокзальной площади. Вы

первый, с кем я заговорил в Кане. Я что-то спросил... Ах да: «Где тут у вас такси?»

Смысла таких понятий, как «кукнар» или «добавить жару», Григорий Семенович не знал. Он решил действовать осторожно. «Считайте, я явился, чтобы ответить на этот ваш вопрос. С опозданием? Согласен! Но довольно часто я называю себя тугодумом. Таксомоторов в городе много. Поднимаете руку, и любая машина останавливается. Каждому хочется заработать! Не так много рабочих мест! ...Откуда во мне такая говорливость, — недоумевал он. — Нет, тут явно присутствует какое-то колдовство. Да и черт с ним, пока мне преотлично, я даже не узнаю себя, и эти изменения совсем не раздражают».

— Рад знакомству. Меня зовут Петр Парфенчиков.

— Я местный житель Григорий Помешкин.

— Вы знали покойницу?

— Конечно! Тут ее все знали. Она вам не родственница? — Помешкин торопился задавать вопросы, чтобы не услышать логичное: «А как вы здесь оказались?»

— Нет. Купил этот дом у ее наследников.

— Да, припоминаю, был у нее где-то сын. Жил то ли в Пскове, то ли в Смоленске. Вы случаем не оттуда родом?

— Я москвич. И с продавцами познакомился в столице. Был ли среди них сын? Меня это не интересовало. Впрочем, такие незначительные вещи моментально забываются. Так я ставлю кипятить. На кухне и пара пряников найдется, сахарок есть, чернослив. Все это тоже кстати. *Он* быстрее откроется. Присоединитесь?

— Охотно. Можно вопрос? Меня интересует смысл обмена столицы на наш затюканный Кан. Я-то сам отсюда никуда не уехал бы. Но коренному москвичу... Непонятно! Впрочем, я понимаю, что вопрос мой не деликатный. У вас может быть тысяча причин, о которых с первым встречным говорить не захочется. Если так обстоит дело, простите.

— Нет-нет, все просто! Стала неспособна лицемерная Москва. Все думают лишь об одном: деньги! Даже не о них, а о больших деньгах. Видимо, и это не совсем верно: о колоссальных состояниях. Десятки, сотни миллионов долларов уже мало кого интересуют. Хотят иметь миллиарды, десятки миллиардов — вот идола моего круга. А эта

ядовитая зараза кардинально меняет психологию масс. Нация становится моноцелевой. Все, что непосредственно не связано с материальным богатством, обесценивается, как при гиперинфляции, и более того — как при полном банкротстве. Не надо быть большим ученым, чтобы понять: копеечные цены на духовные продукты приводят к этнической деградации. Вот в двух словах объяснение того, что побудило меня оставить столицу и искать уединения, прошу прощения, в глухой провинции. Тут можно чувствовать себя действительно самим собою. А если рядом *он*, да еще отличного качества, то и ощущать себя на седьмом небе. А вот *он* уже и вскипел. У меня чашек нет, только банки. Не против? — Не дожидаясь ответа, господин Парфенчиков стал разливать кукнар. — Это вам! — Он протянул банку из-под майонеза.

Вареный кукнар — жидкость, по цвету похожая на чайную заварку. Если чай невысокого качества, тот, которым повсеместно торгуют в российской глубинке, то и аромат чая и молотого мака почти идентичный. Не мудрено, что Григорий Семенович слово «кукнар» мог по незнанию понять как название одного из сортов чая. А господин Парфенчиков абсолютно уверенный, что его гость попробовал *это самое* и знает, о чем идет речь, без особого разъяснения предложил ему заветное угощение.

Новые знакомые стали пить маленькими глотками. Петр Петрович ждал хвалебного отзыва. Заварка была крепкая, для бывалых любителей *этого самого главного*. После нескольких глотков, не выдержав, Парфенчиков поинтересовался:

— Как вам напиток?

— Горьковат...

— Еще бы, *он* настоян на пятнадцати столовых ложках, — с легкой гордостью сообщил Петр Петрович. — А вы с сахарком вприкуску. У нас в Москве так принято. А у вас?

— Варенье подают и сахаром балуются...

— Везде одинаково. Возьмите пряник. Быстро чудодейственную силу почувствуете.

В майонезную банку старого образца вмещается не больше ста тридцати граммов жидкости. В ней растворились две с половиной столовых ложки кукнара. Для перво-

го раза доза была чрезмерной. Не подозревая, с кем имеет дело, Петр Петрович решил украсить знакомство заваркой мелко помолотого пенджабского мака, что помогло бы войти в состояние царского кайфа. Молодой человек отсыпал из заветного мешочка на блюдечко две дозы, а, возвращаясь, с порога кухни заметил, что с гостем творится неладное. У Помешкина были закрыты глаза, он почти не дышал.

— Как вы себя чувствуете? — осторожно спросил хозяин.

— Э-э-э-э... А-а-а-а... — нечленораздельно мычал Григорий Семенович.

Петр Петрович встревожился, взял его руку и стал считать пульс. Сто сорок пять ударов в минуту! Парфенчиков понимал, что гость находится в первой стадии тяжелого опьянения. Когда магия мака полностью проявится, пульс еще более участится и может произойти разрыв сердца. Он был в недоумении, даже в ужасе. Как опытный приверженец *этого самого* москвич всегда имел с собой “Атехексал”, — препарат, снижающий сердечный ритм, и валокордин, в состав которого входит барбитурат, снимающий возбуждение. Парфенчиков опять бросился к своему мешочку, достал таблетки, разломал одну пополам, боясь, что быстрое замедление пульса может резко снизить давление. Тогда произойдет непоправимое. Он схватил стакан воды. Но Помешкин был в бессознательном состоянии и не мог глотать. Тогда Парфенчиков стал действовать по-другому. Вначале он почти силой вложил в рот Григория Семеновича полтаблетки. Потом ложкой стал вливать ему в рот воду, боясь, что тот захлебнется. Наконец вода смыла таблетку в желудок. «Слава богу, — обрадовался молодой человек. — Теперь надо положить его на живот, а голову опустить вниз. Иначе он подавится языком». Петр Петрович отодвинул от стенки кровать, с трудом подтащил к ней Григория и уложил его. Под плечи подставил два табурета, чтобы тот не сполз, и вернулся на кухню допить кукнар.

«Или он не понимал, что пьет, или новичок и мои дозы ему смертельны. Да, а как он оказался у меня в доме? Хотел со мной познакомиться или осмотреть без хозяина избу? Надо взглянуть, на месте ли чемодан. Как я его не

заметил, когда отодвигал кровать? Может, его уже сперли? Жаль... А то купил бы себе еще десять гектаров. Свои запасы *этого* пополнил бы и смог бы по-царски угостить любого гостя. Все в порядке, чемодан здесь, но, кажется, его открывали. Крышка сидит неплотно. Однако ничего не тронут. Пульс у него уже не такой учащенный. Минут через десять почти нормализуется... Я знал, что он останется на восьмидесяти ударах и состояние гостя стабилизируется. Так не раз бывало и со мной в самом начале знакомства с вождленным цветком».

Вытерев с губ страдальца пену, я ополоснул руку, закрыл чемодан, ногой отодвинул его в угол и вернулся на кухню. В кастрюльке оставался кукнар, к которому меня так и тянуло. Может, попробовать на нем действие таблеток профессора, подумал я, отпивая глоток за глотком, прямо из кастрюли. Но какая тут анонимность? Мы знакомы, мужик он вроде ничего. Ну, хватил лишнего, так это не из-за алчности или обжорства, а от незнания. Небезынтересно, как изменится его характер, ментальность, поведение. Но для этого мне нужно лучше его понять, заглянуть вглубь его личности. А какой смысл подсунуть таблетку, не фиксируя изменений? Что, у самого Кошмарова спрашивать, как преобразуется Григорий Семенович?

Да-да, только после того как на примере Помешкина увижу качественные личностные сдвиги, я дам согласие участвовать в массовом эксперименте профессора с его нанотаблетками. Но что для меня является качественным изменением? Какие критерии я буду учитывать? Да и вообще, что такое качество применительно к человеку? Качество продукта — вещь довольно понятная, а людское качество? Пока у меня нет ответа. Не могу же я менять людей по непонятным критериям. Тут без Кошмарова не обойтись. Эй, профессор, где вы? Нужна ваша помощь!

Не успел я глотнуть еще кукнара, как услышал:

— Ты же знаешь, я всегда рядом. Уловил твои сомнения и готов подсказать. Итак, все по порядку. Чего мы хотим добиться? Качественно изменить человека! Достижение этой цели предполагает три этапа. Вначале мы меняем русских людей — не только потому, что они больше всех нуждаются в этом. Хотя засоренность тут

колоссальная. Но потому что мы сами русские, а значит, должны, прежде всего, думать о своих. С научной точки зрения полнейшая чепуха, но как фактор собственной мотивации — это весьма важно. Эксперимент проводим с канцами. И только после убедительнейшего успеха идем в другие регионы. У тебя сейчас приходит в себя местный житель Григорий Помешкин. Вот-вот очнется. А ты возьми за правило перед угощением *этим самым* обязательно спросить, знает ли он *об этом* и какая у него доза. Понял? Я бы хотел, чтобы он тоже принял участие в нашем диспуте. Тема — каким мы хотим видеть канца. Буди его, хотя он и под сильным воздействием опийного мака.

Петр Петрович подошел к кровати. Дыхание Григория выравнивалось, пульс стал нормальным.

— Как чувствуешь себя? — спросил Парфенчиков осторожно.

— Не знаю. Вроде пока жив...

— Поднимись, станет лучше. Сможешь?

— Попробую. Что со мной было?

— Видимо, переутомился. Все в порядке.

— Переутомился — довольно странный диагноз. Как будто физическим трудом не занимались, — с трудом вставая, сипло произнес Григорий. — И голос вот сел. Все же что это было? Помню, пил то ли чай, то ли какой-то отвар. Потом вырубился. Правда, сладко было в грезах... Но что видел, сейчас уж не помню.

— Пойдем на кухню, поговорим. С нами третий будет.

— Кто?

— Профессор Кошмаров.

— Откуда он?

— Из Москвы.

— А когда прибыл?

— Вместе со мной. Он меня всегда сопровождает.

— Странно, что он мне не встречался. Впрочем... Взглянем на столичного ученого. Где же он, я его не вижу...

В этот момент Петр Петрович услышал голос Кошмарова:

— Считаю, что мне еще рано показываться. Я буду общаться с ним через тебя. Надо понять, что он за тип. Ты говори с ним откровенно.

— Профессор будет участвовать в нашей беседе заочно, как бы виртуально. Я стану ретранслятором его мыслей. Не против?

— Сегодня какой-то замечательный день. Столько всего нового, необыкновенного. Не хочется никому отказывать... Если бы я был женщиной, то дал бы сегодня согласие на связь со всеми мужчинам мира. Как, а? Я в преотличном настроении! Все время тянет на размышления, только вот голос подводит. Что будем обсуждать?

— Каким нам представляется идеальный гражданин города Кана. Каждый высказывает свою версию, а профессор подводит итоги.

— С какой целью? Научная работа или политический заказ для изучения электората?

— Обобщив наши рекомендации, профессор изготовит нанопиллюлю. Она поможет на геномолекулярном уровне учесть наши пожелания и создать образцового канца. Я уже высказал свои опасения. Для ума разного склада идеальный человек тоже разный. Для тракториста это механик. Для проводника — начальник поезда, а для женщины — богатый управляемый мужчина. То есть смоделировать нужный объект весьма сложно. Ну что, начнем?

— Вам слово, — усмехнулся Григорий Семенович.

— Вы слушаете нас, профессор? Мы начинаем...

— Я весь внимание! — прозвучал ответ. Впрочем, услышал его лишь господин Парфенчиков.

— Первое: человека необходимо уменьшить. Его рост не должен превышать сто шестьдесят сантиметров, а вес — шестьдесят килограммов. Каждое новое поколение должно в среднем снижаться еще на пять сантиметров и, соответственно, на пять килограммов. Это вопрос не только экономический и микробиологический, но и, в большей степени, астрономический. Унификация роста позволит сохранять природные ресурсы. Кроме того, человеку понадобится меньше продуктов, меньше пространства, а значит, меньше энергии. Если мы сократим потребление в сто, а затем в тысячу раз, гомо сапиенсу не надо будет искать себе место во Вселенной. Рост и вес напрямую зависят от третьей, главной, ипостаси нашего вида — интеллекта. Поддерживая его в нынешнем

виде, мы вынуждены значительно сокращаться в объеме. Потому что наш скромный мозг не соответствует биологической массе. Не остановив рост потребления, мы скоро исчезнем как вид. Не конструируя себя с оглядкой на доступные ресурсы, мы лишимся будущего. На первый взгляд, интеллект значительно превосходит биологию, функционирующую без его вмешательства. А у отдельных выдающихся людей он представляется просто безграничным. Но в массе своей, или, скажем, в своей серой массе, люди до возмущения примитивны. Переходя к следующему вопросу, хотел бы сразу открыться: я убежденный сторонник не этнического принципа разделения людей, а интеллектуального. Государства необходимо создавать, основываясь не на истории и не на культуре. Например, Страна Генетически Модифицирующихся, Республика Сельхозпроизводителей, Империя Переселяющихся во Вселенную, Республика Спортсменов и Охотников, Союз Художников Мысли и Воспаленного Разума, Автономная Область Приживальщиков, Колония Алкоголиков и Артистов, Край Сексуально Озабоченных и Обжор, Провинция Мастеровых и Ремесленников, Штат Криминала и Болтунов, Департамент Служителей Различных Культ... И так далее. Попытки разделить человечество по социальному статусу в мировой истории не раз бывали, но оканчивались, к сожалению, войнами. Почему? Ответ прост: не хватало интеллектуального массива. Теперь он есть — нате, возьмите! Используйте! Тут я хочу заметить, что под воздействием кукнара у меня довольно часто одни мысли противоречат другим. Но я в этом вижу некую прелесть. Вот недавно меня мучила мысль: можно ли стать таким, как Он? Сходные по теме размышления, но совсем другие.

— Мой и ваш рост как раз сто шестьдесят сантиметров. Но не будем останавливаться на личностях. До какого предела по росту и весу вы хотите дойти?

«Я понял, что мое признание, относительно предыдущих размышлений о схожести с Ним, Григорий или не уяснил, или вовсе не расслышал», — пришло мне в голову. Об этом можно порассуждать в следующий раз, поэтому я продолжил:

— Лично мне достаточно даже одного сантиметра роста и одного грамма веса при условии, что сохранится айкью моего мозга. Я далеко не самый умный, но меня это устраивает. Идеальный человек будущего в ближайшей перспективе должен обладать сходными параметрами. И вообще эти характеристики должны быть мобильными. Найдутся научные решения, согласно которым в иных случаях можно быть гигантом, а в иных превращаться в невидимый энергетический пучок или луч. Тогда природа не будет так беспощадно расхищаться, а интеллект наконец по-настоящему шагнет во Вселенную. На первых порах я стал бы менять некоторые ткани тела на искусственные, чтобы сократить зависимость организма от энергии распада пищи. Затем можно перейти к еще более радикальным трансформациям. А какие у вас представления о себе и идеальной конструкции канца? — Он выжидающе посмотрел на Помешкина. — Мы говорим о ближайшей перспективе — скажем, лет на сто вперед.

— Рост и вес для меня вообще не вопрос. Меня это не трогает. Конечно, мобильность многое бы решила. Я сам не прочь превращаться по собственному усмотрению в жучков и паучков, а особенно в ос или даже слепней. Допустим, получает какой-нибудь мерзавец премию или государственную награду, орден из рук самого-самого, ведь их довольно часто в Кремле такими почестями балуют. В этот момент праздника укусишь его в самое болезненное место! А потом с чувством исполненного долга, без ликования, будешь наблюдать его муки да ошарашенные лица других негодяев, присутствующих на церемонии. Прекрасная перспектива. А еще лучше — получить право от вашего профессора на жестокое наказание подлецов разного рода. Как иначе добиться справедливости? Все силовые структуры под ними, а своих они не трогают, имто и разрешено все! Как их достанешь через головы прихлебателей? Как им по морде надавать, задницы надрать? Вот тут-то загадочная таблетка вашего Кошмарова смогла бы помочь. Пока рассчитывать не на кого. Терпим! Если бы я получил возможность вершить правосудие исключительно по собственному разумению, то оставил бы в нашем городе без наказания не больше сотни человек. На-

чал бы с самого главного... Скажем, с мэра. Представляю следующую картину. Идет пресс-конференция. Журналисты задают вопросы. Я затесался среди них и тоже тяну руку. «А у вас что, Григорий Семенович?» — спрашивает ведущий. «Хочу спросить мэра, почему он окружил себя хапугами и уродами, которые думают только о собственном обогащении и больше ничем не интересуются. А могли бы они вам сказать, что в конце пресс-конференции вы не сможете встать, потому что у вас левая нога отнимется. А завтра в полдевятого утра будет парализована правая рука. А в четырнадцать десять ослепнет левый глаз. Но самое страшное настанет в двадцать два часа. У вас начнется непрерывная рвота, такая сильная, что вы срыгнете собственный желудок. От судорог у вас отвалятся уши, выпадут зубы, слетят с головы последние жидкие волосы. Вот вам результат того, как окружать себя не профессионалами, а рвачами. После этого нечто подобное произойдет с вашим первым замом... Но об этой истории я расскажу позже». Именно так я хотел бы изменить не каждого канца, а прежде всего себя самого. Если вы обещаете мне эти способности, то давайте пилюлю! Я даже требую ее! Ведь терпеть дальше разгул национального мракобесия никак невозможно. Ух, тогда возьмусь я за них с неистовой страстью! О моей ненависти будут слагать легенды. Количество жертв меня не пугает. Дайте таблетку Кошмарова и сами убедитесь, на что способен Григорий Помешкин. Я готов воздать по заслугам миллионам, даже десяткам миллионов!

— Спросите его, — шепнул мне профессор, — как он поведет себя без моей пилюли? Какое чувство к ним он сегодня испытывает? Ведь я хочу вывести новый, идеальный вид канца, а не усилить уже существующие эмоции. Развить решительность и способность к действию.

— Григорий, наша задача наметить контуры человека будущего, а не расквитаться по нынешним долгам с кем бы то ни было, — пояснил Парфенчиков. Я могу понять твою ненависть к функционерам. Но почему ты не действуешь? Не переносишь свою страсть в практику? Признайся, что именно тебя сдерживает от радикальных шагов сегодня?

— Я всех ненавижу. Но моя ненависть — порождение не злобы вообще, а сумасшедшей любви к самому себе. Меня не хватает на других. Ведь любовь — такой же лимитный ресурс, как время или объем. А если он исчерпан, идет поиск чего-то нового. Таким новым может стать ненависть. У меня это и произошло. Я действительно не похож на остальных. Вот ответ на ваш вопрос. Я не хочу, чтобы мои чистейшие руки были вымазаны кровью ненавистных созданий. Почему я надеюсь на таблетку профессора? Я уже не раз себя об этом спрашивал. Или я вылечусь от чрезмерной самовлюбленности, или переломлю себя и объявлю бой проклятому миру.

— А чем не устраивают вас ваши нынешние чувства? Ведь вы милый человек, приятный в общении. Я во всяком случае в вашем обществе ощущаю комфорт, — заметил Петр Петрович. — Поэтому не хочу верить в ваш экстремизм.

— Правда? Очень приятно. Впервые приходится такое слышать. Спасибо. В последнее время я все чаще испытываю неудовлетворенность, а она может стать детонатором. Скажу вам честно, это меня пугает. С чем в таком случае я останусь? Мой радикализм растет. Видимо, поэтому я занят сейчас поиском запасной идеологии. Мне нужны чувства альтернативные или те же, но искусственно либо естественно усиленные.

— Теперь давайте о другом. Что вы пили у меня на кухне? — Я чувствовал, что он меня не понимает.

— Вначале я думал, что пью чай. Но после того, как очнулся на кровати, мне представилось, что я выпил какой-то неизвестный отвар. Теперь я чувствую себя прекрасно да еще увлечен беседой. А потому забыл вас спросить: чем же вы меня потчевали? Рассказывайте, если не секрет.

— Я дал вам именно то, что, полагал, вы знаете и что до того уже приняли.

— Что это? Не понимаю...

— Уверен, что в мое отсутствие вы глотали кукнар — желтоватый порошок из этой медной миски. Я решил, что вы знакомы с *этим делом*, потому в знак гостеприимства предложил *его* вам опять.

— Ах да, было такое... Я из любопытства лизнул пару раз это странное зелье. Так что это?

— Молотый опийный мак... На языке пушту — кукнар.

— Ох, господи! А у вас он откуда? В наших краях я ничего подобного не встречал. Прямо мистика!

— Я *его* с собой привез. Помогает существовать. С *ним* легче переносить обиды и горечи жизни. В нашем российском мире без него я не жилец.

Помешкин не смог утерпеть и быстро спросил:

— Такая сильная ненависть к реальности? Или все же зависимость от зелья?

— Не столько физиологическая, сколько духовная. Выпил пару ложек и приискиваешь, куда бы спрятаться от всего мира. Сам себе и барин и холоп. *Он* вызывает игры разума, а они стали самым превеликим моим удовольствием. Лучше них ничего быть не может. После *него* напрочь забудется тоска и сердечная горечь. — Он съел еще две ложки. — Конечно, это было извращением. Но после пяти лет тесного обоюдного знакомства иной раз желание даже покруче поступки подсказывало. Да, тут не до шуток, — продолжал Петр Петрович. — Опийная соломка — вещь серьезная, может с разумом выкинуть что угодно. И в прошлое забросит, и в будущем надолго застрянешь. — Он откусил пряник и уставился на Помешкина. Ему хотелось услышать комментарий в связи с обстоятельствами, о которых Парфенчиков коротко поведал. Григорий сосредоточенно молчал. Казалось, слова соседа его глубоко тронули. Петр Петрович доел пряник, когда тот неожиданно спросил:

— Ах, вот почему я себя не узнаю! Довольно быстро впал в какое-то не свое состояние. Кажется, о Китае сам с собой разговорился. Или во сне это было? Никак сообразить не могу. Вроде не одурел, а себя будто потерял. И навязчивая мысль преследует, что не Григорий Семенович я теперь, а какое-то незнакомое существо. Я и так плохо себя знал, хотя безумно любил. А тут совсем потерялся, и чувства к себе поостыли. И не то что я этим огорчен, напротив, я даже про себя тайком радуюсь, что вдруг так свободно разговорился. Может, и свободнее жить стану. В своем обычном состоянии я бы никогда на такое не решился. Скажи честно, этот кукнар и есть ваша нанопиллюля? Что-то изменил он меня кардинально. И, надо сказать,

довольно быстро и смело. Просто боюсь верить! А теперь все время думаю: какой Помешкин лучше? Без кукнара или с ним? До знакомства с тобой или после? Продолжить искушать себя маком или остановиться и навсегда сказать этому делу нет? Сложная дилемма. Пару часов назад я об этом и не помышлял, был уверен, что жизненная идеология выстроена. А тут такой перекресток! А где найти этот кукнар? Ты сказал, опийный мак. У нас в Сибири он не растет.

— Ему надо сорок дней тепла, солнца, и он нальется опийным молочком, — сверкнув глазами, объяснил Петр Петрович. — Вашего короткого, но жаркого лета хватит, чтобы в конце августа собрать неплохой урожай. Конечно, головки будут не с мужской кулак, а с женский кулачок. Но после измельчения в мясорубке формы пропадают, а с ними и горчинки слабого урожая. Главное не в размере головки, а в количестве молочка. На своем участке я высаживаю мак с надеждой, что урожай составит мне запас на два-три года. Это еще с учетом угощений званых, — с легкой усмешкой взглянул он на Григория, — и незваных гостей. Посеял — и лежишь, кайфуешь, возбуждаешься играми разума. А *он* растет себе, наливается Божественной энергией.

«А я все удивлялся и ломал себе голову, что сажает в фатеевском огороде столичный незнакомец, — вздрогнул Помешкин. — Мак он сажает. Мак! Прекрасно!»

— А привыкание к *этому самому* быстро происходит? — спросил он.

— На седьмой—десятый день. У каждого по-разному. В основном от дозы зависит. Чем она выше, тем быстрее на *него* садишься. Если произошло привыкание к одной дозе и *он* перестал уже пощипывать сознание, не вызывает прихода — пика блаженства, после которого открывается мир, Вселенная, — то необходимо повышать. И так каждые две-три недели.

— А что станется, если ты привык, а *его* нет и достать невозможно? Тяжелое состояние?

— Мне даже при одном воспоминании становится дурно. Ломка, или абстинентный синдром, — труднопереносимая штука. Если долго сидишь на *нем*, возможен и смертельный случай.

— Как избежать ломок?

— Не привыкать и не пить вообще.

— А ты же не отвыкаешь...

Парфенчикову хотелось сказать: дескать, парень, нечего тебе с *этим* делом круто завязываться, опасно оно, да и скоро самому придется соломку искать. Иди дальше по своей жизни, зачем я тебе нужен со своей головной болью и одержимостью? Но, взглянув на онемевшего от восхищения соседа, Петр Петрович передумал. «Теперь он все равно к *этому* придет, — мелькнуло у него в голове. — А сколько опасностей может ожидать его на первых порах? Не жалко ли этого честного парня? К деньгам ведь он не притронулся, а мог спокойно взять и смыться. Больно мне его одного на открытую дорогу выпускать». Потом он подумал-подумал, и сказал о восторженном непрочном чувстве все начистоту:

— Я не страшусь абстиненции, хотя сердцу человеческому чрезвычайно обременительно переносить ломку. Особенно тяжело тем, кто плотно сидит на *нем*. С опытом приходят технологии, облегчающие болезненное состояние. Например, никогда не пей последние три ложки, пока не достанешь новый объем. Растягивай их. Пусть тебя ломает до потери сознания. Выпиваешь пол-ложечки, потом терпишь, пока терпится, потом уменьшаешь дозу до четверти ложки. Конечно, ощущение жуткое, но живешь, способен искать *это самое главное*... Так три ложки растягиваешь на три-четыре дня. После этого еще день можно продержаться на сухую, когда уже и грамма или щепоточки нет. На второй день сухаря надо в загатнике иметь хотя бы одну ампулку препарата, который вводят при фосфорном отравлении. Доводишь себя до изнеможения. И только перед самой смертельной схваткой колешь в мышцу одну треть грамма, ампульную четвертинку. Три четвертых ампулы хватит тебе максимум на два дня. Если организм выстоит, то тяжело страдаешь около месяца. Потом еще месяц ты как больной, но начинаешь передвигаться. Только на четвертый месяц выздоравливаешь, хотя слабость во всем теле. Тебя все время поносит, текут нос и глаза, обливаешься потом, теряешь до двадцати пяти — тридцати процентов веса. Зубы чернеют, рас-

шатываются, падают. Есть не можешь, нет сил переваривать пищу. Трахаться не в состоянии — нет и еще долго не будет эрекции. Изо рта тянет ацетоном, зрение падает. Другой вариант: если организм не выдерживает абстинентной нагрузки, а такой исход наиболее реален, потому что все, кто увлечен опиатами, не пышут здоровьем, то спустя несколько часов после последней антифосфорной инъекции, когда ничего *этого* под рукой нет, помираешь. Вот правдивая история любви к опию. Оптимизма в ней не почерпнешь. Я через эти страдания проходил. За минуты умственного взлета платить приходится дорого. Но это стоит свеч. Поэтому я остаюсь с кукнаром. Ничего другого мне не нужно искать. Это уже навсегда. Но баловаться с этим делом не рекомендую. Или ни при каких обстоятельствах не имей с *ним* дела, или иди до конца! Я сам себе отвел еще два, максимум три года жизни. Но каких замечательных! С *ним* никакая самая дорогостоящая трезвость не сравнится! И самое упоительное то, что среди вихря феерических раздумий тебя не покидает чувство глубокого одиночества. Вот главная прелесть! После *него* ты становишься совершенно другим существом. Если был ненавистником, полным сарказма, скептиком, отрицающим нравственность, превращаешься в застенчивого альтруиста. В нынешней жизни все замечательные качества человека быстро гибнут, экономика развращает душу и тело, быт поражает сознание злобой. Умертвляются семена прекрасного, несомненно, заложенные при рождении в каждом существе. А молотые головки ставят непреодолимую преграду вероломному вторжению в сознание «нового стиля жизни». Прием кукнара есть церемония разбега к воспаленному разуму, чтобы в размышлениях очаровываться, любоваться своим беспримерным состоянием. Ты становишься невосприимчив к окружающему и открытым немотивированному восторгу. Поймав маковую иллюзию, мое *я* делается капризом вездесущих грез. А это так важно! Ведь нынешняя эпоха войдет в национальную историю как время безумной амбициозности ничтожных по знаниям и таланту людей. Я знаю, о чем говорю. Я имел деньги, кутил, предавался плотским удовольствиям, считался одним из первых тусовщиков в столичной шике-

рии, но все это чепуха. Молотые головки изумительного цветка — вот по-настоящему божественное отречение от реальности! Ибо привычный мир представляется как пространство, делящее нас на непонятные величины. Представь человека, которому ничего не нужно. Он ничего ни от кого не требует. Ни дома — можно спать где угодно. Ни прописки — он, как правило, живет у маковых полей. Ни формального образования, хотя читает он больше, чем студенты лучших университетов. Ни прав и свобод, обязательных для членов общества. Ни тряпок, ни еды. За *него* он предаст материнскую и супружескую любовь, собственных детей, Бога и дьявола. Ему принципиально не нужно ничего социального, ничего человеческого. Ему все равно, кто у власти, кто у ее корыта... Он плюнул на все, но без радости или злобного оскала. Лучше даже сказать, что он забылся и не хочет вспоминать все слишком человеческое. У него лишь одна проблема: достать *это самое главное*. И больше ничего! Вот я нашел чемодан денег. Он у меня в спальне. Я знаю, что ты видел его. Но деньги мне не нужны. Я потребитель исключительно одного саморастущего продукта и не только не засматриваюсь на что-то другое, о другом, самом соблазнительном и великом, даже не хочу знать. Я могу есть корень любого куста или дерева, листья березы, лесные грибы и ягоды, червячков, тараканов, мух, пауков — вообще любую биологическую субстанцию. Но самое важное — запастись прохладной, с шоколадными прожилками, опийной головкой. Все! Ну совершенно все! И никогда ничего другого. Если в момент ломок за *это самое* у меня потребуют пенис — я его тут же отрежу. Запросят почку, другие части и органы тела — пожалуйста, оперируйте и забирайте. Я могу существовать даже обрубком, без рук и ног, мне не нужны слух и зрение, санитарка и «скорая помощь». Только всегда рядом запас молотого мака. Ты понял, как надо *его* любить? Какое чувство преданности надо к *нему* питать? Только в этом случае *он* воздаст должное и полностью покорит твой разум! И в награду за одичание и отторженность от потока существования ты возносишься к невиданному ощущению. Мы горды, несмотря на всеобщее презрение к нам. Кукнар дает чувство господства над всеми! Головки

изумительного цветка не для рабов! Искусство опийного времяпрепровождения согласуется лишь с одним состоянием — верой в его исключительность! Существует поверье: находящийся на высоте тянет в бездну. Но у нас наоборот: чем выше поднимаешься, тем дальше хочется подняться.

Побледнев, Григорий Семенович внимательно слушал Парфенчикова. Он был крайне взволнован и напряжен. Потом заговорил, обращаясь более к самому себе:

— Может, все-таки попробовать? Мне ведь явно чего-то не хватает. Кроме самого себя, я никогда не знал кумиров. Но, видимо, пора пришла. Посмотрим, какую интеллектуальную радость подарит Григорию Семеновичу сухое молочко макового цветка. Что-то не верится мне в *его* особенность, хотя чувствую себя превосходно... Скажи, дружище, а коли кукнар мне не подойдет, сможешь выйти из его плена? Ты наверняка при себе держишь десятки рецептов, как безболезненно с *ним* распрощаться.

— Если сомневаешься, лучше не начинать. В таком вопросе я не советчик. Конечно, если кому-то от *этого* дела станет худо, я приду на помощь. Тут никаких сомнений не должно быть. Только не надо терзаться сомнениями и становиться страдальцем.

— А сколько стоит твой порошок? В деньгах я скромн.

— До нового урожая осталось дней семьдесят. Моего запаса хватит на три месяца. Но деньги есть и можно подкупить. Ваши цены мне неизвестны. Я дам согласие на безвозмездную помощь только в том случае, если мы вместе подкупим земли и высадим мак. Представим, что в городе опия не найдется. Тогда уже через полтора месяца можно срезать зеленые головки нового урожая. Молочка в них маловато, но кумара, а тем более ломок не будет. Кумар — это предломочное состояние. Молотый мак — в миске. В кастрюле остался заваренный настой. Там на две банки еще есть. Не советую сейчас пить. Чуть больше часа прошло, как ты очухался. Дождись завтрашнего дня.

— А я бы еще сегодня немного хлебнул... Полбанки, можно?

— Меня не спрашивай. Свое мнение я высказал.

Григорий Семенович подошел к кухонному столу. Поднес к носу поочередно обе посуды, понюхал, подумал. Решил все же налить себе полбанки кукнара и стал мелкими глотками отпивать.

— Что это твой профессор совсем не показывается? Или приманка была к диалогу? — хихикнул Помешкин. — Нанопилюля, нанопилюля, а все обернулось маком... Впрочем, я совсем не против, *его* идея мне по душе. А то, что после первого удара опия я выжил, вселяет надежду. Вопрос: когда я начну *его* понимать? Это тоже очень важно знать. После первой дозы меня потянуло на необычные размышления. Конечности будто исчезли, лишь голова работала в предельном режиме. Сознание отрешилось от тела и парило само по себе. Возникла тема, которая никогда даже не волновала меня прежде. Я и сейчас не могу понять, как она пришла на ум. Кто так искусно мне ее привнес? И главное, по какой такой причине? Трезвым такими вещами я никогда бы себе голову не забивал. Не то чтобы о глупостях стал размышлять, а о совершенно чуждом. Я в жизни о Китае не задумывался, а тут меня так зацепило... И откуда столько информации вдруг пришло на ум? А после второго совместного распития кукнара я отключился и провалился в никуда!

— Ты прав, к *нему* надо привыкнуть. Это чувство придет довольно скоро. Но у каждого по-разному. Я стал *его* понимать на пятый—седьмой прием. *Он* медленно открывал мне свои тайны. Как говорится, помаленьку. Кому и одного дня хватало, кто вообще быстро бросил, потому что ничего, кроме дури в голове, не испытывал. *Он* коварный и осторожный, не торопится свои феноменальные возможности демонстрировать. Тщательно проверяет каждого, чтобы выбрать себе истинного адепта. Поэтому берегись невнимательности и лживой дружбы. Никогда не смешивай *его* состояние с алкогольным или грибным опьянением. Мухоморы и водка — *его* недостойные конкуренты. *Он* философ, властитель мира и интеллекта, а они жалкие претенденты на *его* постамент. Я знаю многих, позволявших себе флиртовать, а порой, при совместной с *ним* жизни, иметь побочные связи — с алкоголем и грибами. Эти глупцы уже давно на том свете. *Он* хитро-

умно прячется от них, чтобы вызвать абстиненцию. Они решаются на измену, начинают принимать отвары мухомора, пьют портвейн и водку, надеясь спастись от ломок. Но чуда не происходит, потому что *ему* замены нет! Они знают об этом, но слабость духа не позволяет быть клятвенно верным *ему*. А он особенно беспощаден к тем, кто по жадности торопится изменить вечным ценностям, соблазняясь мнимыми. Ведь опий — начало всех начал, а они отдаются разной дряни, вроде конопли. Итог: цирроз печени, остановка сердца, удушье собственной рвотной массой, непроходимость, фекалии, смертельно отравляющие организм. И тут же на кладбище или в крематорий. Другого конца не бывает. Ты понял, с какой силой сталкиваешься? К чему хочешь прикоснуться? Массонские ложи, орден тамплиеров, компартия времен Дзержинского или гестапо под управлением Мюллера ничто в сравнении с *этой* вечной мощью. Она склоняет каждого вместить в себя реальность возвращения людей во Вселенную. Ведь человеческий дух по природе является наркотическим. Пару часов назад ты о *нем* ничего не знал. Но после всего лишь чайной пол-ложечки тебя понесло к *нему* невообразимой тягой. Вот какой властью он обладает! Будь осторожен, подумай еще и еще раз. Все вокруг понуждает к порабощению, а твоя ответная реакция — неудержимое стремление к добровольному безумию! Лучше сегодня остановиться, чем завтра, после мучительных страданий, оказаться дымком в трубе крематория.

— Я принимаю вызов. Отдаю себя его превосходительству кукнару. Становлюсь его безропотным крепостным. Барин Кукнаров, я в-а-ш, в-а-ш! Слышите голос батрака Помешкина, я в-а-ш, барин! — скандировал Григорий Семенович вне себя от восторга. Глаза его заблестели, язык стал сухим, лоб повлажнел, нос стал чесаться, не вызывая, впрочем, никакого оргазма, и Григорий Семенович начал сползать в мир грез и наваждений.

«Ну все, поехал Григорий, потащило его, — заключил Парфенчиков. — Куда его сейчас занесет? К каким высотам духа он воспарит? В какую глубину страстей опустится? Потом опять удивляться станет. Впрочем, я начинал с того же! Но теперь я как-то тревожусь за него. Виновен ли

я в чем? Подталкивал ли его? Ведь уже стало притчей во языцех, что каждый сложившийся друг опия изощренно привлекает нового сторонника, чтобы на исходе собственных ресурсов использовать его возможности. Видимо, так! Рассказывая об опасностях жизни с *ним*, я постоянно возвеличивал *его* мощь. А к мощи обычный человек всегда тянется! Так что косвенно, магией опийной силы, я провоцировал Помешкина стать таким же, как я. Отдать этой дружбе себя всего! Но в помыслах у меня такого желания не было. Что вышло, то вышло. Если он окажется верным слугой *самого главного*, вдвоем нам легче будет высаживать божественный цветок. И урожая надолго хватит! Так что гуляем по-праздничному! Соломка приглушает мою агрессивность, но возбуждает страсть познания чего-то нового в подробностях. Именно этим отличаюсь я самым кардинальным образом от всех остальных в вопросах потребления. Я поглощен лишь игрой воспаленного сознания, а внешний мир мне по фигуре.

За окном потемнело. Упустив из виду нового приятеля — интерес к нему постепенно улетучился — Парфенчиков в восторге, теряя связь со временем и пространством, углубился в самого себя. Он вдруг обнаружил себя на улице, торопясь к тому самому магазину, в котором давеча встретил прихрамывающую молодую женщину. Это обстоятельство вначале его смутило. Вопросы секса после знакомства с *этим делом* его перестали занимать, да и о покупках он не задумывался, провиант занимал Петра Петровича меньше всего. Какие же причины потянули его сюда? Настойчиво и раздраженно он стал искать в памяти предлог для столь странного маршрута. И, вспомнив прежние мимолетные размышления, вернулся к идее преподнести миру своего отпрыска. Не обычного ребенка, а зачатого в сильнейшем опьянении пенджабским кукнаром. «Это явилось бы посильным вкладом генной инженерии в мутационные эксперименты по качественному изменению национального этноса, — подумал он. — Может быть, очкарик искусно манипулирует моим сознанием? Это же он одержим страстью совершенствовать русский народ. Я лишь участник замысловатого эксперимента профессора. Но если я действительно направляюсь к той

хромоножке со вздорным предложением вступить со мной в интимную связь, то почему мне думается, что она даст согласие? Захочет иметь со мной дело, лечь в постель, родить малыша? Что я, красавчик? Нет! Звезда эстрады, о которой мечтает каждая девица? Нет! Денежный магнат? Нет! Впрочем, минутку, а чемодан под кроватью, набитый деньгами? Разве он не делает из меня олигарха русского разлива? Правда, в этом противно признаваться, но так оно и есть. Миллионер! В отдельных случаях я без обмана могу представиться богачом.

Надо вернуться в дом, взять несколько пачек тысячерублевков и с помощью этой нечистой силы склонить хромоножку к деторождению. Нет уверенности, что мутации наших генов создадут необыкновенный человеческий продукт, и все же надежда есть. Она крепится верой в Божественное предназначение маковой головки. Я убежден, что ей подвластны самые невероятные превращения. Может быть, моему отпрыску явится какая-нибудь невероятная мысль о предназначении человека? Или он получит магическую власть над самим собой, а опий станет для него анахронизмом? Впрочем, я ничем не рискую, Петр Петрович — лишь строительный материал для нового существа, а мутации — вещь, подвластная исключительно абсолютному разуму. Я бессилён в прогнозах, а тем более в итогах эксперимента».

Предаваясь этим путаным размышлениям, господин Парфенчиков вбежал в дом. В сильном возбуждении он вытащил из огромного чемодана несколько пачек, чувствуя, что деньги придают ему какую-то незнакомую мистическую силу, и решил закрепить ее, тут же проглотив три ложки молотой головки. Уже шагнул через порог, но вернулся, съел еще две ложки и, уверенный в себе, помчался по прежнему маршруту. Доза вызвала новый прилив восторга и предвкушение новой сюжетной линии. «Что я помню об этой женщине? — торопливо обдумывал Петр Петрович. — Хромота, тонкие губы, милая улыбка. Что еще? А что мне о ней вообще хочется знать? Кстати, любопытный вопрос! Да, собственно, ничего не хочется! Так зачем же в этом случае я себя спрашиваю? Тут интрига лишь в одном: согласится она на эксперимент или нет?

А все остальное и мне и ей неподвластно». Он таинственно усмехнулся, словно некая мудрая мысль проникла в его голову. Но ведь на самом деле Петр Петрович не раз об этом размышлял и к такому же выводу частенько приходил. Даже злился на себя, что одно и то же умозаключение вновь приходит ему в голову. Так почему же именно сейчас он бурно возрадовался совсем непримечательной мысли? Все это усилило интригу будущей встречи. Парфенчиков будто поверил, что никаких возражений не будет и с дамой-донором все получится согласно воображаемому плану.

Петр Петрович прибавил шаг, удивляясь, отчего он так возбужден и приятно взволнован. «Может, профессор мистифицирует? — мелькнуло в голове. — Ведь я перестал сам себя узнавать...» Впрочем, в этот момент его озаботил практический вопрос: как объясниться с молодой женщиной? В каких словах обрисовать идею, в которую он поверил и ради которой примчался к ней на встречу? «Дело-то деликатное, — думал Парфенчиков, — не рубанешь ведь напрямик: айда в постель!.. А времени на ухаживание у меня нет. Ни бары, ни кинотеатры, ни скамейки в ночных парках под луной меня не вдохновляют. Не хочу обнимать ее талию, ласкать ее грудь, целовать ее тонкие губы, перебирать в руках каштановые волосы. Да и каштановые ли они? Это не те страсти, которые влекут по уши влюбленного в маковую головку. В моем лексиконе уже перестали существовать слова нежности и любовных признаний. Есть дело принципа, которое надобно довести до конца. Вот и все! Но я могу уделить этому не больше одного вечера. Не получится сегодня — больше никогда не вернусь к этой затее. Она навсегда перестанет для меня существовать. Вполне возможно, что уже завтра я стану стыдиться, высмеивать свой идиотский эксперимент. Вгоню себя в краску от сумасбродного желания отдать свою опийную сперму мутационному коктейлю человечества. Начну называть себя чудаковатым типом или даже придурком. Но все же по каким-то причинам и тайным повелениям души я расцеловал ее руки. Правда, потом расценил это как глупейший поступок...»

Нахлынувшие мысли озадачили господина Парфенчикова. Он убавил шаг и охладил свой пыл. Впрочем, уже

через пару шагов он оказался перед тем самым магазином и шагнул в пустой торговый зал. Финансовый кризис и опущенный до срамоты рубль лишили многих канцев возможности пользоваться услугами товарного рынка. Местным жителям теперь в основном приходилось питаться консервированными овощами с собственных приусадебных участков. Девица, сидевшая за кассой, оторвалась от книги и с улыбкой, причем как-то особенно, взглянула на Петра Петровича. Подобного выражения лица, обращенного на него, Парфенчиков не помнил. Скорее всего, такого и в помине не было. Москвич растерялся. «Почему она так заинтересованно смотрит? — подумал он. — Может, у нее тоже какой-то заранее составленный план имеется? Ее улыбка сбивает меня с главной линии. Я теряюсь от смущения».

Голос кассирши привел его в чувство:

— Шеф предупредил, что если за день в магазине окажется меньше десяти покупателей, то уже завтра я буду уволена, а он закроет бизнес. Вы у нас одиннадцатый! Это меня сильно порадовало — значит, завтра у меня еще один рабочий день. А почему вы ничего не выбрали? Просроченный товар мы не оставляем на полках... Может, помочь? Скажу честно, до дневного плана нам осталось четыреста семьдесят рублей. Нет-нет, я не прошу что-то купить, о плане у меня случайно вырвалось... Простите.

Она взглянула на Парфенчикова в крайнем замешательстве. Ему показалось, а может, так и было, что по ее щекам покатались слезинки. Ком застрял у него в горле. Глаза Петра Петровича забегали по прилавкам. Потом в каком-то помрачении рассудка он вытащил из кармана четыре запечатанные пачки банковских билетов и положил перед кассой. Единственное, что удалось ему с силой выдать:

— Это вам! Пошли!

— Что вы, что вы! Я не могу взять... Да и стою я значительно меньше... Зачем так много? Столько мне никто не предлагал... Было, правда, пятьсот рублей, два раза по триста, но четыреста тысяч... Господи, это же огромное состояние... Уберите, иначе я разрыдаюсь... Я же инвалид... За такие деньги меня тут приберут... Горло перережут... Уберите, прошу вас!

— Это вам! — настаивал Парфенчиков. — Пошли!

Других слов он не находил.

— Вы лучше купите на четыреста семьдесят рублей товар, — лепетала хромоножка. — Тогда я получу дневной заработок... Мне платят сто двадцать рублей в день. Спрячьте свои пачки... Советую вам хорошо схоронить их. В нашем городке вы новичок, узнают, что у вас большие деньги водятся, будут неприятности... В нищете наш народ озлобленный... Страшный... За копейку, за глоток водки, за пару картофелин могут жизни лишить. А за такое состояние... Даже страшно подумать...

Тут наконец робость прошла, Петр Петрович пришел к себе и произнес:

— Значит, если я ничего не куплю, вас уволят. А как вы жить-то будете? Безработным особенно тяжело. Возьмите деньги и пойдете со мной. А забеременеете — я вам в два, три, в пять раз больше дам. Но идти надо сейчас. Другого времени для этого дела у меня нет.

Смущенно, однако без малейшего гнева она взглянула на меня:

— Ты что, взаправду ребенка желаешь? Но почему выбрал меня? Хромая я, и грудь у меня небольшая. Совсем не сексуальная особа, опытом в этом деле не обзавелась. Ребенка, конечно, мне самой хочется... Мужа в нашем городке заиметь невозможно, у нас даже стройные и грудастые, с красивыми лицами, мужей найти не могут, а мне с моими данными на что надеяться? Но ребенка с одного раза... Разве возможно такое? А как я его воспитывать буду? Алименты станете платить?

— Так возьмите деньги в счет будущих алиментов, — нашелся он. — Пачки эти и для вас, и для малыша. Как тут без них обойдешься. Теперь за все платить надо.

— А тебе-то для чего ребенок, да в такой спешке? Слово за тобой гонятся. Или ты уезжаешь? Ведь можно спокойно: переселяйся ко мне, есть своя комната, телевизор...

— Нет-нет, у меня свои причины для спешки имеются, но не будем об этом. Так пошли?

— А как тебя зовут?

— Петр Парфенчиков. Пожалуйста, поторопись.

— Ты даже имени моего не знаешь, а захотел иметь от меня ребенка! Хоть спроси, как меня зовут.

— Спрошу, обязательно спрошу. Впрочем, можешь сказать сама. Пошли!

— Так просто я уйти не могу. На кого магазин оставлю, кому дневную выручку передам? Получше спрячь деньги и жди меня на улице. Через четверть часа я выйду. А зовут меня Катя Лоскуткина. Будешь знать имя матери своего будущего ребенка... Правда, если Бог поможет.

— Отлично!

Вложив во внутренние карманы куртки пачки банковских билетов, Парфенчиков вышел из магазина. Он не ожидал, что переговоры окажутся такими несложными. «Да, смущался, да, робел и не находил слов, но не унижался, не просил, а как бы даже требовал», — успокаивал он себя.

Шел девятый час вечера, но было еще светло. Казалось даже, что солнце забыло спрятаться за горизонт и, по майскому обычаю, залить городок красным светом. В тишине пустой улицы Петр Петрович услышал, как щелкнул затвор замка. Обернулся. Лоскуткина взяла его под руку и, смотря в сторону, приглушенно сказала: — Пошли ко мне. Непривычный по ритму стук ее каблучков напомнил ему неровную работу собственного сердца при передозировке кукнаром. Оно тоже словно приволакивало, хромало.

Ее комнатка была не больше пятнадцати квадратных метров. Кровать, тумбочка, на ней старенький телевизор. В одном углу лежал чемодан, в другом стояла обувь, прикрытая газетой. По стенам на гвоздях висела верхняя одежда, а за дверью шумел облезший холодильник.

— Так я и живу. Правда, в бедноте, но не нищенствую, не отдалась зеленому змию, хотя в нашей деревне мои одноклассницы уже спились. Не скажешь, что им только по двадцать пять. Испитые физиономии, искалеченные жизни, полнейшее безденежье. Ты, Петр, присаживайся на кровать. Стула у меня пока еще нет». Она сама присела и потянула Парфенчикова за руку, дескать, не стесняйся, садись. Затем замолкла, словно ожидая с его стороны каких-то действий. Петр Петрович выложил деньги, облокотился о подушку, закрыл глаза и как-то позабыл о цели визита. Сколько времени прошло — трудно сказать. Но в какой-то момент он почувствовал ее прикосновение. «Петя, если ты устал и хочешь спать, раздевайся... Ло-

жись. Впрочем, я могу сама тебя раздеть». Тут он с трудом разлепил веки: «А, это вы! Простите, я забылся. Ушел в себя». Осмотревшись, он вспомнил, где находится. Все было знакомо, а на подстилке перед кроватью лежали четыре пачки банковских билетов. «Это я их выложил», — мелькнуло в голове. Тут он окончательно уразумел, зачем явился в этот дом, но сейчас вся ситуация выглядела пресной, скучноватой и, в общем, дикой.

— Так мне раздеть тебя? — повторила она.

— Нет, спасибо, позже...

— Что, светло?

— Да, — сам не зная почему, согласился он.

— А как мне быть? Снять с себя платье? Лечь рядом?..

Ты же ребенка хочешь...

При этих словах господин Парфенчиков вдруг испугался. «А если у меня не получится? Я думал об отпрыске, о мутациях опийной спермы, об участии в эксперименте качественного обновления русского человека, а о главном-то себя не спросил: способен ли я на такое обычное мужское дело? Что-то не помню, чтобы в последнее время у меня шевелилось ниже пояса. Он как бы существует, висит себе тряпкой, даже нижнее белье его никак не ощущает. Вроде бы он есть, но в параличе, без подходящих функций, без малейшего интереса к своему предназначению». Катерина словно подслушала его переживания, потому что спросила:

— Как долго ты не был с женщиной?

Петр Петрович не хотел отвечать, но все же выдал:

— Точно не помню, только давно.

Хотя тут же вспомнил, как пару лет назад был с путаной в Египте. Тогда вроде все функционировало. Он платил ей пятьсот долларов в день, смаковал ее тело и несколько раз в день услаждал себя отменными оргазмами. Но это был 2006 год. В то время он еще не познал главный смысл собственной жизни — безраздельную любовь к молотой головке магического цветка.

— Может, помочь? Хочешь, я буду тебя нежить, ласкать, поцелуями покрою тело? — тихо спросила Лоскуткина. — Я не большая мастерица в этом деле, но надеюсь, пробудить в тебе мужское желание. Попробуем?

Не задавая больше вопросов, она сняла с него куртку, стащила ботинки, а потом и брюки, расстегнула рубашку. Он смотрел на свое тело — исхудавшие костлявые конечности, впалая грудь, выпирающие ребра, бледная, с желтизной кожа, напоминала по цвету сморщенную головку высохшего мака. «От соприкосновения с такой опийной материей немудрено впасть в наркотический кайф, — усмехнулся он про себя. — Наверняка она тоже потащится. Нет-нет, я никогда не стану знакомить ее с кукнаром. Такого вероломства я не могу себе позволить. Она же может стать матерью моего ребенка. А может все-таки соблазнить? Сотворить из нее крепостную *ego* величества? Ах, оставь, Петр Петрович. Эта милая женщина уберегла себя от алкоголя, зачем же затягивать на ее шее смертельный узел опия? Должна же оставаться во мне хоть капля человеческого... Странно, я заставляю себя размышлять о разных мелочах, чтобы не думать о цели моего визита к этой даме. Ведь я почти уверен, что с этим делом у меня ничего не получится. Впрочем, пусть она пробует, может, оживет он, обласканный женщиной. А если нет, не засмущаюсь ли я? Не сгорю ли от стыда за свою мужскую несостоятельность? Нет! Я покрыл бы себя оскорблениями, если бы проникся эротическими чувствами и отвечал взаимностью на ее поцелуи. Миром чуждых ощущений меня не соблазнить». Тут Парфенчиков ощутил на своем анемичном теле ее губы, упругую грудь, волосы, пальцы. «Как может моя жалкая плоть вызвать страсть? — недоумевал он про себя. — Все это не искренне, не взаправду, а покупное, с лихвой оплаченное, искусно подготовленное. Дурень, дурень, она же сказала, что желает мне помочь — пробудить заснувшее мужское начало. Старается, чтобы я сам понял, есть ли у меня способности к деторождению или половой сон стал вечным и рассчитывать на воскрешение нет никаких шансов. Сейчас лучше не размышлять, а прислушаться к себе, особенно к органу ниже пояса. Что с ним? Очнулся? Способен ли хоть на мало-мальские движения? Появился ли легкий дымок, после которого, вполне возможно, разгорится пламя эротической страсти? Нет, ничего не слышно. Ни касание язычком моей груди, ни поцелуи в пожелтевшие от кукнара губы, совер-

шенно ничего во мне не пробуждают. А я надеялся поучаствовать в мутациях, имплантировать сперму для зачатия качественно нового существа. Впрочем, одновременно я с облегчением удостоверился в том, чего давеча даже испугался. Может, это было слабым утешением, но я подумал, что господин Парфенчиков просто не смог изменить маковой головке. Он предан ей до гробовой доски, и нет предмета, способного хоть на долю секунды отстранить *это самое главное*». Придя к такому выводу, Петр Петрович поднялся с кровати и стал торопливо одеваться.

— Это, видимо, моя хромота тебе мешает. Ты все время думаешь о ней, поэтому у тебя пока ничего не получается. Я во всем виновата... Я... Забери деньги, ведь у нас ничего не вышло... За что же такую сумму оставлять? Петя!.. — Тут ее большие голубые глаза вспыхнули смущением. — Не сердитесь, — едва успела она сказать...

Не простившись, без слов он вышел из комнаты и спустился на улицу. Парфенчиков сталкивался с прохожими, его отпихивали, на него кричали, но он ничего не чувствовал и мало что слышал. Довольно быстро он позабыл о недавнем конфузе и даже был уверен, что ничем себя не уронил, но тут же в сознании стали сменяться совершенно новые сюжеты. Началось с того, что он испытал некую растерянность, не зная чем сейчас заняться. Ведь он постоянно ощущал себя крепостным опийного царства и поминутно к нему стремился. Иначе и быть не могло. Маковая головка создана Всевышним для полнейшего одиночества, игры мощного воображения, для проявления фантазии, ума и таланта. Что за жизнь без нее? Опять станешь представителем массы, живущей потребительскими стереотипами. Варианты дальнейшей жизни проносились в голове, не оставляя никакого следа, как вдруг он понял, что необходимо составить подробный письменный план на оставшийся срок своего земного пребывания. К этому его, видимо, подсознательно подтолкнул вид собственного голого тела — такого жалкого, болезненного и немощного, что он уже без обиняков понимал: жить осталось не больше двух-трех лет, а то и меньше. Это горькое по человеческим критериям прозрение нисколько не обескуражило Петра Петровича, не вызвало паники или страха, а потребовало лишь тщательно

расписать на ближайший срок все те дела, которые он хотел бы завершить или хотя бы начать. «Незавершенку надобно оставить, — мелькнуло в голове. — Это ведь так по-людски, по-русски. Как же без нее на тот свет отправляться? Ведь могут и не принять...»

Он усмехнулся, поймав себя на мысли, что в нем довольно глубоко сидит национальная особенность: начать какое-нибудь дело, а потом бросить его, позабыть и начать что-то совершенно новое. Жизнь последних опийных лет буквально соткана из многочисленных не доведенных до конца начинаний. Его, как щепку по ветру, бросает от одной идеи, к другой. И чего только не было? Вот и последний эпизод с желанием улучшить российский род наркотическими мутациями. Идея сама по себе патриотичная, пожалуй, и научная, но он-то от нее сбежал. Раньше времени поднял руки, сдался и, как последний трус, бросил постель — площадку смелого академическую эксперимента. А у хромой дамочки больше мужества было, она настойчиво просила его остаться, попробовать еще разок, а потом еще и еще. Иначе ведь не добиться цели. Впрочем, может, ему достижение цели-то вовсе и не нужно. Он крутится вокруг кукнара, как привязанный пес у своей будки. Шаг вперед и тут же назад, чтобы не оказаться без опийного молочка в ломках. Людям с такой манерой движения, как и собакам, достаточно обозначить желание, то есть лишь погавкать. Пошуметь в собственном сознании. Он отлично помнил, что чувствовал, когда впервые вторгнулся в соломку. Это было неопишное ликование. «Ах, Петр Петрович, я преотлично знаю свои недостатки, — опять понесло его. — Некоторые — их, видимо, большинство — стремятся жить своими талантами. А какая-то мизерная часть, к которой принадлежу я, получает удовольствие от повседневной внутренней нерадивости. Ведь если бы за мной наблюдался какой-то особый талант, разве я бы пристрастился к цветку самодостаточности? Вот сейчас несет меня к написанию плана парфенчиковских мероприятий. Мне даже кажется, что без него я не жилец вовсе. Так глубоко и обстоятельно сидит во мне эта навязчивая мысль. Но план этот, скорее всего, окажется лишь импульсом сознания одного вечера. Уже

утром я все позабуду и предамся новым наваждением. Каким именно? Неизвестно. Мутации опийной энергии могут повлечь самые необычайные порывы — от желания превратиться в дождевого червя до потребности перерезать себе вены, испытать переживания ухода на вечный покой. Может, в этом и есть смысл человеческого бытия, точнее сказать, бытия Петра Петровича? Но что все же за последнее время было в моем сознании самое примечательное? Самое близкое моей ментальности, каким проектом я смог бы по-настоящему увлечься? Чтобы считать его основным после маковой головки делом, а не прыгать с одного куста мыслей на другой. Такой идеей могло стать участие в плане профессора Кошмарова: качественно изменить соотечественников, подмешав в их кровь этнический купаж, ансамбль немецкой, китайской, еврейской и грузинской генетики. Чем же другим, более эффективным, я смогу послужить собственному народу? Очкарик обещал дать мне нанопилюли. Вот и начну. Прямо с завтрашнего дня. Буду давать всем, а сам не притронусь. Начну с Лоскуткиной. Весьма любопытно наблюдать за ее изменениями. Каким новым русским человеком она станет? Каким делом займется? Какая идея будет у нее приоритетной? А вдруг эксперимент окажется со знаком минус? Вместо активной добропорядочной гражданки из Кати получится ужасное существо, похожее на ее одноклассников? Надо требовать от очкарика гарантии, чтобы его программа имела и обратный ход. Говорят же: что немцу или французу хорошо, то русскому смерть.

Значит, я определился раз и навсегда. Кроме опийной соломки, начинаю заниматься исключительно духовным, нравственным и физическим совершенствованием соотечественников. В таком случае нет необходимости писать программу на оставшуюся жизнь. Она уже составлена. Ясно и четко! Мы с Помешкиным сажаем на фатеевском поле мак, удобряем опиём свое сознание, а попутно распространяем среди канцев нанопилюли. Ничего более полезного для улучшения отечественного генофонда я все равно не найду.

Сейчас наиглавнейшая моя задача — с помощью генной инженерии пробудить у русских любовь и уважение к собственной стране, к своему народу. А то любить про-

сто некого: ни государства нет, ни приветливых соотечественников. Национальный духовный кризис именно так можно преодолеть. Ничего, кроме нанопилюли, в научном и политическом арсенале России нынче нет. Она заменит неэффективные лозунги политических партий. На радио и в телеэфире воцарится дух истинного творчества, свободы и открытости, публичное вранье станет наказуемым, в бюрократы пойдут люди совестливые. В стране изменится духовная атмосфера, русских начнут любить, а не бояться. А мне-то зачем все это нужно? На что Петру Петровичу, плотно сидящему на молотом божественном цветке, головная боль общества? Что, я строю карьеру, тянусь к власти, хочу получить преференции в бизнесе? Мечтаю использовать для личных целей административный ресурс? Все очень просто! Этого желает мой воспаленный опийной соломкой разум! Трезвые этого не хотят — им наплевать на духовный мир нации, алкоголики об этом не задумываются — после водки им преотлично валяться на мостовых в бахусных снах, чиновники разных уровней только мечтают о деградации населения. Лишь духовный раб боится противиться вероломству и сует взятки. Выходит, в стране теплится лишь одна надежда: все решат научное изобретение профессора Кошмарова и активность очарованного опиумом господина Парфенчикова. Только они стремятся, хотят спасти нацию, другим до этого нет никакого дела. Ах, Петр Петрович, не забудешь ли ты всю эту чепуху поутру следующего дня, не пошлешь ли ко всем чертям свою социальную активность? Предложи тебе сейчас головки ферганского мака с продольными шоколадными разводами или пенджабское опийное молочко, созревшее на восточном кишмишевом солнце-пеке, разве вспомнишь ты мудреные пассажи нынешнего канского вечера? Не поставишь ли перед собой вопрос в безмерном, бесконечном опийном счастье, не сойдешь ли с ума от высоких чувств? Ты вон бабу не смог трахнуть, а замахиваешься на генетическую революцию. С твоим-то интеллектуальным и физическим потенциалом? Тьфу! Запутался ты совсем, да и устал. Пора выпить несколько ложек молотой соломки и опять пуститься в путешествие по закоулкам собственного сознания. Лишь из этих про-

стых вещей и состоит твоя жизнь, в ней ты чего-то стоишь. Пустое дело — придумывать себе что-то другое, а тем более выходить за границы собственного масштаба. Благодаря смирению-то власть тебя терпит, ведь на два-три шага от кукнара ты нос свой не высовываешь. На жестком поводке себя держишь, в акциях оппозиции и протестных митингах не был ни разу замечен. В другом случае тебе быстро ломку создадут и без сосновых досок спихнут не в могилу с отпеванием, а на помойку, присыпая хлором, чтобы воню не портил природопользование. Но я хочу все же отметить, что безропотная покорность маковой головке дает свои преимущества. С истинным восторгом я способен утверждать и сердцем и разумом, что мое обожание, моя преданность кукнару есть самое сокровенное, мистическое человеческое чувство. Оно так глубоко, так таинственно, впрочем, признаться, мимолетно, что имеет право заявить претензию на вечность. Скорее всего, поэтому я никому ничего не запрещаю, никогда ни от кого ничего не требую. Даже если кто покусится на мою жизнь, я без огорчения и удивления ее отдам — правда, прежде накушавшись соломки. Конечно, лучше умереть от страстей возбужденного разума, чем от болезней социального расстройства. Для себя я давно решил никакие здоровые органы собственного тела с собой в могилу не брать. Уверен, что у меня гепатит, несколько язв в желудке, ишемия, панкреатит, а еще к легким подкрадывается туберкулез. Я не без удовольствия усугубляю эти болезни убогим питанием и все увеличивающимися дозами кукнара. Только так и никак иначе. Тут вспомнил, что до встречи с соломкой мой мир ограничивался пределами Московской кольцевой дороги. Теперь мысли текут далеко окрест, и все дальше и глубже. После этого признания я съезжился, вобрав голову в плечи, тщательно осмотрелся и заторопился домой. Меня не покидало ощущение, что неведомая рука вот-вот ухватит меня за штанину и раздастся строгий прокурорский голос: «Стой, стой, Парфенчиков! Стой! Ты арестован! Поедать молотые головки мака — уголовное преступление! Тюрьма по тебе плачет!»

Вбежав в дом, он плотно прикрыл за собой дверь и тут же бросился к маковому мешку. «Слава богу, на ме-

сте!» — с радостным чувством выкрикнул господин Парфенчиков, начиная в панике запихивая в рот вождельный продукт. После трех ложек он успокоился. И не втихомолку хихикнул, а засмеялся в голос. Честно говоря, тогда он не понял, где повод для восторга, — то ли порадовался кукнару, то ли показалось, что он кого-то перехитрил, — впрочем, непонятно, кого именно и в чем. То ли какой-то фрагмент мысли молниеносно пролетел в голове, и он его не успел запомнить, но реакция подсознания выразилась в смехе. Возникло знакомое сладостное ощущение и с каждой минутой оно росло. Петр Петрович окончательно ожил, взбодрился. Бесперывное упоение маком, сознание того, что более эффективного способа добиться подобного состояния человечество еще не обнаружило, всякий раз убеждало в правильности его выбора жизненной линии.

Он прошелся по кухне, заглянул в спальню и увидел Помешкина, лежащего на кровати в глубоком маковом сне. Григорий Семенович был ужасно бледен, посапывал и едва слышно стонал. Поставить диагноз было нетрудно: гость отошел от передозировки и погрузился в опийные грезы. Петр Петрович и сам начал устраиваться на ночлег. Так как единственная кровать была занята, он расстелил на кухонном полу газеты, а под голову подложил собственные поношенные ботинки, которые обернул пластиковым пакетом, полученным при последней покупке в магазине Лоскуткиной. Затем набросил на себя куртку и закрыл глаза. Тут же в голову пришла та самая мимолетная мысль, которая тогда не запомнилась, но вызвала громкий смешок. А подумалось ему в тот момент следующее: что бы я ни говорил, ни планировал, клятвенно ни обещал самому себе, все равно поступлю совсем по-другому и даже за несколько мгновений до совершения действия абсолютно не способен буду предвидеть, какое решение приму, что именно намечу, какой шаг сделаю или что скажу. Активные мутации мыслей не позволят Петру Петровичу четко выстроить линию существования. Это лишь в биографиях других людей жизнь имеет ясную сюжетную канву: завязка — развитие — финал. У меня все наоборот. Частенько шаги сегодняшние у Парфенчикова

опережают действия послезавтрашние, а то, что мне надо было сделать месяц назад, я делаю сегодня или переношу на отдаленное будущее, либо вообще напрочь забываю. Если кто-то займется изучением истории моей жизни, то, кроме хаотичных мыслей, которые трудно будет собрать вместе, он ничего не выстроит и никак не поймет ни мой характер, ни мое мировоззрение, ни планы на жизнь. Да и есть ли они? Биограф сможет четко заявить: Петр Петрович — маковый хаот, и понять его смогут лишь те, у кого сходное опийное сознание. И в этом исследователь будет абсолютно прав. Я не только сам себя не понимаю, но и страстно не желаю прогнозировать свое поведение. Нужен ли я буду самому себе, если начну строить жизнь по какому-либо сценарию? С подробными указаниями на день, неделю, месяц, в деталях разработанными; покупки, затраты, обязательства с поминутными рекомендациями, с дневником половой жизни и записями дней рождений влиятельных людей, от которых зависит твоя карьера и судьба вообще! Для меня это скучно, нелепо и противно. Я знаю главное и самое необходимое: мне денно и нощно нужен цветок жизни, в большом количестве и в разных видах. В кармане, на тарелке, под носом, у самого рта, в желудке, в крови, в кишечнике! Все остальное меня мало интересует, а если и вызывает интерес, то лишь для разогрева разума, для яркой встречи с опийным приходом, для разнобальных волн маковой энергии, для игр воспаленного мозга. Все! Все! Даже на толику не больше! Как музыканта не сможет заинтересовать безграмотная партитура, как пьяница пройдет мимо пустой водочной бутылки, как гомосексуалист никогда не остановит свой пытливый взгляд на гламурной барышне так и я не обращаю никакого внимания на размеренную жизнь по расписанию. И не только по строгому распорядку, но даже по небрежно набросанным на жалком листке пожеланиям.

Тут Петр Петрович поймал себя на мысли, что после столь категоричных признаний оказался в полной растерянности. Решенный, казалось, вопрос вдруг встал вновь: хочет ли он стать участником профессорского эксперимента с нанопилюлями? Давеча его это серьезно увлекало, он даже сбивался на патриотическую патетику. Дескать, служить

Отечеству — настоящая необходимость для каждого. И вот теперь, некоторое время спустя, он почему-то опять вернулся к той же дилемме. Так что? Соглашаться или бежать прочь, как из постели Лоскуткиной? Хочет ли он, чтобы русским жилось лучше, свободнее, в достатке и комфорте? Да или нет?

Ответ оказался несколько неожиданным даже для него самого: господину Парфенчикову нет до этого никакого дела. Они о нем не думают, да и он не хочет, чтобы кто-то о нем переживал или заботился. Ему наплевать на их социальный статус. Бедные духом, нищие достатком, богатые административным ресурсом, владельцы заводов и крупнейших банковских счетов, бомжи, проститутки — его никто не интересуется. Если не протестуют, не бьют друг друга морды, не поднимают на рога власть, не строят баррикады, значит, у них, как и у меня, все на мази, в шоколаде. Ведь мне тоже все по-фиолетовому. А если все в ажуре и фиолетовый цвет окрасил национальный разум, зачем же менять этнический купаж русского да еще добавлять в него генетику не очень уж дружелюбных по отношению к нам народов — немцев, китайцев, евреев и грузин? С последними недавно даже война была. Однако он сам себе противоречил. Если ему все по фигуре, то какая, скажите, разница, из кого составил очкарик этнический коктейль для соотечественников.

Внезапно Петр Петрович пришел к убеждению, что в геномном ансамбле должен присутствовать опийный фактор. В этом случае проект может оказаться самым удивительным по своим результатам. Он аж подпрыгнул от восторга и затряс руками, захваченный идеей убедить Кошмарова, что один из четырех этносов должен быть по уши влюблен в маковую головку. И не только виртуально, отстраненно, а обожать ее практически. Чтобы без нее и жить не мог, ну как он сам. В этом случае интерес к проекту возник бы у него отчаянный. Он бы окунулся в него по уши. Но тут возник вопрос: кого порекомендовать в крепостные *этого самого главного*. «Лично я ни с китайцами, ни с немцами не знаком. Выходит, они отпадают, — начал он размышлять. — Евреев и грузин знаю я неплохо. От строгого, трезвого ума первых русским много полезного можно взять. А от грузин? Ка-

кая польза? Кажется, у них тоже что-то желательное есть. Умение красиво, беспечно жить и... ах да, у них наименьшее число суицида. Но в русском человеке вторая особенность тоже в избытке. Как раз ею больше всего и славятся наши соотечественники. Живет народ в трущобах, на мизерную пенсию и нищенскую зарплату, а чувствует себя по-графски. Зачем же усиливать эту национальную черту? Итак, остается лишь внешность и художественные способности. Меня такой вопрос вообще мало волнует. Получается, что пять процентов грузинской генетики должны быть настояны на кукнаровых отварах. И что тогда? Я соглашусь активно участвовать в эксперименте с нанопиллюлями? Да! Слово даю! О'кей, стоворились!»

Привычка говорить с самим собой возникла у Парфенчикова после знакомства с молотой соломкой. Отчего? Оттого что он часто в одиночестве скитался? Впрочем, вопрос остался безответным, так как именно в этот момент новая мысль поставила его в тупик. А как же с идеей стремиться стать «...таким же совершенным, как Отец ваш Небесный!», подброшенной из Библии Кошмаровым? Он ее опять запамятовал. А в ней есть интрига, коренным образом связанная с обещанием, данным самому себе, с завтрашнего дня начать локальную генетическую революцию или, вернее сказать, контрреволюцию. «Ведь я стану вмешиваться в Промысел Божий, — начал размышлять господин Парфенчиков, — то есть выражать Ему недовольство за то, что Он русского человека создал левой рукой, спросонья или натошак. Потому что в массе своей наш народ почти всегда недоевший. Кстати, есть этносы еще более ущербные, так что можно предположить, что во время их создания Он, мягко говоря, был занят совсем другим делом. В любом случае поспорить с Ним — вещь небезынтересная, но еще больший восторг, надеюсь, вызовет во мне новый, усовершенствованный продукт русского человека, который я получу с помощью нанопиллюли очкарика. Если мы все в Нем, а Он во всех нас, то мое занятие не должно вызвать у Него обиду и порицание. Тем более что во время своих действий на благо нации я буду находиться под страстным очарованием Его наилюбимейшего творения — опийного мака.

Итак, намечаю план действий. Чтобы вызвать профессора, надобно подкрепиться. Без этого он не является. Трех-четырех ложек будет достаточно, чтобы не провалиться в другую тему. Так обычно случается: недолет или перелет в размере порций уводит мой разум в иные сферы. Ценные мысли забываются, довольно часто навсегда. Возникают совершенно новые планы, сюжеты и проекты, основательно меня путающие. Необходимо все время вести подсчет маковых ложек и бугорков на них, как в бухгалтерии. А в последнее время все чаще нескольких ложек, даже с бугорком, становится недостаточно. Приходится увеличивать их число. Как бы мои подсчеты не спутали дебет с кредитом.

Петр Петрович вскочил, чтобы не забыть тему, о которой начал размышлять. Мачок заел черствой корочкой хлеба. Ощутил как засадило небо и десны, недовольно скривил лицо. Поленившись подложить под себя газеты, разлетевшиеся по кухне, он лег прямо на голый пол. Теперь надо несколько минут подождать, чтобы в желудке раскрылся цветок мудрости. Мозговая атака на генетическую контрреволюцию должна быть продолжена. Лишь бы не перескочить опять на что-то другое. Мак делает его жизнь беззаботной и притом полной чудес, то есть именно такой, какую он хотел иметь. Бог опийной влюбленности — случай. «Жутко подумать, как развивалась бы моя жизнь, если бы в тот замечательный вечер в “Метелице” судьба не свела бы меня с кукнаром, — усмехнулся Петр Петрович. — Я был бы самым несчастным человеком на свете. Маковая головка окружает меня заботой, она дала мне, отравленному суетным столичным бытом, новое миропонимание, вселила веру в собственный разум. Только кукнар позволяет мне испытывать упоение жизнью в чужом и несправедливом мире. Может, короткое, но ярчайшее. Да, я построил свою жизнь на крайности, но крайности чудесной. Обыкновенные люди считают таких, как я, живущих игрой разума, больными или даже уродами. Но мне нет никакого дела до их оценок. Чем же ужасным я отличаюсь от своих сограждан, погрязших во мздоимстве, коррупции, бандитизме всех мастей, проституции, лизоблюдстве, которыми переполнена вся Россия? В один

прекрасный день после знакомства с божественным цветом я решил уйти из такого общества. Но куда? У какого берега кинуть якорь? Хотел внедриться в одну социальную среду, в другую, третью, четвертую — везде тяжелейший, нравственный упадок. Ржавчина! Нашел наконец безобидное для окружающих одиночество, скрашенное маковой головкой. Ведь истари поговаривали: «Одна голова хорошо, а две лучше». Так чем мой образ жизни хуже образа жизни алкоголика, бюрократа-коррупционера, взяточника или публичного лгуна? Я живу сам в себе, и внешний мир мне абсолютно неинтересен. Да, я не способен жить без милейших полевых цветов! Но ведь и все! Ничего более! Так что те, кто таких, как я, порицают, обливают помоями, совершенно не знают истины. Но я молчу, и страсть мести меня нисколько не обуреует. Петр Петрович ищет гармонию лишь в самом себе! Высшие силы благословили мой выбор, я поклонился этому случаю в пояс и дойду с этим делом до конца».

Топка раскочегарилась, Парфенчиков почувствовал теплоту в венах. Потом запылала головушка, и пошло, поехало, задымил; томительное ожидание сменилось восторгом. «Ах как замечательно!» — ему жутко захотелось выкрикнуть эту фразу, но он произнес ее лишь мысленно. Может, потому, что откровенным он позволял быть исключительно с самим собой.

В этот момент перед Петром Петровичем возник профессор Кошмаров.

— Привет, приятель, — холодно бросил он. — Опять маешься? Займись наконец делом. Жду от тебя действий. Если и на этот раз ты ничего не предпримешь, я перестану с тобой общаться. Что за мать тебя родила? Вроде русский, а не хочешь помочь собственному народу. Вот, возьми, я принес тебе нанопилюли! — Он протянул мешочек, похожий на тот, в котором хранил измельченные кофемолкой головки энергетического цветка. — Время больше не терпит, надо срочно спасать соотечественников. Этот эксперимент придаст нам всемирность — нашу национальную особенность, которая без нанопилюли никак не созреет окончательно. Русский человек должен стать Господином, и сделать его таковым способен мой уникальный метод. Если нас, русских,

всего-то полтора процента от народонаселения Земли, то мы просто обязаны стать лучшей его частью. Твое безразличие к действительности еще не окончательно. Я начинаю подумывать, как вернуть тебя к реальности. Время для моего предложения еще придет...

— Ох, оставь, профессор! Я скорее помру от жалости к самому себе... Но давай о деле. Странно, твои таблетки по цвету очень напоминают молотый мак. Лишь калибровка не совпадает, они у тебя чуть крупнее, — заметил Петр Петрович. — Обещаю завтра начать эксперимент. Ты напрасно сомневаешься, желание помочь своему народу у меня есть, но меня другая мысль беспокоит: а он сам, народ, хочет этого? Ведь в обществе нет никаких дискуссий на тему нашей российской неполноценности. Медийные центры поют па-негирики национальному духу, культуре и истории. Как тут не споткнуться о простой вопрос: а не ложный ли рецепт мы хотим предложить? Сто сорок миллионов граждан страны по этому поводу и в ус не дуют. Не считают они себя недоделанными! Более того, некоторая часть из них почему-то вдруг стала называть себя «мировой элитой» и требовать должного планетарного уважения. А не то черт знает что на-творит и даже приготовилась уже собственные нанопилюли по зарубежью тайно рассыпать, чтобы знали и уважали наших. Как тут не остановить себя! Твоими таблетками можно и порчу нанести не только лучшим из лучших, особенно в обеих столицах, но и простому народу от Тихого океана до Балтики. Вот какими переживаниями я сейчас переполнен, — с усмешкой заметил господин Парфенчиков, хотя до этого разговора он никогда о таких вещах и не помышлял. — Гарантии-то твои зыбкие, профессор. Ты просто надеешься на свое детище, а вдруг что-то не то? А?

— Но с тобой же получилось? Ты-то другим человеком стал по сравнению с тем, который в Питере яхтами торговал.

«А я даже забыл об этом», — пронеслось в голове Петра Петровича.

— Хорошо, хорошо. Я согласен. Завтра начну, — продолжил он уже вслух. — Но, ты хоть наперед скажи, в чем народ меняться-то станет? Что с ним конкретно произойдет? Что он, по-другому думать или к делам относиться нач-

нет? А время экономического кризиса не усугубит ли его и без того тяжелое положение?

— Что ж, объясню. Вот немец. В самом начале кризиса он, если сдает в аренду свою недвижимость, обязательно арендатору объявит, что со следующего месяца цена аренды снижается на десять, а то и на пятнадцать процентов. Скажи, для чего?

— Я о таких вещах не думаю, — недовольно буркнул Парфенчиков.

— Вот это чисто русский ответ. А надо над такими вопросами постоянно размышлять. Так вот, он это делает для того, чтобы сохранить арендатора. Потому что во время кризиса люди сокращают расходы и подыскивают квартиры подешевле. А сдать в аренду недвижимость в период общего упадка довольно сложно. Понял? Наш человек об этом, как и ты, не думает. Или возьмем еврея. Едва кризис замаячит, Абрам подойдет к своему работодателю с просьбой снизить ему зарплату. Да-да! Он скажет: «Уважаемый Мойша, чувствует мое сердце, что скоро в нашу дверь начнет стучаться кризис. О, с этим мерзавцем я, к сожалению, знаком. Сократите мне зарплату сегодня, тогда шансы пережить его вместе у нас будут выше. Я первым хочу затянуть пояс, чтобы позже он не лопнул на ваших штанах и мы вместе не оказались бы на бирже безработных.

— А китаец?

— И он поступит мудро. Начнет экономить на всем. Откажется от электричества и газа. Станет разводить огонь во дворе, собирая валежник. И жарить яичницу будет не на сковородке, а на лопате... Воду будет экономить, она тоже денег стоит. После яичницы надо помыть сковородку. После рабочего дня моется лопата. Зачем тратить воду на одно и другое, если лопату можно приспособить вместо сковородки? Я уж не говорю о том, что он не будет дожидаться зарплаты или пенсии, которые во время кризиса выплачиваются, мягко говоря, нерегулярно, чтобы купить съестное, а начнет ловить жучков, паучков, червей, добывать любой биоматериал, чтобы быть сытым. Я бы хотел назвать тебе причины нынешнего финансового и экономического кризиса. Прежде всего, это извращенное потребление. Каждый мечтает иметь все! Владеть

всем да сразу! В какой-то момент своей истории человечество от этого и погибнет. Теперь ты понял, зачем нужна нашему народу нанопилюля Кошмарова? Православные живут надеждой на Бога, начальника, систему, на кого-то, но всегда помимо себя. Это ухудшает их шансы на выживание. Начни. Избери первого пациента. Приглядишься к нему. Если заметишь положительное развитие личности, ее совершенствование, продолжай поиск других. Действуй смело и решительно. Российский этнос необходимо срочно спасать. Вдоль всех тысячекилометровых границ соседи смотрят на наши территории как на сдобный пирог. Всем безудержно хочется, полагаясь на нашу отсталость распилить Россию на аппетитные куски. Ведь бомбы и ракеты нынче уже никакого преимущества не дадут. Мои нанопилюли покончат с национальной немощью, и русский человек пройдет через будущие века как хозяин жизни.

«С большими странностями этот очкарик, — огорчился про себя господин Парфенчиков. — Мне, живущему в опийном тумане, существующему в мире ирреальности, он предлагает наблюдать за положительными изменениями в личностях. Скажет тоже! У меня критерии положительности, господин Кошмаров, совсем другие, чем у вас, представителя академического сословия. Как по мне отлично, народу и знать не полагается. А что такое ломки, или абстинентный синдром, — и подавно не его забота. Если бы жизнь была коллективным делом, я бы не спорил. Но она индивидуальна. Жив-то я, а не коллектив русских или китайцев. Умер-то я, а не евреи или немцы. Умный он, но никак не поймет, что такие типы, как я, а нас немного, живут только метафизическими ощущениями, и что творится с русским миром, с миром вообще, нас меньше всего интересует и беспокоит. Моя единственная забота — близость к кукнару. Все! И даже абсолютно все! А он мне лапшу вешает. Тыфу! Кстати, в этой коллективной теме жизни и смерти есть что-то магическое. Да-да. Что если подобрать коллектив (признак единения может быть любой) и заключить такой договор: когда один из сообщества помирает, все остальные тоже отправляются на тот свет. Тогда забота друг о друге была бы колоссальна. Не

то что сегодня: оскорбить соседа, дать в морду первому встречному — одно удовольствие. Да, такие нынче нравы. Так что в концепции коллективной жизни и смерти проглядывается много интересного, метафизического. Как-нибудь эту тему надо серьезно обмозговать, и профессора подключить».

В какое-то мгновение у Петра Петровича мелькнуло опасение, что он сходит с ума. Но он лишь пожал плечами и обратился к очкарику деловым тоном:

— У меня есть одно условие, без выполнения которого я даже рукой не пошевелю. Грузинский фрагмент в купаже наций должен быть настоян на опийном отваре. Грузины получают пять процентов, которые вы хотите добавить в русский генотип. Это около одного процента от ста. Малость, но без нее русский человек будущего останется неспособным на вдохновенные размышления. А они чрезвычайно необходимы творческой личности, ведь без них ни одна глобальная идея не может быть реализована. Хочу вам напомнить, что у опийной энергии по всем показателям Божественное происхождение. Соглашайтесь, профессор. Вы меня убедили в своей версии проекта, а я хочу упросить вас пойти мне навстречу, так как уверен: энергия кукнара в скромных дозах необходима для креативного развития личности. Если вы одобрите мою задумку и внесете в нанопилюлю коррективы, клянусь, в этом случае я начну действовать с завтрашнего утра. И достаточно расторопно.

— Я против! Я человек других воззрений, но вы вынудили меня согласиться. Когда новая нанопилюля будет готова, я сам выйду на связь. Не думайте, что на ее производство уйдет много времени. До скорого. Пока!

После этих слов профессор исчез. Парфенчиков не стал расспрашивать очкарика о новых комментариях к библейскому призыву «...будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный». И его, и свою точку зрения по этому вопросу, который некоторое время назад обсуждался, Петр Петрович попросту забыл. Мало ли о чем приходится болтать. А кроме того, библейская метафора для него являлась пустым поэтическим образом. Человек не может быть таким, как Он, полагал господин Парфенчиков, а Он не может быть, как все мы. И в Нем нет ничего от нас, а в нас

нет и крупницы от Него. В это Петр Петрович верил. Приезжий москвич бы убежден, что маковый цветок создал Он. Такую высокочувствительную материю, такую тончайшую, интеллектуальную суспензию, как опийное молочко, никто, кроме Него, сотворить не смог бы. В ее силе есть что-то невероятное, весь заряд природной энергии можно встретить лишь в одной маковой головке. А в дискуссиях о Боге и его творениях он был не большой охотник участвовать. Каждый должен оставаться со своими мыслями, а коли их нет, молчать и слушать. Если же возникнет желание познакомиться с оригиналом, читайте Библию.

Парфенчиков зевнул. Нос зачесался, по ступням пробежали приятные маковые покалывания, глаза закрылись, язык прилип к небу. В этом состоянии он хотел полнейшего одиночества и провалился в него. «Слава богу. Что еще смогло бы удерживать меня в жизни, кроме крепостной зависимости от маковой головки», — напоследок мелькнуло в голове.

Музы незавершенного круга

Господин Помешкин гадал, в каком состоянии ему было бы более комфортно: следить в бинокль за происходящим в городе Кан и вести тот образ жизни, к которому он привык, или отдаться новым прелестям опийных грез. Григорий Семенович, будучи сибиряком, все же был человеком не очень решительным, а скорее на редкость боязливым. Что прельщало странного канца в новом опыте, к которому он так неожиданно приобщился в жилище соседа? Прежде всего это необъяснимая интеллектуальная сила, легко подавившая его разум после нескольких глотков неизвестного отвара. Такой мощной энергии как раз и не хватало Григорию Семеновичу, чтобы жить более уверенно. Но его мучил вопрос, на который пока не было ответа. Он хорошо помнил слова Петра Петровича, что *это самое* главное должно стать по-настоящему превыше всего остального в жизни. Иначе лучше не начинать, так как иные варианты общения с магическим растением — приятельские отношения, дружба, любительство — смертельно опасные вещи. Если состоялась помолвка с маковой головкой, то разорвать ее невозможно.

Компромиссы исключены. Но как же быть с самовлюбленностью, которой был одержим господин Помешкин? Оказаться вторым по ранжиру чувств и симпатий он был пока готов, хотя, после того как очнулся, стал ощущать в себе усиливающуюся тягу к желтому помолу.

Он оглядел домик. В прихожей горела лампочка; тусклый свет напомнил молодому человеку расположение комнат. Вспомнив, что миска с кукнаром находится на кухне, он встал и поплелся туда. У буфета обнаружил спящего на полу Парфенчикова. Григорий Семенович перешагнул через него, подобрался к миске и выпил одну столовую ложку без буорка. Память подсказывала рекомендации Петра Петровича не перебарщивать с этим делом. После этого он отщипнул кусок хлеба и запил водой. Потом вернулся на кровать, удобно устроился и стал ждать эффекта. Впрочем, его наступление Помешкин так и не зафиксировал. Незаметно для самого себя он углубился в размышления о всякой всячине, что весьма характерно для подобного состояния. Вдруг ему представилось, как он со своего насиженного места в заброшенном доме сибирского городка наблюдает за жизнью какого-то крупного начальника в незнакомом, но крупном городе. Его увеличительное стекло держало в поле зрения объект дотошно и пристально. Лицо функционера было знакомо, но имена людей, особенно тех, кто не являлись коренными канцами, Помешкин, как правило, не запоминал. Не имея собственной личной жизни, Григорий Семенович интересовался лишь бытом человека вообще. Итак, крупный чиновник N, около пятидесяти лет, постоянно мелькающий на экране и на страницах региональных газет, находясь в ванной перед зеркалом, разговаривал вслух сам с собой. Если уточнить, что Помешкин уже давно научился мастерски считывать с губ наблюдаемых произносимые слова, то понятно, что он легко следил не только за движениями господина N, но и за его речью. Почему именно этот известный персонаж проступил в лихорадочном сознании господина Помешкина? Скорее всего, виновницей сего недоразумения явилась неведомая сила чудесного цветка. N, разглаживая щеки, готовился к бритью. Складки морщин на лбу, неровные борозды на скулах и обрюзгшая кожа на горле вызвали у него досаду на чиновничью судьбу.

— Работашь с утра до ночи на чужой авторитет, а все не повышают. Я уж давно перерос свое ведомство, способен сесть в более важное кресло, управлять куда более значительным делом, выполнять проекты мирового уровня. А карьерного роста все нет, старость подкрадывается, можно и не успеть раскрыть талант... Мой взгляд в последнее время все больше углубляется в палаты Кремля.

Тут Помешкин злорадно усмехнулся: «Надо же, о чем мечтает!»

— Гибкость ума есть, снисходительности к коллегам, особенно к тем, кто не блещет культурой, в избытке, комплиментарность в адрес высшего руководства — все при мне. Почему же нет роста? Этот мучительный вопрос буквально съедает меня. Ведь желание обладать властью подобно жажде в пустыне Сахара. Но если иному человеку достаточно глотка воды, то есть захудалого креслица в муниципальной структуре или кабинета с секретарем в губернаторской, то мне нужно значительно больше и выше! Что поделаться с этим неистовым желанием? Удастся ли его укротить? Как отречься от амбиций масштабного управления? Ведь потребности ума и сердца посильней зова физиологии. Подавляя страсть к власти, не обреку ли себя на постоянные муки? Не пушу ли себе в итоге пулю в лоб? Но как же любить начальство, чтобы быть им замеченным? Оцененным? Продвинутым по лестнице власти? Что сделать еще? Я его восславляю, зацеловываю, жду его звонка, слова, приглашения на встречу как манну небесную. Демонстрирую всем, как его обожаю, все стены моего кабинета и дома увешаны его портретами. Он на крейсере, он на военном истребителе, на лошади, на глассере, на московских площадях, на улицах Берлина, Парижа, Петербурга... Он говорит, он слушает, молится в храме, дает поручения, принимает именитых гостей, ласкает ребенка, рыбачит, поругивает недругов. Я не имею и не хочу иметь такого количества фотографий ни собственных детей, ни жены, ни родителей, вместе взятых. Потому что люблюсь им постоянно, предан беспримерно ему и его нынешней власти. А там посмотрим... Ой, не дай бог, подслушают! Я пристально наблюдаю за собой, чтобы всегда быть начеку, чтобы ни при каких обстоятельствах хоть мельчайшей

деталью не показать ему даже малейшего разочарования. И совершенно никакой, ну абсолютно никакой критики, даже не критики, а легчайшего недовольства никогда не позволяю. Он самый, самый, самый! В нашем мире нет никого, кто достоин стоять рядом! Он выше всех по всем показателям интеллекта, духовности и доброты. Довольно часто мне кажется, что я люблю его больше, чем самого себя, но все равно стремлюсь любить его еще больше, чем все остальные! Я не стесняюсь выражать эти чувства к нему на публике, явить их своим родным. Мне безразлично, что думают другие, даже самые близкие. Обращать на себя его внимание своим восхищением в его адрес, обожествлять его дела и указания, петь хвалу его уму и великодушью — вот моя наипервейшая задача. И делать все это я должен чрезвычайно искренне и одухотворенно.

— Вон как понесло мужика! — дивился Помешкин.

— Надо, чтобы никто не заметил, не заподозрил фальши, — продолжал изливаться федеральный функционер, — не шепнул в сторону, будто я желаю получить высокий пост, чтобы никто не донес, что я лизоблюд, что мое обожание — чистейшее лицемерие. А на то, что скажут, донесут, напишут о моей профессиональной деятельности, какие помои выльют мне на голову, каким боком обернется моя работа, приведет ли она к кризису или коллапсу, что настучат на меня ревнители моего кресла, мне наплевать. Сегодня на конференции «Российский путь и развитие мировой цивилизации» необходимо найти что-то новое, восхваляющее его таланты, чтобы ему пришлось по душе.

Чиновник закончил бриться, погладил себя по щекам, выдавил на носу прыщ, побрызгал лицо одеколоном и, одевшись, сжал кулаки и принял осанистый вид.

— Таких типов полстраны, — отведя от глаз бинокль, вздохнул Григорий Семенович, — скучно. Набрести бы на что-то оригинальное.

Он опять приложил к глазам окуляры и оказался в спальне двух молодых людей. Они занимались тем делом, которое сближает два пола. Наблюдать за ними Помешкину не захотелось, и он продолжил переводить бинокль с окна на окно многоквартирного дома. Некая дама лет сорока лупила половником довольно крепкого мужичка.

— Банально, — проворчал Григорий Семенович.

Затем его взгляд остановился на компании молодых людей. На столе, за которым они сидели, стоял то ли чайник, то ли кофейник. На тарелке лежали сухарики. Друзья явно вели жаркую кухонную дискуссию. Это обстоятельство его чрезвычайно заинтересовало. Ну, прямо картинка из прошлого. Ведь современная молодежь без выпивки и секса группой не собирается. Плотнее прижав к глазам увеличительные стекла, Помешкин считывал с губ произносимые фразы.

— Наша страна не для спокойной жизни, а для постоянной борьбы, — говорил голубоглазый молодой человек с ранними залысинами. — Мне представляется, что какие-то неземные силы наделили русскую нацию особой революционностью. В социальных мечтаниях мы, бесспорно, лидируем, но не на площадях и митингах, а в воспаленном сознании. Я категорически против идеи покинуть Родину. Никак не принимаю вашу точку зрения: дескать, страна окончательно потеряна, обнищала, жилищный фонд полностью износился и лучше искать себя на чужбине, например в Китае. Чья это задумка — эмигрировать в Поднебесную? Не понимаю, как может русский человек жить на других территориях, в других культурах, а тем более в другом этносе или даже в другой расе? Чувство глубокого одиночества и тоски изведет. Сколько миллионов русских после Октябрьской революции перебрались во Францию, в Штаты, Германию, Сербию. Где они, где искать их следы? Встречаются лишь русские фамилии, их носители ни нашего языка, ни культуры не знают, а чаще и знать не хотят. Не лучше ли собрать молодые силы, попытаться переломить ситуацию и облагодетельствовать страну?

— Подожди, подожди, Андрей, — перебила его девушка с пестрой косынкой на голове, затянутая в джинсовый костюм.

Ее тонкое лицо, сосредоточенный взгляд и выпуклый лоб свидетельствовали о душевной незаурядности. Она встала, прошлась вокруг стола, словно собираясь с мыслями, и заговорила с чисто русской живостью и даже страстью:

— Ты отстал на пару десятков лет, а то и больше. Мир переболел социальными и национальными идеями самого

разного толка. Наступила эпоха глобализации. Это мировой процесс, и не только экономический, он значительно глубже, он затрагивает межэтнические связи и отношения. Понятие национальность как таковое уступает место общечеловеческим ценностям. Русский пройдоха никогда не станет мне ближе, чем китайский, ангольский или чилийский законопослушный гражданин. Современный мир перестраивается, люди начинают гордиться не происхождением, а своими способностями, квалификацией, честностью и деловыми качествами. А если их нет, то хотя бы уважением к закону. Других критериев личности нет и быть уже не может. И национальная принадлежность тут ни при чем. Слава богу, этот параметр перестает существовать в восприятии людей, а спустя несколько поколений он исчезнет окончательно. Те, кто манипулирует национальной идеей, застряли в прошлом, отстали от жизни и наносят вред собственному народу. Не хочу внушать тебе мысль отречься от убеждений, но скажу, что фраза «Я человек мира» — не патетика, не крылатое выражение. Это требование дня нынешнего и дня будущего! Что такое сегодня Китай? Его можно сравнить с двадцатипятилетним парнем, находящимся во всем блеске своих физических возможностей и интеллекта, восхищающего трудолюбием, экономической перспективой и культурным богатством. Что сегодня Россия? Нужно давать оценку или вы сами знаете?

— Говори, говори, — потребовала другая девушка, бледная, как гипсовая статуя.

— Россия сегодня напоминает мне старого, выжившего из ума барина, хапугу, бюрократа, властолюбца, тирана, полного импотента в вопросах государственного строительства. И вы хотите, чтобы наше поколение нашло здесь будущее? Андрей, я ценю твое национальное чувство, но позволь, я не хочу тратить единственную жизнь ради химерического блага соотечественников, если они этого блага сами не хотят или не понимают, как оно достигается. В российской истории только одиночки поднимали народ, но это время кончилось. Если народу нужно, пусть теперь сам поднимается. Роль активной революционерки я играть не хочу, мне по душе пассивный протест. Совсем

скоро я уеду в Пекин. Там человека ценят не по должности, а по уму и по дисциплине труда.

— Россия опять начала строить авианосцы, а во многих сибирских городах люди на пятом, седьмом, девятом этажах живут без лифта. Вода, тепло и электричество подаются с перебоями, — вступил в спор молодой человек, страдающий косоглазием. (Помешкин никак не мог поймать в бинокль его взгляд.) — А в Китае даже трехэтажный дом оборудуется лифтом. Энергия, тепло и вода — пожалуйста, всегда в любом количестве, круглосуточно, без взяток и поборов. Вот тебе современная жизнь! Где-то в океанах бороздят воды, неизвестно для каких целей, наши многомиллиардные авианосцы, тогда как десятки миллионов российских сограждан не могут себе позволить минимальные удобства. Или другой пример: пуховое пальто в китайских магазинах стоит восемьдесят юаней, то есть около двенадцати долларов, или трехсот пятидесяти рублей. При оптовой закупке цена может быть пять-шесть долларов за штуку. В Сибири — в Забайкалье, в Красноярском, Хабаровском и Приморском краях — проживает как минимум двадцать пять миллионов человек, сотни тысяч из которых донашивают одежду с коммунистических времен. Их жалкий, потрепанный, промерзший, одичалый вид вызывает у меня комок в горле, порой слезы. Надо-то всего пять долларов на человека, чтобы он не зяб в мороз и выглядел опрятно. Но где взять эти крохи, эти пять долларов простому русскому человеку, который никак не может из нищеты переползти в бедность? Заработать нельзя, трудиться негде. Можно, правда, дать кирпичом по голове имущему и забрать эту мелочь. Некоторые так и поступают. Потом на них надевают арестантские ватники на пятнадцать—двадцать лет. А страна еще имеет резервный фонд, фонд национального благосостояния, золотовалютный запас — эти финансовые ресурсы достигали к январю 2009 года почти четырехсот пятидесяти миллиардов долларов. Существует Министерство здравоохранения и социальной защиты. Чиновникам этого ведомства не нужно иметь революционный пыл или какую-то особую любовь к народу. Достаточно просто знать страну и представлять, какие трудности испытывают ее граждане.

Так вот, Андрей, чтобы одеть наших соотечественников в новые зимние пальто, надо всего пять долларов на каждого. Чтобы добавить к зимнему наряду теплые варежки — еще по тридцать центов. Валенки обойдутся в два доллара за пару. Итак, из казны необходимо потратить около ста восьмидесяти миллионов долларов. В этом случае русский народ, живущий на просторах Сибири, будет одет в теплые разноцветные вещи и избавится от депрессии из-за беспросветной нищеты. И сможет наконец в зимнее время выходить из дома, из плохо отапливаемой квартиры. Ведь у нас половина населения всю зиму сидит дома или одно пальто носят два-три поколения. Такая акция обойдется правительству всего-то в пять сотых процента государственных накоплений. Пять сотых процента! Пустяк же! Абсолютная мелочь. А сколько радости, счастья! Приподнимет голову простой русский человек, живущий в нищете, в голоде и холоде. И что? Хоть кто-нибудь в министерстве думает о таких простых, но необходимых для страны и ее граждан вопросах? А сами руководители министерства публично шикают, шеголяют дорогими нарядами... Ты давно не был в наших краях, поезжай, посмотри, как бедствует народ. Деньги уже не просят, понимают, что никто не даст, не потому, что жадничают, их просто нет. Мыло просят, чтобы снегом умыться, грязь снять с лица, краюху хлеба вымалывают, ведь желудок зарастает паутиной. А от случая к случаю вбрасываемую в общество тему военного противостояния, военной угрозы, я считаю чрезмерной, по чьей-то воле надуманной. Это чистейший вымысел для внутреннего потребления. Надо понимать главное: ни одна страна мира не способна сегодня осваивать Россию. Даже союз нескольких крупнейших стран не осилит ее. Свободного демографического ресурса сегодня в мире нет. Я имею в виду экономически развитый мир. Что могут предложить США? Максимум миллиона полтора специалистов средней квалификации. Япония — не больше двухсот тысяч человек. Китай — не более пяти миллионов работников низкого уровня. Индия — не больше ста тысяч человек. Евросоюз — скажем, один миллион. Итого: менее восьми миллионов. Капля на российских просторах. Слезы! Военное вторжение в нашу страну я вообще исключаю

категорически. Сто пятьдесят тысяч военных в Ираке обходятся бюджету США в миллиард долларов ежедневно. Что такое для нашей страны стопятидесятитысячная армия? Ее солдаты не найдут друг друга между Смоленском, Псковом и Москвой. Чтобы держать в оккупации такую страну, как наша, нужна армия численностью в тридцать пять — сорок миллионов человек и еще не менее одного миллиона единиц различной бронетехники, включая танки. В грузинской кампании — а территория Грузии около семидесяти тысяч квадратных километров, сорок пять процентов из которых труднодоступные горы, — было задействовано около полутора тысяч танков. А в России более семнадцати миллионов квадратных километров. По прямому подсчету потребуется более полумиллиона танков. А если мы обратимся к военным источникам, то узнаем, что танк рассчитан на полтора боя. И все! Такого ресурса — ни индустриального, ни демографического, ни финансового — ни у кого ни в странах НАТО, ни в великолепной семерке, ни в примкнувших к ним Китае и Индии — нет. Кому нужна пиррова победа ценой собственного катастрофического упадка? Ясно, никому! Так что возможная война с Россией — очередной миф наших политиков. Андрей, не революционеры нужны России, а аналитики-экономисты, способные предложить эффективные реформы. Но разве политическая власть допустит это? Поэтому я тоже твердо решил переехать в Китай. Кстати сказать, хочу это сделать как можно быстрее. Патриотизм сегодня необходимо понимать по-новому. Я бы желал, чтобы все мои соотечественники, от семнадцати до сорока лет, оставили Россию и перебрались за рубеж. Вот это был бы настоящий революционный демарш. Прислушаться бы к вою бюрократов, когда мзду не с кого станет брать.

— Тогда в стране осталось бы не больше семидесяти миллионов, — вставила бледная девица.

— Такому государству и этого много. У нас сейчас около десяти миллионов чиновников. Пусть они и остаются. Другим же они никакой жизни не дают, так пусть радуются своему существованию, — поддержала ее девушка в джинсовом костюме.

— А как быть с нашими родителями, пенсионерами? Ведь придется их оставить... Как же они выживут? — спросил совсем юный парень с веснушчатым лицом.

— Каждый выбирает свой путь, — опять взяла слово девушка в джинсах. — Я разместила на нашем сайте протестную информацию. Ее смысл в следующем: борьба с соотечественниками, тем более вооруженная, — грязное, недостойное дело. Я категорически отвергаю любое насилие. Есть прекрасная альтернатива вооруженному сопротивлению — спокойно купить билет и уехать в Китай на постоянное жительство. В Средние века существовало государственное образование Московия, Московское княжество, вот пусть оно опять возрождается. Его жителями станут все наши чиновники, а мы из-за бугра будем называть их «москалями». Хотела бы я посмотреть на такую страну. Одним словом, кто не с нами, тот сам по себе. Впрочем, можно быть уверенным, что среди оставшихся найдутся люди с современным мышлением, способные что-то изменить... В моем окружении безумцев, готовых стоять до конца в требованиях от властей реформирования России, нет. Да и есть ли в этом прок? Власть прежде всего учится никого не слушать и ни о ком не думать. Зачем же жить с такой властью? Так что вперед, друзья, в Китай!

— Не торопись, Соня! — всплеснул руками Андрей. — Не кощунствуй. Как можно оставить родную землю, могилы предков? Согласен, есть в стране проблемы, но где их нет? В каждой стране свои трудности. Может ли Китай для русского быть отчим домом? Давайте все обдумаем, наметим план действий и начнем поход за реформы. Я уверен, многое из того, что мы потребуем, свершится. Мы изменим наш дом Россию, и жить в ней станет замечательно. Я предлагаю начать с регистрации новой партии. Назовем ее «Шаг за шагом в будущее». К тому же разве не ценится такая вещь как генетическая чистота? Они же желтые...

— Вот рассмешил! Глупее ничего не мог предложить? Запахло плесенью! Китайцы не желтые, они золотые! Да! Золотые! — усмехнулась бледнолицая (она лишь на первый взгляд казалась робкой).

— Все нервы вымотают, все соки выжмут, а скромные средства выманят, пока партию зарегистрируют, да и удаст-

ся ли это вообще? Только на легализацию партии уйдет вся наша жизнь! — Соня всплеснула руками и покачала головой. — Нет, я не согласна. В гробу я видела ваши партии, мне семью создавать пора, детей рожать, крышу над головой иметь, работу, зарплату. Ты мне о химерах не рассказывай. Изгоем в собственной стране я быть не хочу, зато в чужой с этим положением еще можно смириться. После восстания декабристов прошло почти двести лет. Считаю, десять поколений мечтало качественно изменить Россию. Не меняется страна, ну никак не меняется. Чуть-чуть откроется дверь, забрезжит рассвет, выглянет солнышко, возникнут надежды, мечты — и опять пойдет все прахом, опять наваливается долгая гнетущая тьма. Наши предки шли на эшафот, каторгу, в ссылку, тюрьму. Погубили свои жизни, но так ничего и не смогли сделать, хотя энергии, страсти и интеллекта было вложено немереное количество. Шаг вперед у нас всегда завершался двумя шагами назад! Давайте проголосуем: кто за то, чтобы отправиться в Китай и агитировать других нашим примером, — поднять руки! Итак, нас четверо. Один — против! Теперь все разговоры о России закончились. Загляните в историю: сколько было великих народов, бесследно исчезнувших во времени. Сотни! Еще пару слов тебе, Андрей, на прощание. Если будешь у кого-нибудь из нас просить деньги, то знай, мы дадим тебе лишь на билет поезда номер двадцать в Китай. И не наличными дадим, а перешлем сам билет. Понял? А попадешь в тюрьму — сухарей от меня не жди. Пеняй на собственные заблуждения. Если страницы истории собственной страны тебя ничему не научили, то пройди все невзгоды самостоятельно.

— Неужели вот так просто расстанемся? Неужели шаблоны потребительства ставятся выше национальных идеалов? Да, в страшное время мы живем! С такой ментальностью вам, конечно, лучше уехать. Я не хотел бы жить рядом с соотечественниками, пусть даже друзьями, но людьми с таким пофигистским мировоззрением, — вспыхнул Андрей.

— Извини, Соня, — девушка с бледным лицом налила себе чай. — У меня еще пара слов. Андрей, скажи, пожалуйста, что такое человек и для чего он живет? Вопрос может показаться риторическим, но ответ на него поставит все точки над «i».

— Бездуховный человек не может выразиться полностью, то есть раскрыть свои таланты. А духовность и национальное самосознание — это как девичья коса. Чем ярче копна, тем богаче, красивее выглядит это удивительное плетение...

— Бросил фразу, ничего не объясняющую, — фыркнула бледнолицая. — Слабо, дружок, слабо. Ладно, скажи, кто из соотечественников служит для тебя примером? Нет необходимости называть десятки имен, назови одного, ну двух представителей русского народа, которые смогли бы стать для современников личностями для подражания.

— Сейчас, минутку...

— А трудно найти, уверена, никого не найдешь ты в своей головушке. Любое имя будет тут же развенчано. Называй, называй... — уже откровенно усмехалась девушка.

— Да кого он назовет? Все, кто служил Отечеству, получали из казны жалованье, — вмешалась Соня. — Привилегии, карьера, награды, поместья, крепостные. А что такое казна? Она складывается из налогов от таких, как мы. Герой войны со шведами, победитель битв при Калише, Батурином, Опошне, разгромивший армию Росса, заставивший капитулировать шведские войска, Александр Меншиков получил от Петра девяносто тысяч крепостных, владел шестью городами, имел пять миллионов золотом наличными и девять миллионов в банках Англии и Голландии. А начинал с чего? Или вот — простой служивый дядька Куракин, Александр Борисович. Вице-канцлер, глава Коллегии по иностранным делам, активный разработчик условий Тильзитского мира. От Павла Первого получил пять тысяч душ и двадцать пять тысяч гектаров, рыбные промыслы на Волге. Позже, являясь послом России во Франции, добывал для Александра Первого ценнейшую информацию о планах Наполеона. Во время бала в Париже по случаю приезда жены Наполеона Марии-Луизы случился жуткий пожар. Погибли десятки человек. Куракина спас мундир. Он был расшит золотом и бриллиантами. Не зря он имел прозвище Бриллиантовый Князь. Петр Клейнмихель, руководитель восстановления сгоревшего в 1837 году Зимнего дворца, главный управляющий железными дорогами и публич-

ными зданиями. Во время его правления был построен Николаевский (ныне лейтенанта Шмидта) мост через Неву, новые здания Эрмитажа, возведена железная дорога Петербург — Москва. Прослыл взяточником... После смерти большевика Свердлова в его личном сейфе обнаружили огромное состояние в виде драгоценностей. Откуда он взял золото и бриллианты? Жуков получил разрешение вывезти из Германии несколько вагонов драгоценных трофеев... А если суммировать все драгоценные камни и металлы в наградах Георгия Константиновича, то можно насчитать десятки килограммов золота и столько же каратов бриллиантов. Только в ордене Победы камней на шестнадцать каратов. Вручал награды Сталин, а кто оплачивал? Народ, Андрюша. Мой и твой деды! Сахарову вручили Сталинскую и Ленинскую премии. Это же огромные деньги. Возьми любое имя в национальной истории. Кто служил Отечеству беззаветно? Кто отдал полученные премии своему народу и поселился в такую же полуразрушенную хатку, в которых немалая часть нашего этноса? Всех, кого ты можешь назвать, и мы знаем. Они талантливые менеджеры, которым за их работу хорошо платили и платят. Платили и деньгами, и славой, и любовью. Вот вся прозаическая история. После того как ты это поймешь, вся твоя апофеозная национальная накипь исчезнет и каждый из великих национальных героев окажется талантливым русским человеком, находившимся на службе у своего народа и никогда не забывавшим о своей благодати. Поэтому пафос тут неуместен. Если бы наши деды плохо работали, чем бы наполнилась казна и какими шишами наша власть платила бы всем этим так называемым спасителям России? Слово «герой» мне вообще противно. В нем столько фальши, что задыхаешься от возмущения. Основа этого пафоса предельно проста: оказаться в нужный момент в нужном месте. И ты герой! Сегодня, как, видимо, и в прошлом, героев мало кто знает, это совершенно не публичные люди. За какие заслуги они могли получить во времена национального упадка такое высокое звание? Они способствовали расцвету, приведшему к тяжелейшему кризису? Нашей тотальной нищете? Довольно странные решения... Я бы никогда не смогла

лечь в постель с мужиком, который на лацкане пиджака носит Звезду Героя. Фуууу! Так, мы пошли. Даже не знаю, что тебе пожелать. Ты довольно упертый тип. Думай, Андрей, думай! Только та голова хороша, которая способна непредвзято анализировать и переваривать информацию.

— Я бы хотел добавить несколько слов, может, они умерят революционный пыл Андрея, — сказал молодой человек в очках. — Россия с ее огромными малозаселенными территориями — страна-банкрот. Это не моя гипотеза, а вывод экономической теории. С таким небольшим населением — а нас сегодня чуть больше ста тридцати двух миллионов — никогда нельзя будет наладить в ней, скажем так, нормальную, по мировым стандартам жизнь. Нас на этой территории должно быть как минимум пятьсот миллионов, а то и больше. Где взять такой колоссальный демографический ресурс? Приглашать в страну иммигрантов. США в XIX и XX веках приняли около ста миллионов человек и по сей день принимают более двухсот тысяч в год. А мы? Месяцы уходят, пока позволят пригласить хотя бы в гости знакомую девушку, скажем, из Швеции или Кореи. Что необходимо предпринять, чтобы люди у власти поняли наконец: при любой цене на углеводороды, при любых демократических переменах у России единственный исторический финал — банкротство, раздел, переход территорий под управление других стран. Нам не революция нужна, уважаемый Андрей, нам нужен всего лишь один закон: каждый приезжающий в нашу страну получает три гектара земли бесплатно и двадцать пять кубов леса для строительства собственного дома. В десятки раз урезаются полномочия бюрократии и радикально сокращается немереное число чиновников. Все! Абсолютно все! Революционные лозунги и цели исчерпаны. Наступает благодать. В этом случае я остаюсь в России, потому что тогда в нее можно поверить. В нынешнюю страну верить нельзя. Я еду в Китай!

Соня встала, за ней последовали другие. Григорий Семенович опустил бинокль и протер глаза. Он впервые стал свидетелем такой неожиданной дискуссии. В провинциальном Кане ему не встречались люди с подобным складом мыслей. Помешкин пожал плечами: «Любопыт-

но, однако все это меня не колышет». Но все же что-то запало в его опийную голову. Он вновь приблизил к глазам окуляры. Они выхватили мужчину, с трудом надевавшего протез на культю — нога была отрезана выше колена. Затем Помешкин перевел взгляд и набрел на мальчугана, сидящего над школьным заданием. Поднял увеличительные стекла и увидел женщину, хлопочущую на кухне. Опустился на третий этаж — и тут не только заинтересованно прищурился, но даже взялся за бинокль другой рукой. Внимание привлекло нечто необычное. В одной из комнат небольшой квартирки седоватый старец что-то пояснял на двух манекенах, облаченных в стандартную одежду. Один манекен изображал женщину лет сорока, другой — мужчину того же возраста. Человек пять подростков, почтительно внимали старцу. «Что еще за мастер-класс? — заинтересовался Помешкин. — Кто он? Кутюрье местного значения, дающий уроки искусства кроя? Или сомелье, обучающий своих воспитанников изящно подносить блюда и вина? А может, я застал урок бальных танцев на стадии первого па-де-де и па-де-труа?»

Григорий Семенович навел линзы на маэстро и стал считать с его губ слова.

— Отправляясь на работу, необходимо всякий раз перевоплощаться в новый образ, — вещал старец. — Один день на вас форма железнодорожника и фуражка с козырьком, другой раз вы спортсмен — теннисист или хоккеист. Важно, что они носят в чехле свой спортивный инвентарь. Он ваш помощник, или на нашем жаргоне — фантица. Фантицей может быть также портфель, футляр для скрипки, морская свинка, термос, небольшая клетка с птицами, мольберт, перевязанная рука, иногда даже обычная книга, и уж совсем на крайний случай — газета или журнал. Кто из вас скажет и продемонстрирует, для чего нужна фантица? — спросил он, прищурившись.

— Я! — бросила стройная девушка лет двадцати с ангельским выражением лица.

— Я тоже! — вылез паренек небольшого роста с прямым носом.

— Лиза, давай, объясняй товарищам. А потом ты, Коля! — бросил старик.

— Фортица поможет мне отвлечь лоха. Я выставлю ее перед самым его носом и тогда буду делать с его карманами все, что угодно. Вот так! — Она сняла с себя кофточку, перевесила ее через руку, подошла к манекену и опустила руку вначале во внутренний карман его пиджака, а затем в задний карман брюк.

— Отлично. Теперь проделай все это еще раз. Я включаю электрический ток малой мощности. Если работа будет грубой, ты получишь небольшой щелчок, а в ушах лоха загорятся лампочки. Я кладу лопатник¹ весом в пятьдесят граммов в скулу². Начинай!

Девушка с ангельским лицом ловко проделала упражнение.

— Хорошо. Отлично. Теперь этот же лопатник кладу в очко³. Прекрасно. Умница. Утяжеляем лопатник до ста пятидесяти, а потом до двухсот граммов. Начинаем опять со скулы.

На сей раз ангелочек вскрикнула, а на манекене зажглись лампочки.

— Сколько раз вам говорил: у преуспевающего карманника главное — это хорошо тренированное тело, а особенно кисть, пальцы. Так, взяли камешки, стали прокатывать их по тыльной и наружной стороне кисти. Один камешек — одна кисть. Другой рукой не помогать. У кого камень удержится пятнадцать раз, тот, считай, прошел испытание. Другие продолжают тренировку. Так, так, смелее, быстрее. Генка, ты что, пудовый камень прокатываешь? В нем же не больше тридцати граммов. Почему так медленно? Давай скорость. Ничего, что упал, начинай сначала. Еще Суворов говорил, что тяжело в учении...

— Он кто, Суворов, карманник в законе? — спросила девушка с косичками.

— Давай-давай, трудись, он авторитет, но в другом деле... Теперь переходим к главному упражнению сегодняшнего дня. Представьте себе, в автобус входит лох. Скрученный пресс бабла у него в пистоне⁴ ближе, как говорится, к

1 Лопатник — бумажник.

2 Скула — карман внутри пиджака.

3 Очко — задний карман брюк.

4 Пистон — брючный карманчик внизу возле ремня.

телу. Как забрать эти деньги, если лох каждую минуту их ощупывает? Он сам раскрывает себя, показывает, что бабок там немало. Можно использовать греческий прием. Пощупали бабки, определили размер шмеля⁵ Дали маяк⁶ партнеру, тот из обычной бумаги приготовил куклу. Надо точно определить, через какой интервал времени лох проверяет, на месте ли лавэ⁷. Определили, скажем, что он касается их каждую минуту. Значит, за этот срок необходимо забрать бабло, а вместо них всунуть куклу⁸. Работенка нелегкая, но после тысячи тренировочных занятий выполняемая. Прежде всего приготовьте куклу и займите правильную позицию. Станьте к пистону спиной и работайте одним средним пальцем. Подпирая шмель снизу, поднимите его так, чтобы он хоть чуть-чуть высунулся из пистона. Когда шмель поднят, разворачивайтесь и становитесь лицом к лоху. В этот момент все должно произойти. Во время разворота вы моментально перекладываете куклу из левой руки в правую, мизинцем правой руки вытаскиваете шмель, а указательным и средним пальцами вкладываете куклу в пистон лоха. Резкое движение насторожит клиента, он тут же захочет нащупать свои бабки. Мигом опустит руку к пистону и успокоится, поскольку убедится, что лавэ на месте. А вы медленно идете на выход или передаете пропуль⁹. Обстановка сама подскажет, как поступить дальше.

Первые пистоны на брюках портные стали шить в Афинах. А первый, кто использовал этот прием и забрал у лоха деньги, был карманник-золоторучка Сетрак из Салоник. Сейчас многие знакомы с этим приемом и классно его используют. Мне рассказывали, что этим летом один ростовский жулик вытащил из пистона двадцать тысяч евро пятисотенными. Учитесь, трудитесь, совершенствуйте мастерство — и будет у вас блестящее будущее: дом, семья, приличный автомобиль, преданные друзья и репутация достойного карманника. А это элита жиганского мира.

5 Шмель — скрученные в трубочку деньги.

6 Маяк — сигнал партнеру по краже.

7 Лавэ — деньги.

8 Кукла — муляж.

9 Пропуль — тайная передача партнеру краденного.

Кстати, несколько слов о репутации. Авторитет теряется быстро, завоевывается долго. Самый страшный технологический грех в нашей профессии — это аджо¹⁰. Если работаешь с партнером и сам вытащил лопатник, должен поделиться с ним до последней копейки. Не дай бог, спер две тысячи рублей, скрутил аджо и партнеру говоришь, что достал только пятьсот или даже тысячу пятьсот. С такими гадюками надо сразу расставаться, а перед тем как выгнать из своей бригады, побить, а то и живот вспороть. А потом сделать так, чтобы во всем воровском мире знали, что, скажем, Василий крутит аджо. В этом случае он становится или крадуном-одиночкой на провинциальных маршрутах, или идет в слесари. А если попадает на кичу, то братвой назначается шнырем¹¹. Такой твари нет места в наших кругах. Еще страшнее грех, если ты сдаешь партнера. В этом случае наказания могут быть крайние: мужика трахнут, сделают петухом¹² или поставят на ножи. Об этом поговорим на следующем занятии. Теперь давайте продолжим тренировку.

Помешкин отодвинул от глаз бинокль. «Совершенно чуждый мир. Это лишь кажется, что я живу в одной стране со своими соотечественниками. На самом деле мы существуем на территории одного и того же государства, но в тысячах самых разных миров. Вот сейчас я наблюдал лишь за одним домом, а сколько всего чужого, совсем не моего! Где же искать себя? К кому примкнуть? Или оставаться самим собой, но с новым чудом — маковой головкой? Мое затворничество становится счастливым. Я хочу продлить иллюзии еще одной ложкой кукнара и мгновенно окажусь в необыкновенном мире чистого воображения. Великолечно когда в невзрачном, болезненном, но таком любимом теле таится мощный, одержимый страстями дух. Не знаю, что будет дальше, но пока я весьма благодарен своему соседу за такое замечательное знакомство. В Китае около двух миллиардов жителей. Знают ли они об этом удивительном цветке?»

10 Аджо — обман партнера в размерах кражи.

11 Шнырь — уборщик в тюрьме.

12 Петух — гомосексуал.

Он поймал себя на мысли, что тема Китая непонятно почему обосновалась в его сознании. «Что, Соня повлияла? — мелькнула тревожная мысль. — Нет! Не хочу в такое поверить: вся эта дискуссия не вызвала у меня серьезного интереса. Скорее всего, я поселился бы в доме усопшей Фатеевой или на лугах, на которых бурно вегетирует мак».

Помешкин поднялся и опять направился на кухню — подкрепиться соломкой. Все существо Григория Семеновича уже властно требовало ее. Войдя на кухню, он застал своего соседа за делом, которым собирался заняться сам.

— Как себя чувствуешь, приятель? — спросил Парфенчиков, слабо улыбнувшись.

— Я вот за ложечкой пришел. Можно?

— Как же нельзя, утром надобно подкрепиться. Был бы я последним негодяем, если бы в таком важном деле позволил кому-либо отказать. Ешь... Но не перебарщивай. Вчера под вечер ты все же хватанул лишку. Не торопись наедаться от пуза, придержи аппетит. Возьми ложечку, но не больше. Беда может случиться. Не торопись...

— Потянуло, ох как потянуло на твою соломку. За этот вечер я понял главное: маковая соломка способна отразить самое вероломное нашествие реальности. Вот что больше всего мне нравится. Но я теперь твои рекомендации строго исполняю.

— Так-так. Сегодня я начинаю новый проект. Мне его подбросил профессор Кошмаров. Может, он тебя тоже заинтересует. Суть сводится к тому, что профессор мечтает изменить генетический код русского человека и тем самым серьезно улучшить его качество. Он создал некую нанопиллюлю, которая обеспечивает воспроизводство генетических особенностей самых ярких из ныне живущих этносов. Германского, китайского, еврейского и по каким-то причинам, грузинского. Впрочем, может, потому, что грузины — это древнейшая европейская нация. Колхидское царство известно еще с V века до нашей эры. Эта нанопиллюля якобы способна существенно помочь нашим соотечественникам в тяжелейший период переживаемого ныне морального и экономического кризиса. Что ты по этому поводу думаешь?

— Я против евгеники. Еще в школе я ее изучал, даже на некоторое время увлекся, но потом пришел к выводу: в

этой науке много мистики и наша национальная культура с ней несовместима. Поэтому я выбрал свой способ абстрагироваться от общества — уйти в самого себя. И у меня это получилось. Я наблюдаю за реальностью из своего ирреального гнездышка. И вполне счастлив. А теперь, после знакомства с новой энергетической субстанцией, которое с твоей помощью состоялось, надеюсь существенно улучшить свой внутренний мир. Нанопилюля может заинтересовать меня лишь как стороннего наблюдателя. Меняется ли русский человек, не меняется — меня такие вопросы абсолютно не волнуют. Я боюсь изменить лишь самого себя, ослабить свое самолюбие, нарушить свое одиночество. А что будет происходить с миром, меня не колышет, или, скажу новым сленгом: мне по-фиолетовому. Я ведь не впускаю в себя ничего извне. Так что мне за разница, каким окажется нечто вне меня самого, если это нечто и так для меня не существует? — Помешкин подумал, что сам слышал недавно что-то подобное, наблюдая беседу молодых людей. Впрочем, Петру Петровичу он об этом не сказал.

— А мне интересно, как все же изменится русский человек, получивший сорок процентов инородной генетики. И, признаюсь, я настоял, чтобы в грузинском купаже присутствовал опийный фрагмент. В общем коктейле это составит около одного процента. А если пересчитать на новую генетическую составляющую русского человека, цифра окажется и того меньше — двадцать пять сотых процента. Я уверен: без такого вкрапления яркая творческая личность не состоится. А ведь автор проекта хочет получить именно такой тип.

— А твой интерес тут в чем? — спросил Помешкин.

— Сам не знаю точно, но есть подозрение, что процесс изменения конкретного человека может вызвать у меня самые причудливые игры разума. Начну фантазировать: что еще надо изменить, какую черту характера ликвидировать, что добавить или усилить? Представить себе генетически модифицированного русского человека, принять участие в моделировании нового вида соотечественника — это должно быть увлекательно. Первую пилюлю хочу дать сегодня одной молодой женщине. И тут же начну наблюдать за ее

метаморфозами. Профессор дает гарантию качества своей продукции. Ты-то не желаешь на себе таблетку испробовать? — предложил, усмехаясь, Петр Петрович.

— Спасибо! Сейчас мне больше по душе известная ложка без бугорка! — недовольно проворчал господин Помешкин.

— Ну давай, а я тоже свою порцию доем, — кивнул Парфенчиков, запивая соломку.

— Не верю я в успех вашей затеи. Никакая нанопилюля человеку не поможет, — выговорил Григорий Семенович через пару минут. — Тут потребуются тектонические сдвиги. Миллионы лет! Впрочем, давай я тоже понаблюдаю. Кто она?

— Продавщица местного продмага. Кстати, может, с нынешнего дня даже безработная. Инвалид, с трудом ходит. Вчера вечером хотел ее трахнуть, но не сексуальные чувства влекли меня к ней, а желание провести эксперимент: соединить опийную сперму с обычной яйцеклеткой. Только ничего не получилось.

— Отказала? — равнодушно спросил Помешкин.

Петр Петрович без обиняков ответил:

— Нет, у меня эрекция не наступила. Ждал час-два, потом плюнул и ушел.

— А она что, рассерчала?

— Вроде нет. Приглашала приходить.

— Что, опять пробовать станешь?

— Да нет, с этим делом пока попрощался. Секс не моя стихия. Он меня никак не беспокоит, ни в снах, ни наяву.

Григорий Семенович хотел было рассказать о своей эротической страсти к самому себе, о занятии онанизмом при лицезрении собственного отражения, но решил не торопиться с деликатным признанием, а отложить его на время. «Вначале я должен проникнуться к соседу доверием, — подумал он, — а уж потом открыть самое потаенное. Посоветовать ему, пристально поглядеть на себя в зеркало? Облюбовать какие-нибудь возбуждающие черточки на лице, на мочках, на губах? Вдруг чувства возникнут, тогда и эрекция не заставит себя ждать. Меня, например, чаще всего возбуждает ямочка на подбородке. В ней необъяснимый эротический заряд, буквально сводящий

меня с ума. Как брошу на нее взгляд, так и хочется себя поиметь.

— Ну что, пойдешь со мной к подопытной? Я-то сам пилюлю в дневной дозе уже попробовал. Но мало что помню. Хорошо бы со стороны поглядеть, что с человеком происходит. Может, ты ее знаешь — Катя Лоскуткина. Живет она в Кане недавно. Знакома?

— Пока нет. В магазины хожу редко. Дорого. Дешевле у частников с грядок покупать. Картофель, свеклу, морковь, а мясо, точнее кости, беру на бойне, но тоже редко. Какова зарплата охранника моста? Четыре с половиной тысячи рублей. Коммуналку заплатил, что осталось? Две тысячи на месяц. Это шестьдесят семь рублей в день. А мясо стоит все сто пятьдесят за килограмм. Как тут накушаешься? Но я привык. Кашка с луком, картошка со свеклой, соленый огурец с хлебом — вот мой рацион. Кажется, другого и не надо. В Освенциме меньше давали. А ты чем питаешься? Вид у тебя совсем не сытого человека...

— Я отмерил себе в Кане пять лет жизни. Больше не хочу. Так что пищей насущной не озабочен. Есть корка хлеба, картофель, пряник — съем, нет — не вспомню. Главное, чтобы всегда под рукой мак присутствовал. Кстати, у меня чемодан денег... Ах да, ты об этом знаешь, так что можешь взять сколько угодно. Купи себе деликатесы и ешь, сколько душа пожелает. В моем случае голодный сытого прекрасно поймет. А деньги мне не нужны, они порождают извращенное потребление. Я держусь только одного блюда, самого главного и единственного — маковой головки.

— Спасибо, но и мне они ни к чему. Я научился обходиться без них, — объяснил Помешкин. — Почему, ты думаешь, я так горячо себя полюбил? Ведь никакой другой партнер — ни женщина, ни мужчина — мне не нужен. Кого другого полюбишь, когда денег нет, и даже в перспективе не предвидится? Любовь без денег несостоятельна. Она, как лампочка без электричества или машина без нефтепродукта. А с собой я всегда буду нежен исключительно по велению сердца. Завоевание самого себя — разве оно не выше всех других громких побед? Лучше уж от себя быть без ума, чем от кого-то другого. Прагматизм? Да! Дешево! А сделаю я для себя все, что душа пожелает.

— Не совсем понимаю принцип твоего сексуально-го удовольствия *я* плюс *я*! Впрочем, в этом есть что-то загадочное. Но секс перестал меня занимать после того, как полностью открылась невиданная по размаху площадка для игр воспаленного сознания. С этим чудом ничто не сравнимо. Невероятные возможности очаровывают тебя настолько, что напрочь забудется все, даже собственная половая принадлежность. Да и во что можно оценить сексуальную страсть? Грош цена этому влечению, потому что оно вырастает не из твоего интеллекта, а из инстинкта. А я хочу жить умом. Чем выше ай-кью, тем глубже проникаешь в мир воображения. А инстинкт — это заклятая болезнь абстиненции. Так что, идешь на эксперимент профессора? Если желаешь быть только наблюдателем, пожалуйста! Я отправляюсь к Лоскуткиной.

— На дворе дождь. Зонтик есть? — неуверенно спросил Помешкин.

— Мил человек, видно, пройдет еще много времени и тебе придется съесть десятки килограммов молотой соломки, чтобы ты смог абстрагироваться от времени, погоды и окружающей действительности. Меня все это уже давно не интересует. Я не замечаю вещей и обстоятельств, окружающих Петра Петровича. Дождь, ветер, свет, тьма, крики радости или мольбы о помощи, автомобили и яхты... Все это существует в моем сознании в одном случае: если кукнар на миг извлек их из моей памяти. Во всех других вариантах ничего этого я не вижу, не остерегаюсь, не люблюсь, не стыжусь. Это все вне меня! Для постороннего взгляда я плоский человек с отрешенным видом, тип, которого нужно остерегаться. Хотя, конечно, я мухи не обижу. Проект с Лоскуткиной ведь тоже существует лишь в моем сознании. Научись жить по-парфенчиковски — и перед тобой откроется чудесный мир опийного представления с невероятными декорациями и персонажами. Никакого другого, богатого красками и обстоятельствами, жизненного пространства, хотя бы лишь в собственной голове, в этой стране иметь тебе не суждено. Оно уже давно поделено. То, что позволено некоторым, категорически запрещено массам. И еще. Пожалуйста, не разочаровывай меня вопросами о зонтиках и прочей мирской требухе.

Мир вещей существует лишь для власти предержавшей и богатых. А для таких, как мы, он открывается посредством божественного цветка. Ты же выпил ложку кукнара, неужели после этой вспышки сказочного состояния ты продолжаешь бояться дождя и способен думать о чем-то малозначительном? Поторапливайся!

Господин Парфенчиков жадно наслаждался работой, совершаемой опийным зельем. Восторг был так силен, что он совершенно забыл о плетущемся рядом Помешкине. Ожидание предстоящего эксперимента и метаморфоз, которые произойдут с Катериной Лоскуткиной, побуждало проглотить еще пару ложек соломки, даже с бугорками. Отличного много не бывает. Ох, как я негодовал на себя, как поругивал Парфенчикова за то, что не взял с собой мешочек кукнара...

Восторги...

В Кане моросил мелкий летний дождь. Городок прятался в дремотные сумерки. По темной глади извилистой реки медленно скользили на север слабоосвещенные баржи, скрываясь в космах лесистых гор. А бесшумно падающие листья напоминали о долгих словах прощания, которыми провожают сибирячки своих мужчин в дальнюю дорогу.

Леонид Иванович Ефимкин лежал на диване в своих апартаментах, завернувшись в хлопковое покрывало. После успешного рейдерского захвата ресторана, затем мясокомбината, мебельной фабрики, завода по переработке древесины, кондитерского цеха, угольного карьера, транспортной фирмы, тридцатипятипроцентного пакета акций предприятия, снабжающего Центральную Сибирь электричеством, береговой линии порта, а также приобретения контроля над всем канским бизнесом в городке ему становилось тесновато. Обложены были практически все фирмы, все предприниматели, все вольные рыбаки и охотники. Теперь жизнь в Сибири теряла всякий интерес. Смотреть за огромным хозяйством Ефимкин назначил

ветерана-спецназовца Чернохуда. Структура Начальника Поезда, созданная Леонидом Ивановичем, разрослась в солидный ЧОП, с лицензией на боевое оружие. Штат составлял теперь триста человек. Одним словом, пришло время решать, в каком направлении сделать следующий шаг. Встраиваться в инфраструктуру столицы С-го федерального округа? Или замахнуть на Москву? С доходом в семьсот тысяч долларов в месяц он мог претендовать на кресло в Совете Федерации или на мандат Этой партии в Государственной думе. Человек реальной жизни, Леонид Иванович имел отлаженные связи по горизонтали и добротные отношения по вертикали. Это был ресурс, который позволял со вкусом обдумывать, что же лучше приобрести. Должность заместителя губернатора оценивалась на рынке в пять миллионов долларов, кресло заместителя руководителя С-го федерального округа — в десять миллионов. Место начальника департамента важного министерства в Москве стоило не больше пяти.

«Зачем оставаться в Сибири, — рассуждал Ефимкин, — ведь у столичного чиновника больше возможностей заработать. Да, в провинции ты на самом виду, тебе все кланяются, окружают показным уважением, балуют подношениями. Но тут денег меньше и каждый норовит тайком настучать, облить грязью. А в столице должность начальника департамента неброская, она за ширмой высшей власти. У широкого бизнес-сообщества такой пост не вызывает пристального интереса. За ним наблюдают предприниматели из ведомственного сектора, по всей вертикали федеральной пирамиды: от Москвы до Атлантического и Тихого океанов. Они торопятся в столицу, стремясь обласкать тебя купюрами, задобрить доходами и акциями, пригласить крестным отцом на крупные сделки, предложить часть имущества за крышевание. Конечно, надо выбирать Москву! Москву, Москву! Столицу! Начальник департамента федерального министерства — не очень престижная работенка, но весьма денежная, а через год-два можно на замминистра перейти. И дальше, и выше! Какое же ведомство выбрать? На каком поприще развернуть таланты? Энергетика? Отлично! Что еще? Торговля? Прекрасно! Что еще, еще? Природопользо-

вание? Замечательно! Но, может быть, еще тише, почти беззвучно, однако доходно... Держрезерв! Кто знает, что это такое? Какой у них бюджет? Где они располагаются? Какая-то тишайшая гавань для эффективной государственной службы. А ведь я прав, денег и откатов налом в держрезерве немеряно! А какой департамент выбрать? По энергоносителям? Нет! Слабо! По стройматериалам? Нет-нет! Что еще? По медикаментам? Уже лучше! Впрочем, что еще, что еще? По продовольствию? Ура! Конечно, конечно, по продовольствию! Здесь откаты от закупок будут сыпаться со всех сторон: за соль и сахар, за перец и табак, за овощи и сухофрукты, за пшеницу и гречку, за масло и жиры, за рыбу и мясо. Да-да, надобно купить эту должность. Навалиться административными связями, финансовыми ресурсами, способностями обольстителя, а кресло начальника департамента во что бы то ни стало прибрать к рукам. По моей информации, потребуется пять миллионов долларов. А вдруг больше? Сколько я смогу дать? Шесть, семь? Нет я не прав, ведь страна переживает экономический кризис. Надо сбить заоблачные запросы устроителей этого полезного во всех отношениях предприятия. Почему вначале не предложить четыре или даже три миллиона? А лучше начать торговлю с двух с половиной... А то и с полутора миллионов.

Отличная цена! Кто платит вперед — тот берет на себя все риски будущего бизнеса. Вдруг через месяц-два заменят руководителя, а новый шеф продаст оплаченную мной должность? Надо получить гарантию назначения хотя бы на один год, чтобы отбить вложенные деньги. Я-то постараюсь вернуть их уже через месяц. Нажить капитал — не грех, а необходимость, освященная национальными традициями. Да и карьере в столице иначе не выстроить. Ресурсы должны быть немалые. Итак, значит, едем в Москву с надеждами прежде всего на Дмитрия Зябухина и Ивана Прищепкина. Они люди деловые и помогут в обустройстве. О собственных финансовых ресурсах надо всегда помнить, но не торопиться их вытаскивать. Хотя понятно, что дорожка приведет к успеху, если будет выслана зелеными купюрами. Но тут спешка жуть как вредна! Деньги, даже на полезное дело, надо отдавать со

слезами на глазах и болью в сердце. Только в этом случае они станут к тебе липнуть. Эти господа устроители — прохиндеи высшей гильдии, но их услуги должны стоить мне как можно дешевле. В этом и заключается искусство предпринимателя. Много ли ума надо, чтобы сорить деньгами? Их нужно как следует попарить, перед тем как открыть карман. А что касается чистоты отношений... Какой чудак сегодня чист на руку? Да и что это за архаичное выражение «чист на руку»? Слыть в обществе бюрократов и коллег-предпринимателей типом с такой устаревшей ментальностью невыносимо, ведь копейки не заработаешь. А на что существовать? Деньги — основа личности, ее стержень. А безденежье тянет в чертовщину.

Хватит размышлять. Решение устраиваться в столице принято. Мои дурные склонности, вредные привычки и низкие страсти расцветут в этом замечательном городе с необычайной силой. Для этой цели и живет в России ее истинный гражданин! А тот, в ком вера в добродетель обретает мучительную навязчивость, пусть эмигрирует в дальние страны и там ищет пути нравственного совершенствования. Ох уж эти вечные крайности! Ведь переход из одной ипостаси в другую и обратно, а потом опять назад так бесконечно сладок! Я чувствовал, что эти истины в полной мере откроются мне чуть-чуть позже, когда безмятежное самодовольство сменится снисходительным разочарованием.

В Москву! В современный Вавилон! В царство полного разврата духа и плоти! Бескомпромиссный выбор моего сознания — оказаться в эпицентре неумных запросов и извращенного потребления.

...Он снял добротный дом на Рублевке, в Раздорах. Двухэтажное строение викторианского стиля, полюбившегося московской шикерии, было обнесено высоким каменным забором эпохи раннего российского капитализма. В доме было двенадцать комнат, бассейн, парная, тренажерная, три паркинг-места в гараже. Участок в пять тысяч квадратных метров был окультурен модными флористами и выглядел безупречно. До кризиса такой особняк дешевле сорока тысяч долларов в месяц не мог стоить. Но с декабря 2008-го цены поползли вниз, так что

через полгода свежееиспеченный москвич смог снять этот особняк за двадцать тысяч долларов в месяц, включая расходы на тепло, электричество, воду и так далее. Леонид Иванович дал поручение маклерским службам подыскать ему трех шоферов, двух охранников, в обязанности которых входило сопровождение его в машинах, и трех вооруженных парней, которым поручалось посменно присматривать за арендованным жилищем. Три автомобиля он планировал для собственных нужд. На «Бентли» Леонид Иванович хотел посещать тусовки с сильными мира сего. На «Мерседесе-600» Ефимкин планировал встречаться с коллегами по бизнесу. А на «Ауди Q7» ездить на уик-энд. Два пятилетних «Пежо-407» он выделил персональным водителям для езды из спальных районов столицы к нему в Раздоры и обратно домой после рабочего дня. Кроме того, ему уже подыскивали домработницу, повара и бухгалтера.

Одним из первых, с кем свела его судьба в столице, оказался местный предприниматель Михаил Картузов. Они случайно встретились в «Барвихе виллаж», когда выбирали «Бентли».

— Прошу прощения, какой цвет выбрать? — первым начал Леонид Иванович. — Я лишь пару дней, как перебрался из Сибири в Москву и еще не ознакомился со вкусами и традициями вип-персон этого замечательного города. Спрашивать продавцов не рискую, они никогда не скажут правду, а порекомендуют тот цвет, который не продается. Хочу представиться: Леонид Ефимкин из Красноярского края.

— Приятно. Я Михаил Картузов, москвич с тридцатилетним стажем проживания, — широко улыбнулся новый знакомый, добродушно, но внимательно оглядывая сибиряка, словно знал его уже много лет. На вид Картузову было около пятидесяти лет — высокий, полноватый, изысканно одетый, по виду выходец с юга России.

— Чтобы ответить на ваш вопрос, я должен знать, каким бизнесом вы занимаетесь. Если сырьевым, торговым или производственным, то лучше брать черный цвет. Если продюсерским, шоу-бизнесом, рекламным или медийным — выбирайте апельсиновый или золотой. Если строительным, риелторским, юридическими услугами

или туризмом, то вам лучше подобрать вишневый. А если драгоценными камнями, золотом и ювелирными аксессуарами — покупайте машину стального цвета.

— Есть какие-то приметы? — удивился Ефимкин.

— Насчет примет не знаю, но так корпоративно сложился рынок, — опять усмехнулся Картузов.

— А темно-бутылочный цвет на какой бизнес указывает? Именно он мне пришелся по душе.

— Это цвет заносчивого, экстравагантного, скрытного человека с неумными амбициями, но без корпоративных связей и обязательств. Прошу прощения, нередко даже с криминальными наклонностями, впрочем открытого любому новому предпринимательству. Надеюсь, не доставил вам огорчения? — Картузов затрясся всем своим могучим телом, но смех был не ехидный, а дружеский.

— Что вы, напротив, весьма благодарен за подробный комментарий и откровенность, — заявил Леонид Иванович. — На самом деле связей у меня не много, а амбициозных планов в избытке. Подтверждаю, что я открыт новому стоящему бизнесу.

— В такое трудное время вы даже готовы на инвестиции?

— Судите сами, за «Бентли» я плачу триста шестьдесят тысяч долларов... А кроме этой красотки, покупаю еще два люксовых автомобиля. Конечно, бизнес меня интересует. Понравится проект — найдутся и инвестиции.

— У вас в автосалоне есть скидка на покупки?

— Нет, я тут впервые.

— Сколько машин вы будете брать?

— Одну.

— У меня здесь скидка десять процентов. Но если заявлю (а мне поверят, я свой здесь), что привел вас в салон, то мы получим пятнадцать процентов за два автомобиля. Предлагаю вашу скидку разделить пополам. После подтверждения новой цены семь с половиной процента вы заплатите мне наличными. По рукам?

— Я предполагал, что в кризисное время салон сам снизит цену. Михаил, если у нас разговор возник уже о дележе возможного дохода, пора, наверное, перейти на ты. Не против?

— Согласен! Давай!

— А что если я сам поинтересуюсь относительно скидки?

— Ты выдашь в себе провинциала. На бренды мирового класса, на топ-изделия скидки получают лишь постоянные зарегистрированные клиенты, имеющие на руках фирменные карты. Можешь попробовать, но тебе откажут, а потом я уже не смогу заявить, что платеж за две машины идет из одного кармана.

— Четыре процента — и по рукам... — торопливо бросил Леонид Иванович.

— Пять — и договорились, — хмыкнул Картузов.

— Пять плюс четыре — девять. Девять делим пополам — четыре с половиной. Компромиссный вариант, выведенный из двух предложений. Логично признать эту цифру окончательной. Вот моя рука...

Картузов усмехнулся, пожал руку Ефимкина, похлопал его по плечу.

— Уважаю торговых людей, — улыбаясь, сказал он. — Бизнес — это искусство, а оно без острого сюжета не захватывает. Человек, не бьющийся до хрипоты за цену, не запоминается. С таким даже заработать большие деньги скучно. Он какой-то безликий, бесхарактерный тьюфак. А ты себя ярко проявил в нашей первой сделке. Таких в Сибири много?

— У нас всего достаточно.

— Ох, не скажи... Интересные люди во все времена и на всех широтах в дефиците. Что еще хотим купить?

— Твой бизнес — посреднические услуги?

— Я стараюсь зарабатывать на всем, но таким образом, чтобы партнеры реально обогащались. Например, встреча со мной принесла тебе шестнадцать тысяч двести долларов дохода. А мы общаемся всего пятнадцать минут. Выходит, одна минута нашего трепача дала тебе более тысячи долларов прибыли. Неплохой результат..

— Но и ты оказался при бабках...

— А как иначе? Обогащаешься ты, и я не в убытках. Без стимулирующего фактора экономика всегда в застое. Мы сами были свидетелями крупнейшего в истории цивилизации разлома, и он объяснялся главным принципом развития общества — материальной мотивацией. Идеология СССР

категорически отрицала ее, поэтому могущественная страна исчезла. Так все же, что покупает новоявленный москвич?

— Мне нужен еще шестисотый «Мерседес», «Ауди Q7» и две скромные тачки для водителей. Я тут недалеко дом снял...

— Понятно, им надо будет добираться из города на Рублевку. Все новые?

— Для меня, конечно, новые. Для шоферов — пятилетки.

— Помочь? Если наши договоренности по «Бентли» — четыре с половиной процента — распространятся на другие приобретения, я готов включить свои коммерческие связи. Во всех элитных автосалонах, ресторанах, бутиках и арт-галереях у меня солидные скидки. Вот, к слову, ты одет совсем не по-светски. Любой столичный тусовщик, осмотрев тебя, смекнет, что ты из глубокой провинции. Нельзя ездить на «Бентли» в таком, извини, паршивом прикиде. Местные телки вычислят тебя в момент, а от их оскорбительных ярлыков избавиться и трудно, и дорого. На что похожа твоя жуткая обувь? Какого цвета костюм? А галстук? Позор! Мэйд ин Монголия, что ли? Знаешь старую поговорку: «По одежке встречают, а по уму провожают»? Предлагаю сделку: ты платишь мне те же самые проценты со скидок, а я не только беру на себя обязательства по автомобилям, но и обустрою твой быт, одену, обую тебя как международную вип-персону. Достану все: от автомобилей «Бентли» и «Мерседес» до элитных винных марок «Петрусь» и «Шато Марго». От нижнего белья Гуччи и Цитти до меховых пальто Армани и Бриони. От часов «Патек Филипп» и «Франк Мюллер» до перстней и запонок «Булгари» и «Картье». Если депутат Пишингаров только за часовую беседу запрашивает сто тысяч долларов и ни цента меньше, то я за триста тысяч долларов перезнакомлю тебя со всеми депутатами Государственной думы. А если заплатишь мне полмиллиона долларов, то я включу в этот список всех членов Совета Федерации. Прибавишь к этой сумме еще полмиллиона — будешь общаться со всей политической и административной элитой России, включая в качестве приятелей губернаторов из любых субъектов Федерации. Но помни:

от каждой сделки я хочу получать свои законные четыре с половиной процента. За это я готов открыть для тебя любую дверь, ведущую в преуспевающий бизнес. Кстати, в миллион долларов не входит плата за услуги и общение с представителями фискальных, следственных и прочих силовых органов. Это другая тема. Тут цена вопроса зависит от обстоятельств и исковых требований. Что скажешь, Леня? Или на что решишься, счастливчик-сибиряк Леонид Иванович?

— Голова пошла кругом. Дай время обдумать, пусть все в голове уляжется...

— Я тебя не тороплю. Думай! А сейчас пойдем оплачивать «Бентли». Решил брать зеленую тачку? Я-то выбрал черную.

— Да!

— Почему не ответил на мой вопрос: в каком бизнесе крутишься?

— Все крупные дела в Сибири перехвачены москвичами. У меня несколько направлений в среднем предпринимательстве — электросети, дерево, мясокомбинат, транспорт и так далее. Но в столицу я приехал...

— Потом продолжим. Навстречу идет сейл-менеджер, — шепотом перебил Леонида Ивановича Картузов. И с улыбкой начал: — Привет, директор! С классной телкой видел тебя на поляне у Марио в Жуковке. Почти всех центровых девок знаю, но твоя даст любой фору. Отличная бабенка. Где ты ее отхватил? Завидую. Впрочем могу предложить ченч. Когда она тебе наскучит, можем поменяться. Выставлю за нее двух супертелок. Одну из них ты даже пытался снять в «Царской охоте». Помнишь? Алена из Твери? Она шикарная дьяволица! В постели в этом мире у нее нет соперниц. Обжигающие губы, улыбка, сверкающая жемчугом. А груди!словно свежеиспеченные булочки, которым марципан придает аромат и упругость. Попочка, напоминает шелковую подушечку из лебяжьего пуха. Одно прикосновение вызывает залп оргазма. А бедра! Похожи на персик и в одно мгновение пробуждают фаллос... Сказка! На ней можно умереть от переизбытка чувств.

— Осторожно, Михаил Александрович. Побереги свои яркие образы, иначе я сбегу с работы. После твоего

описания у меня возникла эрекция... А вторая? Кто она? — Нейтрально-деловое выражение лица менеджера сменилось мечтательным.

— Это чистейший бриллиант. Прошлой весной ты запал на нее в «Короне». Зовут Яночка. Из Ельца. Чтобы не дразнить тебя эротическими деталями, скажу лишь, что, если бы она была современницей да Винчи и Боттичелли, наша Яночка оказалась бы на холсте вместо Джоконды и ее лик венчал бы картину «Рождение Венеры». Такого вот класса телки. Когда махнемся?

— Сколько бабла они ждут от кавалера?

— Я каждой из них плачу ежемесячно полтинник зелени. А ты своей?

— Тридцатку.

— Хорошо устроился. Счастливчик. У кого ты ее забрал?

— Мы встретились в самолете. Когда я предложил ей тридцатку, то понял, что переборщил. Думаю, она была бы согласна и на пятнашку. Я с ней уже третий месяц...

— Сотка в месяц тебе в тягость? Объемы продаж падают?

— Да, тяжело.

— А полтинник потянешь? Я имею в виду за одну?

— Если придется платить четвертак, то буду вынужден вытаскивать из кубышки. Еще пару месяцев я без напряжения готов двадцатку платить. Кризис...

— За какую из них?

— За Яну. Помню ее...

— Не знаю, даст ли она согласие за такие бабки. А может, другой вариант обсудим. Я тебе даю тридцатку зелени, а ты перебрасываешь свою красотку мне. Добавляешь двадцатку и месяц живешь с Яночкой. А Алену я пристрою своему другу Леониду Ефимкину. Кстати, познакомься. Мы пришли брать две тачки. И ждем от тебя двадцать процентов скидки.

Мужчины обменялись кивками.

— Давай разделим два дела. Начали с телок, так закончим. Твой вариант мне подходит. Твоя тридцатка, остальные мои, и я месяц живу с Янкой. Договорились? Но только месяц. Бог знает, как дела дальше пойдут.

— А как твою красотку зовут?

— Виктория, она из Ростова.

— О'кей! У тебя живет или снимаешь ей хату?

— У меня.

— Когда моему водиле подъехать, чтобы забрать ее?

— Завтра поутру, часов в двенадцать.

— Забили! Я сейчас с тобой расплачусь. А как с машинами?

— Двадцать процентов не смогу. Пятнадцать плюс зимние покрышки. Восемь шин тянут больше чем на тридцатку зелени. Как платите?

— Я карточкой, а ты? — обратился Михаил Александрович к Ефимкину.

— Я налом.

— Где он у тебя?

— Вот, в кейсе.

— Из твоей части платежа тридцатку отдашь мне, а я оплачу эту сумму кредиткой. Слышал, мне за Викторию нужен кэш. Между нами говоря, чтобы больше никогда с такими деньгами по городу на развезжал. Это тебе не Сибирь. Хлопнут, а за поминки некому будет платить. Пока найдут близких, — впрочем, если они у тебя есть, — пройдет несколько месяцев. А прозектура — это устоявшийся бизнес, им невыгодно родню искать. Пролежит у них труп три месяца, они списывают его в крематорий. Но только по бумагам, на самом деле продают медвузам для занятий по анатомии. Ко всему прочему, место на кладбище в Москве тянет на двести тысяч долларов. А за место с именем и миллион требуют. Ну, давай рассчитывать.

— А машины когда получим?

— Через пару дней.

— Ты за покрышки не возьмешь с меня четыре с половиной процента? Это же подарок!

— Покрышка стоит четыре тысячи долларов. Четыре на четыре — шестнадцать тысяч. Моя доля из них семьсот двадцать долларов. По коммерческим законам ты должен мне заплатить. Обязан! Но... Предлагаю следующее. Сегодня вечером ты накроешь стол в ресторанчике «Дель Соль». Закажешь лобстера, устриц и бутылку вина. Если приедешь с телкой, то нас будет четверо. Если один, я приглашу пре-

красную Алену. Честно говоря, жаль ее отдавать. Но завтра я буду уже с Викой. Одним словом, понравится — заберешь, только не на одну ночь, в нашем кругу одноночницы не появляются. Если берешь, то на несколько месяцев. Условия помнишь? Но тут торговаться нельзя. Прибереги талант для других сделок. Позволительно сказать лишь одно слово: «пошли». Другой вариант — молчание. Понял? У меня складывается ощущение, что я становлюсь консультантом по адаптации провинциала к столичной шикерии. А что получу взамен?

Вскоре новые знакомые закончили оформление документов, рассчитались и двинулись к выходу.

— У тебя в Москве есть приятели? Впрочем, если ты один с чемоданом кэша приперся покупать элитный автомобиль, можно предположить, что их нет.

— Есть, но не много.

— Сколько и кто? Если они не приятели, а знакомые, тогда я пойму. А если приятели, могу засвидетельствовать, что они конченные козлы. Ни один приличный друг не отпустит иногороднего в таком городе, как Москва, с чемоданом денег покупать «Бентли». Скажи мне их имена.

— Дмитрий Зябухин и Иван Прищепкин. Знаком с ними?

— Зябухин, Зябухин, Дмитрий Зябухин... Понимаешь, Ленька, если я даже имени его никогда не слышал, то в Москве он полный ноль. Конечно, я не знаком с его человеческими качествами, но в столице он никто. А Прищепкин — это старая гнида. Хочу тебе сказать, что вся столичная сволочь, которая здесь найти себя не способна, ездит по провинции, представляясь порядочными и важными особами. Я знал его еще в начале перестройки. Мерзость необыкновенная. Шакалюга. Говорит «Привет!» и врет! За кидалово его два раза закапывали, несколько раз поджигали, били как скотину. Что тебя с ним связывает?

— Встречались в Новосибирске несколько раз, в Кемерове и Красноярске. Кроме общего трепа, абсолютно ничего. Он предлагал помощь при трудоустройстве в Москве. Пожалуй, все.

— Ты что, ищешь работу? — удивился Михаил Александрович.

— Столько денег отстегнул бюрократам, что на некоторое время сам хочу занять чиновничью должность. Хотя часть верну назад.

— Неожиданно. Зачем тогда «Бентли»?

— На тусовки... Что, неправильно?

— Я бы не советовал. Да ладно. Что выбрал? В какое кресло садишься?

— Хочу в держрезерв. Начальником департамента продовольствия.

— Кто тебя крышует, не Прищепкин ли?

— Нет. Хотя собирался обсудить с ним этот вопрос. Теперь, после твоих слов, даже не знаю, как быть...

— Недавно там назначили нового руководителя. Конечно, дали карт-бланш заменить аппарат. Попытаюсь узнать, какие у тебя шансы. Сколько платишь за должность?

— Миллион... Можно чуть больше... Долларов!

— За миллион никто разговаривать не станет. Для столицы это не деньги, даже во время кризиса.

— А сколько тогда?

— Не знаю... Ну, миллионов семь. А может, нынче за пять согласятся.

— Пять многовато, когда отобьешь этот денежный массив? Два миллиона я бы дал, но с гарантиями.

— Какие еще гарантии?

— Что не выпихнут через месяц. Бабки же надо возвращать. Правда, в моем случае самому себе, но от этого легче не становится. Возвращать необходимо всегда и всем, а тем более долги собственной персоне.

— Оставим этот разговор. Дай мне вначале узнать, позволят ли мои ходы привести к цели. Ты что, за должность бабки тоже будешь нести налом?

— Да, а как еще?

— Ты знаешь, что существуют банки?

— Но у меня черный нал. За обналичку они десять процентов требуют. Да и слава богу, что уберегся я от их услуг. У нас в Сибири из десяти банков семь обанкротились. Иначе пошли бы мои денежки по чужим карманам да по российским просторам. А под матрасом они в безопасности. Среди моих фирм есть охранный предприниматель, ветераны-афганцы стерегут активы. Конечно, Михаил, нуждаюсь я в столич-

ном друге, которому и сам пригодился бы. В нашем мире без опоры не проживешь.

— Ты на чем приехал?

— На такси.

— Как на такси?

— Я три дня как в Москве. В первый день нашел маклера, во второй арендовал дом, на третий с твоей помощью купил автомобиль. Теперь надо купить еще шестисотый «Мерседес» и «Ауди». А еще много всякой всячины. Как видишь, я начал весьма активно вживаться в столицу, — уже совсем по-своему закончил Леонид Иванович.

— А вечером приглашаешь меня с Яночкой в «Дель Соль»? Хочу отпраздновать прощание со своей девушкой. Жаль, но приходится расставаться. А ты возьмешь свою телку? Так агрессивно начал, может, и этот вопрос у тебя уже на мази.

— Нет, я буду один. Ее еще нет в Москве.

— На фиг тебе сибирячка, — затрясся от хохота Картузов. — Здесь девок полно, захлебнешься от разноцветных и разносортных предложений. Так я беру Яну...

Ефимкин вдруг почувствовал мимолетное удушье, как отчаянную потребность сопротивляться этой идее. Затравленным взглядом он оглядел собеседника, закрыл ладонями лицо и сдавленно воскликнул:

— Нет! Нет! Прощу тебя! Этого пока делать не надо! Не хочу! Понимаешь, не хочу! — Потом, заглушая внезапный прилив озлобленности, уже мягче добавил: — Успеется. Я прибыл в столицу надолго. Если сейчас есть время, лучше поедem за автомобилями.

Картузов заметил неадекватную реакцию нового знакомого на вполне, казалось, уместное предложение. Его это смутило, но виду он не подал, а объяснил случившееся провинциальным менталитетом сибиряка. «Еще оклемается! Москва ломает, скручивает в бараний рог любого, особенно на первых порах! Впрочем, надо еще присмотреться, что за гаврик прибыл в наш коварный, но замечательный город. Если нормальный мужик, это одно, а если нет... Конечно, менять амплуа — моя стихия. Но тут у меня вечная дилемма: зачем тратить усилия на познание истины, не лучше ли оставаться при заблуждении? — усмехнулся он про себя. —

Судьба постоянно подкидывает мне экстравагантные сюжеты, они для меня, словно изюминки в пасхальном куличе, их всегда торопишься выковырнуть. А не начать ли искушать Ефимкина извращенным потреблением?..»

— Время есть. Садись в мою машину. Поедем за покупками. Люблю зарабатывать деньги, — усмехнулся Михаил Александрович. — Разве не чудо — пополнять капитал, одновременно улаживая себя?

Был уже полдень. Они ехали по Рублевке в толчее роскошных иномарок, наполнявших воздух привычным смрадом выхлопных газов. Трехлетние деревца и кусты вдоль шоссе выглядели рахитичными, обезвоженными. После ночных тусовок к семьям возвращались загулявшие кутилы. В строгих, черных лимузинах, с тривиальной легендой «задержался по делам», в сопровождении охраны, нередко с милицейским эскортом, они неслись, обгоняя друг друга. Навстречу им в центр мегаполиса направлялись крупные чиновники после огаревских официальных встреч; деловые люди из элитных поселений рублевского предместья, шикарные, с постоянным похотливым огоньком во взглядах проститутки и певички на люксовых автомобилях после ночных эротических шоу, а также порученцы разного ранга с докладами, о которых по телефону говорить было небезопасно. Алчность, агрессивное желание зарабатывать и владеть всем и всегда лежали в основе помыслов этих людей.

Леонид Иванович уселся на заднее кресло в роскошном салоне картузовского «Мазератти». Номерной знак автомобиля с выгравированными из горного хрусталя фирмой «Сваровски» цифрами 001, мобильники в бриллиантовом обрамлении и два ствола Berret из золота, вложенные в полуоткрытые лайковые чехлы по обеим сторонам дверей — все это привело сибиряка в восторг. Такие аксессуары в провинциальном представлении о сильных мира сего превращали Михаила Картузова в звездного столичного аристократа, которому надо было во всем подражать. У Ефимкина возникло острое желание как можно быстрее погрузиться в манящий хаос российской шикерии. Ему казалось, что Картузов и круг его общения — как раз и есть люди с большой буквы, на которых он всем сердцем мечтает походить и ради близости с которыми он и прибыл в столицу.

Другой мир, оставленный в Сибири, и, конечно, присутствующий в людской толчее Москвы, его ничем не интриговал. Страдания и лишения, скорбь и отчаяние — вечные спутники простых смертных — были им основательно забыты. «Как я ошибался, что не перебрался в столицу раньше. Ведь именно общество таких, как Картузов, способно окончательно зарубцевать раны, полученные в мрачные годы наивного поиска самого себя, обнулить мою доканскую биографию. — Эта мысль уже не оставляла Леонида Ивановича. — Но примет ли меня в объятия этот фантастический мир? Свыкнусь ли я с ним, не утону ли в нем? Я возлагаю большие надежды лишь на себя, а хватит ли Ефимкина на то, чтобы очаровывать и побеждать этот мир? Тут ведь не человечность нужна, а не знающее границ тщеславие. Тут не доброжелательность, не приветливость востребована, а яростная агрессия, беспощадность. Освою ли я такой набор определенных свойств? Выучу их на «отлично» или как двоечник? Но без них мне не добиться успеха! Я должен, должен освоить это искусство жить! Эти манеры обогащаться! Этот стиль нравится! Это должен быть не просто успех, а успех огромный! Национального измерения! Хочу, чтобы на меня смотрели с изумленным восхищением, как я оглядывал Картузова. Хочу, чтобы моими речами заслушивались, как только что я внимал новому знакомому. Хочу, чтобы меня все знали и всем, как Михаил, я был бы приятен и интересен».

Лицо Ефимкина светилось восторгом. Его отражение в зеркале поймал Михаил Александрович.

— Нравится Москва?

— Да-а-а... — протянул разомлевший Леонид Иванович.

«Какую методику избрать? — размышлял про себя между тем Картузов. — Такую, чтобы он созрел медленно, словно овощ при дождливой прохладной погоде, или быстро, как клубника в июле, за пару дней? Подождем вечера, пусть полнее раскроется. А мне лучше покопаться в его душе. Что там...»

— Москва — это мегаполис с двумя достойными, часто пересекающимися пластами людской ментальности. Одна — праведная, добродетельная. Другая — греховная,

криминальная. Каждая из них проявляется у нас самым замечательным образом. Сочетание в москвичах этих разнонаправленных начал создает совершенно нового человека современного мира. Если в прошлом лишь у незначительной части общества всегда был один шаг от чистоты до грязи, то сегодня это двуединство стало органической составляющей в каждом из нас. Как левая и правая части мозга, как имя и фамилия. Москвич по собственному усмотрению, исключительно исходя из высших личных интересов, оказывается то полицейским, то вором, то целомудренным, то порочным. Это неожиданное обстоятельство делает нашу жизнь глубоко загадочной. Прелесть заключается в том, что свои поступки ты не в состоянии прогнозировать. Размыт стержень, удерживающий личность в единой ипостаси. Ты всегда разный, поэтому чрезвычайно интересный не только самому себе, но и окружающим. Эта аномалия не только не отравляет нам жизнь, а усиливает интерес к ней, пробуждает страсть к ее вихрям. В извращениях мы предаемся неистовому разгулу тщеславия, как панацее избалованного самоутверждения. Конечно, я говорю о характере столичных жителей. С представителями других мегаполисов я не знаком настолько, чтобы понимать их психологию. Со временем и ты познакомишься с этой яркой отличительной чертой москвичей.

— Не заметил, что в твоём рассказе есть что-то действительно диковинное. В нашем Кане встретишь многих с аналогичным нравом. Я жил в Барабинске, часто бывал в Красноярске, Новосибирске, в других местах — все то же самое, та же человеческая масса по своей сути. Ты, видимо, мало ездил по стране, поэтому оставался в неведении. А я, пристально наблюдая за соотечественниками, отметил их духовную однородность. И, совершенно не боясь, переехал в столицу. Преотлично понимаю, что здесь живут люди с теми же запросами и стереотипами, что и в моем бывшем сибирском городе, по всей стране. Аппетиты, потребности разные? Да! Но почти для всех характерна цельность, монолит двуединства! В этом наше главное отличие от западного мира: в каждом из нас гармонично сосуществуют две противоположности — добро и зло. А

впрочем, почему противоположности? Я уже давно пришел к убеждению, что такое парадоксальное сочетание украсит любого на Западе и Востоке.

— Может быть, может быть... Теперь не только москвичей характеризует эта особенность, она уже задела, изменила граждан всей страны, — согласился Картузов. — Готов предположить, что через какое-то время она перешагнет пограничные заграждения и разрушит этнические устои. Ведь глобализирующийся рынок унифицирует человека, сохраняя его таким образом в новой реальности. Эта реальность прерывает историю духовного совершенствования и возвращает людей в стихию природных инстинктов. Именно инстинкты вновь начинают нами править. Я лично этому весьма способствую! У меня в арсенале есть своя гипнотическая приманка в виде новой догмы: всем все дозволено, если игра красиво обставлена. Если грань между чистотой и мерзостью стерта ласковым слогом, снисходительностью и аристократическими манерами. Я заметил, что народ уверовал в эту новую догму и стал чувствовать себя по настоящему счастливым. В какие времена это было возможно? Впрочем, хватит об этом. Давай вернемся к нашим делам. Нужен тебе на «Бентли» крутой номер? Если да, то скажи с какими цифрами.

— Два нуля с нечетным числом, кроме тройки.

— Такой номер будет стоить тысячу долларов. Считай, что он будет моим презентом. Еще талон с правом нарушений. Его цена пятьдесят тысяч долларов. Брать будешь? Без них у нас невозможно. Часами будешь торчать в пробках...

— Один на все машины?

— Нет, — рассмеялся Картузов, — на каждую свой талон. Это весьма серьезно.

— Я возьму два. На «Бентли» и «Мерседес».

— Мигалка! Она стоит двести тысяч долларов. Но какой резонанс, авторитет...

— Я не настолько богат, чтобы заказывать две. Возьму одну... А торговаться можно?

— Можно. Но цена останется прежней.

— Одну.

— Милицейское сопровождение хочешь? Тут планка авторитета поднимается еще выше.

— Сколько стоит?

— Пятьдесят тысяч долларов в месяц. Машина и два бойца с «калашниковым» круглосуточно. Советую оплатить эту услугу. Престижно и исключает случайные риски с наездами криминала...

— Они еще в ходу?

— Не часто, но бывают. Главное — не наследить.

— Наличие индивидуальной вооруженной охраны не помешает ли устройству на государственную службу?

— Почему должно помешать? Есть немало депутатов и чиновников, пользующихся этими услугами. Платить надо поквартально, но вперед...

— О'кей! Беру.

— Давай подбьем баланс: два спецталона, одна мигалка, годовое сопровождение с милицейской охраной. Итого — шестьсот восемьдесят тысяч долларов. Плюс посреднические тридцать тысяч шестьсот. Со мной можешь рассчитывать на месте, другие платежи внесешь сам, я направлю тебя в нужные места...

— О'кей! — повторил Леонид Иванович, после чего достал из кейса три пачки долларов, остальные вытащил из бумажника и передал все Картузову.

Он хотел было возразить: дескать, почему гонорар за милицейское сопровождение взимается из учета годовой ставки, ведь он не был еще убежден, что оставит охрану на целый год. Но потом решил, что, если бы сам предлагал аналогичный сервис, также взял бы за год, и не четыре с половиной процента, а все десять. «Этим москвичам лишь кажется, что они волки бизнеса, волчата они незрелые», — про себя усмехнулся Ефимкин.

В этот день Леонид Иванович приобрел с существенными скидками «Мерседес» и «Ауди». Кроме того, Михаил Александрович придел его, как respectableного москвича. Пара чемоданов одежды, несколько ящиков элитного вина, «Роллекс» и «Вашерон Константин», другие аксессуары были уложены в «Мазератти». В конце шопинга Картузов подсчитал личный барыш — новоявленный москвич в первый день их знакомства израсходовал один миллион триста девяносто пять тысяч долларов, так что прибыль посредника составила почти шестьдесят

пять тысяч зеленых. Для кризисного лета 2009 года совсем неплохой доход. Картузов был доволен собой, ибо смог закрепить в сознании провинциала свое лидерство. «Ефимкин уже чувствует себя приниженным. Это дает мне возможность строить далеко идущие планы», — удовлетворенно заключил он.

Вечером Леонид Иванович, усталый и счастливый, дождался Картузова с подружкой в ресторане «Дель Соль». Вспоминая уходящие сутки, он убеждал себя, что для него все было абсолютно ново: роскошные бутики, шикарные дамы, гордые богачи, невиданные доселе мировые бренды, многообещающие взгляды стройных продавщиц, заоблачные цены, гляцевые интерьеры, экзотические блюда — и вновь кружило ему голову. Но постепенно, несмотря на эйфорию, Ефимкин начал испытывать смертную тоску по огромной сумме, выложенной ради утверждения своего столичного статуса. Тоска быстро переросла в боязнь внезапного безденежья. Леонид Иванович стал укорять себя за глупый страх. Однако переселение уже казалось ему ошибочным и вздорным шагом, а потеря контроля над собой в ходе покупок представлялась непростительной. «Я был готов к тратам, но расходы на талоны, мигалки и прочее, в которые меня ввел Картузов, — эти дополнительные полмиллиона долларов с лишком — позволил себе в каком-то помутнении. Общие затраты одного дня составили более двадцати процентов всей моей наличности! И это в период экономического упадка! Я хотел спрятаться среди федеральных чиновников высшего звена и скромно преумножить свой незначительный капитал взятками и поборами. А оказался банальным провинциальным клиентом, разинувшим рот перед товарами для богатейшей публики. Что для меня главное? Накапливание денег во имя высшей цели или пустое прожигание жизни? Здесь есть выбор: стать настоящим богачом либо довольствоваться ролью середнячка из захолустья. Вместо того чтобы заплатить за выгодную должность в держрезерве и начать столичную карьеру, я покупаю мнимые величины. Не подозревал, что окажусь так податлив на искушения шикерии. Словно забыл обиды прошлой жизни! Захотелось в момент прыгнуть, перелететь из грязи в князи...»

Подобные уничижительные монологи он произносил про себя вплоть до появления Картузова с подружкой. Они сопровождались взрывами досады на свою болезненную неспособность противостоять соблазну, сибирской бранью по поводу собственной расточительности, призывами победить страсть к потреблению и наглухо зашить карманы...

Михаил Александрович с Яной вошли в зал не без торжественности. Дама прямо с порога устремила взгляд на аквариум, в котором затаились атлантические омары. Казалось, даже взрыв бомбы не сможет отвлечь ее. Этот немигающий пристальный взор поразил Ефимкина больше красоты девушки. «Что это с ней? — встревожился он. — Может, смятение чувств?»

Леонид Иванович приподнялся и растеряно пробасил:
— Добрый вечер!

— Яночка, дружок, — склонился к девушке Картузов, — это мой новый приятель. Он из Сибири. Интересный, талантливый человек. Пару дней назад перебрался в Москву, так что нуждается в рекомендациях и ориентирах. Пожалуйста, будь его гидом в высшем свете, окажи сибиряку поддержку.

«Обещание потратиться на ужин придется выполнить, — вздохнул Ефимкин. — Весьма возможно, что с Картузовым будет легче доходную должность ухватить. Но себе на ужин я ничего, кроме салата и стакана вина, заказывать не стану. Перебор с затратами... Экономить надо!»

— Я не очень тороплюсь в вашу тусовку, — признался он, стараясь изобразить улыбку. — Не по плечу она мне будет. Сибиряки люди скромные, не то что вы тут...

— Михаил рассказал, что вы купили сегодня весьма скромный автомобиль, и не один, — усмехнулась девушка. — Я дам вам весьма важный совет. Застенчивым в Москве быть не модно, даже неприлично. Если станете кичиться амплуа скромника, заявлять о строгости ваших нравов, у вас не будет ни друзей, ни любящих женщин. Успешный человек никогда не назовет себя скромником — это будет нелогично. Даже мировой кризис не позволяет заявлять о своей скромности. Какой успех может быть у застенчивого, чудаковатого человека? Незначительный! Лучше вам на первых порах надеть на себя ма-

ску неопределенности, неясности, загадочно умалчивать о своей биографии. На доходы можно намекать, причем стоит их немного преувеличить. Это заинтригует тех, у кого вы вызовете интерес, они захотят раскусить вас. Но если вы с самого начала станете себя принижать, общество быстро потеряет к вам интерес. Чувства жалости и сочувствия исчезнут уже через несколько минут. Вас забудут, не спросив имени. Ведь не хочется спрашивать у домашнего повара, почему прокисли щи? А потом уже практически невозможно будет вернуть к себе внимание. Конечно, шанс есть, но затрат потребуется в десять раз больше, чем если бы вы с самого начала явили столичной тусовке щедрость, принятую в этой сфере. Для мира потребления застенчивость — дефект. Она вызывает скуку, тошноту, хандру! Это все из области морали. Но мораль — тоска по бесконечному, а бесконечность — производное от абстрактного ума, который не способен заниматься бизнесом, а значит, немощен. — Тут Яна, осмотрев зал, с радостным любопытством перевела взгляд на сибиряка и грациозно, словно балерина Большого театра, села. Михаил Александрович заранее подставил ей стул.

— Эта болезненная черта характера несовместима с гигантской ярмаркой мировых товаров, — продолжала она. — Практически никто из нашего круга не сможет выдержать изоляцию, на которую обречен скромник. Сегодня в России востребован мужчина, способный щелчком пальцев в одно мгновение обустроить жизнь по высшему разряду или по своей извращенной прихоти стереть с лица земли любые активы того, кто ему неугоден. Человек, способный тратить огромные деньги ради мести, ненависти или любви! Такого друга мечтают заполучить столичные красотки. Не тяга к знаниям, поэзии, искусству, а необыкновенный дар потребления — вот что сегодня высоко ценится в столице... Дорогой, — обратилась она к Картузову, — я не очень нагрнула нашего сибиряка? Ты попросил меня помочь, вот я и стараюсь. Впрочем, пока неясно, понял ли он меня.

Такой долгой и связной речи от дамы Ефимкин прежде никогда не слышал. Он смотрел на молодую женщину в сверкающих драгоценностях, скрестившую холеные руки на шелковой салфетке, и мучительно пытался понять, кто

же она на самом деле. «Михаил говорил о проститутке по имени Яна, — вспоминал Леонид Иванович, — с которой он нынешним вечером хотел расстаться, чтобы передать ее менеджеру салона «Бентли». Неужели в Москве дамы полусвета такие образованные? Видимо, потому она и стоит пятьдесят тысяч долларов в месяц! Если бы меня увлекали женщины, я был бы не против взять ее на три месяца. Нет, на два... или, пожалуй, на один месяц. Но, слава богу, эта тема мне совсем неинтересна, а главное, деньгами я больше сорить не стану».

— Все правильно, — кивнул Картузов. — Леониду Ивановичу твои советы пойдут на пользу. Но по глазам вижу, что-то погрузнел наш сибиряк. Потратил сегодня более миллиона долларов и опечалился, даже обозлился на себя? Строго пообещал себе ограничить собственные расходы? Ведь так, господин Ефимкин? Мы с Янкой наших провинциалов знаем. Ты у нас добрый и умный человек. — Картузов опустил на стул. — А добрый и умный человек от чрезмерных затрат всегда впадает в меланхолию. Вначале решит все купить, а после шопинга день-два-три ходит мрачный. Обещает самому себе, что рубля больше не потратит. Недавно один чудак из ваших краев оказался за нашим столом. Влюбился он в чужую девушку, напился и на людях стал предлагать ей сто тысяч долларов за поцелуй в попку! Яночка, со своим шутовым нравом, конечно, вмешалась. «Отчего, мол, только сто тысяч? В Москве больше дают». — «Сколько больше?» — спрашивает чудак. «Кто триста, кто пятьсот. У нас в столице это самое большое удовольствие — за полмиллиона долларов у красотки попку прилюдно расцеловать. Ты, Анжела, меньше чем за триста пятьдесят тысяч долларов не соглашайся. А то Максим, хозяин Норильска, обидится. Он ведь триста тысяч за такой поцелуй заплатил». — «Максим из Норильска, — удивляется тот. — Ох-ох! Это ведь крупная рыбина. В таком случае плачу триста десять тысяч долларов. Поднимай юбку! Поднимай!» — «А деньги где? — спрашивает Яночка. — «Потом! Обещал — значит заплачу!» — «Если ты человек бизнеса, то должен знать, что на аукционах есть понятие одного шага. Так вот, за право поцеловать очаровательную попку Анжелы один

шаг стоит пятьдесят тысяч долларов. Максим заплатил триста тысяч. Следующий шаг — триста пятьдесят тысяч! Другие предложения не принимаются».

Мы сидим и гадаем, пойдет ли иркутский лесопромышленник на такие расходы. А тот вдруг набирает по мобильнику номер и дает команду: «Принеси кейс». Принесли ему чемоданчик. Он отправил посыльного назад, вытащил из кармана ключик, открыл кейс, выложил доллары и стал на глазах у всех считать пачки. «У меня только сто семьдесят две тысячи. Можно оставшуюся сумму заплатить завтра?» — «Нет, голубчик, этого нельзя. Завтра платишь — завтра получаешь удовольствие». — «Но как быть? Может, кто одолжит?»

Тут у молодой женщины гениальное предложение родилось. Подходит она к менеджеру ресторана — а нас во всех приличных заведениях столицы прекрасно знают. Пошпталась с ним, предложила двадцать два процента плюс три процента банковских сборов, итого двадцать пять процентов от суммы сто семьдесят восемь тысяч долларов, а это сорок четыре тысячи пятисот чистого дохода. И говорит лесопромышленнику: «Есть вариант, спасающий твои восторженные чувства. У тебя сто семьдесят две тысячи наличными. Ресторан прокатывает твою кредитную карту, снимает с нее сто семьдесят восемь тысяч долларов, итоговая сумма выходит триста пятьдесят, и ты получаешь право публично целовать самую замечательную в мире попчатку Анжелы. Эй, счастливец, ты согласен?» — «Да! Да! Да! Да!» — стонал иркутянин, опьяневший от предстоящего спектакля и водки «Большой». В поцелуи он вложил столько восторга, что вконец захмелел и... заснул прямо на попчке девицы. Яночка разделила пополам с Анжелой гонорар и оплатила счет за необыкновенный ужин. Талантливы наши женщины. Им бы государством управлять. Но проблемы начались прямо с утра. Лесопромышленник со скандалом требовал в ресторане возврат слипа кредитной карточки и адрес Анжелы, чтобы забрать назад нал. Поставил на уши дирекцию кабака, угрожал инкассаторам, банку. Пришлось подключить спецназ. Мы заплатили семерым бойцам тридцать пять тысяч зелени, а они отвезли его в наручни-

ках прямо в аэропорт и отправили на берег реки Иркут. Больше я его в Москве не видел. Да, оригинальны ваши сибиряки. Впрочем хватит об этом. У нас с Яной сегодня прощальный вечер. Завтра она переезжает к моему знакомому — известному менеджеру. Я доволен — он отличный парень и питает к Яночке восторженные чувства. Между нами была любовь, а теперь она переросла в искреннюю дружбу. Это так замечательно — знать, что где-то рядом живет искренний друг. Я всю жизнь буду ценить наши приятельские отношения. У тебя есть друг?

— Конечно! — слукавил Ефимкин.

— Прекрасно. Ну, давай заказывать. Начнем с шампанского «Моег». К нему пармезан, красотка любит его, но не нарезанный, а кусочками. Потом устрицы, омар, ягненок, трюфели, красное вино, минералку. Леонид, ты не знаком с меню, может, уступишь Яночке, она закажет? Не против?

— Пожалуйста, пусть распоряжается. Но я, кроме салата, ничего есть не хочу. И стакан вина.

— Отлично. А у нас здоровый аппетит, — усмехнулся Картузов. — Есть приятные новости. Я нашел проторенный ход в держрезерв. Бог тебя любит: желанная должность на удивление свободна. Завтра собеседование, а потом согласование. Просят семь миллионов долларов. Это немного, если знать бюджет департамента. Он составляет сто миллиардов рублей, или по нынешнему курсу около трех миллиардов долларов в год. Два процента от годового оборота — прекрасная цена за должность распорядителя такого финансового ресурса. Доход будет делиться на четверых: главный босс возьмет пятьдесят процентов, его зам — двадцать пять, из своей четверти вначале ты отстегнешь мои четыре с половиной, потом дашь своим заммам по два процента. Итого у тебя останется шестнадцать с половиной процентов. Если вырулишь с трех миллиардов долларов даже на один процент, то почти возместишь свой расход. Можно подняться и до двух процентов отступных. А такой талантливый, как ты, Леонид, вытаскивает от поставщиков три, даже три с половиной процента. Думай, дружок. Семь миллионов им, мне мои четыре с половиной процента, и Леонид Иванович Ефимкин получает должность в держрезерве. Я возьму с тебя за эту

фантастическую должность триста пятнадцать тысяч долларов — смешная цифра для столичного бизнеса. Там, наверху, дают тебе трехлетнюю гарантию. До следующих выборов главы государства состав правительства меняться не будет. Так что работай во славу родины, благополучия начальства, друзей и собственную. Два слова касательно моего гонорара: я не имею права нарушать договоренности, а тебе ничто не мешает это сделать, если поднимешь исключительно для этого случая планку моей премии, буду признателен. — Легкое озорство светилось в картузовских глазах.

— Благородный брат Михаил Александрович, — вскричал Ефимкин, напрочь забывая горестные размышления о затратах. — Рядом с тобой можно прекрасно жить! О, я не останусь в долгу. Конечно, если я займу эту должность, ты обязательно получишь премию сибиряка. Мы помощь высоко ценим. — Он хотел было сказать, что премия будет составлять пятьсот тысяч долларов, потом спохватился, чуть не сказав триста, но взял себя в руки и уже менее решительно, даже глуховато пообещал Картузову сто тысяч долларов.

«Широк я, объемен, как Сибирь, с ее реками и лесами, настоян на ее ягодах, орехах и меду, но подпорчен торопливыми взятками. Ведь у нас не дашь сразу — упорхнет чинуша за тысячи километров, а дело встанет, пока не разыщешь его среди заснеженных просторов, —ставлял себя Леонид Иванович. — Предложения у меня опережают анализ, я не даю себе минутки для обдумывания бизнеса. Тут надобна калькуляция, реальные цифры, а спонтанно бросаться ими, как неуспевающий школяр на уроках арифметики, негоже. Какая-то затяжная война происходит во мне между расточителем и скрягой, сумасбродным инвестором и буквоедом-бухгалтером. Сузиться надобно, из двух ефимкинских начал для успеха в бизнесе необходимо сосредоточиться на последнем, пусть менее эффективном, но прямо ведущем к богатству. Надо раз и навсегда избавиться от этого наваждения, когда при неожиданных финансовых издержках теряешь контроль над собой. Вот почему я мечтаю заразиться азартом накопительства. Только оно ведет к долгосрочному успе-

ху. Получу должность, но, пока не верну инвестиции, со столичной богемой встречаться не стану. Их стиль жизни мне дорого будет стоить, они не ведают, что такое нищета. А мне-то как это состояние забыть? Когда кроме дембельских обносков надеть на себя было нечего! Ни носков, ни обуви, ни пальто, ни брюк... Приходилось кирзовые сапоги перекраивать, брюки, китель, шинель перешивать. Шиней не было девушку в кинотеатр пригласить, бутылку пива не купишь... Поэтому в милицию пошел! Оборванцев только туда и берут».

— Сто тысяч тоже деньги, спасибо, — вернул Ефимкина из мимолетных размышлений голос Михаила Александровича.

— Твое великодушие меня изумляет, — с обидой произнесла Яночка. — Я тебя не узнаю, ты не споришь, не поднимаешь цену. Не колдун ли этот сибиряк? Я стала невольным участником ваших деловых переговоров. Могли бы это обстоятельство учесть и предложить мне несколько тысяч на накидку из шиншиллы.

— У нас в Сибири не принято делать подарки мало-знакомым женщинам, тем более имеющим могущественных кавалеров, — проворчал Ефимкин. — У вас сегодня вечер расставания. Вполне возможно, что на глазах еще появятся горькие слезы или я услышу крики восторга. Думаю, что в придачу к прощальному «Чао!» весьма кстати окажется и накидка из шиншиллы. Она останется в памяти, как и дни совместного проживания.

— Лень прав! Я согласен! Сколько стоит это чудо? — усмехаясь, спросил Картузов. — Я часто давал подругам деньги, но никогда не интересовался, каким сокровенным желаниям они служат.

— Легкий полушубок стоит двадцать пять тысяч долларов! — сверкнула Яночка большими глазами, закусив алую губку. — А вы, вы, Леонид, — девушка направила на него долгий испытующе-холодный взгляд, — чем порадуете молодую очаровательную женщину, от которой ждете помощи в налаживании светских контактов? Бриллиантовое кольцо, двухкаратный бриллиант, гранатовый браслет, сапфировые сережки? Если они украсят меня и все вокруг начнут спрашивать, откуда у меня эти великолепные вещицы, то я,

нежно поглаживая ваш презент, воскликну: «Это подарок отменного мужика из Сибири. Он понимает толк в бизнесе, но не меньше ценит умных женщин». Такая реклама, Леонид, стоит значительно больше того, во что можно оценить любое ювелирное изделие «Булгари» или «Картье». Что скажете, голубчик?

— Давайте перенесем этот разговор на конец вечера. Я занят сейчас другими мыслями. Мне надо прийти в себя. Новость сбила меня с толку. Извините... — Ефимкин отвел раздраженный взгляд в сторону. «Зачем Мишка при ней затеял деловой разговор? Какая неосмотрительность. Да и будет ли это назначение? Цель тем заманчивей, чем труднее ее достичь, а я стал человеком мнительным, светливым и боязливым. Сколько сил надо сейчас иметь, чтобы не расспросить Михаила обо всех деталях. Но при Янке делать это никак нельзя. Иначе вся Москва с молниеносной быстротой узнает мельчайшие подробности старта ефимкинской карьеры. От такой молвы не отмоешься и оплеванный вернешься в Кан. Надо молчать, молчать, Леонид Иванович. В этом случае молчание и впрямь может обернуться золотом. Мой новый проводник по столице Михаил Александрович — человек достойный, для меня отношения с ним послужат наилучшим трамплином к заветной цели».

— Не приставай, Яночка. Я частенько учил тебя: без особой крайности не понуждай людей к затратам, — весело бросил Каргузов. — Леня, ты ее прости, Яночка — чудесный человек. Я был с ней счастлив, как ни с кем другим. Давай, Янка, договоримся. В прощальный вечер выскажем друг другу все претензии, которые оставались у нас в душе и на сердце. Мы должны очиститься, простить обиды, если они были, и перестроиться на деловой лад. Мы сможем прилично заработать. А Леонид Иванович с его теплотой и русской задушевностью станет нашим партнером. Его благосклонностью надо пользоваться умеренно, и в этом случае он сам пойдет навстречу, выражая благодарность за наши протекции. Другого ему ничего и не нужно. Только порекомендовать его полезным людям. Ведь он свое дело знает. А я могу ему довериться, потому что чувствую: Леонид вобрал в себя всю сибирскую мощь.

Я видел его в деле, это сильный человек. Итак, начинай. Как иракский журналист запустил ботинок в Буша, так и ты брось в меня первый упрек. И никакой жалости! Я совершенно не стесняюсь Ефимкина, более того, призываю его стать третейским судьей. Не против? — обратился он к сибиряку.

— О'кей!

«Слава богу, что исчезла из обсуждения тема драгоценных камней и презентов», — пронеслось в голове Леонида Ивановича.

— Ты призываешь к открытости? — ответила тем временем Яна. Готов услышать все? Я, конечно, не ручаюсь за свою правоту, но претензий у меня накопилось немало! Были сомнения, высказать их или нет. Ну, а если ты сам требуешь... Впрочем, судья между нами мне не нужен. Чтобы человек, прибывший два дня назад из Сибири, смог рассмотреть в нашей распутной столичной жизни истинную суть... Очень сомневаюсь. Лучше пусть сидит и помалкивает. Мне кажется, он как раз об этом мечтает, — заметила она, сверкая красивыми глазами. — Первое. Я постоянно чувствовала, Михаил, что блага, заработанные в период нашей совместной жизни, ты направлял исключительно в одну сторону, словно меня не существовало. Соглашусь, что между нами не было договора о разделе прибыли или о моей, пусть даже мизерной, доле в твоих доходах. Но последние девять месяцев я почти всегда была рядом с тобой. И часто способствовала заработку. За это время только при моем, хоть пассивном, участии ты заработал — а я, зная, что мы сегодня прощаемся, подсчитала — более семидесяти миллионов долларов. А если вспомнить конкретные сделки, то пассивной я оказывалась чрезвычайно редко. Я активно работала на твою прибыль. Могу предположить, что, помимо этого, ты заграбастал столько же. В совокупности это сто сорок миллионов долларов! А что я? Мой месячный оклад в пятьдесят тысяч долларов, редкие подарки к дню рождения, дню ангела, в честь первых ста дней... Считаю, что в день расставания справедливо получить от тебя аккордный миллион долларов. Это меньше, чем полтора процента от общей суммы. Просто суцая мелочь. В этом случае все другие претензии автоматически снимаются.

Официант принес пармезан, оливки и другие закуски.
— Дорогая, — миролюбиво парировал Картузов, — если подсчитать стоимость подарков, то они потянут больше чем на миллион долларов. И, говоря высокопарно, делал я их по велению души, по зову сердца. Я благодарил тебя за счастливые минуты. Ты великолепна. Если бы я жил в XIX—XX веках или раньше и встретил такую девушку, как ты, я бы непременно сделал предложение. И тогда весь мой доход оставался бы в семье. Но мы живем в настоящем времени. Наше поколение ушло от традиционного брака. Почти у всех моих друзей по три-четыре семьи, причем, слово «семья» надо взять в кавычки. И по два-три перманентных романчика. Человек дальнего или близкого прошлого мог позволить себе иметь одно семейное счастье, но это вовсе не предел. Почему нельзя иметь три, семь, пятнадцать счастливых семей? Если наш интеллект способен одновременно производить миллион в десятой степени операций, то почему душа, сердце способны лишь на мизер? Одну любовь, одну семью, преданность одной женщине? Наш биологический вид, дорогая, постоянно, без передышки, совершенствуется. И даже в дни кризиса некоторые идущие в ногу со временем позволяют себе несколько больше того, что в нас укоренилось из прошлого. А что становится традицией? Прежде всего наши слабости. Дерзновенная мысль — удел немногих сильнейших людей. Поэтому ей трудно стать законодательницей мод. Общественные шаблоны показывают лишь уровень массового сознания. Ты, Яночка, была моей лучшей женщиной с октября 2008-го по июль 2009-го. Но я, Михаил Картузов, как все люди, постоянно мутирую. В августе 2009-го я уже другой Михаил Картузов. А в феврале или в апреле 2010-го опять буду иной. И ты тоже другая, потому что так же, как и я, мутируешь. Слово «мутация» можно легко заменить на «обновление», «изменение». Если мы признаем, а наука тут великолепный подсказчик, что наш вид пребывает в постоянных мутациях — ведь это основной закон эволюции, — то станет понятно, что в основе нового подхода к семье лежит принцип социальной свободы. Что является фундаментом добротной жизни для масс? Исключительно капитал! А основа индивидуальной свободы

редких особей — интеллект! Что нас, мужчин и женщин, на массовом уровне удерживает от разводов? Только финансовый вопрос! Почему у богатых людей развод, романчик, сторонние связи — дело привычное, не вызывающее глубокой депрессии? Налицо изящная взаимозаменяемость! Простился с одной или с одним и тут же нашел (нашла) другую, другого. Обязательно и притом сразу! Гарантом того, что физическое одиночество при этом тебе не грозит, выступает банковский счет. Для человека без солидного капитала семейный разлад означает крушение защищенности и опоры. А для богатого — прекрасную возможность открыть мир новых человеческих связей и эротических переживаний. Дело совершенно не в том, кто лучше, а кто хуже. Каждая из временных спутниц жизни по-своему прекрасна. Брюнетки, шатенки, блондинки. С одной ты говоришь на английском, с другой — на немецком, с третьей — на иврите... Одна необразованная, но кроткая и нежная. Вторая начитана, утонченный собеседник, предпочитающая тему принципиального отрицания духовных начал. Третья увлекается флористикой, знает много полезного о растениях. Четвертая очарована твоим голосом и желает слушать исключительно тебя одного. Богатый человек живет не одной жизнью, а ухитряется бывать в нескольких ипостасях. Вот Леонид Иванович говорит, что у него есть дама сердца, но она пока в Сибири. Не успеет он надыхаться столичным кислородом, как у него появится, другая, третья, пятая, десятая. Мы станем свидетелями его становления. Может, и ты, Яночка, через пару лет свяжешь свое личное время и пристрастия с Ефимкиным.

— Я — никогда, ни за какие деньги!

На стол поставили вино, устрицы, потрошеного лобстера, кусочки авокадо и овощи на гриле. «Сколько все это стоит?» — испуганно мелькнуло в голове Леонида Ивановича.

— Почему так категорично?

— Я сама провинциалка, мне несколько не хочется возвращаться в прошлое.

— А если он избавится от провинциализма? Два года — срок немалый.

— Сомневаюсь. В его возрасте необходимо лет пять, чтобы измениться.

— Хорошо! Хватит об этом. Что скажешь, Леонид? После Янкиных претензий рассуди: должен ли я этой замечательной женщине хоть копейку?

— Нет! По-моему всякий бизнес предполагает прежде всего договор. Нет договоренностей — нет прибыли. Расходную часть предприниматель должен закладывать в калькуляцию до начала деловых операций. Я бы не дал... По месячному договору о совместном проживании ты с ней рассчитался полностью?

— Конечно.

— Если уважать существующий порядок и правила бизнеса, то ничего другого не положено. Претензии необоснованны!

— Вот тебе, красавица, мнение независимого арбитра.

— Не принимается! Твой третейский судья — мужчина. Сто женщин станут доказывать мою правоту.

— А сто мужчин отстаивать мою точку зрения! Как тогда поступить?

— Согласна, вопрос есть, но перевес у меня. Сто женщин всегда больше, чем сто мужчин, — повела она голым плечиком.

— Как так? — расхохотался Картузов.

— Очень просто. В России женщин пятьдесят шесть процентов, а мужчин — сорок четыре.

— Что делать, Леня?

— Поужинать и расстаться. Требования не акцептируются.

— Но ее логика железная. Чувствую, что проиграл... Ладно, сдаюсь. Тебе известно, дорогая, что доброта — моя слабость. Поэтому нападаешь. Многие пользуются этим обстоятельством. Честно сказать, не хотел, чтобы господин Ефимкин стал свидетелем проявления моей мягкотелости. Теперь и он получит преимущество при будущих коммерческих разборках.

— Невозможность такого вероломного поведения гарантирует моя абсолютная честность. Михаил, друг мой, я всегда базируюсь только на договоренности. Другие мотивации для меня не существуют. Так что не тревожься.

— Сказать откровенно — забеспокоился. Потому что главное для меня душевная чистота. Других помыслов ни-

когда не имел и иметь не буду. Обидеть человека для меня, что вонзить нож в собственное сердце. Впрочем, слава богу, я лщу себя надеждой, что имею дело с классическим предпринимателем.

— Сейчас честностью не гордятся, ее скрывают, — вспыхнула Яночка. — Так как же быть с моим дружеским требованием? Правильно ли я поняла, что ты поднял руки? Сдался? И значит, прощальный вечер будет украшен миллионом долларов в моем ридикюле Chanel?

— У меня наличности нет. Если не против, могу выписать чек.

— В особых случаях позволительно довольствоваться банковским чеком. А из твоих рук я готова принять все, что угодно. В векселе в графе «Получатель» должно стоять мое имя, в графе «Сумма» — три слова: «Один миллион долларов». И твоя подпись.

— Я бы никогда не дал миллиона долларов — это же целое состояние. Ее требования несостоятельны. Их нельзя ни доказать, ни опровергнуть. По законам предпринимательства такие претензии считаются пустышками. Опомнись, Михаил! — Оскорбленный взгляд Ефимкина впился в Картузова.

— Мелкая душонка у тебя, Ленчик. Это вообще не твое дело, сибиряк.

— Михаил Александрович попросил меня быть третейским судьей.

— Сейчас выпишут чек — и история эта закончится, — отрезала молодая женщина. — То, что вы в Сибири считаете пустышкой, у нас люди высокого полета признают за миллионную благодарность. Своими репликами ты выдаешь в себе не только провинциала, но и человека вовсе не богатого. Весь вечер паришься из-за расходов в бутиках и салонах, составляющих чуть больше миллиона, а Картузов бросил мне этот миллион долларов и глазом не моргнул. Вот такие мужики востребованы не только женщинами, но и высшими чиновниками. С ними легко жить. Я сомневаюсь, что тебя может ожидать выдающаяся карьера в Москве. Так, середнячок, осматривающий на досуге собственную копилку, словно попочку красоты Анжелы. И нет ничего более опасного, чем довериться вновь прибывшим в столицу провинциалам.

Таких, как ты, можно приблизить к тусовочной реальности исключительно путем провалов и ошибок.

— Вот, возьми, пожалуйста, миллион долларов! — преврал ее монолог довольный собой Картузов, передавая банковский чек. — Спасибо тебе, дорогая, за время, проведенное вместе, и за кучу денег, заработанных благодаря твоей очаровательной улыбке. — Он встал, подошел к девушке и дружески обнял ее. Затем налил себе стакан красного вина, с добродушной улыбкой взглянул на Ефимкина, после чего остановил долгий, зачарованный взгляд на Яночке. — Надеюсь, наша дружба только окрепнет. Каждый из нас богат талантами, так давайте объединимся и усилим натиск на поляне бизнеса. Предлагаю тост. Выпьем за то, чтобы всегда помнить: деньги украшают нашу жизнь, расширяют границы комфорта, но главное, совместный заработок создает прочный фундамент для дружеских отношений. Мы должны помнить, что человек велик не столько материальными активами, сколько благородством. И тогда дружба станет господствующим критерием в наших делах. Это опровергнет постоянные публичные обвинения, что, дескать, богатство, к которому мы яростно стремимся, толкает нас в болото бездушного цинизма. Докажем, что это неправда!

— Какие великолепные слова! Никогда не слышал таких тостов, — воскликнул Леонид Иванович. — Я полностью тебя поддерживаю и с удовольствием выпью, но, извини, без слов. Не научился так гладко говорить. У нас подобное в диковинку...

Картузов вернулся на место. Леонид Иванович склонился к нему и шепотом спросил:

— Сможем ли мы сегодня вдвоем пошутушкаться?

— Конечно, — ответил тот.

— Нельзя ли поторопиться с нашим делом? — разгорячился Ефимкин.

— Пожалуйста! Дай лишь пару минут на прощание с обожаемой подругой, — взмолился Михаил и обратился к девушке: — Яночка, ты сказала, что, получив миллион, снимешь другие претензии. Это так?

— Я от своих обещаний не отказываюсь, — взглянула на него красотка. — Но как с шиншиллой?

— Твой размер я знаю, а впрочем, сама выбери, позвони

мне из бутика, и я продиктую номер своей кредитной карточки. Согласна?

— Прекрасно. Я так понимаю, что ты собираешься обучать своего провинциала? Неблагодарное это дело. Кроме геморроя, ничего не наживешь. Ему надо все объяснять с самого начала. Лучшая школа тут, которую прошел каждый из нас, — бросить его одного в городе. Пусть набьет шишек, получит пинки, фингалы, сердечные раны. А если при этом сохранит независимость и доброе имя, можешь начать с ним свой курс и давать мастер-класс. Триста тысяч, которые ждешь от него за протекцию, — неужели это деньги, которые что-то решат? Они для тебя пшик! Если бы речь шла о трехстах миллионах долларов, я бы слова не сказала, разве помечтала бы о своем проценте отступного. Так я пошла. — Она встала, обняла Картузова, пригладив его тронутые седinouй волосы, поцеловала. Потом наказала Ефимкину: — Слушай его во всех делах как любимейшего папочку! Тебе повезло, что ты в начале столичного пути встретил Михаила Александровича. Но не верю я, что из тебя выйдет толк. Докажи обратное. Пока!

— Пока. Завтра утром за тобой заедет водитель, — предупредил Картузов.

— На выход с вещами, детка, — хочешь сказать?

— До встречи, дорогая. Не торопись тратить свой миллион. Целую.

— Обнимаю! — бросила Яночка и вышла из ресторана.

— Ты должен смотреть на жизнь в Москве как на постоянную борьбу между собственными интересами и аппетитами конкурентов. Это почти вооруженное противостояние. Причем бороться приходится ежеминутно. Встал, включил новости: из ящика несут такую чушь, что вскипаешь, желание отхлестать за наглую вранье каждого телевизионщика нарастает как снежный ком. Выезжаешь. На Рублевке, по Кутузовскому проспекту инспекторы постоянно останавливают для проверки документов. Бесишься, возмущаешься, проклинаешь дорожную милицию. Едешь на паспортную регистрацию, иначе постовые замучают взятками. Прежде чем получишь прописку, затиранят вопросами, справками, глупейшими согласованиями, отнимут на эту чушь пару недель. Идешь полу-

чать номера на автомобиль — измордуют претензиями, бесконечными проверками на угон, на собственность, на подлинность страхового полиса и водительских прав, на учет автомобиля в военкомате... Считай, еще две недели. Создать фирму, получить лицензию, оформить паспорт сделки, утвердить товарный знак, сдать документы на общегражданский паспорт, на получение прав собственности, получить визу от санитарно-эпидемиологической службы, от пожарных, бюро технической инвентаризации, архитекторов, технической комиссии, водоканала, электрических сетей, управы, дорожного агентства, Департамента потребительского рынка, миграционного ведомства, а еще от соседей и так далее и тому подобное... Необходимо иметь бойцовский характер, стрелковое оружие, кучу наличности и уйму времени. — Тут впервые Каргузов заметил, что обычно сдержанный Леонид Иванович вдруг заулыбался, и пошутил: — Если тебе смешно, значит, с твоим внедрением в столице никаких проблем не должно быть. Но все же от чего ты развеселился?

— Я налаживал бизнес у нас в Кане. Отлично знаком с его изнанкой. Уже имея достаточный опыт и доход бюрократа, начал предпринимательскую деятельность в Красноярском крае, а потом развернулся и по всей Сибири. Без такой базы я бы не решился перебираться в Москву. Карьера чиновника федерального уровня выше среднего звена — отличный трамплин для крупного всероссийского бизнеса. Расскажи, пожалуйста, о деталях моего назначения. Я весь вечер сгорал от нетерпения. Тут хочется знать даже мельчайшие подробности.

— Ай, да все просто. Тебя ждет рутина. Кадровый конвейер в столице функционирует десятки лет. Ежедневно снимают и назначают сотни разных чиновников. Мы идем в Белый дом. Я знакомлю тебя с заместителем руководителя аппарата правительства. Твоя будущая должность начальника Департамента федеральной службы не предполагает иного уровня посредника, или, так сказать, контактного лица. Заходим, знакомимся. В двух словах расскажу о тебе, он спросит о чем-нибудь, о чем обычно спрашивает. В какой-то момент я даю сигнал, чтобы ты вышел из кабинета. Мы остаемся одни. Он говорит мне, подходишь ты или нет

и сколько твое назначение будет стоить. Хотя я наперед получил информацию, что надо готовить семь миллионов. Но вдруг он по каким-то причинам снизит или — что редко, но случается — поднимет ставку. Ну не фантастическое ли это предложение?

— Я готов, готов... — заерзал Леонид Иванович. Выражение его глаз стало по-детски невинным.

— Не торопись. Где деньги?

— Небольшая часть при мне, остальные доставят.

— Без денег мы в Белый дом не пойдем.

— Что, возьмем с собой?

— Брать с собой не надо. Но ты представь весь сценарий. Закончился разговор, определились по сумме. А дальше что? Я же не позволю себе сказать: подожди, уважаемый, денег пока нет, их должны еще привезти. Они в Сибири, спрятаны в надежном сейфе, их охраняет злая собака... Какой-то детский лепет на конвейере должностных назначений. Если он скажет «да», необходимо пару часов спустя рассчитаться. Если скажет «нет», будем искать новый путь. Мой гонорар платишь авансом, перед визитом в Белый дом. Я на своей версии не настаиваю. Можем проститься. Если я тебе понадобится, позвонишь... — Каргузов встал и протянул руку: — Пока!

— Подожди, подожди, Михаил Александрович, пожалуйста, посиди со мной. У вас в Москве все так быстро решается, я не успеваю подумать, представить всю картину. Еще пару минут, пожалуйста...

— Я тебя предупреждал: у меня время — деньги. Я сегодня тебе помог, ты сберег свой капитал, и я заработал. Это мой бизнес. Я не рвусь с тобой общаться просто так, из интереса к тебе как к личности, но заработать с тобой можно, и немало. Если не против, то добывать бабки мы станем вместе. Тогда и общение утеплится. Но ты должен перестроиться в соответствии с моим подходом к жизни. У меня рабочее время имеет неоспоримое преимущество над личным. Поэтому приятельским контактам я предпочитаю деловые беседы. Я раскрыл тебе сценарий назначения. Если согласен идти по этому пути, но тебе недостает каких-то деталей, спроси. Если хочешь подумать — думай, это полезно. Размышляй. Когда определишься, позвони.

Если должность будет еще свободна, если сам я окажусь в Москве, если человек из Белого дома не отправится в командировку, не будет снят с работы, не возьмет отпуск, не попадет в больницу, попробуем второй раз... Когда много «или», то, как правило, дело заканчивается ничем. Сегодня все готово. Необходимо приложить лишь немного усилий — доставить деньги из Красноярска в Москву. Какие проблемы? Возьми персональный джет. За сто тысяч долларов мы найдем во Внукове уйму предложений. Одолжу тебе свою охрану. Четыре с половиной часа лету до Красноярска, столько же назад, плюс пара часов на сборы, то есть ты потратишь двенадцать—четырнадцать часов, и семьсот стодолларовых пачек будут в Москве. Я назначаю встречу в Доме правительства на семнадцать часов завтрашнего дня, в восемнадцать я передаю деньги дальше. А в девятнадцать тридцать ты читаешь распоряжение о своем назначении на должность начальника Департамента продовольствия держрезерва с бюджетом сто миллиардов рублей. Я всегда в доле на четыре с половиной процента. Все! Ты понял, Леня, все! Зачем лясы точить? Есть дело — есть решение! Хуже, когда есть дело, но нет решения! Итак, сейчас около девяти вечера. До шестнадцати тридцати у тебя девятнадцать часов. Если до пятнадцати часов завтрашнего дня ты не подтвердишь, что семь миллионов долларов подготовлены и находятся в Москве, а сам ты вырядился в костюм и при галстукке, то я снимаю свои обязательства. У меня опцион до завтрашнего вечера. Не уложимся в отпущенное время — понадобятся новые переговоры. Всегда чрезвычайно трудно объяснять, почему не вышло в первый раз. Время, скорость, молниеносные решения — закон бизнеса. Раздумья, анализ, изучение, эксперименты — отличия научной деятельности. О чем ты мечтаешь, господин Ефимкин? Хочешь стать аспирантом университета или бюрократом-предпринимателем, расходующим сто миллиардов рублей в год? До глубокой ночи зачитываться потрепанными томами трудов по филологии или каждый день пересчитывать семизначные доходы в долларах? Стать абонентом научных библиотек с исчерканной записями карточкой завсегда читальных залов или VIP-клиентом ведущих

банков России с золотой и платиновой кредитными картами мировых финансовых институтов? Вот в чем вопрос. Выбирай.

— Какие у нас риски? — Ефимкин оказался основательно подавлен этими суждениями.

— О, риски есть, и большие. Ты знаком с анекдотом, что опасно ездить поездами, потому что самолеты падают? Вот тебе риск номер один. Я не знаю, кому ты доверил свои капиталы. Поэтому не готов ответить, отдадут они тебе деньги или нет. Риск второй: я не знаком с твоей больничной картой. В каком состоянии твое сердце? Ты — инфарктник, страдаешь циррозом печени, у тебя обнаружена онкология, твой мозг поражен энцефалитом, ты подхватил СПИД?

— Нет-нет, я здоров, — радостно выкрикнул Леонид Иванович.

— Какие еще могут быть риски? — закатил в раздумье глаза Картузов. — Ах да, ты уверен, что твои купюры не поддельные? Перед тем как передавать их дальше по адресу, я обязательно возьму выборку на проверку ассигнаций в первоклассном банке. Риски, риски... Да-да, еще вариант: мы рассчитались, тебя назначили, а потом, день-два, неделю спустя, ты не захочешь служить на этой должности и начнешь требовать свои деньги назад. Так вот, знай наперед: по всем перечисленным причинам я никакой ответственности за деньги не несу. Должность возврату не подлежит. Ко мне есть вопросы?

— А за какие риски ты несешь ответственность?

— Я? Минутку, дай подумать. Риск, за который лично я несу ответственность, только один: если после получения денег наш чиновник из Белого дома помрет или будет схвачен милицией за взятку... Все!

«Что еще, что еще, что еще?» — лихорадочно искал подводные камни Ефимкин. Но в голову ничего не приходило, кроме одного страшного варианта: «А что если Михаил возьмет деньги и исчезнет?» Этот сценарий был настолько убийственным, что Леонид Иванович даже боялся о нем думать.

— Если у тебя ко мне вопросов нет, я поехал. Бизнес зовет, он требует перемещаться, иначе добыть хлеб насущный невозможно. Значит, если до пятнадцати часов завтрашне-

го дня не подготовишь семь миллионов плюс мой гонорар, твое назначение откладывается на неопределенное время. — Картузов встал и протянул ему руку. — Звони до намеченного срока или прощай!

— Говоришь, самолет можно взять во Внукове? Я так мечтаю получить эту должность, — после некоторой паузы задумчиво начал было Ефимкин.

Но Михаил Александрович уже шагал к выходу.

«Как быть, что делать? Так неожиданно, так быстро игра с судьбой набрала сумасшедшие скорости. Это не браконьеров мздой обкладывать, не предприятия силой отнимать, не за лицензии деньги требовать. Здесь думать необходимо, и не просто так, а невероятной интуицией обладать, быть посвященным в самые изощренные приемы надувательства, иметь развитый инстинкт самосохранения. А есть ли во мне все эти качества, эти способности? Соответствуют ли они моим амбициям? С кем посоветоваться? Голова идет кругом. Я хочу получить высокую должность, и это азартное желание лишает меня способности разложить все по полочкам, явственно представить возможные риски. Страстная тяга к перемене собственного статуса, культ богатства, укоренившийся в сознании, подавляет во мне чувство реальности. Плюнуть на все, сжать зубы, вернуться в Кан, смириться с не очень привлекательным положением провинциального богатея, кутить, охотиться, участвовать в банальных интригах местного бомонда, затыкать кляпом рот обличителям и завистникам и при этом давить в себе любые ростки возмущения, чтобы разом не потерять свои активы. Власть ненавидит протестных типов. Впрочем, этими вопросами я меньше всего озабочен. Не в характере сибиряка интересоваться политикой. Или... или рискнуть, и, если Бог поможет, занять высокое положение в держрезерве, вернуть вложенное, энергично пополнять личный капитал и подниматься по карьерной лестнице? А риск с Картузовым? Что — все риск да риск! В России повсеместно риски, никому не суждено предугадать, когда и где кирпич упадет на голову. Так что же делать? Может, искать другой канал для лоббирования? Кого бы я ни нашел, кого бы ни подключил к моему проекту — Картузова, Зябухина, При-

щепкина, любого другого агента, — всегда встанет вопрос доверия. В любом варианте необходимо давать деньги посреднику вперед, для дальнейшей передачи могущественному лицу или лицам, принимающим желанное для меня решение. У нас в стране деньги всегда требуют вперед. Куда они идут дальше, можно только догадываться. В эйфории переезда в Москву я об этом и не подумал, такой вопрос встал передо мной лишь теперь. Сейчас вроде об этом даже поздно думать. Дом снял, автомобили купил, персонал нанял, за ужин надо еще платить... Давай рискнем, Леонид Иванович. Картузов — вроде не аферюга, если он своей телке, глазом не моргнув, миллион долларов отстегнул. Вряд ли он заинтересован в том, чтобы меня кинуть. Потом у нас большие совместные проекты. Он везде в доле. Волков бояться — в лес не ходить. Решил! Решил, и точка! Рассчитаюсь и направлюсь во Внуково. Чувствую, что судьба ко мне благосклонна. Должность в держрезерве чрезвычайно привлекает меня, внутренний голос неотступно шепчет: «Именно здесь ты заработаешь огромное состояние. Здесь! Здесь! Здесь!»»

Он сторговался слетать в Красноярск и обратно за восемьдесят пять тысяч долларов. Когда узнали, что он платит наличными, не требует счет-фактуры, то сбросили с цены услуги сумму НДС. Такая экономия на короткое время порадовала Леонида Ивановича, но, отсчитав семьдесят тысяч, он опять впал в мрачные размышления и сел в самолет с тяжелым сердцем. «Жуткое состояние — отрывать от себя семь миллионов долларов. Вот если бы я направлялся забирать такую сумму или даже похожую, но меньшую, то летел бы, конечно, с превеликим удовольствием. Ох, когда наступит это замечательное время? Разве может быть что-либо более величественное, чем восторги по поводу роста собственного банковского счета? Как угадать наступление этого звездного часа? Когда привычные цифры, встречающие повсюду, скроют тайну несметности зеленых купюр? Один миллиард долларов — это один миллион килограммов однодолларовых купюр! Или одна тысяча тонн денег, или двадцать железнодорожных вагонов, плотно набитых ассигнациями. Ох-ох-ох! Какие бесконечные, чудесные цифры! Мне не-

обходима эта должность, а потом более высокие кресла в вертикали власти. Без них я, упрямый идеалист и собиратель денежных знаков, не жилец!»

Эти назойливые мысли не хотели покидать его голову. Казалось, ничто другое Ефимкина не интересовало. Но тут его сердце опять дрогнуло — не от счастья, а от глубокого огорчения, даже ужаса. «А что я стану делать, если Картузов меня все же кинет? Если останусь без капитала? Без всякой надежды начать успешную карьеру в столице? Единственное, что останется — в нынешнее кризисное время получать мизерные поборы от предприятий, находящихся под моим контролем. Может ли такая грустная перспектива удовлетворить мое обостренное самолюбие? Нет, необходимо рискнуть, цепляясь за Картузова. Ведь другой жизни нет и представить себе, что придется возвращаться в прошлое, невозможно. Тогда равнодушие ко всему быстро перерастет в ненависть, а от нее — один шаг до безрассудных поступков. Необходимо приложить все возвращенные бизнесом силы, чтобы не допустить такого скорбного финала. Надо довериться судьбе, и она мне обязательно поможет... Хоть поздно, но я стану ее любимчиком».

Деньги уместились бы в двух чемоданах, но Ефимкин не стал тратить, купил китайские полиэтиленовые сумки по сто рублей, известные как «челночные», и в сопровождении двух вооруженных бойцов собственной охранной фирмы прибыл в Москву. По телефону он связался с Картузовым. Они договорились в семнадцать часов встретиться перед стоящей на капитальном ремонте гостиницей «Украина». Это простое, казалось, мероприятие сильно встревожило Леонида Ивановича. Возникло предчувствие чего-то недоброго. «Где оставить деньги? Куда спрятать семь миллионов долларов? Оставить в доме небезопасно. Сейфа пока нет, да и что сейф, его утащат вместе с капиталом. Кто утащит? — спросил он себя, как бы даже изумляясь. Прислуга, охрана, бог его знает кто еще. Если взять с собой в машину, то у Белого дома я должен выйти для встречи с важным лицом. Наполненные зеленую сумки останутся под присмотром сибирских бойцов. Где гарантии, что они меня дождутся? Не свалят ли вместе с деньгами в неизвестном направлении? Вся

история цивилизации напичкана этими сюжетами. Взять деньги с собой? Это значит собственноручно подписать себе приговор: пятнадцать лет тюрьмы с полной конфискацией имущества. Наличный капитал подпадает под графу «имущество». А других денег нет, моя заначка почти пуста. Осталась одна мелочовка. Нет, я не способен, предвидеть все сложности и составить сценарий передачи денег, а это грозит лишением всего нажитого состояния. И я опять останусь гол как сокол. Впрочем, может быть, как кто-то сказал, действительно ценность человека растет по мере того, как он отрекается от самого себя. Ситуация, которую я себя загнал, диктует единственное решение — довериться Картузову. Оставляю сумки с долларами в его машине. Если он решил кинуть меня, то сделает это при любом раскладе. Если суждено быть наказанным, никакая мудреная сила не поможет выкрутиться. Так что вводить новые персонажи или придумывать хитроумные сюжеты в незнакомом мегаполисе нет никакого резона. Сущность предстоящего спектакля можно постичь лишь в реалиях практики. Ва-банк мне еще не приходилось идти, но надо к таким дерзким шагам привыкать. Итак, я смиренно принимаю вызов судьбы всем сердцем и умом с убеждением, что другого пути у меня нет и быть не может. Прекрасно понимая: раны заживут, восторги изгладятся».

— Привет, сибиряк. Торопись, нас ждут в Белом доме, — приветливо сообщил Михаил Александрович. — Паспорт с собой?

— Добрый день. Да, все в порядке. Послушай, Михаил, у меня в машине семь миллионов долларов. Можно переложить сумки в твой автомобиль?

— Я же просил деньги по Москве не возить, — раздраженно бросил Картузов.

— А мне негде их прятать! — обиженно парировал Ефимкин.

— Есть банки, а в банках ячейки. Я предлагал: если возникают вопросы, звони, спрашивай.

— А сейчас не успеет? — растерянно произнес Леонид Иванович.

— Через пятнадцать минут нас ждет заместитель руководителя аппарата правительства страны. Я не могу по-

звонить ему и перенести встречу. А за такой короткий срок мы не успеем заключить договор и разместить наличность в банковской ячейке. Оставь в своей машине, там, я вижу, есть люди. Это твоя охрана?

— Да. Но семь миллионов — это неописуемый соблазн...

— Откуда они знают, что в сумках деньги?

— Наш Кан — небольшой городок. В нем все на виду. Что я могу везти спецрейсом в Москву в двух набитых базарных сумках? Они же не идиоты...

— Ты прав, опасно. Спасибо, что доверил. Перетаскивай сумки ко мне в автомобиль. Я оставляю машину на охраняемой стоянке. Мой водитель вооружен. Впрочем, неплохо было бы взглянуть на твои доллары. Я должен быть убежден, что они не фальшивые и деньги в полном объеме. Передавать надо не базарному торговцу за нахичеванские помидоры, а кремлевскому чиновнику за высокодоходную должность государственного управленца. Ты сам уверен, что все в ажуре в смысле их подлинности и по сумме?

— Абсолютно! — в приятном волнении воскликнул Ефимкин.

— О'кей. Значит, здесь семь миллионов плюс мой гонорар?

— Как договаривались!

— Давай, перетаскивай ко мне в багажник.

Автомобиль Картузова покати́л на стоянку перед Белым домом. В салоне воцарилась пауза. Лишь приглушенный голос диктора «Эха Москвы» передавал новости. Ефимкин не знал, что сказать, ведь пока все шло без сюрпризов. На душе отлегло, интуиция подсказывала: пока ничего подозрительного не обнаружено. Манеры и повадки Михаила Александровича рассудительны, лицо спокойное, голос ровный. Ефимкин чувствовал некое успокоение и даже подумывал сказать что-то приятное, но сдерживал себя. «Если он что задумал, я обязательно прочту коварную мысль на его лице. Я все же профессиональный мент, неплохо обучен этому делу. Я больше волнуюсь, чем он. Но так и должно быть. Мои семь миллионов лежат в его автомобиле. Он может выкинуть меня из машины — и полная хана. Куда пойдешь жаловаться, на что? На кого и по какому поводу?»

Автомобиль въехал на стоянку Белого дома.

— Пошли. Мы пунктуальны. Заглянем в бюро пропусков, а потом на восьмой этаж. Не нервничай, веди себя спокойно, только не рассказывай сибирские анекдоты про выпивку и девок. Цель нашей встречи с господином Степкиным — знакомство. Беседа на нейтральные темы. О кризисе ни слова. Это не тема общения с крупным государственным чиновником. Мы встречаемся, чтобы получить должность, я стану позиционировать тебя как опытного человека, болеющего за экономику России, а не эксперта по вопросам кризиса. Если он тебя о чем-нибудь спросит, отвечай коротко, ясно, со знанием предмета. В случае чего я приду на помощь. Говорить о держрезерве, вероятно, не придется. Впрочем, он может предложить более высокую должность, но мы будем стоять на твоём выборе. Когда я дам сигнал, выйдешь. Я останусь на пару минут, чтобы услышать комментарий: как он хочет поступить с тобой, возьмется ли протектировать на ту самую должность начальника департамента...

— Держрезерва?

— Конечно, разумеется. Куда же еще? Чего ты, дружок, хмуришься?

— А вдруг посадят в другое кресло?

— Ты сам ведь будешь писать заявление...

— Тоже верно! — Но тут совершенно неожиданно Ефимкин выдал: Михаил, меня здесь не кинут? Бороду не пришьют?

— В Белом доме? — улыбнулся Картузов, да так по-детски доброжелательно и открыто, что вконец смутил Ефимкина.

— Ой, прости, друг. Вылетел вопрос-паразит с языка. Не хотел...

— Чего уж там, как же не беспокоиться, семь миллионов не фунт изюма.

— Я тоже об этом. Мои последние деньги. Боюсь. Жутко возненавидел нищету. Пожил в ее драном полушубке. Ох, лучше не вспоминать, как жизнь российскую мордует безденежье. — Он тяжело взглянул на Михаила Александровича, осекся и замолчал.

В лифте ехали молча. Картузов поправил ему галстук, отряхнул ворот от перхоти, плотно прижал лацкан,

фамильярно поднял ефимкинский подбородок и шутливо заключил:

— Вылитый начальник департамента держрезерва. Кто осмелится оспорить? Кто усомнится в состоятельности такой личностью? А вот мы перед кабинетом господина Василия Степановича Степкина. Иди за мной, — шепнул Михаил Александрович, ухмыляясь. — Он любитель тенниса. Будем говорить о последних победах Шараповой, Дементьевой, Кузнецовой... Недавно закончился «Роланд Гаррос» в Париже. Франция, спорт, клевые девки — отличная тема для светского трепа. Знаком с теннисом?

— Нет, я больше рыбак, охотник. В тайге кортов пока нет...

— Тогда помалкивай. Не выдавай в себе дикого провинциала. Ха-ха-ха!

— Не выдам, — заверил Ефимкин.

Молоденькая, коротко стриженная секретарша с ярко накрашенными губами, глубоким декольте, в потертых капри, манерно покачиваясь на высоких шпильках, мелкими шажками проводила мужчин в кабинет чиновника. Помещение было огромным. Дубовая обшивка стен, строгая, отсвечивающая бронзовым декором, мебель эпохи Реставрации, вереница правительственных телефонных аппаратов из слоновой кости, ковер в восточных рисунках, портреты руководителей страны, при виде которых наш народ громко ликует, — все это придавило Ефимкина. Он стоял, сдвинув по-военному пятки, ощущая свою полную растерянность и непригодность среди сановной пышности. В этот момент Леонид Иванович, пожалуй, даже забыл, по какой причине оказался здесь, напроочь запмятовал о миллионах, оставленных в чужом автомобиле, и о возделенной должности. Судорожное желание быстрее ретироваться и выйти вон охватило его.

Господин Степкин сидел, вольготно откинувшись на спинку служебного кресла. На столе не было никаких бумаг, лишь в серебряном подстаканнике ожидал его наполовину выпитый чай. В фарфоровой пиале лежали миндальные печенья, а в инкрустированном пенале покоились несколько ручек с золотыми колпачками. Хозяин кабинета был мужчина чуть старше сорока лет, на лбу его

сидела большая, с головку каминной спички, бородавка. Взгляд исподлобья, напускная значительность, густые, свисающие на глаза брови, надутая, выдвинутая вперед нижняя губа, огромная бритая голова с растопыренными, словно плавники, ушами — все выдавало в нем высокого государственного служаку нового типа, способного создавать иллюзию успешного управления рычагами государственной власти.

— Присаживайтесь, — сухо вато бросил Степкин. — Тороплюсь в Кремль! Подготовил предложения по выходу страны из кризиса. Ох, этот председатель Центробанка, ох, этот министр финансов. Что они творят с денежной системой! Неумелыми шагами губят ее окончательно. Приходится вместо них размышлять о будущем России. Что у тебя на сердце, Николай?

— Слышал, что вас хвалили на заседании Совета национальной безопасности, — подобострастно склонился Картузов. Порадовался. Говорят, Сам расточал комплименты в адрес Василия Степановича. Такая информация украшает жизнь ваших преданных друзей. По этому поводу можно выпить. Как у вас вечером со временем? В «Мельнице» подают белые трюфеля, знаю, вы большой любитель этого прекрасного деликатеса.

— Вечером я играю в теннис.

— Вот, позвольте представить. Ко мне приехал приятель из Сибири, я о нем вам рассказывал. Как вы думаете, получится наш проект?

Степкин взглянул в сторону Ефимкина и глухо спросил:

— Откуда родом?

— Из Барабинска... — с трудом ответил Ефимкин.

— Хм-хм, не помню, где это. Впрочем, не важно.

— В Центральной Сибири, — вовремя вставил Картузов.

— Хорошо. Так о чем мы? А, проекты... Впрочем, надо знать: все проекты, которые веду я лично, всегда реализуются. И географическая точка никакой проблемы никогда не создает. Я достаточно силен, чтобы решать вопросы в Сибирском федеральном округе, Центральном, Южном, и поддерживать своих друзей. Василий Степанович всегда

добивается поставленной цели, было бы иначе, давно подал бы в отставку. Что меня держит на должности? Исключительно любовь к родине. Спасибо за приглашение на ужин, но прийти не смогу. Что еще?

Слушая его речь, Картузов постоянно кивал головой, демонстрируя особый интерес и участие, и теперь требовательно обратился к сибиряку:

— Леонид Иванович, оставь нас.

Ефимкин тут же, захлебываясь от восторженных впечатлений, вышел из кабинета. Походка у него была хмельная, развалистая.

— Не пьян ли? — Степкин бросил строгий взгляд на Картузова.

— Степаныч, вы что, сомневаетесь, что от ваших слов можно впасть в эйфорию? Сибиряк трезвый, но после общения с вами захмелел. У многих, кто общается с вами, возникает аналогичный синдром. Даже я пьянею...

Минут пять спустя с сияющей улыбкой Картузов выскочил в коридор восьмого этажа и, бросаясь навстречу Ефимкину, взволнованно воскликнул: «Поздравляю тебя, должность в твоих руках. Поехали, я оставляю тебя на соседней почте. Будешь писать заявление, а я отвезу деньги по указанному адресу. Часа через полтора встретимся. Подписанное тобой заявление и отвезу на визу правительства: назначить! Все успешно завершилось, дружище, поздравляю! Вечером обмоем назначение и обсудим планы совместного бизнеса.

— Почему в его приемной нельзя написать заявление? — дрожащим, сдавленным голосом осторожно спросил Леонид Иванович.

— Дурень. Ему нужны гарантии, что деньги переданы. Понял?

— А, соображаю. А почему он тебя Николаем стал называть? — еле выговорил Леонид Иванович.

— Николай, Михаил, Андрей, Станислав — какая разница. У него сотня просителей в очереди стоит. Разве упомянешь всех. Главное ведь, чтобы он вопросы решал. А как он к тебе обращается — не все ли равно... Пошли на выход, уважаемый директор департамента.

— Мощный человек этот Степкин! Даже дух перехва-

тило! Белый дом, такая мебель, необыкновенный ковер, огромная голова, потрясающий стол с золотыми бляшками, а телефонов с гербами сколько! — Лицо Ефимкина передернулось.

— Как же иначе! Он заместитель руководителя аппарата правительства. Вся бюрократическая власть под его пятой. Раздавит или возвысит любого!

Картузов отвез Леонида Ивановича на пресненскую почту с наказом писать заявление о назначении на должность начальника департамента продовольствия в резерв. Выпросив в окошке лист бумаги и ручку, он сунул дамочке пятьсот рублей, записал ее телефон, усадил за стол Ефимкина, прощаясь, обнялся с ним и пообещал прибыть к восьми часам вечера.

Уже покидая почту, он услышал слабый голос Леонида Ивановича:

— Михаил, а ты вернешься?..

Картузов пропустил вопрос мимо ушей — впрочем, он действительно был еле слышен. «Чего не чаешь, чаще сбывается» — мелькнуло у него в голове. Он усмехнулся и вышел на улицу.

Тут его ждала красотка Яночка, ликующе предвкушая работу с очередным клиентом.

Самоизбегание

Помешкин начал томиться. Он уже пару дней не видел себя в зеркале. Истосковавшись по собственному отражению и повинаясь внутреннему зову, он вскочил с кровати и с недовольным видом прошелся по дому Фатеевой в надежде разыскать в запустелых углах хоть осколок желанного стеклышка. Но зеркала нигде не было. Поиск воспалил и без того обостренные чувства, которые молодой человек питал к самому себе. Хотелось видеть себя, наслаждаться чертами собственного лица. Особенно сильное эротическое волнение он испытывал от вида своих тонких бледных губ и складок на крыльях носа, всякий раз возникающих при улыбке, когда он с радостью разглядывал самого себя. В такие моменты сексуальное упоение настолько переполняло Григория Семеновича, что поллюции могли повторяться по несколько раз.

Не найдя ничего подходящего, чтобы узреть собственную персону и погрузиться в восторг, Помешкин притаился в темном углу и закрыл глаза. Перед ним возник его собственный портрет. Тут сильнейший всплеск любовных

чувств к самому себе охватил очарованного Помешкина основательно. С губ стали слетать нежнейшие слова, обращенные к самому себе. Такой изысканной лексике горько позавидовали бы любовные пары — как традиционалисты, так и сокрушители всяческих устоев. Самопроизвольное семяизвержение не заставило себя долго ждать. Уже через нескольких минут самолюбования Григорий Семенович содрогнулся в оргазме. Прошла еще пара минут — и его лицо разгладилось, разум успокоился и Помешкин вспомнил об *этом*. Он торопливо направился на кухню, жадно проглотил ложку кукнара, отломил от батона корочку, затем другую, прожевал, после чего медленно вернулся на кровать и предался спонтанному потоку мыслей.

Почему Лев Толстой, думал, в частности, Григорий Семенович, сомневаясь в существовании Иисуса Христа как Бога, не использовал главнейший аргумент в защиту своей позиции? Почему наиважнейший факт прошел мимо его внимания? Он же очевиден! Перечисляя разные доказательства своей правоты, классик никак не доходит до самого-самого, что я, собственно, и высказал бы в материалистическом споре о Нем. Ведь этот вопрос номер один, чтобы понять, был ли Он на самом деле или в течении двух столетий Его выдумывали умнейшие мужи того времени. Вопрос простой, но, пожалуй, такой же принципиальный, как тот, что пришел в голову в XVII веке Исааку Ньютону: почему падает яблоко? Не касаясь метафизики, я искал бы ответ на простые «почему». Если Он был послан на Землю своим Отцом для спасения человечества, то почему не записывал свои Божественные мысли Сам или не диктовал своим ученикам либо нанятым писцам? Ведь устное слово, тем более такое сокровенное и объемное, не может иметь подлинную силу, а тем более сакральную мощь, если оно не закреплено Его собственноручным текстом, специально посланным через непорочное зачатие Всевышним и Всемогущим. Основная идея Его пришествия заключается в том, что человек должен получить Божественные рекомендации и с их помощью узреть истинный смысл жизни. Понять, что есть добро, а что зло. Очень деликатная тема. Тут доверие к передатчикам устных текстов через десятилетия или даже через века чрезвычайно опасно. В процесс могут вмешаться

посторонние личности, возникнут индивидуальные правки, редакторские пассажи, то есть подлинность становится сомнительной. А ведь первые десятилетия после Его смерти никаких письменных посланий человечеству не было. Они появились значительно позже, после Его казни. А если такие тексты, Им написанные, и были, как же их не сберегли, почему Божественная сила их не сохранила? Исключительно для этой миссии Отец послал на Землю Сына!

Религия должна убеждать своей правдой и мистика, и материалиста! За моей точкой зрения нет желания стать на путь богоборчества. Так называемая ересь — лишь стремление очистить семена от плевел. Можно ли быть совершенным, как Отец наш Небесный, если заповеди на сей счет, написаны неизвестно кем? Ведь мог в дело сохранения устных поучений Христовых вмешаться дьявол? Мы знаем, что он коварный искуситель. Что если он изменил суть и смысл Нового Завета? Есть ли неопровержимые доказательства, что одно Евангелие написано апостолом Матфеем, а другое апостолом Лукой? Ведь авторство не установлено и не доказано... Один евангелист столетие спустя пишет на древнееврейском, другой — на арамейском, третий — на греческом... Если Он говорил на древнееврейском, то Его ученики не только должны были понимать этот язык — он должен был быть для них родным! Иначе понять и запомнить Его притчи, изречения и советы невозможно. Можно ли сохранить в памяти устный первоисточник, а через сто и больше лет, приступая к записям, воспроизвести без искажения слова Учителя? Где черновики? Почему не сохранились, так сказать, конспекты Его бесед и наставлений? Самая древняя сохранившаяся рукопись — от Иоанна — датирована 125 годом, это почти век спустя после Его казни. Кто же сочинял этот фрагмент Библии? Если Отец с помощью чуда — духа Небесного — зачал во чреве женщины Своего Сына, а Он Сам, в Своей короткой, но исполненной чудесными делами жизни не раз демонстрировал Свою божественную силу, то почему в главнейшем вопросе — в завещаниях человечеству (Евангелии) — ни Он, ни Его Отец не пожелали сохранить для потомков оригинальность Божественного Писания? Ведь без вмешательства небесных сил люди сберегли оригиналы указов и писем римских императоров и полководцев,

греческих драматургов и философов и еще более древний памятник письменности — книгу Авеста. Такое ощущение, что у Его учеников и апостолов не память человеческая была, а сложнейший компьютер пятого или даже шестого поколения. Известно, как меняется смысл текстов при переводе с одного языка на другой: ошибок здесь тысячи. Без вмешательства автора, его тщательной редакции сочинения на выходе публике может явиться полная чепуха! Возможно, так и случилось. В Новом Завете много противоречий, а главное, слова книги не обладают Божественной силой. Между тем если бы они на самом деле были написаны Им самим, Творцом универсума, Всесильным и Всепобеждающим, то сила в них должна была быть заложена исполинская.

Верующие назовут мое желание вникнуть в суть вещей и требования, которые я высказываю, банальными, а то и, пожалуй, извращенным материализмом. «Хочешь — верь, не хочешь — не верь! Вера не требует иных доказательств, кроме канонических». Неужели этот немудреный постулат способен расширить христианскую паству? Укрепить веру? Или возьмем пассаж об изгнании грешника на все времена в ад. Неужели этого желал Он, призывающий к всепрощению? Он, проповедующий любовь без границ? Он, дающий уроки абсолютной честности? Человек живет разумной жизнью пятьдесят лет, а его на вечность силой прописывают в преисподней. А если он искупил свои грехи, почему нет досрочного освобождения? Из Священного Писания известно о падших ангелах. Но совершенно ничего не сказано о праведниках, попавших в рай. Что они, априори безгрешны? Неужели никто не споткнется в безграничной вечности? Ведь даже ангелы грешат и становятся падшими. Что, из рая за грехи дорога в преисподнюю заказана? Или там, в райских кущах, уже всем все по-фиолетовому? Этакая полная современная свобода? Тогда, видимо, именно в раю царят Содом и Гоморра.

Диалектика богоборчества коренится в проблеме зла, с которой сталкивается человек. Для меня она пока не существует. Видимо, в силу этого я и не искушаю себя борьбой с христианством. Но возникают вопросы, на которые я ищу ответы без религиозного пафоса, как материалист-прагматик. Например, еще одно сомнение. Почему Он явился лишь

седьмой части человечества и тем самым расколол население Земли, ожесточил отношение народов друг к другу? Почему Его явление проигнорировали два миллиарда китайцев, полтора миллиарда индийцев, сто тридцать миллионов японцев, сто миллионов корейцев, семьсот миллионов арабов, восемьдесят миллионов персов, сто семьдесят миллионов тюрков, двести миллионов африканцев, сто миллионов индонезийцев, десятки миллионов малайзийцев, а также другие мелкие этносы и небольшие государства? Почему Его не признали сами евреи, хотя по материнской линии Он к ним принадлежал? Да и вообще достаточно долго название Нового Завета звучало довольно прозаически, если не странно, имея ввиду пафос клириков: «Еврейские мысли в греческом одеянии». Каково? Красиво? Да! Интригующе? Да! Как же расшифровать это название? Книга умнейших евреев, несомненно, полезная, записанная в греческом стиле или на греческий манер, а может, в греческой редакции. Его авторство не только не ставится под сомнение — на данный факт даже намек нет. А у слов «Евангелие», «евгеника», «евреи», «Ева», «Европа», «евро» — один общий корень: «ев» — от греческого «благий». Но можно ли считать благой вестью — праздником Благовещение — известие о первом пришествии сына Божьего? Слово «благий» совершенно не то, которым можно оценить это великое событие. Здесь больше подошло бы «великовестие», «грандиозовестие», «основополагающеветие», «главнейшее мировое событие всех времен и народов». Только никак не скромная благая весть. В давнюю историю редко кто основательно погружается. Как правило, по ней скользят стереотипным мимолетным взглядом. Поэтому заинтересованным людям можно творить в ней чудеса. Итог — там предостаточно фальши и откровенной лжи. Вот еще вопрос: почему Он явился небольшой людской массе лишь сто тысяч лет спустя после появления человечества? То есть после четырех тысяч поколений? Почему не сразу вмешался в формирование личности по Своему Божественному разумению, не призвал строго: «...Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

«Много, очень много вопросов, — усмехнулся Помешкин. — Хотя заблуждение, которое делает счастливым,

вреднее, чем то, которое вызывает дурные последствия. Чья эта фраза, — спохватился Григорий Семенович. — Моя или уже кем-то сказанная? Опийная соломка делает меня беспечным, счастливым и забывчивым. Люди заполняют пробелы познания мифами. Пытаясь вообразить бесконечность времени и пространства, мы, как нам кажется, сходим с ума, а потому тут же прекращаем эти попытки. Пустоту заполняем иллюзией. Она успокаивает, создает впечатление, что почва под ногами найдена...» На ум молодого человека пришла цитата Бернарда Шоу: «Будучи трусами, — утверждал он, — мы расстраиваем естественный отбор, прикрываясь филантропией; будучи лентяями, мы пренебрегаем искусственным отбором, прикрываясь моралью».

Внезапно Помешкин вспомнил о договоренности с Петром Петровичем: начать эксперимент с нанопиллюлями профессора Кошмарова. А что если предложить Парфенчикову переименовать нанопиллюлю и дать ей более звучное название, связанное с историей цивилизации? Например, «евротаблетка», «еврусвестие», «русевгеника» или, наконец, «еврусгрунемкит»?

Помешкин торопливо встал, нашел Петра Петровича, лежащего с отсутствующим взглядом на кухонном полу, присел рядом и спросил:

— Верны ли мои наблюдения, не знаю, но мне представляется, что кукнар тянет к раздумьям. Во мне крепнет желание сосредотачиваться в одиночестве и постоянно над чем-то размышлять, порой над темами, к которым раньше я не проявлял ни малейшего интереса. Ты не раздумал начать эксперимент с нанопиллюлями?

— Нет... Но сейчас шестой час утра... — буркнул Петр Петрович. — Самый кайф поговорить с самим собой. Под утро самые неожиданные проекты приходят в голову.

— Извини, я не слежу за временем. Можно продолжить или предпочитаешь и дальше «проектировать» в одиночку?

— Теперь уж говори... Перебил на интересном месте: размышлял я о венграх, молдаванах и словенцах, да вообще о малых народах. Тезис такой: на фиг они существуют? Почему никому в голову не приходит ассимилировать их с крупными этносами, добиваясь этнической рентабельности? Ведь причина нынешнего экономического кризиса

в том, что больше половины человечества — наконец необходимо этот факт признать, банкроты! Они не способны давать доход ни себе, ни бюджету! Что такое Молдавия? Население едва перевалило за два миллиона, а чиновников разных мастей наверняка более десяти тысяч. На каждые двести молдаван, включая детей и пенсионеров, приходится один чиновник со своей инфраструктурой. Офис, тепло, телефон, мобильник, транспорт, Интернет, канцелярские расходы, амортизация основных фондов, паспортизация, траты на государственную символику, охрану государственных зданий, оплата переводов с молдавского на другие языки мира и так далее... Бюджет небольшой страны вынести такие расходы не в состоянии. Два миллиона — это население крупной деревни в Китае, восьмая часть Москвы, десятая часть Мехико, тринадцатая — Сан Пауло. Поэтому без внешних дотаций и помощи Молдавия будет постоянно балансировать между дефолтом и полным банкротством. На первом этапе я бы соединил ее с Румынией. Сходные языки, культура. Румын-то двадцать с лишним миллионов. А тридцать миллионов — порог рентабельности современного государственного образования. Надо помнить, что этот порог с каждым годом повышается. Уже в 2015-м он достигнет пятидесяти миллионов, а в 2021—2023 годах поднимется до ста миллионов. Венгрию с ее архаичным языком, Словению, Хорватию и Боснию-Герцеговину я объединил бы с Австрией и назвал бы Дунайской Федерацией. Тем более что тут существуют и исторические традиции. Болгарию, Сербию, Черногорию, Македонию и Албанию объединил бы с Грецией. Такую страну можно временно назвать Эллинской Конфедерацией. Польшу объединил бы с Чехией, Словакией, Литвой и Латвией. И название звучало бы весьма уважительно: Объединенные Славянские Штаты. Нравится? Да, провел бы голосование, на каком едином языке будет через тридцать лет говорить объединенный на этот момент целостный этнос Европы. Ведь что за язык венгерский? Эхо командных выкриков при степных набегах кочевников! А что? Если есть интерес, взглянул в Интернет на сайт «Венгрия» и за десять минут все узнал. Так что если какая-то страна однажды окажется лишь виртуальной, никакой беды не случится. Мировая культура не обеднеет. Кстати, Ев-

росоюз ежегодно тратит около двадцати пяти миллиардов только на переводы, чтобы граждане всех стран сообщества могли читать документы на родных языках. Сумасшествие! Этих денег хватило бы на отопление всех частных домов и квартир в Европе. Впрочем, мне их проблемы до лампочки. Просто молотая соломка всякий раз подбрасывает оригинальные темы к размышлению. Потому я и подсел на опийный мак... Что ты спросить хотел?

— Я предлагаю поменять название нанопиллюли Кошмарова на еврусгрунемкит...

— Что за ерунда?

— Профессор хочет использовать ствольные клетки евреев, русских, грузин, немцев и китайцев. Отсюда и аббревиатура.

— Да бог с ней. Мне по фигу это название. Давай лучше по ложечке выпьем. Пора. Во рту сухость появилась, под сердцем насос заработал.

— А я полчаса назад уже принял. Ты же советовал не перебарщивать.

— Молодец. Правильно. Таска есть?

— Еще какая! В голове бродят мысли о предметах, которыми раньше я даже не интересовался. Сознание подбрасывает черт знает что... Остается лишь удивляться, откуда все берется. В каких тайниках памяти хранится? Читаешь много, потом все куда-то пропадает, думаешь, навсегда, ан нет. Давеча неизвестно почему о Новом Завете или о «Еврейских мыслях в греческом одеянии» как-то чрезвычайно подробно стал размышлять.

— Кукнар это любит — из корзины памяти вдруг забытые сюжеты извлекать. Да так умело их вытаскивает, что впечатление, будто ты этим вопросом кровно озабочен. Со мной так постоянно происходит. Поэтому я и влюблен в него по уши... Минутку-минутку! Вот опять в голову что-то такое лезет. Мысль пришла необыкновенная. Может, когда-то я над ней уже ломал голову. Впрочем, не помню. А мысль такая: Обама ихний пару месяцев назад подписал документ, разрешающий за счет государственного финансирования начать фундаментальные исследования в изучении ствольных клеток. США вообще раньше всех в мире официально признали еврику. Первый закон о принудительной

стерилизации был принят там в 1907 году, а последний — в 1937-м. За это время в Америке насильственной стерилизации подверглись более ста тысяч неполноценных людей: идиотов, имбецилов и прочих олигофренов. А затем законодатели стали рассуждать так: если государство может забрать жизнь преступника, послав его на виселицу, то оно обязано запретить их размножение. Считалось, что только слабоумные способны на преступления. Но дальше дискуссий в этом вопросе дело не пошло. В Китае закон 1994 года делает обязательной дородовую проверку плода, а от докторов требует самостоятельно принимать решения об абортах и стерилизации. Рождение худших нежелательно среди представителей революционных слоев, этнических меньшинств, вблизи границы и в экономически бедных областях — это официальная точка зрения китайских чиновников. Китайская культура вообще специфична и сфокусирована на благе общества, а не отдельного лица. Мне с такой идеологией не ужиться. Первые опыты общественной «зачистки» проводились еще в Античности. Спартанцы сбрасывали слабых и ущербных младенцев со скал. Но, пожалуйста, уважаемый Гришка, без комментариев. Нас не этот тезис будет интересовать. Весеннее решение президента Обамы означает новый этап развития евгенической науки. Давай помечтаем. Первый вопрос: что даст США фундаментальное исследование стволовых клеток? Второй: каким образом необходимо менять род людской? Или лучше ничего не предпринимать, оставив его в покое? Пусть, мол, сам меняется путем мутаций? Правда, на это уйдет несколько десятков тысяч лет. Кстати, результат, конечно, заранее известен: мало что хорошее из человека может вылупиться. Ученые многих стран утверждают: наш вид неуклонно деградирует. В последнее время этот процесс приобрел угрожающие формы. Но кто прислушивается к прогнозам? Стоны интеллектуалов заглушает реклама потребления. Итак, что ты по этому поводу думаешь?

— Через пятнадцать—двадцать лет такие исследования приведут к изменению популяции в США. Концепция сверхчеловека начнет воплощаться на практике. Биологическая эволюция быстрыми темпами повлечет за собой экономический и социальный прогресс, а значит, и возрождение

потенциала Америки. США станет мировым лидером в деле создания нового этноса, недостижимого по умственным и физическим показателям. Американская идея «национального плавильного котла» докажет благодаря евгенике свою колоссальную эффективность. Другие расы окажутся перед угрозой вырождения. Мир будущего станет принадлежать тому, кто первым распахнет дверь перед генной инженерией. А чемоданчик с ядерной кнопкой довольно скоро превратится в музейный экспонат. Удовлетворен?

— Общие слова. Ничего конкретного. Мне интересна твоя версия: как именно станет меняться человек? Точнее, американец. В чем выразится его превосходство над другими? Только без фантастики. Выпей ложку молотого цветка и вникни в суть вопроса поглубже. — Парфенчиков приподнялся, достал мешочек и передал его Помешкину. — Прожуй! Или запей! Голова станет лучше варить! Имей виду, мне подробности интересны, а не ля-ля!

Григорий Семенович запил ложку необыкновенного цветка, заел корочкой хлеба. Подождал — хотел вначале поймать приход, прислушался к себе, прощупал пульс, непонятно чему удивился и, закатив глаза, начал отвечать:

— Необходимо определиться в главном вопросе. На что больше обратить внимание в моих рассуждениях: на благо общества или на благо частного лица? Преференции государства или выгоды отдельной личности? Этнос или индивидуум? Хочу вспомнить два известных имени. Концептуальные идеи каждого легли в основу ведущих идеологий XX века. Иосиф Сталин и его соратники провозглашали романтический, но пагубный тезис о социальном превосходстве в мироздании пролетария и коллективного разума пролетариата. Адольф Гитлер и его сподвижники придерживались иного мнения. Они считали, что сверхчеловеком может быть исключительно германец, а носителем коллективного разума — арийская раса. Одни уничтожали общественную элиту, не имеющую пролетарских корней, другие отправляли на смерть народы неарийского происхождения. Социальное заблуждение, иллюзия, охватившая массы, романтическая убежденность в истинности провозглашенных постулатов — теперь этот криминальный абсурд многим понятен. Впрочем, история смягчает обвинения, а

у меня их и вовсе нет. Социальные заблуждения будут и в дальнейшем преследовать человечество, ведь мировоззренческая путаница отражает людскую сущность. Но меня эта история цепляет по другой причине: оба социальных эксперимента погубили евгенику, науку с блестящими перспективами, способную качественно изменить человека. Вот о чем я так горюю. Потеряно семьдесят лет. И слава богу, что Обама дал зеленый свет исследованиям, пообещал бюджетное финансирование. Я сторонник генного вмешательства в процесс совершенствования человеческого вида. Без биоинженерии, без стимулирования искусственных мутаций, без детального изучения стволовых клеток само существование человека ставится под вопрос. Василий Великий в IV веке провозгласил: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом!» Прошло семнадцать веков. Кто услышал его так, как я? Государство и общество меня мало интересуют, меня серьезно занимает человек. Индивид! Как скажется на нем инициатива заокеанского президента? Хочу верить, что самым практическим образом. Социальные эксперименты доказали за последние две тысячи лет свою бесполезность. Homo sapiens в своей сути не меняется: как жил он в пороках, так и по сей день радость жизни получает в грехопадении. А в последние годы, как ты сам говорил, человек стал портиться с нарастающей скоростью. Источник счастья ныне до безобразия примитивен. Деньги, товары, чувства — очень сомнительные, изменчивые категории. Секс, власть, уют... Редкие люди выходят за эти рамки и ищут себя в другом пространстве. А коридор физиологической гармонии может вызвать лишь грустную усмешку. Как ничтожен человек! При температуре плюс шесть мы погибаем от охлаждения, а при плюс пятьдесят — от перегрева. При ежедневных порциях пищи в шестьсот калорий мы через четыре недели отдаем концы от истощения. А при трехмесячном отсутствии секса, онанизма, мастурбации сходим с ума! Я это на себе чувствую. Когда прилив страсти к себе проходит, а это случается через пятнадцать—двадцать минут после оргазма, наступает меланхолия... Вернусь к стержневой мысли. Нынче много непонятого: человек за жизнь не прочел ни одной серьезной книги, но регулярно занимается физической культурой — такие люди востребованы на ура.

А если ты лауреат Нобелевской премии, то тебя вспоминают лишь на юбилейных патриотических митингах. Одному дана смазливая физиономия, а другому — сто ай-кью. Но СМИ и общество жадно тянутся к внешности, а не к уму. И это венец природы? Чушь! Неделки. Вокруг столько возможностей взять лучшее у естественной среды, собрать замечательный строительный материал для нового человека из биоэлементов растительного и животного мира в единый ансамбль, имплантируя их в наш геном, чтобы стать подобными Богу как существа Всепобеждающего, Всесильного, Всезнающего. А мы ищем успокоение в мифотворчестве, переполненном противоречиями и догматами. Но ведь мифы — пристанище безволия и немощного разума. Только евгеника способна по-настоящему улучшить человеческую природу, создать новый вид, способный противопоставить себя любым вызовам стихийных явлений. Генная инженерия предоставит нам возможность преодолеть эволюционные барьеры, управлять мутациями в организме. Это колоссальный прорыв в созидании обновленного сверхчеловека. И окончательное развенчание Дарвина, утверждавшего, что моральный прогресс человечества — естественный процесс. Старик не пожелал различать душевные болезни и нравственные пороки. Тьфу! Какая недалёковидность!

— Научный отбор? — оживился Петр Петрович. — Вот тебе задачка. Муж алкоголик, жена проститутка. Народили восемь детей, все до одного олигофрены. Девятая беременность, женщина лечится от хронической гонореи. Что делать?

— Принудительный аборт. Другого решения быть не может. Содержать такое милое семейство весьма обременительно. Эти средства полезнее направить на развитие евгенических исследований. Как раз поэтому нужна генетическая интервенция, чтобы как можно быстрее создать человеческую экологию. А мы аплодируем долларовой интервенции, предназначенной сдерживать курс рубля и обеспечить содержание неполноценных. А ведь наша сверхзадача — иметь здоровый и умный вид, совершенствующийся из поколения в поколение. Пусть естественный отбор останется лишь в мире дикой природы. А среди людей с достаточным интеллектуальным потенциалом надо внедрять генную

инженерию. От принципа морали в обновлении человека, от канонического «не вмешиваться в Промысел Божий» настала пора перейти к научным исследованиям и опытам. Гомо сапиенс имеет свое начало, от нашего активного и грамотного вмешательства будет зависеть время его конца. Я хотел бы, чтобы будущее человека было долгим, а без помощи евгеники это маловероятно. Вот почему я сторонник принудительной стерилизации неполноценных, и еще ряда непопулярных идей. Человек сам должен спасти себя!

— Тот пример я привел из реальной жизни, и таких, наверное, немало. Так вот, девятым ребенком у этих «отбросов общества» оказался гениальный Бетховен. Теперь что скажешь? — усмехнулся Парфенчиков.

— Есть лотерея, в которую обдуманно и азартно вовлечены массы. Есть анонимная генетическая лотерея, в которой страстно, нередко в пьяном виде, участвуют все смертные не задумываясь над материальным выигрышем, а лишь удовлетворяя слепые инстинкты. Вопрос, как возник в такой уродливой среде Бетховен, мне не интересен. В лотереях не участвую. Я поглощен размышлениями другого порядка: какой дорогой мы двигаемся? С какой поклажей идем дальше, чтобы наконец обрести ту Божественность, о которой мечтал Василий Великий и многие другие до и после него? А в бытовом смысле отвечаю так: в вопросе деторождения я придерживаюсь традиций римского и иудейского права — отец Бетховена не определен, установить его невозможно. Вообще, истинность отцовства всегда сомнительна. Хотя семя того незнакомца вполне могло стимулировать в утробе матери необычайные мутации, давшие миру великого композитора.

— Пассивный сторонник? Через пару часов ты перейдешь из пассивной стадии в активную. Мы начинаем эксперимент с нанопиллюлей Кошмарова. Или как ты ее хочешь назвать?

— Русевгрунемкит.

— Язык сломаешь. Дай подумать... Мне кажется, проще назвать ее рек-негр. По первым буквам слов. Или генрук — грузины, евреи, немцы, русские, китайцы. Как, а? Складно? Нужно найти подходящее слово, украшающее идею. Тогда она приживется повсеместно и даст прекрасные всходы.

— Но почему на первом месте грузины? У них всего-то пять процентов.

— Неужели это принципиально? Придираешься, дружок. Пожалуйста, на первое место поставим русских: рукген — рукотворная генетика, или русский генофонд. Устраивает?

— Не против. Но прежде у меня вопрос: почему Кошмаров хочет менять лишь русских, а не все человечество?

— Честно сказать, меня это несколько не интересовало, так что я его даже не спрашивал. Можем узнать. Сейчас пару ложек выпью, и он мигом явится.

— Да, интересно выведать его мысли. Может, за простым патриотическим желанием что-то скрывается.

— Чтобы вступить с ним в контакт, тебе необходимо выпить полторы ложки. Помню, час назад ты уже принял дозу. Можно добавить. Я сейчас вдогонку двум ложкам, которые недавно заел, пошлю еще три, но уже с бугорком. Впрочем, начинай.

Парфенчиков передал Григорию Семеновичу мешочек. Потом проворно принял дозу, заел ее куском булки, добавил еще вареньице и закрыл на пару минут глаза. За Помешкиным Петр Петрович не наблюдал, казалось, он вовсе забыл о госте.

— Профессор Кошмаров, у нас к вам вопрос, — услышал Григорий Семенович голос Парфенчикова и тут же открыл глаза. — Сегодня мы начинаем эксперимент с вашими пилюлями, которые мы назвали рукген — рукотворная генетика. Коллега Помешкин желает знать, почему вы хотите улучшить генофонд русских, а не всего человечества. Впрочем, может, у вас есть в других странах агенты, которые уже начали такую работу, и мы участвуем во всемирном исследовании? Или вы мечтаете, улучшив генотип россиян, выиграть третью, теперь уже интеллектуальную, мировую войну? Либо выполняете тайную миссию секретных служб?

— Господа, господа, что вы знаете о современной России? Позор! Надо читать книги и газеты. Семнадцатого марта 2001 года в газете «Известия» меня заинтересовала одна статья. В ней говорилось, что группа европейских ученых под руководством профессора Линна составила интеллектуальную карту Европы. Так вот, самое высокое ай-кью в

Европе у немцев. Русским досталось жалкое шестнадцатое место. Загляните в Интернет, и вы легко найдете эту статью. Данные меня настолько ошеломили, что я начал работать над созданием препарата, способного резко улучшить наш этнос. Надо, чтобы мы пробилась в первую пятерку или даже в европейскую тройку — после немцев и голландцев. Скорость моей работе прибавило сообщение о том, что по итогам мирового опроса 2007 года выявилась нация, вызывающая наибольшее уважение своим интеллектом и наибольшие симпатии — своим воспитанием и культурой. На первом месте опять оказались немцы! После этого я стал работать как умалишенный: день и ночь. И вот нанопиллюля, или, как вы ее хотите назвать, рукген, в начале лета 2009 года готова. Выйти вперед, находясь на шестнадцатом месте, нелегко. Вначале нам нужно подтянуться, повысить свой рейтинг. Так что прошу вас не откладывать распространение нанопиллюли.

— Тебя эти данные задели? Шестнадцатое место, после кого? Впрочем, неважно. Скажу честно, когда я это услышал, представилось мне, будто я давеча не кукнар выпил, а прокрученный в мясорубке овес. Так противно стало. А как ты перенес? — спросил Петр Петрович Помешкина.

— Мне все это по-фиолетовому. Я так и предполагал.

— Что будем делать?

— Участвовать в эксперименте. Я с большой охотой рассказал бы о совершенствовании нашего этноса, а не американского, о чем ты спрашивал. Если Президент России примет, подобно Обаме, аналогичный закон, то многое можно сделать. Бог с ними, с американцами.

— Давай, валяй. Любопытно!

— Я вам не нужен? — спросил очкарик. — У меня важные дела.

— Нам все равно! — заторопился Парфенчиков.

— Тогда я исчезаю.

— Начнем со статистики, — начал Григорий Семенович. — Согласно ей, мы — вымирающая нация. Каждый год теряем около семисот тысяч человек. Это особенно опасно, если учесть, на какой богатой и великой территории живет русский народ. В критический момент снижения популяции вполне возможны локальные войны

с близкими, а впрочем, и с дальними соседями. Значит, основная задача — пополнить население. Механизм поощрения деторождения в полной мере не заработал, да и не мог существенно изменить ситуацию. В этом вопросе без евгеники не обойтись. Нужны радикальные меры. Какое из животных ближе всего стоит к человеку? Не торопись. Послушай, а потом скажешь. С каким животным человек во все времена борется и не может победить? Мы заражаем врага вирусами, паратифом, сальмонеллой — результат ноль. Подкармливаем самыми разными ядами — ратиндантом, бромдиалоном, антикоагулянтами — в надежде, что эти гады вымрут, истекая кровью. Но проклятые животные с такой скоростью мутируют и размножаются, что яд становится их калорийной пищей. Регион обитания у этого животного — все уголки, все пространство Земли. Прекрасный пловец, распознает наркотики лучше собак, высокий интеллект, быстрая реакция. Ест оно абсолютно все. Живет при температуре от плюс пятидесяти до минус тридцати градусов. Выводит потомство при минус двадцати. В год дает восемьсот детенышей! Беременность — три месяца. Специальный ген этого животного оберегает его организм от всевозможных инфекций, передающихся половым путем. Другой ген передает практическую информацию следующим поколениям. Эти два гена уникальные. У людей ничего подобного нет. Животное, о котором идет речь, старше человека на пятьдесят миллионов лет. Я хотел бы использовать его для генетического обновления русской нации. Можешь назвать его.

— Слушай, я не зоолог и мало что знаю в этой области. Мне известно лишь, что собака лает, волк воет, а петух кукарекает. Говори, о ком рассказывал?

— Крыса! Крыса! Геном крысы и человека почти совпадает.

— Крыса? — поморщился Парфенчиков, впрочем он тут же заулыбался. — А что, замечательные характеристики. Я готов дополнить себя крысиными талантами. А как они относятся к *этому самому*? — усмехнулся он.

— Обожают алкоголь и *это* тоже. Но самое замечательное, что они единственные существа, не подверженные абстинентному синдрому.

— Bravo! Bravo! Ты меня ошеломил. Прекрасно! Ужасно захотелось стать крысосопиенсом. Ведь есть во мне — гомо сапиенсе — много того, что мне категорически не нравится, что я просто ненавижу в самом себе. Я не раз путался, думая как же кардинально изменить себя. Раньше порой возникали чувства, да такие навязчивые, хотя ты их не просто не желал, а абсолютно порицал, отвергал и даже ужасно стыдился. Например, женская грудь. Она тебя волновала, завораживала, ты тянулся к ней, ее формы толкали на безумные поступки, даже на расстоянии вызывали эрекцию. Тут же вспыхивало желание, бешеная страсть как реакция на эту, казалось бы, заурядную выпуклость человеческого тела. Просыпалась неистовая потребность обнять, целовать, кусать грудь, раствориться в ее ткани и погрузиться в безмерное счастье. Налицо болезненный эффект излишней эротической чувствительности. Я не находил способа избавиться от нее. В борьбе с отчаянной похотью лишь усугублял презрение к себе. Начинал подавлять свои чувства, злился, негодовал, что нахожусь в каком-то мистическом плену, в кабале наваждений, что не в силах выбросить дурь из головы. Мучительно искал выход из этого колдовского состояния. Бывали приливы особой ярости: в мыслях я ставил на огонь огромный котел с водой, мне казалось, что в нем помещались груди всех женщин мира, я варил их, приплясывая вокруг костра до тех пор, пока дно котла не начинало дымиться, а варево навечно не исчезало. В своем самозабвенном танце я отрешался от магической зависимости стихийных мутаций прошлого. Такая дурацкая напасть в человеке сидит. Не желаешь чего-то, а вот не в состоянии отказаться от приставучей дурацкой идеи. Довольно часто у тебя нет сил сказать самому себе «нет». Напряжение, которое требуется для такого категорического отказа, доводит до безумия. Что, убийца, педофил, разбойник-маньяк или законченный негодяй не борется сам с собой до полного изнеможения перед преступлением? Еще как они мечутся в страхе и агонии, еще как страдают, а не совершить мерзкое деяние не могут. Соблазн или ненависть таится в каждом и беспощадно грызет волю. Если бы не молотый цветочек, который своей необыкновенной силой заглушил во мне эти дурацкие чувства, я давно бы сошел с ума. Все это происходило со мной до зна-

комства с маковой головкой. Не хочешь иметь денег, а колдовская сила заставляет тянуться к ним, постоянно думать о них, в каком-то исступлении набивать свои карманы, наполнять банковские счета и сейфы этой дрянью. Нет желания выстраивать карьеру, а кто-то, сидящий в тебе подталкивает, понуждает, раздувает в тебе непомерные дурацкие амбиции. Дни и ночи мелькают в сознании высокие федеральные посты и должности, указы, подписанные за кремлевским столом, армии беспрекословных подчиненных, одобрительные голоса и аплодисменты электората. И не ведаешь, как же от этих оков освободиться. То же самое с одеждой от известных кутюрье, с телками одного часа, одного ночного свидания, с приятельскими кутежами, с попойками ради бизнеса, с покупками должностей, вилл, домов, островов, самолетов и яхт. Слава богу, что кукнар спас меня от слишком человеческого... Вспомнив прошлое, успокоившись после единственно правильного решения и размышляя над крысиными способностями, хочу тебе сказать, Гришка: я без колебаний остаюсь с маковой головкой. Другого лично мне ничего не надо. Но послушать твои фантазии о качественном изменении россиянина я готов со всем вниманием. Так что же из крысиного генного ансамбля ты можешь передать жителям Кана и другим нашим согражданам?

— Зачем вообще понадобилось перетряхивать геном гомо сапиенса? — произнес задумчиво Помешкин. И сам ответил: — Нынче нравственный кризис усугубился мировым экономическим провалом. Выбираться из ситуации известными методами малоэффективно, более того — опасно. Тезис первый: надо расширить государственное управление экономикой. Многие ученые рекомендуют этот путь. Но ограничение свободы в экономической жизни, повлечет за собой ущемление личных свобод граждан, а значит, неминуем социальный взрыв. И какая партия в России или в западных странах возьмет на себя смелость пойти на такие меры? Открыть новые ГУЛАГи, распахнуть дверь отремонтированному Освенциму — на этот шаг можно решиться при соответствующей идеологической платформе. А ее нет! Поэтому мой рецепт следующий: начать интенсивные исследовательские работы в области генной инженерии. И взять самое лучшее у крыс!

— Ха-ха-ха! — закатился Петр Петрович. — От этой твари поморщится любой, кроме меня. Так что ты предлагаешь от них взять?

— Крысы, повторяю, комфортно существуют и производят потомство в разных температурных режимах. Это главное. «Забираем» эти полезные свойства и прививаем гомо сапиенсу. Для повышения температуры на один градус в помещении девять квадратных метров (берем российский стандарт) необходимо ежемесячно сжигать четыре килограмма дров, килограмм угля, три килограмма торфа или полтора куба газа. Если человек сможет комфортно чувствовать себя не при 21, а при 7 градусах, то экономия составит 21 куб газа в месяц. Это 147 кубов за зиму, то есть пятьдесят долларов. И так только на девяти квадратных метрах. А сколько квадратных метров жилья в России? Статистика подсказывает: почти четыре миллиарда! Эту цифру делим на девять. Получаем почти четыреста с половиной миллионов. Эту цифру умножаем на 147 кубов и на пятьдесят долларов. Получаем шестьдесят четыре миллиарда кубов газа (условных, так как многие пользуются дровами, углем и торфом)! Это двадцать два миллиарда долларов! А сколько производственных помещений отапливается? Такие цифры мне не известны. Предположим, площадь их в десять раз меньше жилой. Вся экономия энергии составит в совокупности 70 миллиардов кубов газа за отопительный сезон или почти 25 миллиардов долларов. Это бюджет Уральского и Сибирского федеральных округов. Если эти цифры умножим на 3,5 — сегодня население Евросоюза больше российского именно на эту величину, а в 5 раз больше будет в ближайшее время, когда членом Евросоюза, надеюсь, станет Турция. Экономия без индексации (один человек — девять квадратных метров в России, в Европе эта цифра значительно выше, поэтому нуждается в коррекции) окажется впечатляющей: 400 миллиардов кубов газа, то есть 120 миллиардов долларов по российским ценам. А мы знаем, что у них расценки на газ выше. Можно представить реальные величины потребления газа в Европе: около 500 миллиардов кубов, его стоимость — более трехсот миллиардов долларов. Но больше всего меня впечатляет сэкономленный объем газа — это больше половины от всего мирового потребления. Вот вклад в кардинальное сокращение выбросов парниковых газов! А мы использовали лишь один

из крысиных талантов. Демографическую проблему можно тоже легко решить благодаря фантастической способности этих грызунов к приплоду. На нашей огромной территории должны проживать как минимум пятьсот миллионов человек, а еще лучше — около восьмисот. И поможет нам опять генная инженерия. Сокращение срока беременности до трех-четырёх месяцев сэкономит огромные средства. С помощью несимпатичных животных мы усилим нашу иммунную систему. Сможем передавать по наследству практические навыки и теоретические знания, избавимся от боязни голода, так как возникнет способность есть все подряд без разбору. Начнем спать не столько, сколько требуется организму для восстановления затраченных сил, а сколько захочется, для удовольствия, получаемого в сношениях...

— Ты главное позабыл: крысиные гены избавят человечество от смертельных ломок — абстинентного синдрома, — с трудом открывая тяжелые веки, вставил Парфенчиков.

— И это, конечно, тоже! Ранние евгеники полагали, что достаточно стерилизовать неполноценных людей, чтобы каждое новое поколение улучшало популяцию. Они не учли один момент: чтобы исключить наследственную патологию у одного процента населения, потребуются девяносто поколений. На эти процедуры ушли бы сотни лет. Мне понятно, что такая математическая громоздкость никогда не приведет к желаемым результатам. А с такими, как я, считающими себя уродами, и этого делать не надо. Я категорический противник воспроизводства людей традиционным путем. Поэтому я разбрызгиваю сперму на собственное отражение в зеркале. Это меня утешает. Герберт Спенсер говорил: «Вскармливание ни на что не годных за счет годных есть крайняя степень жестокости. Это намеренное накопление несчастий для будущих поколений. Нет большего проклятия потомкам, чем оставить им в наследство растущую популяцию имбецилов». И в самом деле, разве можно заниматься любовью с партнершей, не имеющей генетического паспорта? Даже если бы коллегия Верховного суда России принудила меня к сношению с женщиной, я отказался бы, предпочитая тюремную камеру или смерть. Груз ответственности перед будущим подавил бы основной инстинкт... Когда представляю себя генетически измененным, во мне возникает замечательное ощущение превосходства над прошлым

Помешкиным. Недавние страдания собственного *я* основательно исчезают. Тот Гришка, который недавно денно и нощно мучился сомнениями, — оказался ли он в том мире, в котором хотел бы пребывать, и не покончить ли с собой в поиске альтернативного места существования или небытия, ведь небытие это существование со знаком минус, тоже канули в никуда. Открывается простор для всевозможных экспериментов и превращений, творчества, созидания. Смысл жизни видится ясным и прочным. Ты как и другие, становишься сверхчеловеком, способным на самое невероятное. Стихия природы, бесконечность пространства и времени, таинственные силы зла тебе абсолютно безразличны.

— Э, брат любезный, тебя занесло. Я слушаю тебя с интересом, но без одобрения. Для таких фантазий разума, о которых ты мечтаешь, вовсе не нужна гениальная инженерия. Три ложки молотого мака слепят из тебя сверхчеловека, или гиперсущество, да вообще кого угодно: вполне реально, что и Бога, и дьявола! В тебе чувствуется новобранец. Необыкновенная сила чудодействующего цветка еще не полностью приняла тебя в свои объятия. Ты еще блуждаешь в мире реального, а я живу среди воспаленных аллегорий. Поэтому я не скрываю своего отвращения ко всему социальному. Увеличь дозу, Григорий Семенович! И желаемый мир робко приоткроется тебе ажурными сюжетами. Слабый скрип двери в виртуальное царство одарит тебя гораздо большим богатством эмоций, чем новый генетический ансамбль крысино-тараканьих талантов. Впрочем, я ни на чем не настаиваю. Приверженцы маковой головки выше всего ценят личную свободу, оберегают лишь суверенность, находятся в поиске исключительно *этого* продукта. Больше ничего не надо! И так во веки веков! Известна метафора: «архитектура — это застывшая музыка». Так вот, чары маковой головки — это «сжатая в кулачок Вселенная». Разожми кулак — и грандиозные, самые невероятные картины мира предстанут перед тобой. Ну, давай собираться. Попьем чаю, примем заветный порошок и отправимся в гости к молодой женщине. Любопытно понаблюдать, как в реальности начнет меняться человек, как наша пилюля преобразит мир, который видит эта Катерина Лоскуткина. Испытает ли она нечто сходное с наркотическим опьянением, вступит ли во взбалмошную

ирреальность, о которой во время душевного возбуждения всегда мечтаю я? Надо присмотреться: окажется ли средство профессора сильнее действия цветочного порошка. Поведение девушки скажет само за себя: есть ли у нанопилюли действительно магическая сила, вызывающая взрыв фантазии и мечтательности. Будет ли она способствовать обретению русским человеком европейской моральности, разумности, уважения к законам и поможет ли подняться нам с шестнадцатого на место в первой тройке на интеллектуальной карте Европы. Или все это лишь чепуха, которой заморочил нас Кошмаров? Меня его афера интересует лишь как игра. Люблю после приема *этого самого* отправляться в дальние путешествия. Надеюсь, и на этот раз получу удовольствие от соприкосновения с раскрытием неведомой силы. Ставь чайник, друг Помешкин. Намажь хлеб вареньем. Не упusti счастливое мгновение. Не верь науке, епитимье, капиталу, покаянию, чувствам, цыганским чарам. Кукнар, только он, он, он один способен открыть перед нами вожделенный мир волшебного представления. Еще наш великий предок писал: «Что до меня, то я давно положил не думать о том: человек ли создал Бога или Бог человека?»

— Впервые в жизни меня взволновало внешнее событие, — пробормотал Григорий Семенович. — До мозга костей я космополит, хотя где-то в глубине души чувствую, что мне не совсем безразлично место русских в современном мире. Хочется все же, чтобы они упрочили свое положение и обрели достоинство. Как раз это именно то, что я не желаю требовать от самого себя. Мне вполне достаточно исподтишка наблюдать за миром, трогательно убеждая себя, что я совсем другой, непохожий, некая отличная от всех песчинка в бесконечности. И лишь это меня радует, соблазняет отстаивать суверенность, почитая ее как нечто абсолютное. К чему приведет меня твое новое зелье, пока теряюсь в догадках. Признаюсь, дружище: жду сюрприза! А после чая готов присоединиться к твоему путешествию...

Голубые глаза Лоскуткиной, казалось, стали еще больше, когда на пороге своего скромного жилища она в неуверенный утренний час вдруг увидела Петра Парфенчикова с незнакомым молодым человеком. Первая мелькнувшая у

нее мысль была такая: слава богу, пришли забирать свои, оставленные накануне пачки денег. Петр Петрович поприветствовал ее весьма церемонно:

— Доброе утро, вот зашел к тебе с приятелем на чай. Его зовут Григорий, он местный. Примешь?

В руке гость держал коробку с тортом. Лоскуткина немало пришла в себя, поправила светлые волосы, застегнула накинутый второпях халатик и широко открыла скрипучую дверь.

— Входите, — смущенно сказала она, прижавшись к стенке, чтобы пропустить гостей.

Приятели вошли и молча встали. Садиться было некуда. Единственный венский стул оказался занят одеждой хозяйки. Катерина быстро накрыла вязаным пледом постель и предложила присесть.

— У меня другая идея — расположиться на полу, — сказал Парфенчиков. — Это комфортно и привычно. Не против? К тому же хочется, наконец, услышать что-нибудь из кризисной лексики. Например, «Прошу, присаживайтесь поудобнее на пол!» Или: «У меня на полу вы прекрасно проведете время за чашкой чая!» И уж совсем замечательно: «Крошки с пола заглушат ваш волчий аппетит!» Или из черного юмора: «Свиной грипп имеет аристократическое происхождение — по полу он не ползает». — Петр Петрович усмехнулся и опустился на облезлые некогда крашенные доски, облокотившись о диван. — Гриш, и ты устраивайся смелее, — посоветовал он.

— Пожалуйста-пожалуйста, я сама нередко ужинаю, сидя на полу. Комнатка небольшая, даже маленький стол с трудом уместится. А кризис-то мы вроде и не чувствуем. Что это? Когда нет денег? Так их никогда нет! Или когда нет работы? Но у нас она что есть, что нет — карман не чувствует. Такие гроши платят, что всегда вокруг тебя пусто. Кроме нищеты, заполнить жизнь нечем... Ставить чайник?

— Да-да! Завтракаем с тортом. Так что первый день в качестве безработной у тебя неплохо начинается. Не исключены и другие приятные сюрпризы. Верю, что жизнь полна неожиданностей. А что скажет Григорий Семенович?

— У нас в Сибири с этим делом туго. Неожиданности я устраиваю сам. И неплохо получается.

— Например? — заинтересовался Парфенчиков.

— Еще не зная твоей сути, я представлял тебя совсем другим человеком. Наделял разнообразными характеристиками: то чертами предпринимателя, идущего на все ради заработка, то повадками беспардонного искателя кладов и церковного антиквариата, то гордеца-толстосума, презирающего людей без высокого достатка, то манерами и ментальностью столичного воображалы... Но когда встретились, поразился твоей оригинальностью, о которой не подозревал. Такая игра с собственным образом утешает, забавляет, вносит в скучную жизнь Кана бодрящий аромат. Чем другим можно заняться еще в российской провинции? Бизнесом — упаси бог, замучают чиновники администрированием и поборами, политикой — но народная апатия так глубока, а для реформ и преобразований необходима такая неистовая энергия масс, что шансы сделать в этой сфере даже первый шаг, равны нулю. Наукой? Нет и никогда не будет финансирования, а без интенсивного инвестирования ожидать результатов — наивное дело, утопия. Заняться профессиональным совершенствованием? В этом начинании цель тоже никудышная. Ведь потребительский рынок в регионах напрочь отсутствует. Так для кого или для чего себя совершенствовать? В чем применить свои пусть даже удивительные таланты и способности? Податься просто некуда!

— Встретиться с Петром Петровичем, — торопливо бросил Парфенчиков, заливаясь громким смехом, — чтобы он открыл великую премудрость жизни, отключающую от безумной реальности. Как, а? Ведь есть же выход? Восторг, который вдруг откроется, спасет от меланхолии, от провинциальной апатии. Мой идол — выдающийся обольститель.

— Согласен, согласен, открываются совершенно новые возможности познать себя и мир вокруг. Сам убедился, самого все больше и чаще тянет к Парфенчикову, к тесному общению с ним, к его чудесному колдовскому мешочку, к сказочным фантазмагориям, — мечтательно произнес Григорий Помешкин.

— Катенька, дай, пожалуйста, нож. Надо торт нарезать. — В этот момент Петр Петрович приготовил нанопи-

люлю и слегка толкнул приятеля ногой. Дескать, сейчас мы ей подсунем рукген Кошмарова.

Лоскуткина опустила на колени, расстелила полотенце, разлила чай, в центр поставила вазочку с вишневым вареньем, разложила несколько сушек и, улыбнувшись, спросила Парфенчикова:

— Может, все же заберете деньги? Они так и лежат нетронутые. Мне как-то не по себе от такой суммы. Я их не заслужила и ни малейшего намека по этому поводу не высказала. Позвольте вернуть их вам...

— Этот вопрос больше не обсуждается, — категорично, с явным раздражением прервал ее Парфенчиков. — На чужие активы я даже смотреть не стану. Лучше дай мне блюдце. Чай люблю пить по старинке, больше удовольствия испытываешь, прихлебывая глоток за глотком.

Едва молодая женщина приподнялась, желая взять с тумбочки блюдце, как Парфенчиков за ее спиной вдавил мягонькую нанопилюлю в кусок торта и поставил его на салфетку рядом с кружкой Екатерины. — Кремовый торт мы принесли свежий, замечательный, от местного кондитера. Попробуй эту вкуснятину — и безработица покажется не таким уж жутким состоянием. Мы явились не зачем-нибудь, а чтобы прислуживать тебе, угождать... Чтобы чудо свершилось и твоя жизнь в корне изменилась. Добрый ты человек, Катюша...

«С чего бы это вдруг столько нежности? — настороженно думала молодая женщина. — Не приучена я к такому обхождению. Мне привычнее брань слышать, угрозы...»

После чаепития молодые люди поднялись, поблагодарили хозяйку, пообещали прийти к обеду и, довольные успешным стартом вышли из комнатки.

Карусель мутаций

Лоскуткина перевела дух. Неожиданный утренний визит смутил ее. Она медленно прибрала с полу кухонную утварь, подмела и опять улеглась на диван. Идти было некуда. Расчет обещали дать лишь через несколько дней. Вначале мысль, как жить дальше, не беспокоила ее. Вариантов было не много: переселиться в вагончик, нанявшись разнорабочей на железную дорогу, и курсировать по Транссибу от Новосибирска до Читы; завербоваться стряпухой на сезон в тайгу с бригадой лесорубов; вернуться в родную деревню, махнуть на тоскливую жизнь рукой, надежно пристрастившись к стакану. Другой выбор сейчас не приходил в голову, да и не существовал он в ее сознании. Положившись на судьбу, она решила час-другой вздремнуть.

Проснувшись, обнаружила в себе настойчивые, даже требовательные желания. Так, она вдруг вспомнила о своей хромоте и воспылала намерением как можно быстрее от нее избавиться. На ум пришла старуха из соседней деревни, лечившая ее травами. «Почему я не прошла полностью курс лечения? — подумала Катерина. — Поленилась собирать в

тайге для бабушки травы в счет уплаты за ее знахарство? Неужели хромота была для меня в то время сущим пустяком, не заслуживавшим должного внимания? О чем я думала? Ведь это было вовсе не трудно: срывать и складывать в корзинку лабазник, марьин корень, мирикарию даурскую, княжник сибирский, чистец и шлемник байкальский, маралий, женьшень... И от хромоты следа бы не осталось. Выросли бы шансы выстроить успешную жизнь, создать семью, обзавестись детьми».

Тут ее внимание привлекли пачки денег, оставленные Парфенчиковым. Она и не вспомнила, что пару часов назад пыталась вернуть их владельцу. Теперь молодая женщина по-хозяйски взяла деньги в руки и стала пересчитывать. Оказалось, что ее капитал составлял четыреста тысяч рублей, или больше десяти тысяч долларов. «Слава богу, можно начать новую жизнь, — мелькнуло у нее в голове. — Впрочем, извини, дорогая! Не просто можно, а настоятельно необходимо менять себя. Слава богу, что меня уволили. Наконец-то никто не помешает расправить крылья. Я испытываю необыкновенную радость на сердце от новой способности не пассивно воспринимать мир, а творчески приспособлять его к своим возрастающим потребностям. Пространство и многоликость природы для того существуют, чтобы искать и находить себя, а не тосковать в восьмиметровой комнатенке. С чего начать? Что главное? В моем положении необходимо сразу решать несколько задач: улучшить свой внешний вид, в частности устранить физические недостатки. Пополнить знания, расширить кругозор, начать предпринимательскую карьеру, пересмотреть стандарты жизни, приобщиться к социальной политике. Затем поставить цель стать богатой, жить комфортабельно, уделять внимание своему здоровью, покончить с нерациональным пустым времяпрепровождением. И делать все это надо одновременно, устойчиво вставая на ноги. Итак, первое: найти старую знахарку. Она — кладезь знаний, которые пригодятся мне во многих начинаниях. Цветы, травы, грибы Сибири таят в себе огромный потенциал для бизнеса, здоровья, знаний, превращений. Но почему я раньше обо всем этом не задумывалась? Ведь очевидные вещи! И инвестиции нужны весьма скромные: трудолюбие. Странно! По-

чему я такая замкнутая, забитая, нерадивая была? Теперь прощайте, малодушие и робость, начинаю жить по-новому. Запомню, как звали травницу: Пелагея Ивановна, Полина Ивановна или Прасковья Ивановна? Ах да, баба Нина! Да жива ли она вообще? Если жива, то найти ее несложно. Домик стоял за околицей деревни Стрешнево. Я неплохо помню эти места. Надо торопиться на станцию. Три часа автобусом — и я на месте. Задержусь у старухи на несколько дней. Необходимо восстановить в памяти прежние знания и пополниться новыми. А деньги, куда деть деньги? Отнести в банк? Только банки сейчас на ладан дышат. Кризис — время опасное, доверять финансовым институтам нельзя. Надо взять мой капитал с собой. Кстати, откуда в моем лексиконе появились такие слова, как “финансовые институты”? Бог знает, что со мной творится. Может, наконец, поумнела? С чего бы?»

Тут Лоскуткина вскочила, сняла с гвоздя небольшую дорожную сумку и поспешно сложила в нее пачки с купюрами голубого цвета и собственные немудреные пожитки. Едва она собралась и хотела было выйти, как в дверь постучали. Вначале деликатно, потом все более настойчиво.

«Кто там еще?» — подумала она недоуменно и приоткрыла дверь. На пороге стояли двое. Их лица показались молодой женщине, знакомыми.

— Что вам? — спросила Лоскуткина, не скрывая недовольства.

— Катенька, мы к тебе опять с визитом, — дружелюбно улыбнулся Парфенчиков. Принесли фрукты. Ведь договаривались, что к полудню подойдем.

— Разве? Не помню! Но дело даже не в этом. Я не собираюсь пускать к себе малознакомых мужчин. И вообще тороплюсь на станцию. Уезжаю по срочным делам в деревню.

— Что с тобой, Катюша? Мы же сегодня поутру вместе завтракали. Вот здесь, на полу. Ели свежий торт, пили чай, вспомни. А потом договорились в полдень встретиться, — нарочито недоумевал Петр Петрович, подмигивая Помешкину. — Да и что нынче делать в деревне? Она от кризиса не спасет. Там рука голода еще крепче сдавит горло, а без врача мексиканская болезнь может развиваться весьма опасно. Ты действительно нас не впустишь?

— Утреннее чаепитие? Нечто подобное я видела недавно во сне. Вы что, угадываете сюжеты чужих сновидений? Такие замечательные таланты можно эффективно использовать в бизнесе. Но, к сожалению, у меня нет времени. Если доведется встретиться еще раз, расскажете мне подробней о ваших способностях. Не исключаю, что буду готова вместе с вами их использовать в бизнесе. Предсказания в кризисное время особенно востребованы. Калькулируйте, определите регионы развития, планируйте презентации и рекламные акции. Убеждайте инвестора и публику в ценности своих услуг. Меня могут заинтересовать и другие варианты. А сейчас — пока! Пока! — После этих слов она без доли смущения закрыла перед молодыми людьми дверь.

— Каков рукген, а? Ай да Кошмаров, ай да профессор! — развел руками Петр Петрович. — Я даже испугался таким кардинальным изменениям в давеча простенькой, провинциальной, вечно краснеющей девушке. В ней вдруг вспыхнула энергия масштабного бизнеса, родился воротила Уолл-стрит. С таким народом Россия быстро станет мировым лидером в науке и экономике. Рубль объявят планетарной валютой, а русский — языком общения всех народов. Но я, дружок, подумал совсем о другом: необходимо упрощить профессора смастерить нанопиллюлю для нас. Для Петра Петровича и Григория Семеновича! Некий русмак чтобы не выращивать этот замечательный цветок ежегодно, не срывать каждую головку со стебля, не набивать мешки на маковых полях, не молоть солому в кофемолке, не раскладывать порционно по ложечкам, не копить по крупянам, не бояться абстинентного состояния, не мучиться в ломках... А принять одну пиллюлю и воспалить свое закабаленное сознание навек, до самой могилы. Возможно, она и в потустороннем мире будет действовать, а наши соотечественники тем временем пусть завоевывают города, народы и континенты, владеют миром и всей Вселенной. Меня этот триумф совсем не волнует. Что ты по этому поводу думаешь? Ведь замечательная перспектива! Ой какая роскошная идея! Профессор, где вы, любезный, явитесь... Оч-ка-рик! — страстно взмолился Петр Петрович! — Очень важный момент, яви-тесь! Ну, пожалуйста, ну... Нет, он не придет. Во мне не хватает энергии кукнара. Поторопимся домой, хочу с ним поговорить. Немедлен-

но. Я под сильнейшим впечатлением от его детища. Но мне недостает трех-четырёх ложечек. Ох, этот проклятый мешочек, почему его нет со мной? Знаю-знаю, не беру его из-за боязни потерять! Пойдем, ускоряй шаг, переходим на бег... Ну, Помешкин! Не отставай! Хочу русмак! Дайте русмак! Ох, как мечтаю его иметь! Он — моя заветная мечта! — то и дело выкрикивал Парфенчиков, несясь к дому.

Тем временем Катерина Лоскуткина вышла из дома и направилась, приволакивая левую ногу, к автостанции. По дороге ей на глаза то и дело попадались кучи бытового мусора. Резкий душок гнили нещадно бил по носу. «Как я раньше этого не замечала? — удивлялась молодая женщина. — Как можно терпеть такую среду? Если в городском бюджете нет денег, а их, конечно, нет, надо поднять народ на уборку собственного города. Современному человеку существовать в непосредственной близости с такой заразой позорно. Почему санитарные службы не бьют тревогу? Почему муниципальные власти не организуют горожан в поход за экологическую чистоту? Ведь нечистоты стекают в реку, а ими питается рыба, которая попадает к нам на стол. Неужели никому в голову не приходит, что такой круговорот опасен для жизни? А пассивное восприятие мерзости никак не соответствует образу современного человека. Весь мир борется за чистоту окружающей среды, а мы, россияне, не замечаем этого процесса. Вернусь в город, обязательно запишусь на прием к городскому главе. Нельзя мириться с таким безобразием. Надо создать движение за чистоту города. Вместо того чтобы весь день сидеть на лавке, щелкая семечки, или глушить пиво с водкой, закусывая вяленой рыбешкой, люди устремятся на общественные работы, которые в итоге украсят наш быт. Ведь общество укрепляется, когда само старается очиститься от скверны внутри и вокруг себя. Осмеять свое бескультурье и невежество так важно для самосовершенствования».

На автостанции одиноко стоял старый помятый автобусик. Около него на лавках сидели несколько небритых мужиков с большими баулами и тетки с грузными авоськами на коленях. Лоскуткина подошла к водителю:

— До Стрешнева возьмете? — спросила она.

— Садись.

- А билеты где брать?
- Мне платить будешь.
- Проезд сколько стоит?
- До Стрешнева? Давай столярник.

Лоскуткина поднялась и протянула шоферу сто рублей. Он молча взял, отрешенно уставившись на дорогу. Катерина постояла перед ним минут пять, потом спросила:

- А билет можно получить?
- Какой еще билет? — удивился водитель.
- За проезд!
- Билет у меня в уме. Не беспокойся, довезу.
- Мне нужен билет, я сдаю финансовый отчет о своей командировке.

— Не местная, что ли? У нас билетов сроду не было...

— Что ты к нему пристала? Садись... Нашлась здесь умная, талдычит: «Билет, билет», — недовольно бросила толстуха средних лет с кошелкой. — Может, тебе еще станцевать? Знаю я таких! Вся зараза от вас...

— Почему вы усугубляете кризис? Все пассажиры обязаны иметь билеты, а ваша транспортная фирма должна платить налог. Предъявите преysкурант цен и выдайте проездной документ! Впрочем, не только мне, но и всем остальным пассажирам.

— Что ты ко мне пристала? Всех ревизоров знаю в лицо, значит, ты не из них. Кто ты вообще такая? Откуда взялась? Подумаешь, законница появилась. Я не таких видывал, — рассвирепел шофер. — Вот возьму и не поеду. Я сам себе хозяин! Эй, граждане, выходите. Автобус не пойдет. Имею право менять маршрут. — Водитель схватил микрофон и нервно, дрожащим голосом, бросил: Рейс на Стрешнево отменяется. Автобус пойдет на Иланку. Все! Выходите!»

В салоне, пропахшем вяленой рыбой, началась паника. Кто-то крикнул:

— Высаживай эту стерву, начальник! Мы-то при чем? Из-за этой сучки не собираюсь торчать здесь до вечера.

Тетка с обрюзгшими щеками бросила:

— Мужик, вытолкни эту крысу из автобуса. Дам премию на бутылку, вези нас поскорее, хозяйство без присмотра осталось.

Молодой парень с третьего ряда закричал:

— Эй ты, вонючка, пошла вон! Считаю до трех, не убеешься, выкину тебя ударом в твою паршивую морду.

— Гоните ее, люди! Бей ревизоров! — хрипло завопила полупьяная тетка.

Гвалт продолжался, но Лоскуткина уже ничего не слышала. Она взяла у шофера свои сто рублей и молча вышла из автобуса. «Как я раньше не обращала внимания, что так много недостойных людей живет вокруг? — пришло ей на ум. — Да бог с ними. Сейчас надо решить, как быстрее добраться до Стрешнева. Что предпринять? Кстати, пора приобрести мобильный телефон. Был бы он сейчас со мной, я смогла бы связаться с транспортным отделом мэрии, высказать претензии по обслуживанию и потребовать отозвать лицензию на пассажирские перевозки. А себе нужно купить велосипед. На нем я смогу ездить в любом направлении. Конечно, лишь в летние месяцы. А там посмотрим. Где купить одно и другое? Пойду в лавку “Медведь”».

За «бэушный» велик она заплатила девятьсот девяносто рублей, с трудом выторговав сто десять рублей. За подержанный телефон пришлось выложить пятьсот пятьдесят. На нем тоже пыталась получить скидку, но больше полусотни ей не уступили. Едва она села на велосипед, как услышала насмешки и хохот: «Хромая пытается на велике ехать... Ха-ха-ха! Вот дура! Кто видел, чтобы хромые на колесах разъезжали? У них за рулем одна дорога — в могилу!» «Почему они такие злые? — мелькнуло в голове. — На меня сегодня со всех сторон сыпятся оскорбления. Раньше такого не было. Что стало с людьми, рядом с которыми я прожила двадцать пять лет? Я их не узнаю! Или они всегда были такими? Впрочем, может, день выдался паршивый? Неблагоприятная магнитная обстановка на Солнце?»

Катерина выехала на дорогу и направилась в Стрешнево. Тридцать пять километров она рассчитывала преодолеть за два часа. Переехав железнодорожное полотно, велосипедистка услышала настойчивый автомобильный сигнал. Обернувшись, она увидела огромный грузовик, несущийся, не сбавляя скорости, прямо на нее. Чтобы избежать столкновения, Лоскуткина попыталась свернуть вправо, но маневр не удался, и Катерина свалилась в кювет. Колено было разбито, из ладони сочилась кровь. Грузенный МАЗ победно пронесся мимо. Она встала,

достала из дорожной сумки платок, смочила его одеколоном, протерла ссадины и упрямо двинулась дальше. Чувство горькой обиды жгло ее. При повороте на Удино у поста ГАИ ее остановил инспектор, упитанный малый с детской улыбкой.

— Стой! Стой! Где это видано, чтобы женщина с поклажей на велосипеде по трассе ездил? Не хватает вам проселочных или лесных тропинок? — Милиционер обошел ее двухколесный экипаж, пристально взглянул на Катерину и спросил: — Почему без шлема? Нарушаем! Нехорошо! Давно за рулем?

— Сегодня купила. Но раньше, бывало, ездил, — безропотно ответила молодая женщина.

— А где регистрационный номер?

— Что за номер?

— Перед тем как покупать транспортное средство, законопослушные граждане изучают инструкции. Велосипеды нынче регистрируются. Нарушение номер два. За первую провинность с вас штраф. А за вто-рую... — инспектор повысил голос, — вынужден изъять транспортное средство до установления истинного хозяина. У нас в Кане воровство процветает, почему я должен верить, что вы являетесь его владелицей? Нет, я служу закону! И на честное слово не полагаюсь. — Он взял велосипед, подкатил его к постовой будке, а потом сам зашел в нее. Через пару минут оттуда вышел другой инспектор, постарше, но не менее тучный.

— Придется договариваться, закон нарушать нельзя, — как бы между прочим бросил он в сторону Лоскуткиной.

— Вы не назовете телефонный номер вашего руководства? Хочу справиться, насколько действия вашего коллеги правомерны, — перешла в наступление Катерина.

— Знаете, что я вам скажу, женщина, все вопросы надо решать на месте. Никакое начальство вам не поможет. Взгляните на себя: вы же пьяны. Руки и ноги в кровавых ссадинах. Трава в волосах запуталась, на одежде следы вина, на колесах куски грязи. Договаривайтесь с инспектором. Когда он составит протокол, поздно будет, дело в разы осложнится. Я лишь хочу вам помочь. Идите к нему, пытайтесь найти, как говорится, консенсус.

— Смогли бы вы пояснить, что значит «договаривайтесь»? Предложить деньги? Я хочу понять обоснованность

обвинений, а не давать взятки... Кстати, у вас должен быть на посту текст закона, прошу предоставить его мне, чтобы я убедилась, что нарушила инструкции. Не то мне придется связаться с адвокатом и просить о защите моих прав. Давайте инструкции либо обвинение в письменной форме!

Второй инспектор ничего не ответил и вернулся в будку. Через пару минут из нее вышел милиционер помоложе, задержавший Катерину. В руках у него была бутылка.

— Мой коллега сказал, что у вас на колене и на ладони сочится кровь. Опасное дело. Летом у нас столбняк — привычное заболевание. Промойте ранки и залепите их пластырем. Подставьте руки.

Едва Катерина нагнулась, чтобы протереть ссадины, как почуствовала, что за воротник потекла жидкость с резким запахом спирта. Она ощутила ее на подбородке и голове.

— Что вы делаете?! — выкрикнула она беспомощно.

— Вы так сильно приложились где-то, что приходится оказывать вам первую медицинскую помощь. У пьяных открытых ран всегда много. Сейчас составим протокол, вызовем «скорую», приведем вас в порядок. А паспорт у вас с собой?

— Нет.

— С сотрудником милиции в чине старшего лейтенанта без паспорта разговаривать не положено. Откуда я знаю, кто вы? По пьяни можно назвать себя кем угодно, хоть любовницей какого-нибудь министра. А в протокол я так и запишу: «У пьяной гражданки, чью личность установить не удалось, во избежание несчастного случая на дороге был изъят велосипед». Сейчас найдем понятых. — Инспектор вышел к дороге и поднял жезл, останавливая старенькую «Мазду» и автобус ПАЗ. Первым подбежал к нему шофер ПАЗа.

— Привет, шеф. Тороплюсь. В чем дело?

— Садись в машину и жди. Что бегаешь? Займи рабочее место.

Затем инспектор подошел к легковушке:

— Инспектор ГИБДД старший лейтенант Бегунков. Предъявите документы на машину и удостоверение на право вождения!

— Начальник, у меня доверенность просрочена. Всего на три дня...

— Выходи, пойдем со мной. — Они вошли в будку. — Нарушаешь. Что мне с тобой делать?

— Вот триста рублей, прости. Ты ж меня знаешь...

— Хорошо, хорошо. — Он переложил деньги в карман. — Выйди и подожди меня пару минут.

Инспектор Бегунков подошел к водителю автобуса:

— Опять халтура?

— Я же за каждый рейс отстегиваю... За мной долгов нет.

— Давай до конца смены подъезжай. Не опаздывай. А сейчас выходи. Подпишешь протокол освидетельствования. Задержал я даму на велосипеде. Пьяная, кричит, угрожает, вся в кровавых подтеках. Стой, а я пошел за вторым свидетелем. — Инспектор собрал их вместе и громко заявил: — Уважаемые водители. Я, старший лейтенант Бегунков, задержал пьяную женщину, чью личность не могу установить. При себе у нее нет никаких документов. Прошу вас письменно засвидетельствовать, что по всем внешним признакам она пьяна, а на многих частях ее тела свежие ссадины и ушибы. Подойдите к ней, осмотрите. В случае сомнений примите. От нее несет как из бочки с брагой. Если я прав, подписывайте. И больше правила дорожного движения не нарушайте!

— Он говорит неправду, — рванулась Лоскуткина. — Я вообще непьющая...

— Кто же в России признается, что хватанул лишка? — усмехнулся водитель автобуса. — А от тебя действительно несет, за версту почувствуешь. Извинилась бы, подбросила денюжат. Покаялась бы. Инспектора — тоже люди... Чего тут шуметь?

Второй водитель был краток:

— Свидетельствую, инспектор: женщина пьяная в стельку.

— Пока не предъявите документ о собственности на велосипед, я его задерживаю. У вас срок три месяца. Если не докажете свои права, он будет конфискован и продан с аукциона.

— Куда вам ехать, женщина? — спросил водитель ПАЗа.

«Что делать? — мысленно прикидывала Лоскуткина. — Нестись в прокуратуру? Ехать к старушке? Или сдать кровь

на анализ? Все по порядку. Надо доказать, что я не пьяна. Наша межрайонная лаборатория может сделать тест на алкоголь. В семи километрах отсюда Стрешнево. Значит, после медицинского освидетельствования я направлюсь к знахарке. Через три-четыре дня обращусь в прокуратуру. Так и поступлю!» Вслух она спросила:

— До райцентра Багатай вам по пути?

— Платишь сто двадцать рублей? — насторожился шофер.

— С билетом или без?

— Без. Какой еще билет.

— Ну что ж, тогда плачу сто двадцать минус двадцать, то есть сто рублей.

— Почему минус двадцать?

— НДС ты не платишь — значит минус.

— Ах вон ты какая! — ухмыльнулся водитель. — Садись в машину. Теперь уже сомневаюсь, что пьяная.

Свободное место оказалось рядом с водителем. Катерина уселась, оплатила проезд, и автомобиль, урча, двинулся вперед.

— Ты чего завелась? Не знаешь, что с милицией у нас не спорят? Они, слава богу, никогда не берут все. Двадцать—тридцать процентов от наvara или от штрафа. Это еще похристиански... Краевые менты до пятидесяти процентов требуют. Поэтому я стараюсь на местных линиях калымить. Не горюй, дашь мне пятьсот рублей — я твой велик вытащу.

— Я это дело так не оставлю. Сейчас сдам анализ на алкоголь, найму юриста, обращусь в прокуратуру, в краевые органы МВД. Если понадобится, пойду и дальше, только этого негодяя с работы вытурю. Его наглости нет предела. Облил меня с ног до головы водкой, а потом обратился к вам, так называемым свидетелям: дескать, подтвердите, уважаемые, что от задержанной несет спиртом. Простить такое невозможно. Россия — наша страна, если мы хотим ее любить, то прежде всего она должна вызывать уважение. Если нам все безразлично, то кроме ненависти чувств к ней не будет. А я хочу реализовать себя как активный член общества и предприниматель. Поэтому мне не только не все равно, мне ужасно больно за этот мерзкий случай.

— Ты на меня не серчай. Я человек зависимый. Кручусь перед разными государственными служащими как уж на сковородке. Если станешь в позу перед милиционером, фискалом, судьей, прокурором, чиновником мэрии, пожарником, гигиенистом — тебе хана. Жизни не будет. Они ее с удовольствием отберут. Ни брезгуя, не остерегаясь, не испытывая угрызения совести ни перед кем. Я тебе, как отец, советую, подожди хвост, успокойся, забудь, что такое жалоба в высшие инстанции, — всю это муть никудашнюю. И тихо занимайся своим делом, да не забывай подкармливать эту братию. Я не знаю, чем ты на хлеб зарабатываешь, но никогда не качай права перед властями! Читала «Ревизор» Гоголя? Двести лет прошло, а мало что изменилось. Нынешний бюрократ стал нахрапистей. Аппетит и амбиции его сильно возросли. Скажу тебе по секрету, — водитель резко крутанул руль и перешел на шепот, — русский человек никогда своих чинуш не победит! Нас спасет от них лишь иноземное владычество. Ох как я хотел бы, чтобы нас завоевала Европа! Ихний комендант города, какой-нибудь итальянец или голландец, мне во сто крат милее собственного градоначальника! Смотришь европейские фильмы, читаешь книги, наблюдаешь по телику дебаты в Страсбурге — народ-то вполне симпатичный. И почему только наши правители не открывают Россию, чтобы сюда публика хлынула, обжила наши безбрежные пространства? За Волгой ведь пустоты! Людей не сыщешь! Вымерли! Один человек на два километра! Да, русский народ вымирающий! Если так дальше пойдет, то через пятнадцать—двадцать лет за нами сохранится лишь небольшая европейская часть. Останется миллионов семьдесят населения. Тридцать процентов из них опять будут жить в нищете, сорок — в бедности, остальные проедать нажитое. Династия Романовых три века привлекала иностранцев в Россию, давала им земли, налоговые льготы, культурные автономии. Вот бы и сейчас такую же политику! Только в Германии более двухсот тысяч человек ежегодно покидают родные места и расселяются по миру. Привлечь бы их к нам, даже, пожалуй, заманить. Ведь прямая выгода! Немцы — народ дисциплинированный, талантливый, работать любят. А Израиль как поднялся! Выходцами из России он окреп, вышел в мировые лидеры по многим экономическим пока-

зателям. Дать каждому еврею по пять гектаров земли бесплатно, так они своими кибуцами заполнили бы Россию. Тогда мясо и рыба, овощи и фрукты наконец появились бы в магазинах не по бешеным, а по доступным ценам. Рабочие места возникли бы, зарплата подросла до европейских стандартов, приличное жилье появилось, жизнь обстроилась! А то живем как в XVIII веке, а продолжаем наращивать грозное оружие! Никто у нас не признается, — тут голос шофера совсем притих, — что третья мировая война, начатая в 1951 году, в 1989-м была проиграна. Мы оказались проигравшей стороной, поэтому и развалились. Это была война экономических и технологических потенциалов. Идеология гналась за миражом и канула в Лету. В 2009 году, после мартовского декрета президента Обамы, разрешающего исследования стволовых клеток, то есть бюджетное финансирование геномной инженерии, началась четвертая мировая война. Она станет глобальным генетическим и демографическим противоборством. Тот, кто победит в этой, видимо, последней войне, окончательно овладеет миром. У нас на это обстоятельство никто не обратил внимание. Я уверен, что и в ней мы проиграем. Я не паникер! Но в жизни, куда нас насильно погрузили, ничего нам не светит. Я русский офицер, а из меня жизнь сделала артиста. Моя роль — угождать власти. Чем больше в этом низменном деле я наработаю мастерства, тем прочнее окажется мое положение. И это не абстрактные рассуждения. У меня семья, трое детей! Значит, я кругом зависим. И таких, как я, множество! Кому передать обязанности по уходу за детьми? Ведь кормить и одевать их нужно ежедневно. Так что ссориться с властью — непрактичное мероприятие. Уступить — выгоднее! Ты меня поняла, дочка?

— Спасибо за наставления. Но я пойду своей дорогой, быть может, тернистой. Жизнь надо исправлять каждому. Я сама не знаю, но во мне что-то совершенно новое проснулось. Хочется что-нибудь конкретное и полезное сделать для себя, потому что я вдруг поняла: если моя жизнь изменится к лучшему, то и другому она принесет добрые плоды. Значит, вся Россия поменяется, и все ее граждане начнут свою страну по-настоящему любить и уважать. Я ценю ваши советы, но у меня другая точка зрения. Я не жду, что российскую жизнь изменят из-за рубежа. Хочу, чтобы я сама, вы и

все мы были способны ее улучшить. Поэтому я вступлю в схватку с этим мерзавцем. Не хочу, не позволяю себе думать, что проиграю. Но если даже так окажется, то не стану опускать руки, а снова и снова буду вступать с ними в борьбу. Вопрос должен стоять так: мы или они!

— Прости, пожалуйста, кто ты по национальности?

— Русская. Местная.

— Не верю. Твой характер не типичен для русского человека. В твоей родне кто-то из баб согрешил.

— Не знаю. Но для меня русский — тот, кто любит Россию и живет в ней. Поэтому вопрос о национальности несколько устарел. Скажите сейчас, уже без инспектора ГИБДД, вы действительно убеждены, что я пьяна?

— Я и тогда понял, что это был гаишный наезд. А что мне делать? Лишиться куска хлеба? Прекрасно понимаю, что ты или кто другой, попавший в аналогичную ситуацию, будет считать меня низким человеком. Но если я не принесу домой продукты, то мои домашние будут называть меня таким же никчемным. Словом, жизнь обступила со всех сторон. Когда там и сям одинаково плохо, действуешь по наитию, несешь ответственность за семью. А в какую же сторону мне развернуться? К постороннему или к семье? К чужому спокойствию или к своему несчастью? Выглядеть сознательным гражданином для случайного встречного или заботливым мужем и отцом для своего семейства? Однозначного ответа нет! Демагогам легче, они могут наплести что угодно. А суть-то останется прежней! После отставки, познакомившись с реалиями гражданской жизни, я решил держаться исключительно за свое, кровное. С горечью осознаю, что не совсем прав, есть какая-то пока неведомая правда, но другого выбора в нашей стране пока не найти. Ведь семью хочется иметь, радоваться, что дети сыты и довольны. Ложиться в постель к счастливой, ласковой жене, а не к раздраженной ненавистной тетке. Прости, дочка, за лжесвидетельство... Если ты меня не поймешь, не простишь, то не русский ты человек, а пришелец из-за бугра. В таком разе мне и прощения просить не надо, ни к чему оно. Иностранцы на нашу колобокую жизнь другими глазами смотрят.

— У вас своя правда, а я хочу найти свою. Я вас не прощаю, но понимаю ваш выбор. Давайте не будем друг друга

перевоспитывать. К советам останемся глухи. Я хочу строить свою жизнь согласно собственным воззрениям, формирующимся в моем сознании... — В ее голосе проступало удивление. Она сама никак не ожидала, что способна на такого рода дискуссии, что владеет таким словарным запасом и способностью с твердостью отстаивать свою позицию. — Не представляю интеллектуала, наставляющего своего ближнего, а тем более постороннего. Представьте себе Гоголя, о котором вы недавно вспоминали, пристающего с нравов-чтениями к своему племяннику, кучеру или даме полусвета. Чуть невозможная. Может, во мне проснулась максималистка? Но этого типа в погонах я так просто не оставлю. На него необходимо оказать самое жесткое правовое давление. Хочу верить, что добьюсь правды. А по поводу того, что иностранцы на нашу жизнь как-то по-особенному смотрят, не соглашусь. Они просто оглядывают нас с искренним недоумением. И есть чему дивиться: наша жизнь не поддается никакому социальному осмыслению. Ее просто нельзя понять. Почему народ с тысячелетней богатой историей никак не может реформировать систему отношений так, чтобы наконец заработал закон. Больше ничего не надо, достаточно лишь наладить правовые отношения между гражданами и властью. Казалось бы, просто — все изменить, адаптировать нормы к мировым социальным стандартам. Ведь опыт в других странах накоплен огромный. Но нет в нашем обществе для этого сил и умов...

— Но ты тоже грешил наставлениями...

— Может быть, но у меня это мысли вслух. Я их не навязываю. В своем одиночестве чувствую больше силы, чем в любом виде партнерства, поэтому весьма далека от желания увещевать вас.

— Я уже говорил, что нет в тебе русскости, ты другая, инородная. А наш народ отличается терпением, в нем есть и вспыльчивость, и самодурство, но рассудительность: от-решенность, не публичная активность. И мы счастливы в своем несчастном положении. Восторженно кичимся своей непохожестью, а гармонию находим в разбалансированности социальных устоев. Существование, выстроенное по образцу швейцарского часового механизма, нам вредно и некомфортно. Очень редко у меня возникает желание что-

то изменить, и не в глобальном общенациональном масштабе, а в собственном скромном кошельке или в обветшалом доме. Эти фантазии всегда наталкиваются на преграду смирения — нашу российскую сущность. Вполне возможно, что именно православие наделило нас этой особенностью.

После этих слов водитель закурил едкую «Приму» и замолчал. Лоскуткина несколько мгновений пристально смотрела на него своими голубыми глазами. Ее уязвляло глумление над российской реальностью, она была смущена позицией отставного военного. Искренне страшило, что мировоззрение таких людей, как он, может доминировать на просторах родной страны. Молодая женщина отвергала, как соблазн, мысль, согласно которой сохранение и развитие России связано прежде всего с терпением и стоическим восприятием действительности. В полном молчании они ехали минут сорок. Катерина постоянно поглядывала в окно и в какой-то момент заторопилась:

— Остановите, пожалуйста! Я приехала. Спасибо. — Она вышла из автобуса.

«Кляузная телка, — выругался про себя шофер. — А впрочем, может, она права! Но в любом случае чужие руки для обновления нашей жизни надежнее. Пусть они будут итальянскими, немецкими, французскими. Не стану возражать, если соотечественники, вроде этой девицы, начнут в стране реформы. А я хочу думать только о своем, за свое бороться, свой персональный интерес защищать, надев на себя маску законопослушного обывателя. В этой главной роли — что мне остальной мир, пусть даже с реформированным устройством! С одной идеей в голове не проживешь, семью не прокормишь, не обуешь. Я готов стать лишь участником демонстрации, венчающей приход нового порядка на западный манер. Но не буду посвящать себя ежедневной конфронтации с властью даже местного значения, а тем более с постовыми ГИБДД... Они, да-да, могут лишить меня куска хлеба, а этого допустить нельзя. Без таланта и терпения чужими руками из огня горящие угли выносить тоже не получится...

Довольный ходом своих мыслей, водитель включил скорость, и автобус покатило дальше. Дым дешевого табака вызывал обманчивое ощущение устойчивости и даже некоторого уюта.

Катерина, приволакивая левую ногу, пересекла молодой березовый лесок, вышла на околицу и уперлась взглядом в покосившийся дом старухи-знахарки. Солнце висело над землей желтым абажуром. Катерина заметила, что ее тень напоминает горбатого лилипута. Впрочем, молодая женщина лишь усмехалась отражению на утоптанной деревенской дорожке, торопясь к своей цели. Калитка была открыта. Лоскуткина неуверенно вошла на участок, подошла к двери и несколько раз позвала:

— Баба Нина! Баба Нина!..

Никто не ответил. Тогда она толкнула дверь, и та легко подалась. С порога молодая женщина еще раз обратилась к хозяйке:

— Баба Нина, вы здесь?

Только после этого она услышала слабый голос:

— Кто тут?

— Это я, Катя Лоскуткина. Можно к вам?

— А, входи, входи, милая... — отозвалась старуха. Голос был надтреснутый, тихий.

Гостя застала знахарку в постели. Та лежала в затемненной шторами спальне. Голова ее была повязана белым вафельным полотенцем, руки, скрещенные на груди, держали деревянный крест. Он был с дверную ручку величиной, потемневший, чем-то похожий на старческие руки. Над кроватью висел образ Богородицы, украшенный выцветшими бумажными ромашками.

— Давно не виделись... Что тебя принесло, Катенька? Меня нынче редко кто вспоминает, — обиженно выговорила баба Нина. — Старость... Слово осуждение на одиночество. Забывают все, даже те, кого спасала от смерти. Сейчас, правда, у меня нет никакой мощи собирать лесные травы, лечить людей, проведывать больных. Сил осталось лишь на то, чтобы по-христиански преставиться. Пора! Пора! Бог зовет к себе! Каждый день по несколько раз с Ним разговариваю. Он утешает, говорит, что и *там* мои скромные знания могут понадобиться. Так что готовлюсь к встрече с Ним... Ты небось по делу? Зачем бы иначе ехала? Проведать старуху, принести ей свежую булочку, спросить о здоровье, постирать белье? Конечно, нет. Рассказывай... Что у тебя на сердце?

— Даже не знаю, с чего начать... Проснулась я сегодня после дневного сна и себя не узнаю. Словно околдованная. Хочется все менять, перестраивать, но начинать надо с самой себя, чтобы потом кардинально перестроить наш российский дом. Появилась во мне невероятная тяга к социальному действию, предпринимательству, сопротивлению несправедливости. И при этом захотелось стать красивой, здоровой, модно одеваться, богато жить. С чего бы это, баба Нина?

— Такое случается. В человеке вдруг просыпается ангел или зверь. Либо он впадает в полную отрешенность. Это может быть после серьезной травмы или тяжелой болезни. Помню, после инсульта ты не долечилась, пропала. Даже весточки от тебя не было. А я ждала, переживала. Есть ли осложнения?

— Да, на левую ногу прихрамываю.

— Что с ней?

— Не слушается, приходится волочить ее.

— Попробуем вылечить. Что еще?

— Пока все!

— Это единственная причина твоего приезда?

— Нет... Со своим недугом я смирилась, меня даже убедили, что он неизлечим. Я приехала к вам... прибыла к вам... предложить одно прибыльное дело. У меня есть небольшой стартовый капитал, можно попробовать. Вначале я одна стану собирать лечебные травы. Раньше у меня это неплохо получалось. Вы меня даже похваливали. Потом станем нанимать помощников, вы будете давать советы, против каких болезней разные травы, что с чем смешивать, какие купажи и настойки готовить. Создадим фирму, оформим отношения в нотариальной конторе, станем на налоговый учет, а готовую продукцию начнем поставлять на потребительский рынок через рекламу и аптеки. Будет у нас сеть торговых агентов. Увеличим оборот — наймем юриста, который поможет получить патентную защиту наших лекарств. Это весьма важно для развития собственных брендов, а значит, общих доходов. После этого купим участок земли недалеко от железной дороги и приступим к строительству небольшой фабрики лекарственных растений. Скажем, около тысячи квадратных метров. Близость к транспортным коммуникациям

позволит нам эффективно конкурировать на рынке сбыта, а обширная территория — достраивать заводские цеха, увеличивая производственные мощности, снижая отпускные цены. Это существенный момент в концепции развития предпринимательства. Не надо забывать и о кадровой политике. В институтах Красноярска, Новосибирска, Иркутска будем постоянно вести поиск талантливых выпускников. И не скупиться на окладах. Тот, кто хорошо работает, должен получать приличную зарплату. Если вы мне доверитесь, станете моим партнером и консультантом, я в ближайшие год-два подниму фирму, выйду на высокие прибыли. Вместе мы поможем тысячам излечиться от болезней. Я подсчитала: сибирская потребительская корзина лекарственных растений составит около пятидесяти миллионов долларов, а весь рынок страны — около трехсот миллионов. Есть за что бороться. Потом замахнемся на экспортные программы. А они таят невероятные возможности. Можно оборачивать сотни миллионов долларов. Для успеха на мировых рынках я буквально завтра начну изучать иностранные языки. Интернет поможет мне ознакомиться с потребительским спросом разных стран. Что скажете, баба Нина? Ведь перспектива весьма заманчива. Есть для чего жить, ради чего на ноги встать.

— Если б я могла смеяться, залилась бы хохотом на весь день, — с трудом улыбаясь, прохрипела старушка. — Мне уж восемьдесят семь. Я днями ожидаю преставиться, а ты рассказываешь непонятными словами о чужом деле. Я тебя не понимаю. Скажи просто: что тебе нужно?

— Хочу знать все ваши лекарские секреты. Какой купаж трав вылечивает от бесплодия? От рецидива инсульта, от пневмонии, гепатита, псориаза, импотенции, язвы желудка? Сможете мне об этом подробно рассказать? Подсказать дозы целебных трав в купаже отвара? Порции и время приема лекарств, необходимых для выздоровления? Надеюсь продолжить дело, которому вы отдали всю жизнь. Согласитесь помочь мне? Могу заплатить за обучение — деньгами, чем угодно... Помогите мне, баба Нина...

Старуха закрыла глаза и долго лежала неподвижно. Прерывистое дыхание выдавало в ней жизнь. Наконец она открыла глаза, пристально уставилась на Лоскутку и вымолвила:

— Нет, не смогу. Нет сил! Нет желания! Будущего у таких баб, как я, тоже нет. Дерзновенных желаний и по-давно. Лучше принеси-ка из ларька леденцы, мое детское лакомство. Перед смертью хочу детство вспомнить. Не прерывай своими планами желание мое тихо проститься с этим миром.

Катерина выскочила из дома и понеслась к деревенскому ларьку. Через пару минут она вернулась с кульком конфет. Несколько штук сразу высыпала на блюдечко, стоящее у кровати.

— Дай потрогать кулек, — едва слышно попросила старуха.

Молодая женщина выполнила ее просьбу.

— Восемьдесят лет прошло, а бумага не изменилась, — слабо улыбнулась знахарка. — Как была грубая и желтая, такой и осталась... А что конфетка? Поднеси ее к моим губам. Запах тот же, и вкус прежний. Мало что меняется на наших просторах. Скажи, Катенька, сможешь меня похоронить по нашему обряду? С отпеванием...

— Не торопитесь умирать!

— Еще раз спрашиваю, сможешь?

— Конечно, все организую как положено...

— Обещаешь?

— Клянусь!

— Под подушкой у меня кошелек. Достань его, пересчитай деньги. На похороны копила, но соседка, обещавшая проводить меня в последний путь, раньше скончалась. Теперь тебе доверяю. Отпевание, панихида, кутья с вином — вот и все. Скромно и тихо. Как вся моя долгая жизнь. Если не все деньги истратишь, то остаток, не стесняйся, раздели пополам — себе и приходу, поровну. Он нынче слаб доходами, а хоронить людей надо. Последние пятнадцать лет я ни разу не слышала крика ребенка. Так что к могиле привыкла. У нас тут полная тишина. Сколько их в кошельке, посчитала?

— Девятнадцать тысяч.

— Хватит?

— Не знаю. Никогда не приходилось...

— Вот-вот, узнаешь, что почем.

— У меня есть деньги, я сама заплачу.

— Нет, Катенька, я не беспризорная, хоронить себя за чужой счет не позволю. Поклянись, что не обманешь старуху, не присвоишь все мои гробовые.

— Что вы, баба Нина, я на такое не способна. Клянусь памятью мамы, которую вы хорошо знали, что выполню вашу волю.

— Там... на книжных полках... сверток. В нем записи всех моих секретов. Дарю тебе их. Не торопись врачевать. Ты с детства научилась собирать полезные травы, а теперь учишься их применять. Не простое это дело... Учение много времени потребует. Давай, ищи... А теперь выйди во двор, твой приход утомил меня. Садись на лавку и читай. Я засну, — произнесла она глухо и закрыла глаза.

Лоскуткина легко нашла пачку старых записей и, взяв их, бесшумно вышла. Устроившись на лавке под яблоней, стала просматривать пожелтевшую рукопись. Почерк лекариши был убористый и ясный, язык простой. Уже через несколько минут Катерина стала понимать, как организовывать будущий бизнес. Она нашла записи, связанные с собственной болезнью, и рекомендации, каким образом можно избавиться от осложнений. Рецепт для нее был подчеркнут. «Баба Нина меня не забывала. А я, дуреха, не нашла времени появиться у нее с гостинцем, чем-то помочь, — горько упрекнула она себя. — Неужели можно избавиться от недуга, которым я страдала уже двенадцать лет?» Часа три она провела за чтением. В какой-то момент молодая женщина решила заглянуть в дом. «Как там моя баба Нина? Может, ей что-нибудь понадобилось?»

Когда Лоскуткина вошла в дом, там стояла полная тишина. Катерина насторожилась. Подошла поближе к кровати. Крест выпал из рук бабы Нины, скатившись на пол. Щеки ее впали, четко очертив скулы, нос вытянулся, стал остреньким, бездыханным. «Умерла, скончалась, — подумала Катерина, чувствуя комок в горле. — Что теперь делать? Известить участкового, вызвать врача для освидетельствования, сообщить церковному старосте... Еще собрать соседей и назначить день похорон. Кроме меня, этим некому заняться. Родни у бабы Нины нет».

На прощание с известной целительницей собрались стрешневские жители и многие из соседних деревень. Все-

го пришло около тридцати человек, в основном старухи. Пара местных мужиков, пришедших на похороны, донимали Катерину просьбой до кладбища поставить водки, дабы достойно помянуть бабу Нину. Погребение прошло быстро и тихо, но в целом по-христиански. Поп, отслужив заупокойную, поспешил хлебнуть стакан водки, потом другой, заел бутербродом, после чего тут же удалился. Поминальный стол выглядел весьма прилично. На закуски молодая женщина не поскупилась. Еды было предостаточно. Некоторые даже брали с собой, аккуратно заворачивая в салфетки. Катерина подала гостям также водки, красного и белого вина. Когда поминки закончились и народ стал расходиться, Катерина убрала со стола. Оставшись одна в осиротевшем доме, зная, что никаких родственников у бабу Нины нет и претендовать на обветшалое жилище некому, она после недолгих раздумий решила пожить в избе. «Позже надо ее выкупить, потом серьезно перестроить и обновить. По закону, если наследников нет, правопреемником жилья должен стать муниципалитет. Там и надо поговорить о торгах. Цена не должна быть высокая. Тысяч двадцать, никак не больше. А обновление потянет на сто пятьдесят тысяч рублей».

Она устроилась на старом диванчике. Сон долго не шел. Мысли о перестройке собственной жизни, перебивая одна другую, еще долго занимали воображение Катерины. Впервые в жизни ей страстно хотелось творить, основать свое дело, управлять капиталом, создавать свой особый мир. Некая музыка созидания еще долго будоражила Лоскуткину, укрепляя веру в собственные силы, в правоту нового мировоззрения. В какой-то момент она вспомнила случай с инспектором дорожной службы. Молодая женщина тут же вскочила с дивана, нашла несколько листов бумаги и стала писать жалобы в разные инстанции. Первую адресовала в Красноярское управление внутренних дел, вторую — в краевую прокуратуру, третью — в городскую милицию, следующие — мэру, начальнику департамента ГИБДД России и министру внутренних дел в Москву. Она описывала случившееся, а в конце задавала вопрос: почему инспекторам, копирующим законы страны, доверяют службу в органах правопорядка. Глубоко за полночь она подготовила к отправке шесть конвертов. С надеждой, что инспектор будет снят с

должности и перестанет третировать сограждан, Катерина с чувством исполненного долга уснула.

Ранним утром, найдя в хозяйстве усопшей бабу Нины мешки для сбора трав, Лоскуткина отправилась в тайгу. Проснувшаяся неумная энергия не оставляла в ней и толики сомнения в успехе своего плана. «Надо лишь работать не покладая рук, не нарушать закон и давать отпор любому мракобесию. Тогда результат не заставит себя долго ждать. Все зависит лишь от меня! От каждого из нас! Нужно сплотить людей для отпора социальной несправедливости! И тогда Россия наконец по-настоящему встанет с колен! — размышляла она. — И почему я раньше об этом никогда не думала? Каждый обращался со мной, как с половой тряпкой! Я постоянно чувствовала себя униженной. Была уверена, что такова моя незавидная судьба. Нет! Хватит! Надо взять свою жизнь в собственные руки! И эту простую мысль необходимо донести до каждого! Чем быстрее и крепче мы возьмемся за руки, направляясь к общей цели, тем явственней пробудится в нас дух свободы и уважения к личности, тем решительней мы разорвем цепи бюрократической кабалы! Ах, вот и первый цветок! Это тысячелистник — защитник от колдовства. А это княжик сибирский — он лечит болезни сердца и сосудов! Цена за килограмм — десять долларов! Ах, мой золотой ус — как раз он должен помочь при нарушениях двигательного анализатора. Его цена — четырнадцать долларов за кило... Благодаря ему я не только перестану волочить ногу, но и заработаю целое состояние. Из хатки бабу Нины можно со временем сделать музей сибирских лекарственных цветов и трав, а себе построить добротный кирпичный дом. Вот и болиголов — противоопухолевое средство. Его цена — около двадцати долларов. А если его экстрагировать, то на мировом рынке можно предлагать за сорок, а то и за пятьдесят долларов. Денег будет достаточно, чтобы закупить оборудование для капсулирования экстракта, для таблетирования других трав и цветов. Шалфей, ярутка — здесь всего так много! Уйма! А вот и грушанка — она лечит бесплодие. И стоит недешево. Надо оборудовать современную лабораторию контроля за качеством готовой продукции. Ах, ах! Сокровища под ногами! Сам капитал цветет по всей округе. Только собирай! Работай! Здесь и самосейки много.

Великолепные ботанические сорта ели, кедра, сосны. Надо в отделе лесного хозяйства узнать, существует ли запрет на сбор самосейки. Если нет, можно расширить бизнес, создать питомник по выращиванию саженцев. Они на рынке очень востребованы. Потом позволю себе приобрести «Ауди Q7», мне этот автомобиль особенно нравится. Стану одеваться по самой последней моде. Найму массажистку, начну ухаживать за телом лучшими кремами, питаться исключительно экологически чистыми, натуральными продуктами. Введу в служебный график обязательное посещение всех известных мировых ярмарок лекарств и медицинского оборудования. Появится возможность ездить по изысканным заграничным турам: Лазурный Берег, Монте-Карло, Ницца, Канны, Форте Виладж в Сардинии, Флорида и Маврикий... И почему я раньше не обращала никакого внимания на это огромное богатство, разбросанное по всей Сибири? Неужели настолько глупа была? Что же во мне изменилось? По каким причинам открылись глаза на эти невероятные возможности? Ладно! Хватит о прошлом! Начинается новая жизнь! Я должна стать не только успешной в личном плане, но и полезной стране, своему народу!»

Голубые глаза Катерины вспыхнули невероятной радостью. Тайга окружала ее со всех сторон...

Ирония бытия

Парфенчиков заглатывал ложку за ложкой. После пятой он передал мешочек молотого мака Григорию Семеновичу и взялся за булку с чаем. «Сейчас раскроется, — думал он, — тогда и появится профессор Кошмаров. Буду его упрашивать создать русмак, нанопиллюлю вечного кайфа. — Эй, очкарик! Явиться! Есть, что рассказать вам об эффекте нанопиллюли, улучшающей русский этнос. Профессор, где же вы? Я уже почувствовал, что сила маковой головки будоражит голову. Ох, как зачесался нос, шея, как подсох язык, участился пульс. Ну, где вы, Кошмаров? А, здравствуйте, приветствуем вас! Поздравляем. Ваша нанопиллюля, названная нами рукген, начала шествие по России. С первой гражданочкой Катенькой Лоскуткиной уже начались необычайные превращения. Некоторое время мы наблюдали за ней. Потрясающие изменения. Она стала совершенно другим человеком. Ее не узнать. Мы будем и дальше докладывать о ее метаморфозах. Чрезвычайно любопытно!»

— Поздравляю! Честно сказать, не ожидал такого потрясающего эффекта, — улыбаясь, присоединился Помеш-

кин. — Виртуозное воздействие, пациентку не узнать. — Он вдруг отвлекся от очкарика, его глаза вспыхнули, Григорий Семенович почувствовал торжественную кабалу волшебного цветка.

— У нас к вам, профессор Кошмаров, убедительная просьба, — вкрадчиво начал Петр Петрович. — Хотим упростить вас создать особую нанопилюлю — русмак. Если уж вы занимаетесь нанотехнологиями, то, бесспорно, сможете нам помочь. Для нас это будет великим облегчением. Отпадет необходимость высевать мак, быть постоянно привязанным к молотому порошку, к ложке, краюхе хлеба, глотку воды, чая. Если я попал в кабалу, до сумасшествия влюблен в это свое необыкновенное состояние, то маковая зависимость должна быть вечной, всепобеждающей, всепроникающей — на все времена и для всех клеток парфенчиковской плоти. Не от приема до приема, не от ложки до ложки, не от порции до порции, а тотальной! Я вообще должен состоять из кукнара! Только он дает пищу для высокой игры ума! Зачем мне другая субстанция? Дайте нанопилюлю русмак! Поставьте смелый научный эксперимент! Утрите нос мировому сообществу. Для геной инженерии ваше детище станет весьма полезным исследованием. Ну что, профессор? Соглашайтесь!..

— А что думает твой приятель Помешкин? Его тоже соблазняет вечно воспаленное сознание? Ведь вернуться вспять будет невозможно! Этот эффект будет сопровождать вас до гробовой доски, а может, и в загробной жизни, — очкарик бросил испытующий взгляд на Григория Семеновича.

— Даю официальное согласие на участие в эксперименте. Готов подписать любой документ! — Помешкин нетерпеливо замахал руками. — Мне особенно понравилось, что нанопилюля будет действовать на все времена, и даже в другом мире. Потрясающе! Невероятно! — Молодой человек усмотрел в русмаке нечто большее, чем банальную случайность. Скорее это закономерность развития собственной судьбы, в последнее время с трогательнейшим постоянством тяготеющей к абстракции.

— Но русмак совершенно не означает, что мы отказываемся от экспериментов по совершенствованию русской нации, — радостно продолжил Парфенчиков. — Читайте,

что русмак станет премией за наше активное участие в опытах с нанопилюлей рукген. Долг платежом красен. Не хочу брать вас за горло, но других исполнителей вашей научно-патриотической программы у вас нет и, по моему представлению, быть не может. Впрочем, вынужден использовать все же национальную традицию: сегодня деньги, профессор, то бишь русмак, а завтра стулья, то бишь вовлечение в эксперимент с рукгеном новых и новых соотечественников. На фоне нашего с Помешкиным безрассудства и восторга, постоянно требующих необыкновенное растение, обновленный русский человек будет выглядеть более совершенным, управляемым и дисциплинированным. Это не может не радовать ваше профессиональное самолюбие, к которому, чувствуя, вы внимательно прислушиваетесь.

— Кто станет следующим подопытным? — вежливо спросил очкарик. — Вы знаете, конечно, что эксперимент такого рода удастся лучше всего тогда, когда выбирается контрастный материал, на котором четко прослеживается динамика изменений.

— В городе опять появился Ефимкин, но уже опущенный и подавленный. Как вам эта кандидатура? Ведь я так понимаю, что вначале мы меняем плохой товар на хороший... А в этой личности много гадкого, — торопливо предложил Григорий Семенович.

— Не согласен! — перебил Парфенчиков. Следующими подопытными станем мы с Помешкиным. А потом Ефимкин и все другие по программе национального совершенствования. Впрочем, лично я не возражаю против участия и в других ваших научных экспериментах, меняющих человеческую суть. Уж очень она, эта массовая суть, с которой постоянно самым дурацким образом сталкиваешься, меня достала. Должен покаяться: в недалеком прошлом, до знакомства с кукнаром, я даже мечтал найти силы покорить с ее жутковатыми, нелепыми, отталкивающими образцами. Приколоть их на булавку, как энтомологи прикалывают экзотических бабочек на коллекционных стендах. Поразительно, какое только желание не возникнет в сознании Парфенчикова.

— Я не против Ефимкина. И тезис, что вначале мы меняем плохих на хороших, мне пришелся по душе, — усмехнул-

ся профессор. — Я тут как-то подслушал, что у вас, Григорий Семенович, заведен архив на многих граждан вашего города. Вы там что, делите публику со знаками плюс и минус?

— На многих заведено подробнейшее досье, — сухо, но с затаенным чувством гордости, подтвердил Помешкин. — Я человек аккуратный, предпочитаю во всем порядок.

— Так что, можем на вас полагаться? Вы уж точно знаете, кого первого надо изменять? — допытывался профессор.

— Так-так!

— Когда же вы ждете от меня нанопилюлю?

— Чем раньше, тем лучше, — быстро вставил Петр Петрович. — Без нее мы не продолжим эксперимент.

— А пока русский человек будет довольствоваться жалким шестнадцатым местом на интеллектуальной карте Европы. Торопитесь! — поддержал Помешкин.

— У меня есть отдельные предварительные разработки. Если успею, то появлюсь у вас нынешним вечером. Еще раз хочу предупредить: назад не проситесь. В мире грез и фантазий вы останетесь навечно. Пока! — попрощался очкарик.

— Жду не дождусь этого великого события! — усмехнулся Парфенчиков.

— Я знал, что именно к этому мы придем! Bravo! — с важным видом кивнул Григорий Семенович.

Профессор исчез. Приятели остались одни.

— Чем заняться? Какую тему избрать для размышлений? Общую или частную? — бросил себе под нос Петр Петрович, впрочем, вполне могло создаться впечатление, что он адресовал вопрос Помешкину.

— Хочу остаться наедине с собой. Одиночество для меня намного ценнее, чем общение, — тоже как бы между прочим заметил Григорий Семенович.

Было совершенно непонятно, к кому он обращался. Вроде не к Парфенчикову. Встречаются люди, разговаривающие сами с собой, но себя при этом не слышащие. В подобном состоянии, видимо, и находился господин Помешкин.

— Пойду прилягу! — изрек он, однако никуда не ушел, а как сидел за столом на кухне, так и остался на своем месте. Правда, он стал старательно тереть свой нос. Вернейшее указание на то, что молодой человек хватил лишнего. — Вот что интересно, — продолжал Помешкин, — собственная

сперма, разбросанная по углам жилища, — это дети Сущие или НеСущие? Ведь накушавшись маковой соломки, все представляешь Сущим. Но стоит мне на трезвую голову взять бинокль и приглядеться к окружающему миру, как абсолютно все представляется НеСущим. Получается, что разница между этими понятиями ничтожна или ее вообще нет. Потому что и один, и другой продукт устанавливаются воображением. Но если воображение в постоянных грезах, способно ли НеСущее установить подлинность Сущего? И наоборот? Если первый не может установить второго, то и второй не способен установить первого. Коли так, а в этом не приходится сомневаться, то я сам постоянно мигрирую между мной Сущим и мной НеСущим. А этот эффект мимикрии возник у меня лишь после счастливого знакомства с великим растением. До этого я ничего подобного не ощущал. Так что главный вопрос, который я хочу задать Кошмарову, будет звучать так: допустим, нанопилюля навечно переселит меня в мир грез, сохранится ли тогда в моем воображении это замечательное состояние — переход из одной ипостаси в другую? Оно, собственно, и очаровало меня окончательно. Пережив это ощущение, я решил всецело отдаться полевому цветку. Я даже стал реже любоваться своим Сущим, переходящим в НеСущее! После приобщения к кукнару я лишь дважды восторгался собой, разбрасывая вокруг семени жизни. Прежде такое случалось куда чаще, да что там — ежедневно! Если очкарик пообещает, что никаких значительных перемен не произойдет и путешествия из С в Н и обратно будут продолжаться, я с наслаждением приму его пилюлю. Не даст профессор таких гарантий — конечно, воздержусь. Возьму, так сказать, тайм-аут. Тщательно наблюдаю тем временем за Петром Парфенчиковым. Тут меня станет интересовать главнейший вопрос: способна ли конкретная реальность, возникающая посредством волшебного зелья, являться НеСущей? Если так, тогда ответ будет однозначный — нет! Я не стану участником эксперимента с пилюлей русмак. Но если окажется, что в мире происходит постоянная метаморфоза С в Н и обратно, между реальностью, на самом деле не являющейся таковой, и нереальным, также не являющимся оным, то в этом случае я обязательно приму нанопилюлю. Потому что искренне желаю навечно

переселиться в мир изменчивых категорий. То ты есть, то ты не есть, и никак невозможно установить: ты — это ты или ты — это не ты, а даже неизвестно, кто. То Григорий Помешкин, то Никто Никакой! Прекрасная игра между Сущим и НеСущим, между тобой и не тобой, наваждением и просветлением. В таком отвлеченном мире и должен жить человек будущего, когда ощущение себя самого настолько условно, непонятно и неконкретно, что нет никакой необходимости ни в агрессии, ни в сердобольности, ни в деньгах, ни во власти, ни в любви или ненависти. Я хочу жить в мире абстракций, где мимикрия торжествует над стереотипами реальности. Где нет грани между тем, что есть, и тем, чего нет!

Молодой человек продолжал вслух размышлять о чувственном и инертном восприятии мира. Он словно не замечал, что по кухне покойной Фатеевой из угла в угол нервно носится господин Парфенчиков, в свою очередь довольно громко рассуждающий совсем на другие темы. В данный момент Петра Петровича интересовал вопрос, есть ли что-нибудь во Вселенной, чего нельзя было бы использовать одновременно и на пользу и во вред. Он искал действие или исключительно негативное по характеру, или несущее лишь добро. Размышления такого рода предвосхищали дискуссию с профессором, который, по мнению Парфенчикова, может уклониться от поставленной задачи и не отправить его с приятелем в мир вечного кайфа.

— Если Кошмаров приведет аргумент, что русмак может оказаться двойного действия, а значит, вредным для использования, я должен в пух и прах разбить его доводы, — говорил Петр Петрович. — Но что же найти в этом огромном мире, что имеет лишь один принципиальный знак — плюс? Жизнь — это минус, потому что имеет конец. Смерть — тоже минус, потому что не имеет конца. Время постоянно сопровождают три знака: минус — все прошедшее, плюс — нечто будущее и плюс с минусом — каждый раз все настоящее. А как определить размышления, переходящие в мудрость? Это же вечный процесс. Также со знаком минус! Мудрость со временем становится банальной глупостью. А математические величины? Они вообще могут быть с разными знаками. Итак, я не могу найти ничего, действующего во все времена со знаком плюс. Это означает, что в мире у всего, доступно-

го моему разуму, имеется две стороны. И убийство человека, и прерывание беременности, и сжигание головок мака, и политическая пассивность, и социальная отрешенность, и талант, и глупость! В общем, абсолютно все! Одна сторона полезная, другая вредная. А в каком смысле глупость может быть полезной? Если мы признаем две стороны, то априори акцептируем два взгляда на события и вещи. Глупец полезен умнику. Им легче манипулировать, доход присваивать. Так и маковый цветок. Он Петру Петровичу чрезвычайно полезен. Мое замкнутое на маковой головке сознание превосходит самоуверенный мир любого не похожего на меня умника. Для иного же мак — смертельное растение. Одним словом, на провокации очкарика отвечать не стоит. Да будут ли они? Вряд ли профессор решится на какой-нибудь шантаж. А если подсунуть ему его же нанопиллюлю? Как он изменится, а? Да, точно! Вначале он снабжает нас русмаком. А уж потом мы тайно даем ему рукген. И в полной безопасности наблюдаем за его метаморфозами. Если он отправляет нас, правда, по нашему согласию, в невозвратное путешествие, то и от нас получит весьма эффективное послание. Кошмаров и без межнационального генетического купажу достаточно умен, а нанопиллюля сможет поднять его ай-кью до 140. Это наивысший умственный показатель. Он отличал Шопенгауэра, Достоевского, Эйнштейна, Макса Планка, Леонтьева, Бора, Кейнса от всех остальных. Тогда невероятные способности очкарика засверкают как грани алмаза. После преобразования профессор будет способен щелчком пальцев улучшить российскую породу, усовершенствовать массы людей, особенно бюрократов и чиновников. Впрочем, конечно, и всех умственно отсталых, недоношенных и недоделанных. Так сказать, двоечников и троечников, армейских прапорщиков и милиционеров. Гриша, а, Григорий? Слышишь? — позвал Петр Петрович Помешкина. — Мне тут мысль пришла, после получения русмака тайно одарить профессора его собственным изобретением — нанопиллюлей рукген. Что скажешь?

— Для чего? — Григорий Семенович поморщился, не до конца еще придя в себя после напряженных размышлений.

— Чтобы он одним махом смог изменить российский люд, поднять его на высокие места в интеллектуальной карте

Европы и всего мира. Благородное дело сделаем. Согласен?

— Как хочешь. Мне все равно. Я другой темой занят. Любовь к родине для меня совершенно нездоровое чувство, возникающее у людей, не способных вынести социальные противоречия или удары судьбы.

— Вот только думаю, как ему ее подсунуть? Он никогда у меня не только не ел, но и не пил. Куда же спрятать пилюлю, чтобы она в его желудке оказалась? Имеешь идею? Ничего в голову не лезет.

— А ты его когда-нибудь угощал?

— Что у меня есть, кроме молотой головки и краюхи хлеба?

— Поставь на стол пирог и три блюда. В наши тарелки положи куски пирога. Можно даже надкусить их. Рядом поставь чашки с чаем и сахарницу. Как будто мы едим. В третий ломтик вложи нанопилюлю. Встретив нас за чаем, вполне возможно, он сам захочет присоединиться к скромному застолью... Выпить чай и съесть пирог. Это не должно вызвать никаких подозрений. Если промолчит, скажем, постесняется, можно не очень настойчиво, даже несколько небрежно, пригласить к столу. Но, конечно, насильно в рот ничего не запихнешь. Другого варианта не вижу.

— Так и сделаем. Я схожу в кондитерскую. Надеюсь, она открыта. Кризис, многие разорились... До скорого!

Шел восьмой час вечера. Молодые люди приготовились к встрече с Кошмаровым. Парфенчиков то и дело выкрикивал: «Явитесь, профессор! Мы вас заждались! Третью чашку чая пьем! Ау! Хватит мучить друзей! Ау! Обещали же к вечеру шагнуть в гости...»

Наконец перед глазами возник очкарик.

— Как дела, друзья? — поинтересовался он.

Огляделся и про себя заметил: «Что это они вдруг чай с дорогущим пирогом распивают? Раньше такого не наблюдалось. План какой-то наметили? Если сами не предложат чаю, то выпью, если пригласят к столу, откажусь. Вдруг они в пирог пилюлю мою внедрили, меня накормить собственным изобретением захотели? Чудаки... Какие бы цели ни преследовали, некрасивая эта затея. Я же к ним по-дружески... Одним словом, пока жду!

Вслух он сказал бодро:

— Приготовил я вам русмак. Гарантию качества дать не могу, но, кажется, с ним все в порядке. Может, все же, попробуем с кем-то из вас? Кто первым готов принять пилюлю?

— Я, — торопливо бросил Петр Петрович. — Ведь абберрация реальности, особенно даже собственной личности, меня интригует больше, чем холодное, неумолимое здравомыслие.

— Я, — вдогонку выкрикнул Помешкин. — Приверженцы волшебного цветка постоянно стремятся к одиночеству, уверовав, что исключительно в этом состоянии возникают галлюцинации, предвестники творческого осмысления самого себя. В какой-то момент в голове начинает гнездиться мысль, что только дух суверенен, лишь он определяет человеческую сущность. А воля не свободна, она подвластна чужим желаниям, искаженно отражает сущность.

— Компромисс... Давай начнем вместе! — предложил Парфенчиков. — Вместе задумали, вместе и приступим. Потому что оба постоянно стремимся заглядывать в мир, о существовании которого не имеем ни малейшего представления. А вы, профессор, тем временем чаек с пирогом откушайте. Вкусно!..

— Господин Кошмаров не хочет. Что ему наш пирог? — недовольно заметил Григорий Семенович. А про себя подумал: «Чего это Парфенчиков раньше времени карты раскрывает. Умник».

«Значит, заговор! — пронеслось в голове очкарика. Тогда и я вам свинью подложу. У меня с собой всегда сюрпризики найдутся. Посмотрим, чья возьмет».

— Нет, друзья, — отказался он решительно, — вы же знаете, я никогда не ем и не пью. Делаю это не из предосторожности, а исключительно по рекомендации врача. Он прописал мне специальную диету, так что благодарю сердечно. Ну что, начали? Предупреждаю, обратной дороги нет. Она невозможна! Прощаться не буду, так как от случая к случаю стану вас навещать. Уверен, что скучать не будете. С такой энергетической мощью разве заскучаешь? Вот вам по две пилюли на каждого... Приступайте! — тут он как-то странно усмехнулся.

— Почему по две? — спросил Помешкин.

— А мне все равно — по две, по три, по пять... Чем боль-

ше, тем ярче состояние. Может, добавьте, профессор? — попросил Парфенчиков.

— Первая пилюля дает кайф, вторая обеспечивает его действие на вечность. А тебе, Петр Петрович скажу: этого достаточно. Я себе не позволяю перебарщивать и другим не советую. Пожалуйста, заедайте пилюли своим кукнаром. Какой силы опьянение вы получите, в таком останетесь на все времена.

— Здорово! — обрадовался Петр Петрович. — Раз так, поехали! — И он запил зелье холодным чаем. — Хорошо! Прекрасно! Если раньше вполне цивилизные страны с некоторыми человекоподобными типами, не вписывающимися в свод законов, поступали торжественно и радикально — укорачивали их на голову, то я, как субъект суверенной культуры, являюсь приверженцем другой идеи: готов немедленно выбросить все, что ниже головы, в мусорный сборник. Потому что Петр Петрович не подвержен тяжелейшим людским грехам, он не искушается плотью, его благодать — очарования спектаклей кукнара. Для этого и одной головы недостаточно!

За ним пилюли принял Помешкин.

— Горьковато! — поморщился он.

— А я удаляюсь, — начал прощаться Кошмаров. — Чуть что — зовите. Не обещаю, что на всякий крик приду, но пытайтесь. Достучаться можно всегда. У меня память неплохая. Все запоминаю, особенно дурацкие затеи...

Его уже никто не слышал. А он продолжал про себя: «Моя месть не такая уж злобная. Несколько лет проваляйтесь в принудительной психушке. А я буду следить за вами в дни просветления. Покаетесь — верну на сибирские просторы, нет — прощайте, господа! Мир, в котором вы нынче пребываете, останется с вами. Где в нем реальность, а где преследуемые наваждения, я и сам понять не в состоянии. Так что в желтом доме вы или в хате помершей Фатеевой — по большому счету, без существенной разницы. Когда воспаленность разума превыше всего, а игры взбалмошного ума являются приоритетом бытия, то пространство, в котором обитаешь, никакого смысла не имеет. Главное для вас объемы и горизонты сумасбродных фантазий. Так что мое наказание вам — ласковое, приятельское, научное. Хочу по-

наблюдать за вами глазами исследователя-генетика. Пока!»

После семи ложек с бугорком, выпитых на одном дыхании, Петр Петрович довольно заулыбался. Доза-то была принята лошадиная. Он заел кукнарчик ломтиком хлеба, опустил на пол и стал ждать того самого замечательного мгновения, названного приходом, из-за которого без памяти влюбляются в маковую головку сотни тысяч наших сограждан. Но нынешнее состояние Парфенчикова было особенно восторженным. Обещание профессора, что мгновение счастья растянется в бесконечности, вызвало истинное обольщение. Такого великого подъема духа Парфенчиков не испытывал никогда в жизни. Это счастливейшее состояние больше никогда не покинет его. «Ни-ког-да! Ни-ког-да! Ни-ког-да! — то и дело проносилось в его голове. — Ох как это сладко звучит! Как истинный гимн победы! Торжество безграничной свободы над царством извращенного потребления. Ой-ой, как прекрасно!»

— Началось! Чувствую, как ворвалась в мою плоть и сознание вселенская сила, — начал шептать себе под нос, даже несколько таинственно, словно заговорщик, господин Парфенчиков. — Ой, понесло! Волшебный натиск сокрушает на своем пути все преграды биологической сущности Петра Петровича. А нужны ли они мне? Нет! Тьфу! Давай-давай, разрушай меня всего, полностью, основательно, оставь лишь возбужденный разум, воспаленное сознание и желание носиться по лабиринтам наваждений. Ой, какой божественный кайф! Какое утонченное состояние! Какой удар колдовской, пьянящей стихии! Ой-ой, Петр Петрович! Такого еще никогда не было — из ануса потянуло жаром восторженного шлейфа. Что за радость! Что за легкость во всем теле! Я оторвался от земли, начал витать, воспарил, я в небесах, на магических качелях. Кайф — это я, восторг — это я! Хочу, мечтаю закричать на весь мир — какое чудо сотворил со мной очкарик. Милейший профессор! Гениальный тип! Бог чувств и наслаждений! Господи, разве может быть так прекрасно, разве позволительно обладать таким великим счастьем? О, маковый цветок, — ты взезмное божество, ты вселенский праздник, ты — сама вечность. Мне так замечательно, что чувства заслонили сознание, заплетается язык, прерывается дыхание, пропадает пульс, замирает вся био-

логия, я полетел... Погружаюсь в нирвану вечности, уже нет сил говорить с собой... Нужны ли они... Ой-ой... о... о... Хм-хм... хм... хе-хе-х...

Помешкин в эти минуты занимался исключительно собой и на окружающее не обращал никакого внимания. Дозу в три ложки он принял впервые, поэтому был несколько обеспокоен, постоянно прислушивался к пульсу и теребил нос. Он желал въехать в вечность в состоянии крепкого кайфа, но не полностью провалиться в него, а, так сказать, с прищуром, то есть иногда поглядывать на мир, с которым он прощался. Маковая атака на сознание началась быстрее, чем он ожидал. Вначале возникло ощущение взлета. Потом Григория Семеновича понесло на русской тройке вороных коней, но не по заснеженным полям, а по штормящему морю. Странно, но брызги никак не долетали до его разгоряченного лица. А ему так хотелось свежести.

Вдруг все исчезло и он оказался на кровати в совершенно незнакомом месте. В голову опять полезли мысли, донимавшие его давеча: является ли он, Помешкин, существом Сущим или НеСущим? Или одновременно он существует в двух ипостасях? Ему захотелось докопаться до существа вопроса: если он одновременно и С и Н, то при каких обстоятельствах и с помощью какой силы происходит эта метаморфоза перехода из одного состояния в другое? «Вот, например, — говорил он сам с собой, — я сейчас чувствую себя НеСущим субъектом. И даже если я начну бить себя, то никакой боли чувствовать не буду. — Он действительно начал хлестать себя рукой по лицу и голове. — Совершенно никакой боли. Разве это не доказывает, что я существо Н? А если я начну биться головой об стенку. — Он на мгновение задумался. — Да-да, давай попробую! — Молодой человек пару раз с силой ударил головой о стенку и без удивления заметил: — Тоже нет никаких болевых ощущений. Значит, верно, — я субъект Н. В этот момент он почувствовал теплую жидкость, стекающую с носа. — Что это? — На руке была кровь. — Странно, — подумал Помешкин, хотя сразу добавил, что ничего странного в этом нет. — Эта улика доказывает, что во мне два начала — Сущее и НеСущее. Но весь вопрос заключается в интриге — при каких обстоятельствах я — С, а при каких — Н. Надо с кем-нибудь посоветоваться.

Может, кто подскажет? — С этой мыслью, он прошелся по жилищу, пока в одной из комнат не наткнулся на мужчину, вразвалку лежащего на полу. Помешкин пнул его ногой: — Эй, парень, не желаешь высказаться по вопросу, над которым я ломаю голову? Что является силой, трансформирующей меня из состояния Сущего в субъект НеСущего? Ведь интересно поставлен вопрос? Занимательно? Чего молчишь-то? Сам небось над этим вопросом не раз ломал голову. А? Вот я сейчас дам тебе по физиономии. Скажи, ты почувствуешь это? — Григорий Семенович стал на колени, пригнулся и дал мужчине по лицу один раз, потом другой, покрепче.

— Ну, что чувствуешь? А если между пальцев я вложу бумажонку и ее подожду? Отреагирует ли твое Сущее на это обстоятельство или нет? Согласен? Не отвечаешь? Испугался? Не бойся. Если я замечу по твоему лицу, что боль стала невыносимой, обязательно потушу огонек и эксперимент продолжать не стану.

Помешкин нашел кусок пожелтевшей газеты, оторвал от нее небольшой кусок, вложил его между пальцами левой кисти лежащего и поджег. Всматриваясь в отрешенное лицо соседа, он хихикнул:

— Этот тип находится в состоянии НеСущем. Очень глубоко в нем пребывает. Молодец! Надобно у него выведать, как он в него входит. Ох как замечательно чувствует себя он в своей НеСущей ипостаси! И у меня возникло аналогичное желание!

Григорий Семенович прилег рядом с Парфенчиковым, которого почему-то не признал, и закрыл глаза. Молодой человек почувствовал легкий запах гари, и представил себе, что огонь и есть та самая сила, трансформирующая его из состояния Сущего в субъект НеСущего.

Постепенно огонь перекинулся на одежду Григория Петровича. Но молодой человек совершенно ничего не чувствовал. Восторгаясь своим необыкновенным состоянием, Помешкин стал терпеливо дожидаться ослепительного, магического перевоплощения...

*То, что природа делает слепо, медленно
и безжалостно, человек способен сотворить
осмотрительно, быстро и гуманно...*

Ф. Гальтон

ЭПИЛОГ

Из московской гостиницы «Националь» на Моховой вышла красивая молодая женщина. Она была в осеннем модном костюмчике бутылочного цвета, шелковом бордовом платочке вокруг шеи и в изысканных туфлях на шпильках. На открытой груди у нее висел золотой православный крестик. Обратившись к швейцару, она спросила:

— Вы не подскажете, в какую сторону Государственная дума? Меня интересует парадный подъезд...

— Пожалуйста, поверните налево. Вниз через подземный переход. Здесь идти не больше трех-четырёх минут. Рад вам помочь, прелестная госпожа.

— Спасибо! — женщина протянула швейцару руку. Впрочем, совсем не так, как подают ее для приветствий, а так, как дают чаевые: из кулачка в полукрытый кулак.

— Весьма благодарен! — швейцар искоса взглянул на зеленую купюру и крепко сжал ее.

Молодая женщина с изящной походкой и ясным взглядом голубых глаз направилась по указанному маршруту. В руках она несла элегантную лайковую папку с табличкой «Расширение посадок лекарственных растений до 2020 года в Сибирском Федеральном округе». Ее каблучки стучали в унисон с боем курантов. Неторопливость молодой женщины говорила, что на встречу с важными людьми из нижней палаты она явится вовремя.

Только очень близкие ей люди, а таких практически не было, смогли бы узнать в ней Катерину Лоскуткину из сибирского Кана...

*Поезд № 19/20 «Восток»,
Москва — Пекин, Пекин — Москва
2008—2009 гг.*

Оглавление

Тени, как страсть	11
Источник вдохновения	48
Разгул неистовой силы	81
Поиск свободы	107
Мысли, формирующие действительность	140
Искусство чувствовать — это нечто иное	166
Музы незавершенного круга	215
Восторги...	239
Самоизбегание	288
Карусель мутаций	313
Ирония бытия	337
Эпилог	350

Благодарю начальников вышеуказанных поездов
господ Жукова В. Ф. и Венгерского В. В.
за создание идеальных условий одиночества,
весьма полезного во всех отношениях.

Александр Потёмкин

«Кабала»

роман

Редактор

Виктория Сагалова

Художественное оформление и вёрстка

Игорь Резников

Свежая голова

Елена Бекташянц

Корректоры

Марина Сергеева

Татьяна Бурлак

Издательский дом «ПоРог»

Генеральный директор

Ирина Толмачева

Коммерческий директор

Елена Анастасиева

Артдиректор

Анастасия Потёмкина

Подписано к печати 31.01.2013

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Печ. л.23

Тираж 7000 экз. Заказ № 1301800

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

В ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97